

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

В. ДАНЧЕНКО
Г. КАЛАШНИКОВ

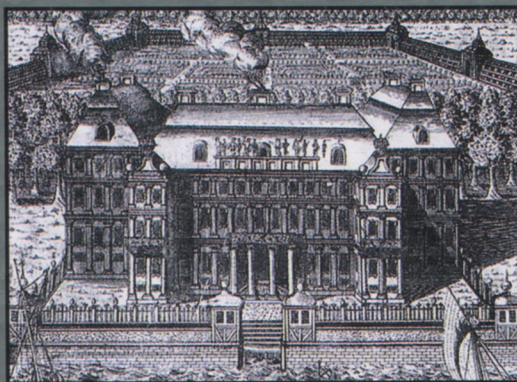

ВЛАДИМИР ДАНЧЕНКО
ГЛЕБ КАЛАШНИКОВ

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

ШКОЛА РУССКОЙ
ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ

ВЛАДИМИР ДАНЧЕНКО
ГЛЕБ КАЛАШНИКОВ

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

ШКОЛА РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ

Москва – Санкт-Петербург
ЦЕНТРОЛИГРАФ
Мим-Дельта

ББК 63.3(0)5
Д19

*Оформление художника
И.А. Озерова*

*Иллюстрации предоставлены
авторами*

*Авторы выражают благодарность
за помощь в подготовке книги
О.С. Андреевой, В.Ф. Мезеневу,
А.А. Трипольской, Г.В. Ястребинской*

Данченко В.Г., Калашников Г.В.
Д19 Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 463 с.

ISBN 978-5-9524-3213-0

Книга посвящена истории 1-го Кадетского корпуса, положившего начало «регулярному» военному (и не только) образованию в России. Впервые столь обстоятельно и увлекательно рассказывается о кадетском быте и микроклимате русской военной школы, о системе обучения и воспитания в ней, о выдающихся личностях, причастных к судьбе этого учебного заведения, и судьбах его воспитанников.

ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-9524-3213-0

© Данченко В.Г.,
Калашников Г.В., 2007
© ООО «МиМ-Дельта», 2007
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2007

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

ШКОЛА РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ

Введение

Время от времени и по разным причинам события и герои прошлого подвергаются основательной переоценке. При этом у исследователей возникает искушение увлечься излишне «новым» показом исторического действия, продемонстрировать, например, «тайные пружины» борьбы отдельных классов и политических групп или представить «современный» анализ экономических коллизий давно минувших дней. С другой стороны, естественным кажется повышенное внимание к ярким образам, персоналиям, беллетризация истории. В итоге «самая жизнь» остается где-то за скобками или, в лучшем случае, становится предметом ремарок, сделанных мимоходом. Справедливость сказанного подтверждается при обращении к истории Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, положившего начало «регулярному» военному (и не только) образованию в России и на протяжении многих лет являвшегося, по выражению Екатерины II, «рассадником великих людей». Изучая этот сюжет, немалая часть исследователей опиралась преимущественно на официальные документы, уставы, приказы, правительственные постановления, реже — на делопроизводство канцелярии Корпуса. В некоторых публикациях представлены сведения о наличии в нем театра, одной из лучших в России библиотек, типографии, музея. С другой стороны, достаточно полно изучены биографии полководцев, деятелей науки и культуры, в разное время и в той или иной степени связанных с этим учебным заведением: П.А. Румянцева, М.И. Голенищева-Кутузова, И.И. Бецкого, Ф.Г. Волкова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, В.А. Озерова и многих других.

Между тем кадетский быт, микроклимат русской военной школы, формировавшийся в течение десятилетий, ее традиции и обычаи, живая ткань воспитания военной и культурной элиты России — все это не нашло в силу ряда обстоятельств

должного отражения в известных ныне публикациях, посвященных Первому кадетскому корпусу. Кроме того, его жизнедеятельность, облик воспитанников и офицеров, корпусная геральдика играли заметную роль в становлении Санкт-Петербурга как военной столицы, вообще в истории города, что, на наш взгляд, являет собой отдельную тему. Авторы настоящей работы постарались обратить внимание на данные сюжеты, тем самым расширив привычные рамки военно-исторического повествования и представив по возможности целостную историю первой в России «рыцарской академии».

Непосредственным фоном и одновременно причиной становления системы военного образования в России стала затяжная Северная война 1700—1721 гг., в преддверии и во время которой появляются первые центры «научения» военных и морских специалистов и командного состава. Петру I настоятельно требовались «робята», сведущие в артиллерии, инженерном деле, «корабельном искусстве». К исходу XVII в. в стране отсутствовала как таковая подготовка офицерских кадров: большинству начальных людей солдатских, рейтарских, стрелецких полков было неведомо то, что в передовых европейских армиях знали и рядовые. Русскому царю приходилось в этой сфере начинать, по существу, с нуля. Для получения необходимых знаний в воинских и морских науках в Европу посылались волонтеры, в том числе и дворянские недоросли, но их число было сравнительно невелико и явно недостаточно, чтобы удовлетворить растущие нужды молодого царя в обученном корпусе командиров и специалистов. Кроме того, пребывание волонтеров за границей обходилось казне недешево, а успеха не гарантивало. Актуальными стали энергичные преобразования внутри страны.

Первым объектом реорганизации стала московская Славяно-греко-латинская академия, которая, по мысли Петра, должна была выпускать также морских и военных специалистов. Программа Академии пополнялась «армейскими и корабельными науками», в число преподавателей предполагалось включить и нескольких иностранных офицеров. Правда, на практике подобных изменений не произошло, но тенденция к частичной милитаризации общего образования была очевидной.

Уже в 1698 г. для нужд строящегося Азовского флота создается школа для обучения «морскому воинскому ходу».

Тогда же в Преображенском полку учреждена школа, где преподавали арифметику, геометрию, а также начальные курсы фортификации и артиллерии.

Через год производится набор в Пушкарскую школу; в ней постигали «разные науки» пушкарские и солдатские дети и «добирали знания» возвратившиеся из Европы волонтеры.

С начала 1701 г. на «новом пушечном дворе» в Москве учреждается Артиллерийская школа, в которой «пушкарских и иных посторонних чинов людей детей» обучают математическим и инженерным дисциплинам, морскому и «пушечно-му» делу.

В январе того же года в Москве, в Сухаревой башне, начинает действовать и знаменитая «Школа математических и навигационных, то есть мореходных хитростно наук учения». Туда принимали отпрысков из семей «людей боярских», солдат и унтер-офицеров, подьячих и конюших, духовных лиц, торговцев и пр. В разработке учебного плана школы участвовал сам Петр, который наряду с математическими дисциплинами включил в него курсы артиллерии, геодезии, навигации, астрономии, «корабельное вождение», фехтование. В течение 15 лет здесь готовили квалифицированных инженеров, артиллеристов, топографов, моряков.

В ходе войны в стране было открыто еще несколько учебных заведений разного профиля и уровня преподавания. В частности, во всех крупных портах появляются адмиралтейские школы. В 1709 г. в Москве учреждается инженерная школа, через 3 года, в 1712 г., начинает действовать еще одна артиллерийская школа под руководством командира 1-го артиллерийского полка Гинтера. Тогда же была основана и вторая инженерная школа. С 1715 г. центром подготовки флотского командного состава становится Морская академия, привилегированное учебное заведение, где кроме «корабельных наук» в программу были включены живопись, рисование, артиллерийское дело, занятия по стрельбе и фехтованию.

В Санкт-Петербурге в марте 1719 г. была «учинена инженерная рота», по существу школа, под руководством инженер-полковника Кулона. Основное внимание здесь уделялось изучению математических дисциплин, основ фортификации и гидравлики. Учащиеся занимались также практическим «устроением» эскарпов, бастионов, траншей.

В 1721 г. при Петербургском лабораторном доме открылась артиллерийская школа на 30 человек из числа состоявших на «службе при орудиях».

Наследники Петра на троне стремились в меру сил и способностей сохранить основу реформированной ранее системы государственного управления, приспособить ее к новым условиям. Не стала исключением и система подготовки военных и морских специалистов, а также офицерского корпуса. С первым делом обстояло более или менее благополучно: помимо уже действующих военных школ открывались и новые. В мае 1730 г. начала работу Артиллерийская арифметическая школа, организованная по инициативе генерал-фельдцейхмейстера Б.-Х. Миниха; в ней «пушкарские дети» постигали арифметические, словесные и письменные науки.

Подготовкой специалистов для инженерного ведомства занималась и школа, устроенная в это же время в Петропавловской крепости, где обучались дети мастеровых и откуда они «выпускались» писарями и мастеровыми же.

Довольно важной составляющей формирующейся системы учебных заведений, подведомственных военной администрации, в 20-е гг. XVIII в. были полковые, гарнизонные школы. Они учреждались в гарнизонах и при полках, причем как пехотных, так и кавалерийских. Их программа включала обучение письму и счету, учащиеся немало часов отдавали заучиванию наизусть молитв, обучались игре на дудке и барабане. Собственно «военными» в этих школах были занятия шагистикой, «постижение» основ обращения с оружием и вещевое обеспечение. Поступая в эти заведения, как правило, в возрасте от 7 до 10 лет, сыновья нижних чинов могли находиться там довольно продолжительное время, иногда с десятков лет. Успешно окончившие эти школы пополняли штат писарей и канцеляристов. Хорошая базовая подготовка, полученная в гарнизонной или полковой школе, соответствующие личные качества, наконец, фортуна иной раз помогали «солдатским детям» достичь, что называется, офицерских «степеней».

Жизнедеятельность первых специальных военных школ определялась указами Петра I или инструкциями директората. Учащиеся считались военнослужащими нижних чинов, но на первых порах жили не в казармах, которых не хватало, а на частных квартирах. Подъем происходил в начале пятого утра во

время обхода квартир дежурным капралом. По прибытии учеников в классы и произнесении молитвы начинались занятия, которые продолжались до 11.00, после чего 2 часа отводилось на обед и отдых. С 13.00 до 18.00 — снова занятия, затем ужин и в 21.00 — отбой.

Рацион учащихся наряду с мучными и молочными продуктами включал мясные и рыбные блюда, но разнообразием и обилием не отличался. Казенная одежда отпускалась на 3–4 года, а белье и обувь менялись ежегодно.

Система наказаний соответствовала характеру и тяжести проступков. Учеников могли прогнать сквозь строй или высечь розгами, плетью, заковать в кандалы. К числу тяжких проступков относились побеги, буйство, разбой на улице, оскорбление преподавателя или офицера. Учащимся запрещалось обзаводиться семьей, однако это не возымело должного действия. Тогда ввели меру наказания в виде 3 лет каторги за «заведение жены», что несколько охладило пыл потенциальных мужей, но тягу к женитьбе не искоренило. В целом же случаи отчисления из школ были довольно редкими и являлись событиями из ряда вон выходящими.

Штат преподавателей, за некоторыми исключениями, не отличался высоким уровнем подготовки, что негативно сказывалось на качестве учебного процесса. Учителей, кроме их прямых обязанностей, обременяли дополнительной нагрузкой в виде полицейских и хозяйственных функций, а также работой в инженерном, артиллерийском или морском ведомствах. Со временем преподавателями нередко становились выпускники этих школ.

Много хуже обстояло дело с воспитанием командного состава, основой которого являлось служилое дворянство, громко заявившее о себе при избрании на престол Анны Иоанновны в 1730 г. Стало очевидно, что система военного образования, созданная при Петре, нуждается в основательной реорганизации. Специальные школы, учрежденные большей частью в годы Северной войны, давали знания во многом прикладного характера и за короткий срок, с тем чтобы уложиться в темп боевых действий: обстоятельства требовали ускоренной подготовки офицеров армии и флота.

Позже стала явственно ощущаться нехватка широко образованных дворян, которые могли бы более продуктивно участвовать в работе государственного аппарата и развитии вооруженных сил. До поры до времени власть устраивали «вчерашние»

приказные дьяки и подьячие и наспех обученные поручики и капитаны, но реалии требовали другого уровня знаний. Кроме того, обмирщение и вестернизация культуры способствовали переходу к новой ступени в политике просвещения, что должно было выразиться в создании учебных заведений, дававших универсальную подготовку дворянским недорослям. Правда, замечание американского историка М. Раева о том, что еще в петровское время «молодых слуг государевых привлекала отнюдь не техника... приобретение общей культуры стало желанным само по себе», верно лишь отчасти, поскольку касается сравнительно небольшой по численности группы дворянства, прежде всего нобилитета. Интерес к общей культуре, знаниям (не стоит переоценивать) имел место, и удовлетворить его должны были соответствующие учебные заведения. Такую роль сыграл Сухопутный шляхетный кадетский корпус.

Глава I

«...того ради указали Мы: учредить Корпус Кадетов»

Использование европейского опыта в России оставалось актуальным и после смерти монарха-реформатора. Не стали от него отказываться и при создании первого кадетского корпуса, образовательного заведения нового типа. Инициаторами в этом непростом деле выступили кабинет-министр П.И. Ягужинский и президент Военной коллегии Б.-Х. Миних. Первый бывал в Европе (послом в Дании при Петре I и в Пруссии уже в царствование Анны Иоанновны) и не понаслышке был знаком с организацией там воспитания и образования дворянских недорослей, а Миних имел об этом достаточно полное представление и без ознакомительных поездок.

Парадоксально, но Франция, одна из стран, задававших тон в развитии военного дела, за исключением артиллерийских начальных школ не имела учебных заведений соответствующего профиля и не являлась в этом смысле примером для подражания. Будущие офицеры французской армии, в зависимости от способностей и желания, получали неплохое гуманитарное образование в так называемых коллегиях, «средних училищах», где основной упор делался на преподавание античной истории, латыни и древнегреческого. Изучение логики, риторики, не говоря о математических дисциплинах, было сведено к минимуму.

Знания по естественным дисциплинам, физике, геометрии, черчению можно было приобрести в «высших училищах», где преподавание велось по университетским программам.

Что же касается собственно военных навыков, то дворяне осваивали их в домашней обстановке, используя опыт предков или находясь в войсках и на поле боя. Недоросли из благородных семей направлялись кадетами в полки (в некоторых из них существовали одноименные роты), где на практике постигали

азы военного дела. Пребывание там было сравнительно недолгим, однако вполне достаточным для знакомства с солдатским ремеслом. Определенные сведения они могли получить и в Королевской академии, куда, как помнится по роману А. Дюма, капитан мушкетеров де Тревиль направил только что появившегося в Париже д'Артаньяна. Очевидно, что в таком виде подготовка офицерских кадров нуждалась в основательной модернизации, которая и началась во Франции с середины XVIII в.

В германских землях ситуация выглядела иначе. «Латинские школы», известные еще с XVI в., несмотря на свой «антично-гуманитарный» уклон, могли считаться в определенной мере универсальными учебными заведениями. Со временем, в начале XVII в., появляются рыцарские коллегии (Ritter Kollegium), где большое внимание уделялось изучению «военных наук», иностранных и древних языков, фехтованию, танцам, игре в мяч.

В 1653 г. в Кольберге, а затем в Берлине, Магдебурге, Франкфурте учреждаются уже рыцарские академии (Ritter Akademie). Там будущие офицеры постигали математику, военное искусство, курс военного управления, итальянский и французский языки, упражнялись в верховой езде, фехтовании, обучались танцам. В это же время во многих германских землях действовали и другие образовательные центры, имевшие разные названия, но общий учебный курс, основу которого составляли право, история, генеалогия, физика, химия, ботаника, философия. В начале XVIII в. эти дисциплины изучались и в рыцарских академиях, где программа стала более насыщенной, чем в период их основания, и включала помимо перечисленных предметов артиллерийское дело и фортификацию, «мушкетное искусство», испанский язык и латынь, математические дисциплины, оптику, военную и гражданскую архитектуру, механику, географию, геральдику.

Несмотря на определенные трудности с комплектованием преподавательского состава, основные курсы читали профессора университетов, а практические занятия проводили опытные специалисты, поэтому уровень подготовки выпускников был достаточно высоким.

По примеру Франции в армиях германских государств, в частности Бранденбурга и Пруссии, появляются и свои кадетские роты. Поступившие туда за короткий срок овладевали азами армейской практики; во время сражений или маневров кадеты на-

ходились позади основных боевых порядков, однако само участие в них во многом заменяло теоретические «штудии». Тем не менее одной практики было недостаточно, и вот уже в Берлине и Кольберге на основе рыцарских академий учреждаются кадетские (Kadetten Akademie), с аналогичной учебной программой.

Универсальность и организация обучения делали эти центры едва ли не самыми передовыми в Европе, они брались за образец во многих странах; ситуация не изменилась и с появлением кадетских корпусов.

При непосредственном участии прусского курфюрста Фридриха-Вильгельма в 1717 г. в Берлине был учрежден Кадетский корпус с учебной программой, составленной из базовых общеобразовательных и сугубо военных дисциплин рыцарских и кадетских академий. Первый набор насчитывал 110 кадетов в возрасте от 11 с половиной до 19 с половиной лет. К 1720 г. в Корпусе уже состояло 236 воспитанников, а до 1740 г. обучение в нем прошло 1200 человек.

Изначально в Корпусе была установлена довольно жесткая дисциплина с серьезными мерами наказания даже не за самые тяжкие проступки. Во главу угла ставилось полное повиновение кадетов, которые должны были основное внимание уделять «научению». Занятия по отдельным «наукам» четко распределялись по дням недели и, соответственно, определенным возрастам. Учебный день начинался в 5.00, завтрак — в 5.30, с 6.00 до 10.00 — занятия в классах и манеже.

После обеда, отдыха и самостоятельных «штудий» с 14.00 до 18.00 вновь уроки, и в 20.30 — отбой. Адаптация кадетов проходила в целом непросто; как правило, резкий контраст между родительским домом и обстановкой закрытой военной школы действовал на психику подростка угнетающе. Кратковременное пребывание некоторых кандидатов в кадеты в Потсдамском сиротском институте отчасти облегчало им восприятие корпусной действительности, однако стресс полностью снять не могло. Это касалось в первую очередь физически менее сильных, но впечатлительных новичков, быстро попадавших в зависимость от сверстников с крепкими кулаками. К ставшей притчей во языцех прусской муштре добавился и корпусной «цук», когда воспитанники младшего возраста должны были подчиняться старшим и выполнять их желания, порой самые невозможные. В учебных заведениях германских государств «цук» имел старые

традиции, восходившие еще к нравам средневековых училищ и университетов. Воспитатели Корпуса смотрели на это сквозь пальцы, полагая такую ситуацию не переменным и неизбывным злом военных школ. Более того, сами они не раз замечались в том, что склоняли кадетов к сожигательству. Уличенные в соращении малолетних подвергались жестоким наказаниям, но это явление продолжало существовать как неотъемлемый атрибут учебного заведения интернатного типа.

Во многом подобная ситуация складывалась и в Кадетском корпусе Копенгагена, одном из центров военного образования и воспитания Скандинавии. Естественно, там не могло быть упомянутых прусских традиций, однако сходство прослеживалось значительное. И хотя датская армия не считалась грозным противником, столичный Кадетский корпус исправно поставлял туда подготовленных офицеров.

Суммируя заграничный опыт, а также используя отдельные элементы отечественной практики в сфере образования, Ягужинский систематизировал и представил на рассмотрение Маниху свои соображения по организации корпуса для «шляхетских детей». Собственно, это была «служебная записка», которая не без участия последнего приобрела форму проекта. Преамбула документа включает обоснование создания подобного учебного заведения с учетом предыдущего курса петровских реформ и

П.И. Ягужинский

необходимости в настоящем и будущем иметь сильную армию с «наученными» офицерами. Кадетские корпуса, виденные Ягужинским за границей, по его мнению, подходили для этого как нельзя более. Явственно ощущалось желание авторов с «петровским размахом» решить дело, в частности, предлагалось создать одновременно два корпуса по 500 человек в каждом, причем только «молодых шляхтичей». Возможные трудности с материальным обеспечением и комплектованием штата преподавателей в представленном проекте не учитывались.

Учебный курс предполагаемого шляхетского корпуса был заимствован у рыцарских (кадетских) академий, в которых старались соблюсти разумное сочетание утилитарных прикладных наук и гуманитарных дисциплин. Новоявленные кадеты должны были изучать несколько иностранных языков: немецкий, французский, английский, итальянский и латынь. Кроме того, их ожидало знакомство с геральдикой и генеалогией, включенных в учебные программы далеко не всех образовательных центров Европы. В программу также входили история, литература, юриспруденция, география, русский язык, риторика. «Воинские науки» были представлены курсами фортификации, артиллерии, инженерного дела. Среди прикладных и точных дисциплин значились черчение, рисование, полный курс математических наук, физика. Особую группу представляли «шляхетские искусства»: фехтование, верховая езда, танцы. Планировалась разработка специального курса строевых «экзерциций», в том числе и с оружием.

В проекте об учреждении Кадетского корпуса, хранящемся в бумагах Верховного тайного совета (высшего органа государственной власти, действовавшего с 1726 по 1730 г., до воцарения Анны Иоанновны), особо оговаривается, что в корпусе следует «не одно иметь военное обучение». Отмечается также, что необходимо туда «избирать младых людей», которые бы имели желание учиться, «натуральное склонение» к этому, чтобы осваивать науки всесторонне, постигая теорию и проверяя ее на практике.

Для изучения «политики», то есть юриспруденции, истории, географии, государственного права разных стран требовались «особые» профессора (их планировалось привлекать из Академии наук и частично из-за границы).

В данном документе обращают на себя внимание отдельные положения о быте кадетов. В частности, для «порядочного содержания» учащихся планировалось приобрести большое число посуды, «потребные для сна» предметы, необходимую мебель. Указывалось, что в Корпус для решения вопросов с рационом и приготовлением пищи необходимо определить «особых поваров». Был представлен и корпусной штат с указанием годовых окладов (см. Приложение 1).

Создание Кадетского корпуса знаменовало собой новый уровень как военной, так и общей подготовки молодых дворян.

То, что в Корпус должны были поступать исключительно представители семей благородных и офицерских, и только они, подтверждалось несколько раз как Ягужинским, так и Минихом, который вообще считал, что Корпус необходимо «так учинить, дабы все офицеры токмо из сего Корпуса выпускаемы были». Тем самым высказывалось мнение, что остальные образовательные учреждения, также имевшие специализированные программы, но отличавшиеся от плана Ягужинского – Миниха, не могли «производить» командирские кадры. В представленный проект были внесены некоторые поправки, не повлиявшие на его общую концепцию.

Работа над окончательным вариантом учредительного акта заняла не слишком много времени, и плод, что называется, созрел. К лету 1731 г. уже зашла речь о «строении» мундиров для будущих кадетов. Правда, не было ясности относительно их числа, но в Комиссариатское ведомство были направлены необходимые распоряжения по закупке сукна и пошиву.

Наконец 29 июля 1731 г. в Сенат был направлен высочайший указ «Об учреждении Кадетского корпуса». Выяснилось, что он будет состоять из 200 человек «шляхетских детей» (от 13 до 18 лет) из собственно российских провинций, а также Лифляндии и Эстляндии. Кроме того, в указе оговаривалась необходимость «политического и гражданского обучения», поскольку «не каждого человека природа к одному воинскому склонна». Имелось в виду изучение «чужестранных» языков, истории, географии и «прочих полезных наук». Из других предметов, в том числе воинских, в указе упомянуты геометрия, рисование, фортификация, артиллерия, «шпажное действо», верховая езда. На содержание Корпуса, включая «учителей и прочие расходы», определялось 30 тысяч рублей. Сенату вменялось в обязанность выработать принципы учебного процесса, обеспечить его финансирование, комплектование штата преподавателей и офицеров, их материальное довольствие, а также приискать для корпуса «способной дом».

Как показали последующие события, сказанное даже императрицей не означает сделанное. Правда, Миних, радея за свое детище, не позволял соответствующим ведомствам, прежде всего военным и финансовым, слишком затягивать запланированные мероприятия, но привычная «неторопливость», возведенная в России в принцип, в полной мере проявлялась и здесь.

Несколько месяцев прошло в переписке заинтересованных сторон. Готовность и реальные возможности структур, призванных принять участие в организации «Корпуса кадетов», были далеки от требуемых. Если указанная сумма в 30 тысяч рублей в наличии имелась, то с остальным дело обстояло намного хуже. А это «остальное» являло собой суть учебного процесса. Например, не только в России, но и в других странах было немного высококвалифицированных преподавателей по указанным дисциплинам, из чего следует, что комплектование штата корпусных «учителей» представлялось серьезной проблемой.

Необходимо было в возможно более короткий срок закупить значительное число учебников (их заметно не хватало). По запросам Миниха в Академии наук отобрали партию книг, не совсем годных для «кадетского научения». Переговоры с подрядчиками, отечественными и иностранными, способными подействовать в формировании корпусной библиотеки, находились только в начальной стадии и могли продлиться сколь угодно долго. Кроме того, пользуясь моментом, книготорговцы предлагали цены, значительно превышавшие скромные финансовые возможности военной администрации. Примерно такая же ситуация складывалась и с закупкой грифельных досок, перьев, чернил, бумаги. Казалось, оптовые партии должны были продаваться ниже розничных цен, но оборотистые купцы, невзирая на то, что за покупателями стояло грозное имя Миниха, наоборот, требовали с корпусных офицеров платить втридорога, не боясь последствий.

Открытым оставался вопрос и с поисками «кадетского» дома. Канцелярия от строений на запросы Военной коллегии отвечала обещаниями, не предлагая ничего конкретного.

Время шло, но о начале занятий едва ли можно было говорить. Миних терял терпение и подумывал о принятии мер, возможно, скорых, но не во всем «правых».

Б.-Х. Миних

Между тем 18 ноября 1731 г. вступил в силу устав Кадетского корпуса, определивший основные принципы его деятельности.

Прежде всего в документе обосновывается местоположение Корпуса — именно в Санкт-Петербурге, поскольку там находится Академия наук и гимназия при ней, где кадеты могут получить «потребные» знания. Кроме того, в столице проживают иностранцы, общение с которыми облегчит изучение языков. Ну и наконец, наличие в Петербурге «знатного» числа войск, артиллерии, арсенала, то есть того, что необходимо для приобретения практических воинских навыков.

В уставе называется и место размещения Корпуса, а именно дом опального князя А.Д. Меншикова на Васильевском острове.

В Корпус надлежало принимать «из шляхетства» со знанием «грамоты» (150 человек из России и 50 из Лифляндии и Эстляндии). В соответствии с «учениями и диспозицией» учебный курс распределялся по четырем классам. В четвертом классе кадеты постигают языки, латинский и русский, и обучаются чистописанию и арифметике. В третьем осваивают грамматику, геометрию и географию. Программа второго класса была самой насыщенной и состояла из курсов фортификации, артиллерии, истории, «правильного в письме складу и стилю», риторики, юриспруденции, морали, геральдики и, как сказано в уставе, «прочих воинских и политических наук». К последним относились, в частности, генеалогия и литература, а также гражданская и «милитарная» архитектура. Наконец, в первом, завершавшем обучение классе на основании выказанных ранее склонностей и способностей к различным наукам определялась дальнейшая судьба кадетов в плане выбора военной или гражданской стези.

Обязательными для кадетов всех классов и возрастов считались рисование, танцы, верховая езда, фехтование.

В трех «вышних» классах обучение было рассчитано на 5–6 лет, чтобы «довольное и фундаментальное в науках искусство кадеты получать могли», при этом уделялось внимание закреплению знаний, полученных в низших классах.

Судьбу кадетов при переводе в старший класс и перед выпуском из Корпуса определял совет, в состав которого включались преподаватели и офицеры. В зависимости от уровня успеваемости, склонности к тем или иным предметам, «особливого

понятия и прилежания» воспитанников могли определить в матросы и солдаты, направить в войска унтер- и обер-офицерами, «назначить» в гражданскую службу; для последних оговаривалась возможность заниматься у профессоров Академии наук.

Экзамены делились на частные, партикулярные и общий. Первые предписывалось сдавать каждые 4 месяца, а общий экзамен «в разных науках» устраивался в конце года в присутствии самой императрицы, министров, генералов, знати.

Жизненный уклад Корпуса строился по солдатским порядкам: прием пищи, занятия, посещение церкви — все проводилось в установленное время, передвижения происходили строем «по сигналам и барабанному бою».

Кадетам вменялось несение караульной службы, причем они могли находиться на постах не только на территории Корпуса, но и «в знатных местах», например в императорском дворце, «у генерала и у полковника».

Изучение уставов было обязательным, для лучшего усвоения статей регламентов и артикулов предполагалось зачитывать их вслух.

Важная роль в Корпусе отводилась надзирателям, в их обязанности входило контролировать соблюдение кадетами правил поведения, распорядка дня, блюсти их нравственность.

На корпусных обер- и унтер-офицеров возлагалось проведение строевых эзерциций, а также контроль за исправным несением караульной службы. Более того, капитан и поручик должны были каждую неделю «безотлучное дежурство держать».

Бытовая сторона устройства Корпуса отражена в уставе довольно скромно. Так, предусматривался лазарет, то есть «особливые покои», для больных. Упоминается и родительское участие в кадетском бытии: речь идет о финансовом «вспоможении», о чем необходимо было известить корпусное начальство — только оно могло дать разрешение на использование этих денег.

Предписывалось размещать кадетов по 6–7 человек в комнате, а также не более двух слуг у каждого. Вместе с кадетами в одном доме планировалось поселить корпусного священника, некоторых офицеров, учителей и надзирателей.

Записываться в Корпус можно было непосредственно в Сенате, а также в Москве у дежурного генерал-адъютанта, в Санкт-Петербурге у Б.-Х. Миниха, ставшего генеральным директором, и у губернаторов в Эстляндии и Лифляндии.

20 декабря 1731 г. последовал именной указ об отпуске суммы, определенной на содержание Корпуса. Подтверждалось выделение ранее указанных 33 846 рублей в год, а сверх того 15 тысяч «не в зачет годового оклада». Таким образом, финансовая сторона «кадетского проекта», по крайней мере на первых этапах его реализации, могла считаться решенной.

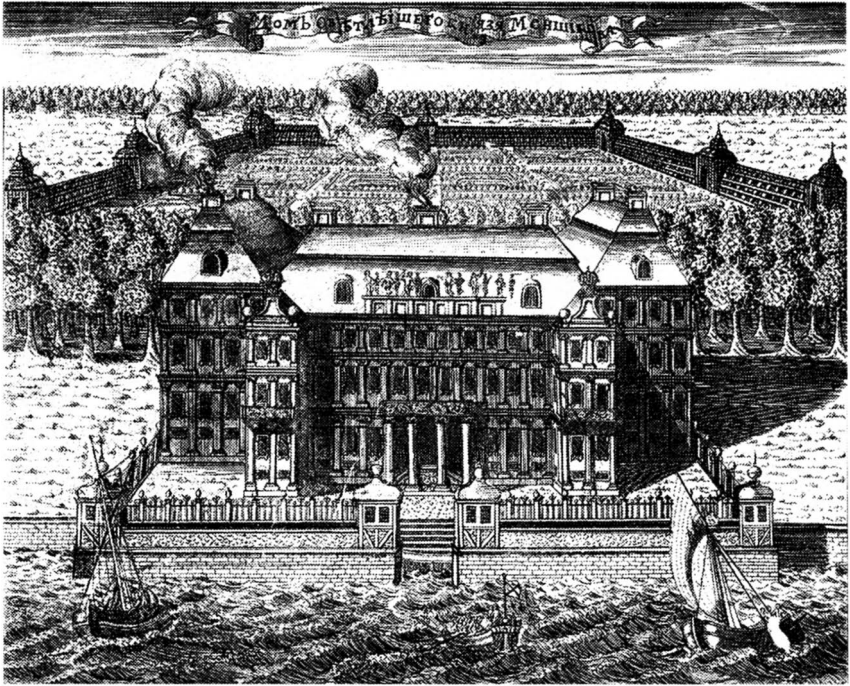
С учреждением Корпуса для «шляхетских детей» встал вопрос о его размещении. В Петербурге того времени было немного мест, подходящих для военно-учебного заведения, особенно с учетом перспектив его развития, специфики жизнедеятельности и численности. Собственно, особого выбора и не было, и, согласно положению 2 устава, с конца 1731 г. Корпусу передали довольно обширную территорию на Васильевском острове, некогда принадлежавшую хозяину столицы, могущественному светлейшему князю А.Д. Меншикову, без которого невозможно представить эпоху великих преобразований Петра I. Центром этих владений являлся знаменитый дворец, чья архитектура и внутреннее убранство оценивались только в превосходных степенях.

Первоначально на этом месте были воздвигнуты деревянные «посольские полаты», где в роскошных по тому времени интерьерах устраивались торжественные приемы, ассамблеи, свадьбы. Однако время потребовало качественного изменения

А.Д. Меншиков

застройки невского «парадиза», стали появляться каменные дома, и в числе первых — дворец ингерманландского генерал-губернатора А.Д. Меншикова. С 1710 г. он возводился с «поспешением», благо административные и финансовые возможности виднейшего петровского клеврета были почти не ограничены. Автором проекта выступил итальянский зодчий Ф. Фонтана. Уже 1 октября 1711 г. отмечали новоселье, хотя до полного завершения работ было еще далеко. Правда, и то, что успели построить, вызывало у современников восхищение,

*Дом светлейшего князя Меншикова.
А.И. Ростовцев. 1716–1717 гг.*

изумление, зависть. На пустынном месте за небывало короткий срок возвысился фасад итальянского палаццо со всеми элементами классической ордерной системы: аттиком, ризалитами, фронтонами, увенчанными княжескими шапками, и пр.

Амбиции Меншикова предполагали дальнейшее совершенствование дворца, архитектурное освоение территории василеостровской усадьбы.

Место Фонтана занял «палатных и гипсовых дел мастер» из предместья Гамбурга Готфрид Шедель, в отличие от своего предшественника надолго обосновавшийся в России. Он с немецкой основательностью взялся за дело. Помимо работ по расширению дворцового комплекса за счет двух корпусов со стороны сада он построил на территории княжеской усадьбы деревянную домовую церковь Воскресения Христова, ее посещали прихожане из других районов Васильевского острова. (Впоследствии, уже в кадетский период, эта церковь стала

Дворец князя А.Д. Меншикова. Фото 1980-х гг.

предметом непростых отношений между корпусной и церковной администрацией.) В архитектурном «строении» и внутренней отделке дворцовых покоев принимали участие Г.-И. Маттарнови, Д. Трезини, Ф. Пильман.

Поскольку губернаторскую резиденцию создавали как отечественные, так и европейские мастера, в ее конструкции и убранстве сочетались различные декоративные и архитектурные элементы. Так, черты итальянской архитектуры сказались на

Парадная. Фото 1980-х гг.

стиле отделки вестибюля с колоннами тосканского ордера, на его сквозном, как в венецианском палаццо, характере. В соответствии с традициями русского зодчества выстроены помещения цокольного и первого этажей — с широкими сводами и арочными перекрытиями дверей. Парадная дубовая лестница двумя широкими маршами вела в жилые покои дворца (подобные лестницы стали появляться во дворцах столичной знати только в середине XVIII в.). Анфилада княжеских комнат — это вереница светских и служебных интерьеров, служивших образцом для «завоdivших» в Пе-

тербурге свои «палаты» петровских вельмож.

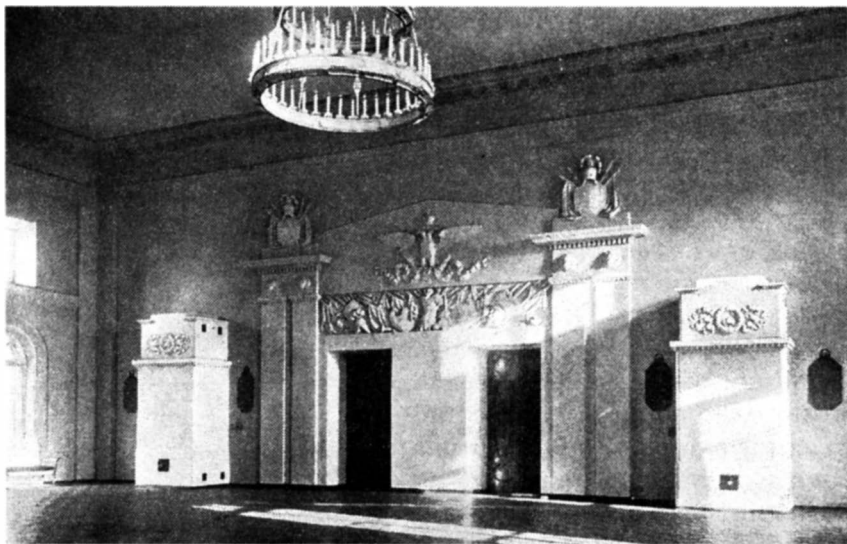
Потолок передней, или секретарской, украсили лепные барельефы с изображениями богинь плодородия и правосудия Деметры и Фемиды. Многие дворцовые покои отделялись голландскими изразцами из Дельфта. Один из самых красивых интерьеров — Ореховый кабинет — выполнен во французской манере предположительно по проекту известного архитектора Ж.-Б. Леблона. Стены кабинета облицованы наборными ореховыми панелями с резными позолоченными пиллястрами. Потолок декорирован живописным плафоном на холсте

*Парадная лестница.
Фото 1980-х гг.*

Кабинет князя А.Д. Меншикова. Фото 1980-х гг.

*Декорации стены зала 1-го Кадетского корпуса.
Фото 1900-х гг.*

Комната с изразцами. Фото 1980-х гг.

с изображением гирлянд, перьев, цветов, женских ликов и пр., в центре — античный воин, имеющий большое портретное сходство с молодым Петром.

Не менее изысканную отделку имели покои свояченицы Меншикова Варвары Михайловны Арсеньевой, игравшей заметную роль в жизни княжеской семьи. Основными декоративными элементами здесь стали голландские изразцовые плитки, отличавшиеся разнообразием сюжетов. Ими оформлены панели, пилястры, потолки.

Апартаменты княгини Дарьи Михайловны также являли собой образцы интерьерных стилей, какие нечасто можно было встретить и в домах европейской аристократии.

Парадным центром дворца служил Большой зал с живописным плафоном, зеркалами, шпалерами — более подходящее место для ассамблей, парадных приемов и «машкератов» в Петербурге трудно было сыскать.

Дворцовый комплекс дополняли многочисленные подсобные помещения, в которых располагался и действовал штат служителей, включавший поваров, садовников, лекаря и его помощников, певчих, музыкантов, «живописных и резных дел мастеров», денщиков и секретарей, берейтора, гофмейстера, пажей, лакеев и пр. Кроме того, на первом этаже дворца находились комната матросов и гребцов и кордегардия для дежурных смен караула, несшего службу на территории княжеских угодий.

К дворцу примыкал сад площадью более 12 гектаров, устроенный в стиле регулярных парков Франции. Его пространство делилось на отдельные участки каналами, дорожками, аллеями, цветниками. Работы по благоустройству начались еще в те времена, когда Васильевский остров представлял собой заброшенную, неосвоенную территорию.

Продолжением сада со временем становится парк, который украшали фонтаны, бюсты и статуи, в изобилии привезенные из Европы. Здесь нередко устраивались праздничные гуляния, маскарады, поражавшие современников размахом и роскошью.

Усадебное хозяйство невозможно представить без огородов, у Меншикова они содержались в образцовом порядке. Выписанные из-за границы специалисты, с учетом городского климата и местоположения резиденции, занимались выращиванием различных овощей и ягод, урожаи превосходили все ожидания.

Территорию княжеских владений с севера замыкала слобода, выходявшая на Малую Неву. Здесь селились служители и мастера из числа иностранцев, были построены сараи, кладовые, конюшни, амбары.

Казалось, усадьба Меншикова надолго останется парадным центром города, а его влияние и могущество выглядели непоколебимыми. Однако прошло не так много времени, и вскоре для человека, не случайно названного «полудержавным властелином», все закончилось крахом. Вступив в борьбу с Долгоруки-ми и Остерманом, решительно настроенными против укрепления его единоличной власти, Меншиков потерпел поражение и в одночасье лишился всего, в том числе и дворца. 11 сентября 1727 г. можно было наблюдать медленно двигавшийся из Петербурга поезд из многочисленных повозок: всесильный некогда петербургский губернатор навсегда покидал столицу, отправляясь в далекий сибирский Березов.

После ссылки Меншикова его василеостровская резиденция оказалась в собственности недавнего противника светлейшего, вице-канцлера А.И. Остермана. Он выдвинулся еще при Петре, успешно участвовал в переговорах с великим визирем во время Прутского похода 1711 г. и в заключении Ништадтского мира в 1721 г., активно способствовал восшествию на престол Анны Иоанновны. Его новое приобретение вскоре отошло казне в обмен на обширные владения на Адмиралтейской стороне.

Большая часть недвижимости Меншикова, в том числе парк, сад и огороды на Васильевском острове, подлежала описи и отошла в ведение Канцелярии от строений. На часть княжеских угодий претендовала также и Военная коллегия, однако дело ограничилось тем, что несколько помещений дворца и пристроек заняли структуры артиллерийского ведомства. На неопределенный срок во дворце, и не только, обосновались службы Коллегии иностранных дел, Коммерц-коллегии, провиантская контора, мундирное ведомство, казначейская контора, юстиц-контора. Очевидно, что на проведение текущего ремонта они не тратились, памятуя, что за все отвечает Канцелярия от строений, которая также до поры до времени не обращала особого внимания на состояние княжеских владений. Между тем они быстро ветшали, особенно это было заметно во дворце: разрушалась живопись, отваливались изразцы, «утрачивался» паркет. Более того, приходили в негодность кровля, перекрытия. Незанятые

княжеские покои оставались в течение нескольких лет опечатанными. И неизвестно, сколько времени еще дворец пребывал бы в запустении, если бы не решение о передаче его Кадетскому корпусу.

Правда, спасением от дальнейшего упадка смена владельца княжеского «парадиза» стала далеко не сразу. Корпусная администрация довольно долго вела бесплодную переписку с Канцелярией от строений относительно сроков освобождения помещений и зданий бывшей губернаторской усадьбы. Первые обращения директората Корпуса в указанное ведомство датируются осенними месяцами 1731 г. Однако часть запросов осталась без ответа, в других содержались привычные обещания решить вопрос «с поспешением». Вселение корпусных структур и проведение занятий в полном объеме затягивалось. В январе уже 1732 г. Канцелярия от строений сообщает о том, что с учетом нахождения во дворце сразу нескольких ведомств вопрос о передаче всего «положенного» Корпусу откладывается (речь шла о необходимости составления надлежащей документации по передаче и приемке жилых и рабочих площадей). Однако и через месяц многие из них были заняты отнюдь не «шляхетскими детьми», хотя 17 февраля уже состоялось торжественное открытие Корпуса.

Для осмотра усадьбы и составления ведомости о ее состоянии Канцелярией от строений были определены архитектор И. Бланк и его помощник Ф. Исаков. Результатом их работы стали опись всего дома и отдельный реестр сохранившегося. Было отмечено также, что и в какой степени требовало ремонта.

В действительности в «исправлениях» нужно было очень многое. Начать хотя бы с того, что в ряде помещений необходимо было перестлать полы. Поскольку дворец был летним, его следовало основательно утеплить — стены обивали бракованным сукном и холстом, присланными из мундирного ведомства. Канцелярия от строений командировала во дворец мастеров печного дела, среди которых встречались солдаты гарнизонных и морских полков, и в скором времени в большинстве помещений были сложены печи и камины. Имевшиеся оконные переплеты заменили на зимние. Ремонтные работы по традиции сопровождались «побелкой» и «покраской». Время от времени для контроля за происходящим во дворец приезжал Д. Трезини, бывший еще во времена Меншикова «у строения» его резиденции. Как

показали дальнейшие события, качество ремонта оставляло желать лучшего, однако на первое время и сделанного было достаточно: необходимо было начинать учебный год.

Численность определявшихся в Корпус дворянских отпрысков росла стремительно. К середине февраля 1732 г. их насчитывалось 56 человек, вскоре — 260, а к июню — 282, из них 223 российских кадета, 27 — из Эстляндии, 16 — из Лифляндии и столько же сыновей иностранных офицеров (по другим данным, весной числилось 300 человек). В связи с этим Миних изменил уже составленный штат, исходя из числа 360 кадет, разделенных на 3 роты (см. Приложение 2). Соответственно увеличивалась и сумма на содержание Корпуса до 63 403 рублей.

В первые месяцы 1732 г. жители столицы наблюдали прибывавшие к Меншиковскому дворцу сани, иногда одиноких всадников. Дворянские недоросли перебирались в столицу, где становились воспитанниками учреждения, пока частично существовавшего на бумаге. Сыновья армейских и гвардейских офицеров, гражданских чиновников, кто пройдя «смотр» в Сенате, кто приехав непосредственно из отчего дома, с удивлением и настороженностью осматривались в княжеских покоях; многих провожали родители, некоторые были со своими слугами, «хлопцами», дядьками. Недорослей из семей титулованной знати было немного (в числе записавшихся в Корпус были носители таких фамилий, как Милославские, Репнины, Шереметевы, Долгорукие, Колычевы и др.), равно как и детей малоимущих. Однако и те и другие выделялись из общей массы: одни — окружением многочисленной челяди и взятыми с собой собаками, другие — более чем скромным одеянием, которое иногда составляло все их имущество. Особняком держались выходцы из прибалтийских земель (среди них представители Эссенов, Фалькерзамов, Розенгов, Корфов, Берхов и др.), прислушивавшиеся к часто плохо понимаемой ими русской речи. В числе первых в кадеты «записались» 12 пажей царицы Евдокии Федоровны и царевны Прасковьи Иоанновны.

У родителей, мечтавших, чтобы их чада вышли в люди, на Корпус была особая надежда. Карьера военного, естественная для дворянина, сулила многое, но, на худой конец, можно было неплохо устроиться и на гражданской службе.

К сожалению, большинство преподавателей, приступивших к своим обязанностям зимой и весной 1732 г., не могли похвас-

таться избытком знаний, да и желающих занять имевшиеся вакансии при весьма невысоком жалованье было немного.

Основная нагрузка по обустройству и началу полноценных занятий легла на Миниха и первых корпусных директоров — Л. фон Любераса, К. Миниха (двоюродного брата генерал-фельдцейхмейстера) и фон Тетау. Многое приходилось решать непосредственно генеральному директору, имевшему большое влияние в придворных и административных сферах. Прежде всего необходимо было окончательно определиться с классами и жилыми помещениями для кадет и преподавателей. Действуя с немецкой педантичностью, Миних добился того, что несколько комнат в доме Меншикова подготовили для занятий уже в июне. Правда, большая часть дворца находилась или в заброшенном виде, или в состоянии ремонта, конца которому, судя по объемам финансирования и отношению к этому Канцелярии от строений, видно не было.

Хуже обстояло дело с жилыми покоем. Кадетам приходилось вселяться в «камеры», уступавшие номерам на постоянных дворах средней руки, где, кстати, и проживала часть кадетов, притом за свой счет. Большинство корпусных служителей и учителей также не имели казенных квартир. Приходилось договариваться о найме жилья в частных домах, стоило оно недешево, но другого выхода не было.

Тем временем Миних не прекращал борьбу за дворцовые покои. В частности, он продолжал вести переписку с Канцелярией от строений относительно некоторых дворцовых комнат, добиваясь их реальной передачи Корпусу. Показательна судьба одного из флигелей, где находилась аптека. В ответ на обращение Миниха в медицинское ведомство с просьбой уступить эти площади ему сообщалось, что флигель находится в собственности Варвары Арсеньевой, свояченицы А.Д. Меншикова, и только она может им распоряжаться. Канцелярия от строений постоянно находила массу причин затянуть освобождение дворцовых помещений.

Что же касается остальных угодий Меншикова — сада, огородов, усадебных построек, — то они перешли в ведение Корпуса относительно безболезненно. Еще в ноябре 1731 г. Миних получил высочайшее предписание заняться строениями для «лошадиного учения». С этой целью использовали часть территории княжеского парка. Кроме того, Корпусу передавались

недостроенные конюшни, располагавшиеся между дворцом и зданием Двенадцати коллегий.

Небольшая коллизия возникла с княжеской домовою церковью Воскресения Христова. Миних считал, что она не нужна кадетам, но, поскольку службу в ней, как уже говорилось, издавна посещали жители Васильевского острова, в дело вмешалось духовенство. На время инцидент был исчерпан, однако дальнейшее расширение и обособленность Корпуса предопределили судьбу этого строения Г. Шеделя.

Постепенное обживание Корпуса в меншиковской усадьбе вовсе не означало, что Канцелярия от строений взяла на себя задачу поддерживать ее в подобающем состоянии. Наоборот, проведением ремонтных работ, «мелочных» и не очень, а также оплатой их пришлось заниматься именно корпусному руководству.

Согласно первоначальной договоренности, силами Корпуса и за его счет, для чего ему ежегодно выделялось 300 рублей, должен был производиться текущий ремонт, тогда как капитальные «поправления» полагалось осуществлять строительному ведомству. Но фактически все делалось директором Корпуса, на что в течение первых трех лет им было истрачено 20 156 рублей. Сумма немаленькая, однако она была компенсирована на $\frac{2}{3}$.

Более того, по сенатскому указу от 10 мая 1735 г. Канцелярии от строений предписывалось «исправлять в кадетском доме надлежащее строение безо всякого упущения», однако и после она не принимала участия в ремонтных работах. Создавалось впечатление, что государственные структуры, учредив Корпус, устранились от его дальнейшей судьбы, переложив все заботы на военное ведомство, и более всего на корпусное руководство. Даже немалые суммы на ремонт (с 1735 по 1737 г. на него истрачено 8366 рублей «кадетских» денег) в дальнейшем или компенсировались частично, или не возмещались совсем. Неудивительно, что, например, в 1738 г. ремонт вообще не проводился, несмотря на совершенно неудовлетворительное состояние потолочных перекрытий, полов, печей и труб. При этом Кабинет министров сослался на отсутствие денег у Канцелярии от строений и предложил Корпусу тратить на ремонт остаточные суммы годового расхода.

Но эти и другие сложности были впереди, а пока 14 июня 1732 г. под названием Рыцарской академии открылись кадет-

ские классы, и учебный год начался. Мы уже упоминали, что здесь тоже не обошлось без трудностей, главная из которых касалась преподавательского состава. Стало очевидно, что острая нехватка «ученых мужей» не позволяет проводить занятия в классах в полном объеме. Положение усугублялось дефицитом учебников, математических и физических приборов и многого другого. Однако, несмотря на имеющиеся сложности, в положенное время в немногочисленных классных комнатах кадеты приступали к «научению». Занятия проводились с учетом разной степени подготовки юношей. Так, немецкому языку начали обучаться 163 человека, французскому — 110, латинскому — 64, геометрии — 19, рисованию — 22, танцам — 40, фехтованию — 45, верховой езде — 24.

Для комплектования преподавательского штата Миних планировал использовать специалистов Академии наук, а также просто «сведущих людей», в том числе и иностранцев. Предполагалось, за некоторым исключением, устраивать для кандидатов испытания на профпригодность, хотя все равно из-за нехватки кадров приходилось на многое закрывать глаза. Одно дело, например, профессор гимназии при Академии наук М. Шванвиц, ставший корпусным гофмейстером, который неоднократно жаловался на неаккуратную выплату жалованья, и совсем другое — сержант Псковского полка, владевший иностранными языками и по этой причине оказавшийся в Корпусе. Вот носитель известной фамилии Мусикийский (Матвей) составляет прошение на имя самой императрицы о зачислении его в «кадетский дом» рисовальным подмастерьем, но вместе с ним туда же определяется по указу Миниха «арифметический мастер» из рижской «письменной школы». Притчей во языцех стал И. Магницкий, принятый в качестве преподавателя латинского языка, которого, по его собственному признанию, он не знал. Позже вместо незадачливого латиниста в Корпус зачислили переводчика Синода Филиппа Анахина. Напротив, то, что обучать кадетов русскому языку был определен писарь из ревельского предместья Эрих Весман, для того времени пример весьма показательный. На «порожные» вакансии учителей математики были приняты капрал И. Ремизов и кадет Д. Яхонтов, получавшие жалованье «по штату» и ставшие соответственно сержантом и каптенармусом.

При этом Миних требовал, чтобы учителя не «справляли работу» на стороне и находились в классах в указанные часы,

опоздание и тем более неявка (без уважительной причины) наказывались вычетом из жалования, случались и увольнения за нерадивое отношение к делу.

Учебный процесс осуществляли знающие преподаватели, коих на тот момент было немного, например, «инженерных наук» ученик В. фон Тир, успешно читавший курс математики, или учитель рисования Маттарнови.

Среди корпусных служителей выделялся поручик (затем капитан-поручик) Р. ван Дамм, обучавший геометрии, оптике и механике. Он также ведал «деланием» математических и физических приборов. По его инициативе приобретались необходимые инструменты, оборудование, были наняты слесарь и столяр, изготовлявшие учебный инвентарь. Более того, радея о своих учениках, он ходатайствовал перед Минихом об освобождении их от караулов и дежурств. Прошение это удовлетворено не было, однако сам факт весьма примечателен.

В 1734 г., когда состоялся первый ускоренный выпуск (11 человек), в Корпусе появился выходец из Саксонии И. фон Зихгейм, сразу ставший обер-профессором, а затем и профессором юриспруденции. Миних поручил ему контролировать ход занятий и соответствие их программе, успеваемость, преподавательскую «методу», посещаемость. Новоявленный саксонский профессор быстро стал едва ли не вторым человеком в Корпусе, к нему стекалась самая разнообразная информация, выходящая далеко за рамки определенной ему компетенции. За благосклонность влиятельного Зихгейма среди корпусных служителей, в первую очередь преподавателей, велась нешуточная борьба, иногда принимавшая форму настоящей вражды, сопровождавшейся драками. Правда, им в Корпусе не удивлялись: кулачные расправы были в чести. Тем не менее изначально Миних пытался установить суровую дисциплину, определить и расписать служебные обязанности всех должностных лиц в целом, воплотить в реальность положения устава.

К письму от 1 августа 1733 г., адресованному корпусному «распорядителю» майору де Ганону, Миних составил приложение из 97 статей. Они касались различных сторон корпусного уклада, начиная от внешнего вида кадетов и заканчивая принципами подбора преподавателей.

Не без участия генерального директора был составлен корпусной регламент из 72 положений, существенно дополнявших

послание де Ганону. В этом документе представлен распорядок дня воспитанников. Подъем по сигналу барабанщика в 5.00. После одевания, в 5.15, — молитва в зале правого крыла дворца, в 5.30 — завтрак (булка с маслом). С 6.00 до 11.00 — занятия в классах, обед и отдых — до 14.00, с 14.00 до 18.00 — уроки, с 18.00 — молитва, ужин и свободное время, в 21.00 — отбой.

В дальнейшем были внесены некоторые коррективы: например, классные занятия стали проводить с 6.00 до 10.00, затем следовали строевые и ружейные экзерциции. Кадеты участвовали в них и с 16.00 до 18.00. Ужин назначался на 19.30.

По мере развития Корпуса и совершенствования учебной программы его жизненный уклад, в том числе и распорядок дня, менялся, но миниховский регламент оказался на редкость устойчивым и в основе своей сохранялся в течение десятилетий.

Во многом это касалось и должностных обязанностей офицеров. В частности, майору предписывалось заниматься канцелярскими делами, оформлением бумаг, следить за «радением» канцеляристов и копиистов. Он также ведал состоянием построек, проведением ремонтных работ, финансовой документацией, ведомостями, табелями. Кроме того, должен был контролировать заполнение и состояние учебных журналов, включая журнал учителей.

Капитан традиционно предстает как ротный «хозяин», отвечающий за состояние вверенного ему подразделения в самом широком смысле. Помощниками капитанов по обыкновению выступали поручики. Что же касается адъютантов, то предписания регламента определяли их как людей, осуществлявших своего рода «капиллярную» связь в непростом кадетском хозяйстве.

Непосредственно с кадетами чаще всего надлежало иметь дело унтер-офицерам, капралам и фельдфебелям. Они были «плотью от плоти» кадетского бытия: стояли в караулах, присутствовали при трапезе, на занятиях. Особое внимание им следовало уделять состоянию жилых помещений: следить за их чистотой и «исправностью», а также за тем, чтобы «постели аккуратно хлопцами были оправлены».

В регламенте было затронуто и кадетское «учение». Кроме общих предписаний о необходимости выказывать при этом старание и усидчивость определялось, например, для лучшего изучения иностранных языков селиться русскому кадету с носителем немецкого языка. Рекомендовалось как можно больше

общаться с теми, кто хорошо знает французский язык, и по возможности усваивать его и вне классных занятий. Иностранцы, наоборот, должны были стараться общаться на русском языке — неудивительно, что слабо понимавшие «чужие» языки кадеты, за исключением уж совсем неспособных, к выпуску если не владели ими в совершенстве, то, по крайней мере, могли в них ориентироваться.

Вообще с учетом программы и системы обучения, установленных в Корпусе, его выпускники могли считаться людьми в целом образованными и офицерами подготовленными. С самого начала корпусной директорат в лице Миниха старался установить четкое расписание занятий и контроль за посещаемостью. Продолжительность классов определялась в $1\frac{3}{4}$ часа, заводились специальные книги, где расписывалось, «кому из кадетов во всю неделю в которые дни и часы и в каких классах и экзерцициях быть надлежит». Эти книги, где фиксировалась и успеваемость, имелись у ротных командиров, дежурных офицеров и воспитателей.

Кроме того, учителя держали под рукой списки кадетов, в которых указывалось, «кто и в каких науках и в каких часах бывает до обеда и после обеда». Таким образом, учеба кадетов подпадала под жесткий контроль, что, естественно, рано или поздно вызывало желание выйти из-под него и в 13—15 лет ощутить себя более или менее самостоятельным человеком.

Обязательные для всех строевые «экзерциции» проходили при активном участии пристава, ему вменялось «смотреть безо всякого упущения, равнение ружьев ряды и шеренгов, и поправка и показав им подробно в приемах и темпах после всякой команды. А когда твердо выучат, тогда обучать прочие части экзерциции».

Дисциплину на занятиях поддерживали учителя, воспитатели и дежурные унтер-офицеры, которые «имели крепкое смотрение, чтоб кадеты из классов в класс часто не переходили и в определение своих классов со всякой тихостью и смирением сидели». Добиться этого было тем более трудно, что в одном классе одновременно учились кадеты разных возрастов и уровня знаний: среди воспитанников, изучавших одну программную дисциплину, всегда находились и те, кто приступал к постижению ее азов, и те, кто продолжал изучение. Давали о себе знать и уровень домашней подготовки, и природные способности.

Основной метод подачи информации состоял в коллективном чтении вслух. Однако язык учебников был столь сложен, что даже медленное чтение нараспев не слишком облегчало запоминание. Учительские комментарии сводились к минимуму, лишь единицы делились своими знаниями, используя наглядные пособия в виде таблиц и картинок. Ясно, что такой подход не мог заставить юношу прилежно учиться. В усадьбе он относился к своим домашним учителям все-таки как хозяин, и его послушание в учебе было относительным. В Корпусе же подчинение преподавателям, особенно офицерам, должно было быть полным, даже если качество обучения оставляло желать лучшего. Моральное давление, тем более в таком возрасте, ощущалось явственно, и контакт ученика и учителя как залог успешной учебы был весьма слабым.

Правда, корпусное руководство старалось усовершенствовать учебный процесс, сделать его более эффективным. С 1736 г. кадетов начинают группировать по возрасту, и в каждой группе вводят свой учебный курс. Для 13–15-летнего возраста это французский и немецкий языки (которые изучались во всех классах), арифметика, рисование, танцы. Программа 16–20-летних кадет включала геометрию, историю, географию, мораль, геральдику, риторику и пр. Военные дисциплины изучались в основном во 2-м и 1-м классах.

Воспитанникам предстояло усвоить по каждой дисциплине обязательный объем знаний. Если недоросль при поступлении уже «знал порядочно», то переход из класса в класс и попадание в «выпуск» были делом несложным. Арифметика включала 4 действия, дроби и третичные правила, геометрия — начертание геометрических плоских и выпуклых фигур, вычисление поверхности конуса, тригонометрические задачи, курс географии — знание глобуса и ландкарт всех европейских государств, основных рек, гор, городов. Кадетам надлежало знать основные события античной, русской и европейской истории. Воспитанники Корпуса учились рисовать ландшафты и «наводить их тушью... рисовать ротштейном и позитуры». Иностранные языки требовалось знать в пределах основ грамматики, уметь говорить на общие темы, владеть военным лексиконом, читать и переводить несложные тексты.

На первых порах экзамены не проводились, но не было у кадетов и каникул. Отстающие, а таких хватало, вообще не

имели перерывов в учебе, сидели в классах в выходные дни, а иногда и в праздники.

Что же касается увольнений, то Корпус разрешалось покидать по субботам не более 40 воспитанникам. При этом начальство следило, чтобы в число тех, кто получал увольнительный билет, не попали проштрафившиеся кадеты. О каждой «провинности» кого-либо из товарищей кадеты могли и должны были сообщать сержантам или поручику.

Все должностные лица обязаны были следить за соблюдением регламентных положений и текущих распоряжений директора.

Возглавляя Корпус, Миних находил время и возможности быть в курсе всех дел, его интересовала буквально каждая мелочь кадетского быта. Делопроизводство корпусной канцелярии содержит изрядное количество бумаг, об этом свидетельствующих.

К примеру, Миних считал одной из наиболее важных задач целевое использование финансовых средств. В частности, он распорядился, чтобы для кадетских комнат были закуплены зеркала — вещь совсем не лишняя там, где требовался опрятный внешний вид. Он ревностно следил за соблюдением формы одежды, а также ее состоянием, остро реагировал, когда видел сам (или читал в докладах корпусных служителей), что некоторые кадеты носят грязные кафтаны и камзолы «в пятнах», шелковые платки вместо галстуков, имеют «волосы не убраны» и т. д. Зеркала хоть как-то могли сподвигнуть кадет блюсти подobaющий облик.

Миних добился того, что суммы, отпускаемые на корпусные нужды, были увеличены. Кадетский бюджет пополнился средствами, которые оказывались «в остатке» Семеновского, Преображенского и Измайловского гвардейских полков. Одной из мер по «бережению» кадетских финансов стало распоряжение, чтобы о расходах свыше 100 рублей ему направляли отдельное представление, на основании его он определял целесообразность трат.

С развитием Корпуса расходов становилось все больше. Как уже отмечалось, библиотека Корпуса не соответствовала поставленным перед ним задачам, а книги стоили немалых денег, особенно заграничные. В 1733 г. Миних приказал приобретать в первую очередь печатные регламенты, уставы, военные

инструкции. Это было связано, помимо прочего, с тем, что на первых порах из-за нехватки учителей по большинству предметов кадетам приходилось заниматься в основном экзерцициями. Наряду с отечественными и иностранными воинскими уставами и наставлениями заучивались, например, «Генеральный регламент», «Инструкция губернаторам», инструкции для полкового и земского комиссаров, кригс-комиссара, генерал-инспектора.

Книжное собрание Корпуса пополнялось во многом через купца Иоганна Штелина (Ягана Штегелина). Стоили книги и карты, обзорные и по странам, недешево, однако этот коммерсант, руководствуясь заказами Миниха, не забывал и о своих интересах. В 1735 г., например, им было закуплено 440 экземпляров вместо требуемых 457, за которые он заранее получил деньги. Разумеется, разница пошла в купеческий карман. Нельзя сказать, что подобное происходило систематически, однако в конце концов отношения с оборотистым торговцем были прекращены. И все же в первые несколько лет Штелин успел поставить в библиотеку Корпуса книги по философии, истории, учебники по немецкому и французскому языкам, латыни, географии. Достаточно назвать Плиния, «эпистолеи Горациуса», сочинения Тита Ливия, Марциала, Ювенала, 15 книг по геометрии, «Геральдику» Энгена, «Логику немецкую», «Метафизику немецкую» Вольфа. В корпусную библиотеку попали и сохранившаяся часть книжного собрания Меншикова, а также книги, приобретенные директором Корпуса Л. Люберасом, в основном на латинском языке.

Еще в 1733 г. Миних распорядился обучать кадетов литавренному бою. Чуть позднее были приобретены флейты, валторны, скрипки, гобои. Вскоре жители Васильевского острова, привыкшие к барабанной дробе, могли время от времени слышать и партии, которые исполняли на этих инструментах кадеты и приглашенные Минихом преподаватели, а уже с 1734 г. и принятые на казенный кошт музыканты.

Выполнение учебного плана требовало технического обеспечения занятий по математике, физике, химии, оптике, механике, архитектуре. Преподаватель Р. ван Дамм, как уже говорилось, привлек кадет к изготовлению необходимых приборов, но этого было недостаточно. В корпусном бюджете была выделена для их закупок отдельная статья, и вот уже столичные

«торговые люди» привозят в «кадетский дом» готовальни, астробии, колбы, краски, карандаши.

Большие суммы шли и на непрекращавшиеся ремонтные работы. Наконец, чтобы укомплектовать штат преподавателей, Миних выкраивал немалые суммы для увеличения их денежного содержания и найма квартир. Иногда, в том случае, если преподаватель имел отношение к Академии наук, жалование ему платило это учреждение.

Финансовое обеспечение Корпуса поддерживалось во многом благодаря тому, что Миних занимал пост президента Военной коллегии и старался, чтобы кадетский бюджет не оскудел.

Вообще нельзя сказать, что экономическая жизнь Корпуса сводилась только к использованию отчислений из казны. В его ведении благодаря стараниям все того же Миниха оказалась Восновицкая мыза в Копорском уезде, в ее состав входило 127 дворов с населением 954 человека. Земля стала сдаваться в оброк, и в первый же год доход составил 360 рублей. Более того, к «кадетскому строению» были отправлены 25 крестьян с лошадьми.

Не без выгод корпусной администрацией использовались и василеостровские угодья — огороды и в большей степени сад. Отдача на откуп ягодных кустов и плодоносных деревьев приносила как прибавку к бюджету, так и свежие продукты для кадетского стола. На территории Корпуса действовало несколько лавок и магазинов, удовлетворявших насущные нужды его обитателей.

Сколь оправдывались усилия Миниха и военного ведомства в целом по созданию если не образцовой, то близкой к этому универсальной военной школы, отвечающей велениям времени и поставленным перед ней задачам? Одна из основных проблем состояла в том, чтобы соотнести прусскую модель «милитарного» учебного заведения с русскими реалиями, последствиями реформ Петра I и его преемников. Разумеется, в силу объективных и субъективных причин быстрой полноценной отдачи ожидать не стоило. Значительная часть отроков, прежде чем отправиться в Корпус, постигала науки дома, поэтому уровнем своих знаний похвастаться не могла (были и такие, кто вообще не знал практически ничего, даже азов арифметики и грамматики).

При всем желании, «елико возможно скоро увидеть результаты своей деятельности», Миних понимал, что для «учинения

добрého порядка» необходимо время. Он считал принципиальным, чтобы дворянские отпрыски получали офицерские чины, только отучившись в военном учреждении, и «эрудиция» большинства поступавших в Корпус подтверждала эти его воззрения на военную карьеру дворянства, с течением времени они нашли отражение и в официальных документах.

Таковым стал указ от 6 мая 1736 г., предписывавший дворянам выполнять свои обязательства по несению службы государевой. Поводом к его появлению в известной мере послужил тот факт, что «благородное сословие», а также и другие служилые чины все чаще стали игнорировать явку на смотры. Их дети под разными предлогами старались «отбыть» от службы.

В указе обращалось внимание на то, чтобы отпрыски «служилых людей» получали образовательную подготовку, в первую очередь в школах, куда выходцы из малоимущих семей определялись на казенное жалованье. Тем же, кто так и оставался неучем, военная карьера была заказана, а их родителям назначался штраф в 100 рублей и появлялась реальная угроза остаться без имения.

Разумеется, акт «не имел обратной силы» и не касался тех, кто, не будучи силен в «грамоте и счете», уже был принят в Корпус, где обучение засчитывалось как прохождение службы, однако впоследствии в корпусной документации жалобы на низкий уровень знаний учащихся, а уж тем более на их «полную неосведомленность» встречаются все реже.

Почти через полгода, 31 декабря, издается манифест «О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнения от оной», в котором сокращается число потенциальных кандидатов в кадеты: один из дворянских сыновей мог оставаться для присмотра за имением, а вместо себя отправить на службу рекрута.

9 февраля 1737 г. появился указ о порядке проведения смотров, выявлявших степень готовности дворянских недорослей к службе.

Первый смотр сводился к регистрации семилетних детей. В 12 лет они являлись вместе с родителями на второй смотр к губернатору, который проверял их знание грамматики и счета, а доктор свидетельствовал здоровье. Часть детей, наиболее подготовленных и, наоборот, почти ничего «не разумевших», отправляли в школы. Родители, имевшие не менее 100 душ, могли «образовывать» детей дома, в качестве основных предметов

предлагалось обучение письму, чтению, катехизису, арифметике и геометрии.

На третий смотр дворянские недоросли должны были явиться в 16 лет. Местом явки определялись Сенат и Герольдмейстерская контора или их структуры в Москве. Вновь следовали врачебный осмотр и проверка знаний, включавшая чтение печатного и рукописного текстов, устный счет, написание диктанта. По результатам определяли дальнейшую судьбу дворянских отпрысков: не преуспевшие ни в чем записывались на флот в матросы, часть предварительно назначалась в армию и гвардию, а также на гражданскую службу. Изъявивших желание продолжить свое образование могли записать в Морскую академию, Кадетский корпус или в коллегии юнкерами. Сыновья состоятельных людей отправлялись домой до 20 лет постигать географию, историю, иностранные языки, фортификацию.

Наконец в 20 лет дворяне являлись на последний, четвертый, смотр, откуда они в зависимости от подготовки, способностей и склонностей определялись в матросы, в гражданскую или придворную службу, рядовыми в гвардию, унтер-офицерами в кирасирские или пехотные полки, особо сведущие в фортификации и артиллерии — в инженерные и артиллерийские войска. Если недоросля отличали глубокие знания, то по представлению Сената и Герольдмейстерской конторы решением Военной коллегии он мог быть произведен в офицеры.

Своего рода дворянские смотры проводились и в Корпусе, в виде экзаменов. Первоначально о них вообще не думали, поскольку занятий в классах было мало, часто их заменяли шагистикой или фехтованием. Но постепенно учебный процесс входил в колею, и время от времени для кадетов стали устраивать проверочные испытания по разным дисциплинам. Их результаты были не то чтобы удручающими, но и не блестящими. Обучение кадета, находившегося на казенном обеспечении, стоило недешево, и если он занимался спустя рукава, то государственные деньги вылетали на ветер. С теми, кто «в науках ничего не разумел», надо было что-то делать. Положение усугублялось тем, что в числе «неразумеющих» было немало воспитанников 20 лет и старше. Директорат пошел на уступку, надеясь обучить их хотя бы письму и чтению, танцам, основам фехтования и верховой езды, не требующим умственного напряжения. Однако проблем это не решало, даже наоборот. 1737 г. в этом смыс-

ле стал определяющим: свою роль здесь сыграли манифест 9 февраля, Миних и... Академия наук.

Ее сотрудниками были выработаны правила кадетских экзаменов, которые делились на общие и партикулярные. Первоначально их устраивали раз в год для 12- и 16-летних кадет. Затем 16-летних решили экзаменовать дважды в год — 15 марта и 15 сентября (на деле такая практика утвердилась только к 1740 г.).

Неучей ожидала дорога в матросы, остальным приходилось выдерживать непростые испытания. На генеральном экзамене проверялись знания и навыки в следующих дисциплинах: 1) экзерциции, танцы, фехтование, «конская езда» и рисование; 2) иностранные языки; 3) география и история; 4) математика, механика, фортификация и артиллерия; 5) философские науки, физика, юриспруденция (для тех, кто их «несколько» изучал, так как не все эти дисциплины включались в обязательный курс). В состав экзаменационной комиссии входили сенатор, преподаватели Морской академии и Инженерной школы, профессор (преподаватель) Академии наук. В их распоряжении находились учебные табели, ведомости, журналы, алфавитный список учащихся, а также рекомендации и отзывы корпусных учителей о своих воспитанниках.

Успеваемость каждого кадета отражалась в «реэстре», куда заносились данные как о текущих отметках, так и об итогах экзаменов. Вот учебная «аттестация» кадета П. Протасова, поступившего в Корпус «по ордеру Миниха» 23 мая 1732 г.:

«Геометрия — обучается тригонометрии.

Немецкий язык — переводить с немецкого на русский начинает.

По-немецки писать — посредственно.

Арифметика — окончал изрядно.

Рисовать — обучается в тушевании изрядно.

Фехтовать — в контру фехтует и вольтижирует.

Танцовать — танцует минуэт и другие танцы.

Верховой езде — обучается в позитуру изрядно, ездит рысь и скачет.

Фортификацию — дошел до иррегулярной фортификации».

Первый генеральный экзамен под председательством сенатора князя Юсупова состоялся 23 сентября 1737 г. Это было этапное событие в деятельности Корпуса, и в целом он выдержал испытание.

*Императрица
Анна Иоанновна*

Правда, впервые продемонстрировать приобретенные навыки кадетам пришлось значительно раньше, в 1732 г. «Строевое умение», включая приемы с оружием (единственное, что можно было усвоить за несколько месяцев) было показано самой императрице, участвовавшей в процедуре вручения Корпусу его знамени в конце лета (к знаменам и форменной одежде кадетов мы обратимся позже). Императрица вбила первый гвоздик, крепивший полотнище к древку. Ее примеру последовали принцесса Анна (будущая правительница Анна Леопольдовна) и сам Миних. Затем в течение часа кадеты показывали императрице и всем присутствовавшим на церемонии искусство «строя», маршировки, манипуляции с оружием.

Со временем подобные смотры устраивались периодически. Так, в декабре того же года знамена и штандарт вручались уже ротам, фузелерным и конной; кадеты порадовали собравшихся искусными перестроениями и четкими ружейными приемами.

В 1735 и 1736 гг. смотры проходили не в высочайшем присутствии, а в 1737-м императрица вновь наблюдала кадетские маневры и «пальбу». От высочайшего имени кадетам и офицерам «за великую исправность в учении» было даровано несколько бугылок дорогого вина.

Практические занятия кадетов не ограничивались экзерцициями и упражнениями в фехтовальной зале. Волею обстоятельств им пришлось участвовать в составлении одного из планов российской столицы.

10 июля 1737 г. в Петербурге была учреждена Комиссия о строении, которая должна была заниматься планами как отдельных районов, так и города в целом, а также подготовкой инструкций для полиции и «наблюдением за постройками». В состав комиссии, кроме чиновников, входили архитекторы П. Ероп-

кин и М. Земцов. Именно на них возлагались основные работы по составлению общего плана столицы с обозначением мест «всяких строений» и «где публичным площадям быть». Причиной тому послужили сильные пожары 1736 и 1737 гг., уничтожившие большое число домов в разных районах города.

Для проведения геодезических работ привлекли капитан-поручика бомбардирской роты Преображенского полка фон Зихгейма. Тот в свою очередь обратился в Корпус относительно командирования к нему кадетов и офицеров «для снятия» плана. Они должны были иметь «наличные астролябии» и колья — 3- и 4-аршинные по 20 штук. Зихгейм просил прислать ему людей «умеющих», которым не надо было объяснять азы. Корпус направил 34 кадета при двух офицерах.

Кадеты должны были производить топосъемку Ямской слободы, а от нее по Лиговскому каналу до «перспективы, которая следует в Сарское село... також между той слободой и набережной по фонтанной реке дворами и всем местам».

Они тотчас были отправлены на место съемки, где и приступили к работе, однако она продвигалась не так быстро, как ожидалось. Зихгейм хотел заполучить кадетов и «для черчения плана» Санкт-Петербургского острова, на этот раз к нему прибыли 8 человек с учителем. Учащиеся Корпуса не предполагали, что их «местная командировка» затянется на несколько месяцев, но вряд ли сокрушались по этому поводу: куда приятней было оказаться в городской обстановке, чем в корпусных классах или на плацу. Кормили кадетов, что называется, на рабочем месте, возвращались к себе они только на ночлег. Корпусное начальство приняло во внимание длительное пребывание кадетов на топосъемках и не обязывало их самостоятельно заниматься предметами, занятия по которым они вынуждены были пропускать.

Между тем жизнь в бывшей усадьбе Меншикова шла своим чередом.

Поручики, капитаны, преподаватели, в большинстве своем выходцы из «немецких земель», старались дисциплинировать и «образовать» пеструю массу дворянских отроков.

Иностранцы присягали служить верой и правдой, «быть в русской службе вечно», к присяге приводились и корпусные служители, кроме пивоваров и им подобных чинов. Кадеты также приносили присягу, обязываясь тем самым подчиняться

требованиям устава, предписаниям директората и приказам своих непосредственных командиров. Однако, несмотря на достаточно суровые требования, кадетский быт лишь напоминал армейский: все-таки это было привилегированное военное учебное заведение, где учились сыновья из благородных семей, в том числе и знати.

Будучи президентом Военной коллегии, Миних старался обеспечить кадетам подходящие условия для учебы и жизни.

Не сразу, но довольно скоро был укомплектован штат корпусного лазарета и даже выписан зубной врач: на содержание «ртов и зубов в чистоте» обращалось серьезное внимание.

В 1741 г. в саду была наконец построена деревянная на каменном фундаменте баня, речь о которой велась еще в 1737 г.

Если говорить о кадетском рационе, то он отличался от солдатского стола. На завтрак кадеты получали булку с маслом, зато обеденное меню, и не только в праздничные и воскресные дни, могло включать окорок, солонину, свежую говядину, паштеты, баранину, оладьи, пироги, свежую и соленую белужину, осетрину и лососину, уху, жареную рыбу. На ужин подавались студеная рыба, оладьи или пироги, квас, легкое пиво. Унтер-офицеры имели право питаться по желанию и самостоятельно, причем прислуга готовила им еду или непосредственно в жилых помещениях, или, в летнее время, прямо на улице у Невы, что сопровождалось чадом и всевозможными запахами. К услугам кадетов и корпусных служителей имелись и продуктовые лавки, однако трапезы, как правило, были столь обильны, что еды хватало и на то, чтобы подкормить своих слуг, и на угощение собакам, с которыми кадеты не расставались даже в Большом зале, служившим столовой.

Более того, слуги и собаки находились вместе с кадетами и в их «каморах», где они селились по 7–10 человек: своего рода картинки средневековья, когда рыцари проводили большую часть времени на охоте, в походах, на пирах вместе со слугами, оруженосцами и собаками. На дверях указывались номер роты и фамилия «старшего» (унтер-офицера или капрала), отвечавшего за порядок и чистоту. Дело это было неблагоприятное, и легко можно себе представить, как могли выглядеть комнаты при таком совместном проживании.

Ротным командирам также вменялось в обязанность проверять кадетские «каморы», и итоги проверок, зафиксированные

в «Журналах приказов» по Корпусу, свидетельствовали о неудовлетворительном состоянии большинства из них. Речь шла не только о грязи, но о сырости, «стуже», ветхости потолков и стен. По мере сил руководство старалось исправить последствия ремонта, но это по разным причинам удавалось не вполне. Поэтому облик меншиковских строений зачастую контрастировал с видом их интерьеров.

Поступив в Корпус, кадеты не обрекали себя на изоляцию. Им полагались отпуска, предусмотренные изначально Минихом. Однако реалии как всегда несколько изменили первоначальные планы. Прошения об отпуске, главным образом для того, чтобы свидеться с престарелыми, больными родителями или уладить «семейные дела», направлялись руководству с завидным постоянством. Отправляясь на 2—3 месяца домой, кадеты так быстро привыкали к милым их сердцу обстановке и привычкам, что под разными предлогами не торопились возвращаться. В отпусках они не садились за учебники и забывали многое из того, что успевали усвоить в Корпусе. Число отпускников иногда достигало 50 человек, и Миних стремился навести в этом деле порядок, но исправно привозимые кадетами свидетельства о собственной «болезни» или недугах родителей сводили его усилия на нет.

Покидать «кадетский дом» вне отпуска можно было без особых разрешительных билетов, но только во внеучебное время. «Посещение» сада и огородов без офицера (впоследствии унтер-офицера) запрещалось. Для поддержания должного порядка в самом «доме» и на корпусной территории назначалось два караула — солдатский (1 офицер, 1 унтер-офицер и 42 рядовых) и кадетский. Вместе с отдельной пожарной командой они также следили за тем, чтобы в неуточное время не зажигали огней и не топили печи, и помогали жителям Васильевского острова тушить пожары.

Несмотря на контроль со стороны офицеров, унтеров и учителей, на запретительные предписания Миниха и статьи устава, кадеты нередко выходили за рамки дозволенного, демонстрируя излишнюю «вольность» в поступках.

В документах корпусной канцелярии встречаются, например, сведения о таких кадетских «шалостях», как избиение караульных и работников, обслуживавших сад и огороды, стрельба по птицам, «порча» кровли, битье стекол, «ломанье» деревьев и пр.

Невзирая на запрет играть в карты и курить табак, то и другое делалось почти в открытую. Занесенные в «штрафной» журнал провинившиеся кадеты носили черные кафтаны. При повторных нарушениях наиболее отчаянные могли угодить и в солдаты или на разные сроки в гарнизонные школы. Побег из Корпуса были не многочисленны, тем большее внимание им уделялось. Так, в 1734 г. два кадета, Ф. Фок и Я. Лилиенфельд, обзаведясь поддельными «пашпортами», бежали на взятых у ямщиков лошадях. Погоня за беглецами увенчалась успехом, и их схватили у Нарвы. Дело об этом побеге сохранилось полностью, включая и допросы. На них выявилось нежелание кадетов постоянно оставаться в Корпусе и открыто ставилась под сомнение необходимость дальнейшего в нем пребывания. И вот за столь вроде бы серьезный проступок, побег с государевой службы, их приговаривают всего к полугоду гарнизонной школы.

За воровство наказывали более сурово. В 1736 г. кадет И. Писарев вознамерился пожить за счет товарищей, украв у них молитвенник, кошелек, серебряные украшения, 6 шелковых платков, 5 голландских рубах и «всякую мелочь». За это он был бит розгами и отдан в солдаты.

Как и учащимся петровских специальных школ, кадетам запрещалось жениться. Но находились такие, для кого не существовало запретов. К их числу относился А. Ломаков, отбывший в отпуск из-за болезни матери, которая не могла управлять имением, там он и женился, о чем не торопился сообщать в Корпус. Но все же об этом стало известно, и новоявленный семьянин был отчислен из Корпуса и определен солдатом в армейскую пехоту.

Виновных могли наказать шпицрутенами (в гарнизонном полку), «кошками», определить не только в солдаты, но и в матросы или барабанщики. За период правления Анны Иоанновны «забритых в службу» набралось всего 19, а наказанных «боем» было еще меньше.

Вынужденным своими дядьками и привыкшим к усадебной вольнице кадетам не без труда давалось соблюдение корпусных правил и ограничений. Это касалось как внутреннего распорядка, так и «благообразного поведения» на столичных улицах. Кадетам внушалось, что их статус предполагал не только почтительное отношение окружающих к ним самим, но и с их стороны вежливое обращение к дамам и кавалерам, встречавшимся

во время прогулок. Однако, ощущая себя персонами в известной мере привилегированными, кадеты проявляли излишнюю щепетильность в оценке знаков внимания к самим себе, что приводило к недоразумениям и конфликтам с прохожими, удивлявшимися их не всегда безобидным выходкам. В случае уличных происшествий с участием кадетов и связанных с ними дальнейших разбирательств корпусное начальство, соблюдая ведомственную корпоративность, по возможности старалось выгородить своих воспитанников. Наказание за «шалости», если, конечно, они не отягощались серьезными последствиями, было достаточно мягким.

Дисциплинарные взыскания могли последовать и в случае, если у кадетов «ружья несмотренные заржавели» или «амуниция содержалась не в надлежащей чистоте», но это было в порядке вещей и не выходило за рамки уставов.

Свод правил Корпуса, отчасти заимствованный из Европы, отчасти разработанный самим Минихом, хотя и редко, но менялся. Например, в связи с возрастающей учебной нагрузкой было сокращено время строевых занятий: в соответствии с именным указом от 6 сентября 1737 г. они должны были проводиться раз в неделю, и только для новобранцев дважды. С 12 августа 1740 г. освобождали от «милитарных» занятий и караулов тех кадетов, кто намеревался идти на гражданскую службу.

Периодически менялось количество часов, отведенных на изучение иностранных языков (в частности, английского), фехтование. То уменьшалось, то увеличивалось число тех, кто мог отправиться в отпуск. Возможность самого отпуска одно время вообще ставилась в зависимость от успеваемости и прилежания, однако такие новации оказывались недолговечными.

Определенные изменения претерпела и организация занятий по верховой езде. Изначально считалось, что офицерам для полноценной подготовки и дворянину вообще умение хорошо ездить верхом совершенно необходимо. В качестве обязательной дисциплины «лошадиное искусство» значилось в уставе и первой учебной программе, позже добавилось обучение вольтижировке. При этом кадеты делились на пехотные роты мушкетеров и гренадер из наиболее «видных» отроков по 14–16 человек в каждой, их обучали особому «гренадерскому» строю, о формировании специальных кавалерийских подразделений речь в то время не заводилась.

Однако уже в конце 1733 г. следует предписание Миниха об учреждении рейтарской роты, которая формируется к сентябрю следующего года. Первоначально в ее состав входили шестнадцать наиболее подготовленных, но не искушенных в верховой езде кадетов во главе с капитаном де Боданом. Со временем численность увеличилась до 40—50 человек, но строго не регламентировалась. Для практических занятий устроили рейтгаузманеж, за которым следили специальные рабочие. То же касалось конюшен, хотя уходу за лошадьми учили и кадетов. По инициативе шталмейстера фон Траубница закупили несколько лошадей, но они совершенно не подходили для обучения конным эволюциям из-за норовистости и упрямства. Сладить с ними было в пору только опытному наезднику, к коим нельзя было отнести ни одного из учащихся. Более того, такая лошадь могла покалечить начинающего. Доставленные в корпус седла были «строевые», использовавшиеся кадровыми кавалеристами, для кадетов же годились только так называемые школьные седла. Корпусному шталмейстеру предстояло исправить положение, и он с энтузиазмом взялся за дело. С Бироном была достигнута договоренность о закупке девяти новых лошадей, для чего выделили 1600 рублей. Военное ведомство прислало необходимые седла. Миних составил пространные инструкции для служителей конюшни и самого шталмейстера, четко определив круг их обязанностей. В конюшне должен был поддерживаться порядок; уборка, чистка коней и своевременная раздача корма — обязательные условия для исправного содержания конного хозяйства. Для начального обучения кадетов предписывалось использовать не очень резвых лошадей (строевые лошади предназначались для рейтарской роты). Шталмейстер отвечал за содержание конюшни и манежа и вместе с обер-берейтором — за качество проводимых занятий. С офицером и унтер-офицером рейтарской роты он лично проверял чистоту помещений и лошадей, «учинял» осмотры кормовой базы, проводил занятия вместе с обер-берейтором и берейтором.

Усилия руководства увенчались успехом, и постепенно Корпус стал одним из столичных центров верховой езды.

В 30-е гг. в Корпусе появились шлюпки и шхербот — своеобразное продолжение традиций дворцового быта еще времен Меншикова. Будучи ведомством островным, Корпус сообщался с другими столичными районами и по воде. Кроме того, корпус-

ные суда, в первую очередь шхербот, служили средством доставки различных припасов, в том числе и продовольствия. Первоначально корпусную эскадру, причем с большой неохотой, обслуживали гребцы от адмиралтейского ведомства. Со временем к этому стали чаще привлекать частных лиц, имевших на Неве свои перевозы, а затем и корпусных служителей и кадетов.

Однако профессиональными гребцами или матросами учащиеся могли стать, только выказав полнейшую неспособность к наукам. Те же, кто учился «изрядно» и имел хорошие характеристики (а также определенные физические данные и должную строевую выучку), еще в Корпусе могли быть поощрены производством в ефрейторы, капралы, сержанты, подпрапорщики, фельдфебели (решение принимал Миних по представлению директората). После выпуска большая часть кадетов оказывалась в армии, причем далеко не все офицерами. Так, например, из 68 человек выпуска ноября 1736 г. 5 стали поручиками, 8 — подпоручиками, 29 — прапорщиками, 7 — сержантами, 14 — капралами и 5 — рядовыми. Как правило, бывшие кадеты направлялись в пехоту, единицы — в инженерный корпус. Из первого выпуска 1734 г. (11 человек) Спиридов, Вяземский, Бахметьев были командированы прапорщиками в распоряжение И.К. Кирилова, обер-секретаря Сената, известного ученого, географа, статистика и картографа, автора «Цветущего состояния Всероссийского государства» и руководителя Оренбургской экспедиции.

В гражданские ведомства, прежде всего Иностранную, Коммерц-, Юстиц- и Камер-коллегии, попадало сравнительно немного выпускников, за несколько лет в среднем не более 6%. Единицы направлялись в межевое ведомство, в различные канцелярии, дворцовые структуры, и то нерегулярно.

Иногда случалось наоборот: недорослей, «обретающихся при Сенате, Синоде, Коллегиях и Канцеляриях», «для окончания других наук» определяли в Кадетский корпус, так как они не имели «прилежания к приказным делам».

Безусловно, бывали и исключения, наиболее ярким примером может служить карьера выдающегося драматурга А.П. Сумарокова (1717—1777), который по окончании курса в 1740 г. стал адъютантом сначала вице-канцлера А. Головкина, а затем и обер-егермейстера А.Г. Разумовского, корпусным офицером, но, как говорится, на то он и Сумароков.

В миниховский период Корпус превращается в крупный административно-военный хозяйственный комплекс. Связанный многими нитями с государственными структурами разного уровня, частными лицами, он являл собой достаточно замкнутое, но не изолированное образование. В Корпусе имелись службы, обеспечивавшие всем необходимым как учебный процесс, так и жизненный уклад во всем его многообразии. Здесь были пекарня, парикмахерская, оружейная мастерская, швальня, лазарет с укомплектованным штатом, библиотека, конный манеж и конюшни, сад, огороды, церкви и пр. Более того, он постоянно развивался, по уровню организации не уступая зарубежным аналогам, а кое в чем и превосходя их. Корпус органично вписывался в островной и городской ландшафт, становясь неотъемлемой его частью, такой как здание Двенадцати коллегий или Кунсткамера.

Можно признать, что основание Корпуса — одно из немногих серьезных нововведений в период так называемой бироновщины, который по сравнению с предшествующей эпохой петровских реформ был крайне скудным на идеи и масштабные свершения. Символично, что, разместившись во дворце петровского клеветра, постоянно занимавшегося усовершенствованием и архитектурным приращением своей резиденции, корпус-

Вид Императорской Академии наук и окрестностей

Дворец князя А.Д. Меншикова. Фото 1890-х гг.

ное руководство мало-помалу тоже ремонтировало, переделывало и одновременно расширяло свои владения.

Ремонт, начавшийся еще во время основания Корпуса, то прекращался, то возобновлялся. Последней архитектурной «вспышкой» при Минихе можно считать замену старой крыши с переломом на обычную, а также 16 коротких пилястр 2-го и 3-го этажей на 8 длинных сразу на два этажа. Дальнейшие изменения в Корпусе происходили при новом директорате и в правление другой императрицы.

В течение нескольких месяцев — с 27 марта по 25 ноября 1741 г. — после смерти Анны Иоанновны и отставки Миниха Корпусом руководил принц Антон-Ульрик Брауншвейг-Вольфенбюттельский, муж правительницы Анны Леопольдовны. Директорство его никоим образом не отразилось на кадетском быте. Принц и его помощники даже не успели толком ознакомиться с корпусным делопроизводством. Правда, при нем в Корпус пригласили несколько служителей для ухода за огородами и садом и приехал один преподаватель по юриспруденции, но это события рядовые. Вообще складывалось впечатление, что в целом налаженный уклад «кадетского дома» не нуждается в серьезных улучшениях, но ничто не бывает идеально, и ближайшее будущее это подтвердило.

Недолгое пребывание на троне Анны Леопольдовны закончилось очередным дворцовым переворотом: 25 ноября 1741 г.

императрицей стала Елизавета Петровна, дочь царя-реформатора. Корпус возглавил генерал-фельдмаршал Людвиг-Вильгельм Гессен-Гомбургский. Оценить его деятельность в директорской должности довольно затруднительно, так как бумаги корпусной канцелярии содержат информацию о событиях, не выходящих за рамки повседневности, например, о найме садовника, огородника и плотника, которые должны были заменить уволенных и заболевших коллег, или о составлении списка красок и книг, необходимых для занятий по юриспруденции и черчению. Как всегда изрядную долю документов составляли финансовые отчеты и ведомости, приходно-расходные книги, вещевые и продовольственные табели — свидетели активных экономических и финансовых отношений, сопровождающие функционирование любого более или менее значимого административного организма.

Исключением на этом фоне можно считать устройство на территории сада земляного укрепления, «городца», для практических занятий. В помощь кадетам были определены офицеры Измайловского полка, под руководством которых они, используя дерн, складывали бастионы и контрэскарпы.

В 1743 г. Корпус поменял свое официальное название и стал именоваться Сухопугным шляхетным кадетским. В этом же году часть его кадетов, уроженцев Новгородской губернии, вознамерились перевести в Морской корпус. Поскольку таковых набралось 130 человек, 1/3 от общего числа, было принято решение ограничиться 34 кадетами.

К этому времени в Корпусе приступили к радикальному изменению интерьера Большого зала, который решено было превратить в церковный. Активное участие в этом принял иеромонах Гавриил Краснопольский, создавший проекты убранства зала и иконостаса. Работы заняли два года, и в сентябре 1745 г. церковь была освящена, на шпиль фронтона водрузили крест. А годом ранее начали «устройство» лютеранской церкви, открывшейся в 1747 г.

С 26 августа 1745 г. к обязанностям главного руководителя Корпуса приступает генерал-фельдцейхмейстер князь В.Н. Репнин, пробывший на этой должности 3 года.

При нем несколько увеличился бюджет, прежде всего за счет сдачи в аренду принадлежавших Корпусу земель за пределами Петербурга. «Корпусные» угодья приносили сравнительно

небольшой доход — несколько сотен рублей. Арендаторы, помимо доставки «даров природы», увеличили эту сумму в полтора раза. Кадетское хозяйство пополнилось еще участками на Васильевском острове, отведенными под огороды. В это время решался вопрос о передаче в ведение Корпуса от 20 до 30 дворов на Лиговском канале. В общем, в экономическом плане все обстояло благополучно. Видимо, благодаря этому возросли объемы закупок книг, карт, инструментов. Они считались насущно необходимыми, и денег на них не жалели; за порчу учебного имущества следовали довольно строгие наказания, вплоть до розог. Но в том случае, о котором в 1746 г. одно время говорил весь город и знала даже императрица, розги могли показаться слишком мягкой мерой.

Кадет Петр Линдеман не отличался ревностным соблюдением воинской дисциплины и неоднократно был замечен в ее нарушениях, в первую очередь в самовольных отлучках. Они происходили регулярно, и последняя закончилась трагически. В ночь с 3 на 4 декабря Линдеман в очередной раз незаконно покинул Корпус, а на следующий день по возвращении был арестован и наказан фухтелями. Однако это его не остановило, и он вновь исчез. Поиски завершились тем, что Линдеман был обнаружен заколотым на квартире измайловского сержанта Зейтца. Следствие показало, что виноваты были оба участника ссоры, хотя сержант, оставшись в живых, естественно, представлял зачинщиком исключительно незадачливого кадета. Об этом происшествии и ходе дознания императрице докладывал сам Репнин. При том, что кадеты действительно довольно часто самовольно покидали территорию Корпуса, фатальный исход одной из отлучек был из ряда вон выходящим фактом.

Вообще в это время в кадетских аттестатах запись «в классе весьма редко бывал» встречается довольно часто, но это свидетельствует скорее не о прогулах, а об относительной свободе выбора кадетами тех дисциплин, к которым они имели больше склонности. Здесь присутствовало и естественное, как у всякого учащегося, желание пропустить урок-другой, но это в порядке вещей. Были, конечно, завязтые прогульщики и лентяи, но таких по сравнению с 30-ми гг. стало гораздо меньше. Правда, обязательной программы никто не отменял, однако наказания за пропуск занятий были довольно либеральные. Списки оштрафованных, ротные и общие корпусные, пестрели фамилиями

кадетов, совершавших, как правило, проступки не очень серьезные, но регулярно, и на первом месте были как раз самовольные отлучки, при этом число побегов резко сократилось.

Обучение кадетов не ограничивалось занятиями в классах и на плацу: их по-прежнему привлекали к мероприятиям, организованным на государственном уровне. К их числу относились межевые работы в Ингерманландии, включавшие определение границ земельных участков путем съемок и составление планов на их основе. В 1746 г. в помощь межевщикам, а частично вместо них были командированы кадеты с «инструментами», вначале 10 человек, а затем еще 36. Работы продолжались довольно долго, поэтому они участвовали в них «в очередь», сменяя друг друга партиями. Пользуясь моментом, корпусное руководство не замедлило обратиться с прошением предоставить в его распоряжение несколько земельных участков, находившихся недалеко от города. Просьба эта была удовлетворена не сразу, но Корпусу отписали-таки небольшие мызы на южном берегу Финского залива. Вероятно, участие кадетов в ингерманландском межевании не вызывало нареканий — их и в дальнейшем задействовали при проведении подобных работ. Более того, во исполнение именного указа от 13 мая 1754 г. в межевую канцелярию по Московской губернии «учинены распоряжения» направить «геодезии офицеров и геодезистов, сколько есть в Москве, к ним присовокупить, смотря по надобности, штаб и обер-офицеров, и геодезистов, назначая их как из служащих в военной службе, так из артиллерии... кадетских корпусов и прочих ведомств».

Грохот барабанов и звуки флейт и гобоев оглашали каждый день восточную оконечность Васильевского острова. Кадетские роты, разбившись на бригады, занимались строевыми экзерцициями, вырабатывая должную осанку и «полноту» шага. В летнее время неподалеку от плаца отдельные группы «репертовали» фехтовальные приемы, слушая отрывистые, с иностранным акцентом замечания «фехтмейстера» и его помощников. Двери корпусной канцелярии почти не закрывались, сравнительно небольшой штат денно и ночью скрипел перьями, стараясь ничего не упустить из бумаг, порой составленных скомканными фразами не всегда понятного содержания. Унтер-офицеры и рядовые армейских и гвардейских полков, придворные скороходы, курьеры из коллегий доставляли и забирали прошения, приказы, резолюции — будни всякой, невзирая на уровень, администрации.

Гул кадетской жизни наполнял дворцовые покои, издавна привыкшие к другим звукам уже ушедшей в прошлое Петровской эпохи. Теперь это были отрывистые приказы на немецком и французском, реже — на английском языках и крепкое русское словцо, монотонные объяснения преподавателей и юношеский смех, бессильная ругань унтеров и зычные команды воспитателей и ротных командиров.

У корпусных ворот, охранявшихся то солдатским, то кадетским караулами, также кипела своя жизнь. Здесь можно было видеть родителей, приехавших или навестить свое чадо, или, наоборот, отдать учиться в Корпус; сюда наведывались торговцы сбитнем и калачами, продавая свою нехитрую снедь дешевле, чем в кадетских лавках; подходили просто зеваки, желавшие посмотреть даровое зрелище развода караула и строевых занятий.

Так что парадный облик «кадетского дома» не во всем соответствовал его внутренней атмосфере: стены меншиковского палатца скрывали своеобразную, неоднозначную, где жестко заданную, где построенную на импровизации жизнь. В известной мере это отразилось и в символике Корпуса, представленной на фронтоне. Вопрос о ее создании возник в 1731—1732 г. Корпусной герб должен был воспроизводиться соответственно на офицерских знаках, знаменах, штандарте, ружейных пирамидах и даже посуде. Реально в этом герботворчестве могли принять участие сам Миних, имевший опыт в создании знаменного «Гербовника», а также Герольдмейстерская контора, хотя там и не хватало знающих специалистов. Можно предположить, что оказавшийся в корпусной канцелярии эскиз явился результатом совместной работы главы Корпуса и сотрудников (художников?) геральдического ведомства.

Незатейливая композиция представляла перекрещенные меч и кадуцей (жезл Меркурия), увенчанные шлемом. Они символизировали соединение двух направлений в обучении, гражданского и военного, две стези, предназначавшиеся для выпускников. Но здесь и переплетение двух жизненных начал: военной суровости и коммерческой изворотливости, стихии и азарта боя, и финансового расчета, четкости планов сражений и тонкости и многомерности дипломатического искусства. В 1745 г. этот герб с всевидящим оком и датой «1710 г.» (начало строительства дворца Меншикова) появился на новом фронтоне здания.

Внешняя сторона корпусного бытия, где учащиеся и офицеры в разноцветных мундирах с оружием и знаменами выглядели органично в простых и сложных перестроениях, в занятиях фехтованием и верховой ездой, создавала впечатление некоего театрального действия, ограниченного сценой-плацем. Трудно было представить, насколько вторична и примитивна эта картина по сравнению с зачатками высокого искусства Мельпомены, созданными лицедеями в кадетских кафтанах.

Начиналось все это еще в 1730-е гг., когда классные занятия шли нерегулярно и времени у кадетов оставалось достаточно. Уроки словесности были скучны и сухи — их проводили большей частью учителя с нерусскими фамилиями, нанятые «без разбора». Входя в классы, они как будто делали большое одолжение кадетам и одновременно непосильную для себя работу. Положение могла спасти библиотека, но она только начинала составляться, в основном военными «регулами» и учебниками. Недешево обошлось приобретение, например, выписанных из Берлина испанских военных «регламентов» и альбомов по фортификации, но это было, что называется, «по специальности». Некоторые кадеты приносили с собой художественную литературу — немногочисленные книги, они быстро прочитывались или перечитывались желающими, те же, кто ленился или толком не умел читать, слушали эмоциональные пересказы рыцарских романов или пасторальных историй. Дело доходило и до «взрослых» анекдотов, но это почти неизбежно, когда собираются вместе несколько молодых людей в основном «простых» нравов.

Правда, кадеты занимались и сочинительством, часто подражательным, а также переводами. Первые свои опыты они выносили на суд товарищей, развлекаая и заражая их своим творчеством. Писательский зуд охватил многих, но быстро прошел, единицы остались верны своему увлечению, насколько это возможно в незрелом возрасте. Именно они составили Общество любителей русской словесности, принципами которого декларировались «наслаждения мысли и души», настоящей же душой этого «братства» стал А.П. Сумароков.

Сын известного военного петровского времени, человека знатного и богатого, Александр Петрович Сумароков получил хорошее домашнее образование. В мае 1732 г. он поступил в Корпус и пробыл в нем до апреля 1740 г. Сухие данные его ат-

тестата касаются исключительно успеваемости: «...в геометрии обучил тригонометрию, экспликует и переводит с немецкого на французский, в истории универсальной окончил Россию и Польшу, в географии атлас Гибнеров обучил, сочиняет немецкие письма и орации, мораль вольфскую до 3 главы 2 части слушал, имеет начало в итальянском языке».

Без труда постигая программные дисциплины (некоторые он знал не хуже самих учителей), Сумароков оказался в окружении благодарных слушателей своих первых опусов, вместе они подго-

А.П. Сумароков

отовили рукописный сборник кадетских виршей. Способности выделяли Сумарокова довольно быстро, и сочиненная им ода «На победы государя Петра Великого» пользовалась немалым успехом среди юных почитателей его творчества. Члены общества признавали превосходство Сумарокова, хотя и сами не были лишены литературных способностей. И.И. Мелиссино, И.П. Елагин, А.В. Олсуфьев, А.И. Мельгунов — вот те, кто заложил основу корпусных литературных традиций. Вероятно, слух о кадетском сочинительстве достиг двора, и вот 20 января 1735 г. перед парадным обедом во дворце в честь дня восшествия на престол Анны Иоанновны кадеты Олсуфьев и Розен, один на русском, другой на немецком языке, читают сочиненные ими стихи, за что удостоиваются высочайшей похвалы. Кадетские оды, в том числе и Сумарокова, исполнялись при дворе неоднократно и всегда сопровождались неизменным успехом.

Кадеты не собирались останавливаться на достигнутом, и вот уже в дортуарах исполняются театрализованные сценки из жизни Корпуса, благо шить костюмы для них не было необходимости. Репертуар вскоре пополнился французскими пьесами, иногда в переводе самих кадетов. Реквизит был очень скудный, и едва ли можно было назвать игру 14-летних мальчиков, исполнявших роли кавалеров, жеманных дам и незадачливых мужей-рогносцев, серьезным «комедиантством». Но эти спектакли

стали предтечей будущих кадетских театральных сезонов, снискавших большую известность в избалованном зрелищами Петербурге.

К своему театральному опыту воспитанники Корпуса добавляли навыки, полученные на занятиях танцами, которые вел танцмейстер Ланде. Не случайно кадетов регулярно, раз в неделю, приглашали для участия в итальянских интермедиях, устраиваемых в придворном театре. Имя Ланде было хорошо известно в столичных кругах, и молодые люди из хороших семей считали едва ли не обязательным посещение его уроков «танцевания». Ланде принадлежал проект создания русской танцевальной школы, открытой в 1738 г.

Театральный мир Петербурга 1730–1740-х гг. был довольно пестрым: смесь балаганов, шутовских представлений, опер и драматических постановок иностранных трупп, спектаклей придворного театра и немецких кукольников. Интерес к этим зрелищам был большой, не только кадеты, но и учащиеся других учебных заведений устраивали у себя «комедиальные» вечера, привлекая для этого также мещан, мастеровых, купцов. Не отставало и дворянство, удовлетворяя свои театральные запросы как представлениями провинциальных актеров или любителей, так и постановками европейских знаменитостей. В большей или меньшей степени интерес к театрализованным зрелищам проявляли императрицы Анна Иоанновна и Елизавета Петровна. Обе считали себя не только родственницами, но и последовательницами царя-преобразователя. В плане увеселений обе преуспели. Что касается Анны Иоанновны, то это не только Ледяной дом, но и сезоны итальянских комедиантов, выступавших при монарших домах Европы. Елизавету Петровну интересовали как голландские канатоходцы, так и немецкие, «гамбургские» труппы. Они, а также придворный театр играли античных авторов (чаще во французском переводе), современные французские трагедии, английские комедии. Елизавета Петровна любила музыку, церковную и светскую, — итальянские певцы приглашались ко двору часто, убажывая слушателей своими голосами, поддержанными хором придворных певчих. Оперы сменялись балетными постановками, те, в свою очередь, маскарадами, выступлениями немецкой «комедиантской банды»... Что и говорить, театромания охватила почти все население Петербурга.

Правда, отечественного драматургического материала практически не было, разве что ярмарочные лубки на «вечные» темы о мздоимстве чиновников (воевод), невежестве лекарей и пр. Один сюжет из истории русского драматического искусства повествует о комедии, сочиненной фрейлиной еще цесаревны Елизаветы Петровны М.Е. Шепелевой, в ней речь идет о принцессе Лавре, возведенной на российский престол.

В Москве, правда, сразу три труппы обратились с прошением разрешить им играть «русские комедии», однако в них действовали Леандры, Евдоны, Берфы, Жулии, те же заморские короли, рыцари, дамы.

Первые по-настоящему русские пьесы были сочинены в Петербурге бывшим кадетом, корпусным офицером А.П. Сумароковым. Сумароков не только перенес на русскую почву опыт французских классицистов (Расина, Мольера, Лафонтена) в драматических и эпических жанрах, но и пробовал ввести в обиход элементы народной поэзии в области лирики. Его литературная деятельность была чрезвычайно плодотворна, он работал в самых разных жанрах: из-под его пера вышли трагедии, комедии, идиллии, басни, оды, сатиры, элегии, мадригалы, в которых он использовал все существовавшие тогда стихотворные размеры; большой известностью пользовались его любовные песни.

В 1747 г. Сумароков написал трагедию «Хорев» на сюжет из русской истории и представил кадетам, встретившим сочинение с восторгом. Сам автор знал, что, несмотря на юный возраст, они вполне могли оценить его творение. Оно было небезупречно и в стилистическом плане, и в отношении фабулы, но кто ждал совершенства. Кадетам «Хорев» понравился, и они решили его сыграть. К тому времени у них уже имелся основательный театральный и литературный опыт. А тут не набившие

*Императрица
Елизавета Петровна*

оскомину французские и итальянские пасторали и незамысловатые комедии, а сцены из древнерусской истории, да еще написанные их старшим товарищем.

«Хорев» был разыгран перед автором. До этого были проведены репетиции, сыграны «пробные» спектакли, принятые зрителями на ура. Актеры-кадеты декламировали умело, не пугаясь, пытались, и не без успеха, донести до зрителей трагизм ранне-средневекового сюжета. Выделялись своей игрой П.С. Свистунов, П.И. Мелиссино, Н.А. Бекетов, граф Бутурлин, князь Мещерский, Х.-Д. Остервальд, которые вместе с корпусными закройщиками, портными и столярами шили костюмы и готовили реквизит не к одной кадетской постановке.

Сумароков увиденным остался очень доволен, а исполнители стали подумывать о том, чтобы перенести спектакль на «серьезную» сцену. Конечно, сумароковский язык был тяжел, но в юности нет ничего невозможного — текст благодаря многократным «репертованиям» был твердо заучен, мизансцены выстроены, в «Санкт-Петербургских ведомостях» поместили извещения о кадетских постановках. А их становилось все больше: в репертуаре «Семира», «Гамлет» (переделка французской версии в прозе). Прием спектаклей был восторженный.

Императрице Елизавете становится известно об этих театральных триумфах, и в начале 1750 г. кадеты начинают свои «сезоны» в Зимнем дворце. Открывал их «Хорев», Мелиссино (будущий директор Артиллерийского инженерного кадетского корпуса) играл Кия, Н.А. Бекетов (впоследствии генерал-лейтенант) — Хорева, П.С. Свистунов (поэт и переводчик) — Оснельду. Последний удостоился особого внимания императрицы, получив из ее рук, «для роли», «коронные бриллианты».

Для Сумарокова 1750 г. был особенно плодотворным: из-под его пера выходят трагедии «Синав и Трувор» и «Артистона» и комедии «Трессотиниус», «Третейский суд», «Ссора мужа с женою», «Нарцисс», «Чудовище» — все были представлены на дворцовой сцене.

Кадетский театр на время вышел на первый план, затмив профессиональные труппы скорее не своим уровнем (в общем любительским), а новизной, свежестью и непосредственностью актерского куража. Дело дошло до того, что по высочайшему указу на время ледохода на Неве кадетов, занятых в постановках, селили в новом Зимнем дворце (в двух комнатах и с пол-

ным пансионом). Более того, указ Елизаветы Петровны от 29 января 1750 г. освобождал кадетов, разучивавших русские трагедии, от занятий.

К испытанным актерам (некоторые из них к тому времени заканчивали обучение в Корпусе) присоединялись Разумовский, Бухвостов, Рубановский, Гиршенден, Гельмерсен, Каниц и Кох. Кадеты играли часто, практически весь имевшийся у них репертуар (из русских авторов, кроме Сумарокова, поставлена трагедия М.В. Ломоносова «Тамира и Селим»), участвовали в балетах и балах. Но сценическое счастье и вкусы императрицы изменчивы, тем более что кадеты — это не ученики театральной школы, а будущие офицеры и чиновники: к концу 1751 г. их выступления при дворе прекратились. В день тезоименитства императрицы, 5 сентября, «ветераны сцены» — оставленные при Корпусе офицерами Мелиссино и Остервальд — произведены в капитан-поручики, а кадет Свистунов определен туда в чине прапорщика.

Еще игрались кадетские спектакли, а за кулисами (шел «Синав и Трувор») стоял, запоминая жесты и мизансцены, пораженный игрой Н.А. Бекетова в роли Синава, скромный молодой человек, будущее светило русского театра, его первый «комедикант» Ф. Волков.

Сын костромского купца, Ф.Г. Волков (родился 9 февраля 1728 г., по другим данным — 1729 г.) еще мальчиком познакомился в Ярославле со спектаклями школьного театра, поставленными силами местных семинаристов. Возможность создания посредством голоса и жеста некоего действия, даже такого, как сцена из Священного Писания, произвели на семилетнего Федора большое впечатление, от которого он так и не смог избавиться. Увлечению театром не помешали и его занятия «заводским купоросным делом», перешедшим к нему и братьям от отчима Ф.В. Полушкина. Несколько лет он «находился в Москве в науках», побывал в Петербурге, а по возвращении в Ярославль со временем «учредил» и свой театр. Кроме самого основателя в состав труппы вошли его братья Григорий и Гавриил, писцы ярославской канцелярии И. Дмитриевский, А. Попов, С. Ку克林, Я. Попов, И. Иконников, С. Скочков, Д. Галик и Я. Шумский. Предположительно репертуар волковского театра включал трагедии Сумарокова, церковные пьесы, переводные интермедии. Театральное дело братьев Волковых постепенно встало на ноги,

благо у них имелся административный опыт, финансовые проблемы решались благополучно, и вскоре о нем стало известно и за пределами города.

Такая любительница театра, как императрица, наверное, узнала бы в свое время о ярославской труппе, однако вмешался случай, ускоривший ход событий. На одном из ее представлений побывал сенатский экзекутор Игнатьев, оценил игру и сообщил в Петербург, а далее последовало повеление Елизаветы Петровны «привести» ярославских комедиантов в столицу, для чего в январе 1752 г. на Волгу был командирован подпоручик Дашков. Он организовал целый поезд из 19 ямских подвод, перевозивший актеров и костюмы.

Представшие перед высочайшими очами в трагедиях Сумарокова ярославские актеры не произвели должного впечатления: их манера игры, названная «природной», разительно отличалась от «классического» исполнения служителей придворного театра и от «благородного» сценического действия кадетов. Ярославцам была уготована участь актеров частного театра, однако долго пробыть в этой ипостаси им не было суждено. Решив оставить в Петербурге самого Ф. Волкова, Дмитревского и Попова, остальных Елизавета распорядилась отправить, «если похотят», обратно в Ярославль.

Судьба тех, кто остался в Петербурге, на первых порах складывалась незавидно. Их поместили в дом, ранее принадлежавший графу М.Г. Головкину, сосланному Елизаветой Петровной

в Сибирь «в государственных интересах». Дом, располагавшийся на 3-й линии Васильевского острова (на месте Академии художеств), представлял собой унылое зрелище. Он изрядно обветшал, отсырел и с трудом подходил для проживания, в нем хозяйничали полчища крыс, пока их не извели не менее многочисленным отрядом кошек, переселенных из Зимнего дворца.

Ярославцы, поселившись в доме Головкина, ставшего «Российским комедиантским домом»,

И.А. Дмитревский

с придворными певчими, оказались в затруднительном положении: спектакли, в которых они участвовали, не пользовались успехом у немногочисленной публики. Состав труппы слишком часто менялся, репертуар был во многом случайный, театром никто не руководил. Вскоре Федор и Григорий Волковы отправились в Москву вместе с итальянскими и французскими придворными певцами, а тем временем судьба их соратников круто изменилась.

Ф.Г. Волков

8 сентября 1752 г. повелением императрицы И. Дмитриевский и А. Попов вслед за придворными певчими Власьевым, Емельяновым, Ивановым, Лукьяновым, Максимовым, Григорьевым и Ивановым были отправлены в Кадетский корпус, где надлежало «обучать их французскому и немецкому языку, танцевать и рисовать, смотря из них кто к которой науке охоту и понятие оказывать будет, кроме экзерциций воинских».

Ярославцев предписывалось «счислить при первой роте», но не в числе кадетов. Отличия от последних касались также и одежды. «Комедиантам» определялись не мундир, а платье из сукна «дикого» (светло-серого) цвета с «ыскрами», стамедной подкладкой, с шелковыми или гарусными петлями и пуговицами, шляпы «гамбургские» поярковые с узким золотым позументом, одна пара чулок гарусных черных, 2 пары башмаков круглоносых, а «белье, рубашки и манишки оным давать противо кадетам, а шпиг и протчей амуниции не давать». Бельевой комплект состоял из трех полрубашек с рукавчиками, четырех галстуков, четырех исподних рубашек и трех простыней.

Певчих и ярославцев планировалось после общей образовательной подготовки обучать «трагедии», что поручили Мелиссино и Остервальду. Надо сказать, соратникам Ф. Волкова повезло: получить образование на казенном коште, причем будучи свободными в выборе «наук», в не самом последнем по уровню учебном заведении, где жестко выдерживался сословный принцип

приема, — это действительно можно было считать удачей, тем более что при этом совершенствовались и актерские навыки.

В качестве учебного спектакля выбрали «Синава и Труво-ра», где первоначально планировалось занять только придворных певчих. Однако вскоре выяснилось, что из них лишь «два человека явились способны», поэтому для полноценных репетиций привлекли и ярославцев. Мелиссино, Свистунов и Остервальд в течение недели «вводили» в постановку Дмитревского и Попова и 20 декабря 1753 г. рапортовали, что к представлению трагедии Сумарокова они «в состоянии находятся».

8 февраля 1754 г. в Корпус были направлены братья Волковы, Федор и Григорий, — еще один неожиданный виток в судьбе ярославских предпринимателей и актеров-любителей. Совсем недавно они смутно представляли свое будущее, а теперь, по крайней мере на время, их жизнь определялась учебным расписанием военно-учебного заведения для «шляхетских детей». Более того, им было положено жалованье: Федору — 100 рублей, а его брату — 50 рублей в год, что, конечно, было меньше актерских гонораров, но зато не зависело от ангажемента.

В Корпусе ярославцы быстро сделали свой выбор: Дмитревский и Попов, кроме обязательных дисциплин, штудировали географию, историю и арифметику, Ф. Волков приналег на латынь. Вообще его успехи в Корпусе можно считать довольно скромными. Взять хотя бы фехтование. Казалось бы, ему, как актеру, проще было принимать «позитуры», делать квинты и парады. На первых порах так и происходило, но в июле 1755 г. он уже признан «неспособен, прилежен и впредь мало надежды». То же с французским языком. Сначала Волков делал успехи, но затем в его учебной ведомости появилась запись преподавателя: «За нехождением его в класс мой неизвестен о понятии и прилежности, также и о дальном впредь успехе». Странно, но и к танцам Ф. Волков не выказал особых способностей, хотя танцевал «минавет посредственно и впредь надежда есть». Правда, с немецким дела обстояли лучше, он «начал переводить... нарочито», свободно читал тексты.

Программный курс рисования он осилил довольно быстро и научился отлично рисовать тушью ландшафты и фигуры. Что же касается музыки, то и здесь успехи были очевидны — не каждый мог исполнять на клавикордах минуэты и петь «итальянские арии».

Проводя время в кадетских классах, Ф. Волков не забывал, что в первую очередь он актер и его призвание — театр. Основное свое внимание, в ущерб другим занятиям, он сосредоточил на уроках декламации, которые проводил Мелиссино, делившийся с ярославцами своим сценическим опытом. Во главу угла ставилось усвоение классической манеры «производить трагедию». Для этого актеры должны были хорошо поставленным голосом произносить текст монологов, придавая им елико возможную торжественность и пафос, не всегда оправданный, а также иметь отточенные жесты и мимику. В дополнение к занятиям с преподавателями Волков и его соратники постоянно разыгрывали сцены самостоятельно, прямо в «каморах», свидетелями чего были их служители. Подспорьем здесь служили и зеркало, приобретенное Ф. Волковым «для трагедии и обучения жестов», и купленные им «6 печатных тражедей», предположительно Сумарокова, и «театральные книги» (вероятно, теоретиков театрального классицизма М. Левека, Ф. Риккони, де Сент-Альбина и др.). Весной 1754 г. Ф. Волков трижды в неделю посещал немецкий театр, где выступали частные русские труппы, для «научения трагедии», платя каждый раз по 25 копеек.

Осознавая, что пропуски классовых занятий надо каким-то образом компенсировать, ярославцы по приобретенным у книготорговцев «лексиконам» пополняли свои знания немецкого и французского языков, читали иллюстрированные пособия по географии, учебники по истории.

Между тем театральная жизнь в столице не замирала, и свои теоретические «штудии» ярославские актеры могли подкрепить сценической практикой, в частности в постановках сумароковских трагедий. В 1754 и 1755 гг. они шли в немецком и придворном театрах. В Корпусе действовала своя мастерская по изготовлению декораций и бутафории, для чего специально были приглашены французские мастера. Корпусные портные также не оставались без дела: они шили казацкое и матросское платье, «одеяние» для пасторалей, кафтаны, зипуны и пр.

30 августа 1756 г. был подписан высочайший указ об учреждении театра «для представления трагедии и комедии». Для этих нужд «отдавался» дом Головкина и набирались актеры, в том числе из обучавшихся в Кадетском корпусе певчих и ярославцев. А.П. Сумароков, ставший директором этого нового государственного учреждения со своим бюджетом, помещением

и постоянной труппой, столкнулся с массой проблем. Одна из них заключалась в неукомплектованности актерской труппы по причине неспособности к «лицедейству» четырех певчих. Основная нагрузка легла на ярославцев. Выделенные на содержание театра деньги не покрывали даже самые скромные потребности, актеры получали скудное жалование, зрителей было мало: билеты, вопреки ожиданиям, стоили недешево, публика перебиралась на Васильевский остров неохотно, уж тем более во время ледохода, сумароковские трагедии несколько приелись. В таких обстоятельствах тягаться с хорошо обеспеченными иностранными труппами представлялось делом почти безнадежным.

Но благодаря стараниям Сумарокова, Ф. Волкова и Дмитревского театр пережил трудные времена, обрел устойчивость, переселился в новое помещение в деревянном Зимнем дворце. Труппа увеличилась, обогатился репертуар. 6 января 1759 г. театр стал придворным, что, естественно, увеличило сумму на его содержание, и постепенно его бюджет вырос до 8 тысяч рублей. Внешнее благополучие, правда, омрачалось натянутыми отношениями директора театра с администрацией придворного ведомства и с Волковым. В конечном итоге в 1761 г. Сумароков подал прошение об отставке. Из тех, кто с ним начинал, остались Ф. Волков и еще несколько человек. Труппа пополнилась московскими «звездами», введенными сразу в спектакли, шли они регулярно и на разных сценических площадках. Ф. Волков встал у руля театрального корабля и уверенно, правда под присмотром чиновников, вел его по волнам зрительского успеха. В Корпусе актеры Волкова выступили несколько раз: кадеты, как встарь, увлекались сценическим действием, хотя и не так ярко проявляли себя в храме Мельпомены. Тем не менее кадетский театр не ушел в небытие, там появлялись и творили свои кумиры, также в будущем не оставшиеся незамеченными.

Театромания, наблюдавшаяся в Корпусе при генеральных директорах В.Н. Репнине и Б.Г. Юсупове (с 19 февраля 1750 г. по 12 февраля 1759 г.), была не единственным явлением, позволявшим говорить о нем как об учреждении, востребованном не только в узких рамках военного «научения». Речь идет в данном случае о создании корпусной типографии, решавшей во многом проблему пополнения книжного собрания «кадетского дома» (и не только), а также печатавшей столь необходимые для занятий

учебники, пособия, наставления, регламенты. Документы, касающиеся этой типографии и сохранившиеся в делопроизводстве канцелярии в немалом количестве, показывают, насколько основательно в течение ряда лет был поставлен в ней выпуск книжной продукции.

В указе Сената от 11 апреля 1757 г. говорится о необходимости создания типографии «для печатания книг... сочиненных профессорами и информаторами на российском диалекте для единственной методы яко: Арифметики, Геометрии, Географии и Генеральной истории, также принадлежащих к воинским обрядам специальных великих генералов кампаний и прочих достопамятных их дел», а также с целью преодолеть «диктование» лекций, поскольку «информаторы не все равного звания в науках и в прилежности к обучению прочих находятся». Особо оговаривалась важность «кадетского печатного дела» для «пользы общества», что само по себе примечательно, ибо тем самым подчеркивалось, причем на официальном уровне, значение Корпуса как просветительского учреждения.

Приобретение учебной и отчасти «развлекательной» литературы давно превратилось для корпусной администрации в головную боль. Постоянные переплаты «немецким» торговцам и купцам Гостиного Двора заметно опустошали бюджет. Организация собственной типографии, во-первых, обещала известную экономию средств, а во-вторых, при умелой реализации части тиража могла приносить и прибыль. Еще в петровские времена типография была открыта в Морской академии, в течение ряда лет там печатались не только лоции или корабельные наставления, но и труды европейских и отечественных ученых по различным отраслям знаний, переводы работ по морской истории. Заказы туда поступали исключительно из адмиралтейского ведомства. Судьба же «друкарни» в Сухопутном корпусе складывалась несколько иначе.

Ее появление известен историк Петербурга П.Н. Петров связывает с деятельностью директора Корпуса А.П. Мельгунова, который направил соответствующее представление Юсупову, а тот отослал его в Сенат, издавший соответствующий указ. Сделано это было Мельгуновым якобы в свете антипрусской кампании, сопровождавшейся увольнением всех корпусных немцев, включая и преподавателей. По его мнению, типография могла в этой ситуации стать надежным средством быстрого

введения русскоязычного преподавания. Но это, думается, только одна из причин. На самом деле необходимость собственного печатного дела в Корпусе ощутили куда раньше сенатского решения 1757 г.

Все началось с одной истории, случившейся еще во времена Анны Иоанновны. В 1738 г. в процессе изучения курса фортификации дошла очередь и до классической «Книги об атаке и обороне крепостей» знаменитого французского инженера маршала де Вобана (1663—1707), с ней был обязан ознакомиться каждый офицер артиллерии и инженерных войск. В Корпусе, однако, имелся только оригинал, а французский язык кадеты знали недостаточно хорошо, чтобы постичь идеи знаменитого фортификатора. Администрация решила обратиться за помощью в Академию наук. Известный переводчик С. Волчков ответил согласием, но с условием, что в помощь ему из Корпуса будет отряжен офицер инженерных войск, который знает специальную терминологию. Волчков предлагал произвести оплату по окончании всей работы, но это насторожило корпусную администрацию, боявшуюся слишком завышенной цены. Неизвестно, сколь долго продолжались бы ее колебания, но тут в самом Корпусе нашелся инициативный сержант И. Ремезов, заявивший, что он уже перевел труд де Вобана и жаждет за это поощрения. Перевод был сделан с немецкого, но его признали вполне пригодным и решили печатать. Однако, как это нередко случалось при других обстоятельствах, возникла труднообъяснимая пауза, вплоть до лета 1742 г., когда многострадальный перевод Ремезова отдали, наконец, в Академию наук и ее секретарь, известный историк Шумахер, заверил, что все будет в порядке и что «против французского оригинала в четверть листа в самой скорости отпечатают».

С тех пор прошло около полугода, и на запрос корпусной администрации о ходе работы все тот же Волчков отвечал, что в связи с отправкой в Москву печатных станков и командированием туда наборщиков возможности типографии резко уменьшились, и поэтому всего отпечатано 4 листа. Волчков не преминул также заметить, что будто бы чертежи к тексту прислали с опозданием, хотя это была явная ложь: уязвленный отказом от его услуг, сотрудник Академии стремился если не сорвать заказ, то, по крайней мере, всячески препятствовать его своевременному выполнению. Лишь к марту 1744 г. все было готово,

к этому времени Ремезов благополучно стал поручиком и преподнес экземпляр Вобана самой императрице, за что получил 300 рублей. Узнав об этом, Волчков вознамерился положить в свой карман хоть часть суммы (речь шла о 177 рублях), но его попытка не увенчалась успехом. Ремезов же в качестве гонора-ра получил 40 экземпляров, а в ноябре 1745 г. 12 книг Корпус приобрел по «указанной» цене.

На этом дело не закончилось. Тираж книги оказался слишком велик и раскупался с большим трудом, академическая книжная лавка оказалась затоварена — 1000 экземпляров лежали мертвым грузом без перспективы уйти даже со скидкой. Однако академические структуры не привыкли работать себе в убыток, и вот уже в Главную канцелярию артиллерии и фортификации направлено обращение, в котором убедительно объясняется, как важно для каждого артиллерийского офицера или военного инженера иметь Вобана, а для этого его надо приобрести в Академии наук. Доводы столь уважаемого учреждения, вероятно, выглядели внушительными, и тираж был выкуплен.

История с Вобаном оказалась поучительной для Корпуса, так как потребности его в различных изданиях постоянно возрастали, а обращения к посредникам далеко не всегда оправдывались. Тем не менее еще более 10 лет в этом вопросе он зависел от Академии наук, через которую шли закупки в Европе. Правда, ее монополия не была абсолютной. Корпус использовал и, что называется, свои каналы. В частности, немало сделал для книжных поставок из-за рубежа пастор корпусной лютеранской церкви Г. Генинг. В начале 1756 г. ему поручили выписать для Корпуса книги по географии и истории. С этим заданием он справился успешно, и кадетское собрание, насчитывавшее к середине XVIII в. 2355 книг, пополнилось двумя атласами на французском языке, «Гишпанской историей» в 5 частях (по 2 рубля 20 копеек каждая), многотомной «Универсальной историей» А. Ларусса. В 1757 г. в Корпусе появились первые 6 томов «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера. В этом же году там было наконец организовано и собственное печатное дело.

Первые приготовления начались еще в 1756 г., корпусная администрация заказала шрифт в словолитне Академии наук, по распоряжению Юсупова были изготовлены первые два стана, заказаны детали к ним, одновременно закупались свинец, кожа, бумага разных сортов. В сохранившихся типографских

сметах и отчетах содержатся данные о значительных денежных суммах, которые шли на нужды типографии, включая производственные расходы и оплату труда рабочих. Мощностей двух станов явно не хватало для перехода Корпуса на полное «книжное» самообеспечение, но начало было положено.

Вскоре типография стала «прирастать» словолитней, пунсонной*, переплетной, столярной, токарной мастерскими. Число типографских рабочих вначале составило 15, затем 22, далее 34, наконец, 66 человек. Росли и расходы, достигшие к 1759 г. почти 3 тысяч рублей в год.

Развивалась и книгопечатная база: в декабре 1758 г. в типографии находилось 3 действующих стана, в 1760 г. — 5, а в начале 1761 г. — 7 станов. Кроме того, в 1759 г. закуплен «фигурный» стан для печатания гравюр.

Каждые 2 станка обслуживали 2 наборщика, 4 их ученика, 2 тередорщика и 2 батырщика (рабочие, накатывающие краску на печатную форму). При том что мастеров типографских специальностей было немного, жалованье им определялось довольно скромное: старшим наборщикам (способным набирать текст на иностранных языках) — от 50 до 72 рублей, а ученикам — 12–21 рубль. Правда, всем полагались прибавки, которые начислялись не казной, а заказчиками того или иного издания.

К 1759 г. расценка «с тиснения» 10 листов составляла 1 копейку, и по напечатании каждой книги вся прибавочная сумма распределялась следующим образом: младшие наборщики получали половину из того, что зарабатывали старшие; прибавка старших учеников была в два раза меньше прибавки младших наборщиков, а младшие ученики, в свою очередь, получали вдвое меньше старших. У тередорщика и батырщика прибавка была такой же, как и у младшего наборщика.

Через 2 года расценка за 10 листов составила уже 2 копейки, а затем были установлены отдельные прибавки за набор, изготовление «фигур» (гравюр), использование того или иного шрифта, размер печатного листа.

Некоторые сотрудники типографии занимались розничной торговлей книгами. В этом преуспевал, например, переплетчик Гекстре, живший рядом с Корпусом, на 1-й линии Васильевско-

* Пунсон, или пуансон, — инструмент для гравировки на металле, напоминающий по форме гвоздь.

го острова. В «Санкт-Петербургских ведомостях» за разные годы встречаются объявления о продаже переплетчиками, в частности Шалем, изданий корпусной типографии, а подмастерьем Маркеловым — книг на еврейском, голландском и греческом языках; однако конкуренцию с торговцами с Невского они вряд ли могли выдержать.

Состояние собственного печатного дела заботило корпусную администрацию всерьез, она ревностно следила как за исправностью оборудования, так и за соблюдением производственной дисциплины. Особую тревогу вызывали «возлияния», за которые провинившихся лишали части и без того убогого заработка, а в иных случаях могли наказать и розгами. В отдельном здании типографии, построенном в 1759 г. и находившемся поодаль от помещений администрации, рабочие чувствовали себя в определенной мере свободными, нередко теряли чувство меры и... оказывались перед грозными глазами корпусного начальства. Но увольняли типографских служащих крайне редко.

В отношениях с заказчиками типография с самого начала придерживалась правила печатания в кредит. Издатель платил за работу после выхода книги, тираж реализовывался (или его часть) при его участии через Корпус, а в случае надобности он обращался в Академию наук или к частным лицам; главное — как можно быстрее собрать необходимые для оплаты печатных работ деньги. Идя во многом навстречу клиентам, типография не забывала и о своих интересах, повышая расценки в зависимости от заказа.

При сдаче рукописи в печать ее автор или издатель вносил по 2 копейки за лист, эти деньги шли наборщикам в качестве дополнительного вознаграждения. Лист печати шрифтом «параллельно книге фоллио большого листа» стоил 1,5 рубля, а лист пети-та — 4 рубля. В первом случае наборщикам шло 60 копеек, во втором — 1,4 рубля.

Гонорар выдавался книгами (лицу, состоявшему на казенном коште и при должности) — по 100 экземпляров на календарной бумаге и сочинителю, и переводчику, если работа переводилась на иностранный язык. Время от времени типографские расценки и размеры гонорара менялись, но несущественно.

В 1757 г. в корпусной типографии тиражом в 100 экземпляров была напечатана «Пробная книга российским литерам» стоимостью 4 копейки. Она предназначалась для «употребления

в познании гражданской печати в классах», полезное издание для освоения учащимися учебной литературы и беллетристики. Многие кадеты, чей опыт чтения в основном ограничивался церковно-славянскими текстами, после изучения «Пробной книги...» осваивали содержание учебников и газет.

В то время неременным спутником печатного дела была цензура. Тон задавала Академия наук, имевшая почти монопольное право на «разбор» предлагаемой к печати литературы. В случае церковных книг или сочинений с отдельными сюжетами на религиозную тему решающее слово принадлежало Синоду.

На первых порах кадетская типография выпускала в основном учебники — пособия по арифметике, иностранным языкам, географии, — и поэтому в Академию и Синод обращений по поводу их апробации не было. Так продолжалось чуть более года, а затем стало ясно, что изданием программной литературы дело не ограничится. В октябре 1758 г. А.П. Мельгунов выступил с инициативой создать в Корпусе свой цензурный комитет в составе 3–4 человек, «для рассмотрения и апробации которых всякую книгу отдавать для печати за руками их в типографию, а без апробации оных никаких книг не печатать». Юсупов его предложение одобрил и добавил, что «когда какие книги с других языков на российский диалект переведены будут, то для рассмотрения учредить конференцию» во главе с профессором Гречем и в составе капитана Черткова, капитан-поручика Остервальда и поручика Свистунова. В этом директорском решении просматривается намерение официально расширить тематику и разнообразить характер выпускаемых типографией книг, а также дистанцироваться в цензурных вопросах от Академии наук. Названные кандидаты были людьми просвещенными, не чуждыми литературе и вполне могли определять критерии «надобности» тех или иных сочинений.

При непосредственном участии все того же Мельгунова (и на его деньги) типография получила едва ли не самый первый частный заказ — на печатание переводов с греческого от сотрудника Иностранной коллегии С. Писарева. Он переложил на русский язык «Слово иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого на Евнуха Евтропия, патрикия и верховного государственного правителя», а также «Поучения во святую великую четыредесятницу Илии Минятия». В посвящении Елизавете Петровне Писарев упоминал «темные руки тех, которые... истреблять благочестие

желали», намекая, вероятно с подачи Мельгунова, на чуждые России «немецкие» силы, влияние которых было ограничено с восшествием на престол дочери Петра Великого.

Как ни парадоксально, толчок к дальнейшему своему развитию типография получила именно в период пребывания на посту генерального директора Корпуса (с 12 февраля 1759 г. по 14 марта 1761 г.) наследника престола Петра Федоровича, будущего императора Петра III, поборника прусских традиций, и не только в военном деле. Петр Федорович старался вникнуть в любую мелочь кадетского бытия, при нем было улучшено и так вполне приличное питание, увеличились закупки учебного оборудования, пополнялось книжное собрание, состояние лазарета стало образцовым. Корпусной штат пережил изменения: численность кадетов была доведена до 490 человек, разделенных на 5 рот — 4 пехотных (1 гренадерская и 4 мушкетерских, всего 409 человек) и 1 конную (81 человек). На содержание Корпуса определялось 88 722 рублей 92 1/2 копейки.

Состояние печатного дела также не осталось без внимания нового руководства. 11 мая 1759 г. Сенат разрешил печатать патенты «для армейских и прочих воинских чинов» и в июне предписал, чтобы имеющиеся в сенатской типографии медные доски (для печатания патентов) были переданы в Корпус. Кроме того, заметно расширился ассортимент издаваемой литературы. Петр Федорович приказал цензорской «конференции» просматривать не только иностранные книги и переводы, но и сочинения отечественных авторов (не имевших к Корпусу отношения), не обязательные для изучения в рамках учебной программы. К тому времени с печатанием и сбытом иностранных книг дело обстояло достаточно благополучно. Продажей непосредственно занимался ротмистр князь Дондуков, открывавший каждую неделю на полдня книжную лавку. Теперь стали продаваться и отечественные книги, некоторые из них просматривал его высочество, выступая в роли главного цензора. Надо отдать ему справедливость — проблем с изданием большинства из них не возникало. За несколько месяцев прибыль типографии увеличилась в полтора раза. Резко возросло число авторов и переводчиков, желавших на вполне приемлемых условиях печататься именно в «кадетском доме», а не в Академии наук, чья цензура слыла излишне придирчивой, а прием авторов «со стороны» оказывался не слишком радушный. То ли дело

Корпус, где под оком престолонаследника цензорская «конференция» без излишних проволочек утверждала книги к печати и типографские услуги стоили сравнительно недорого.

Особое место в книжной продукции типографии занимал журнал «Праздное время, в пользу употребленное», издававшийся в 1759–1760 гг. Он выходил еженедельно и готовился группой бывших воспитанников и преподавателей Корпуса, ревнителей отечественной и зарубежной словесности и истории. В нее входили А.П. Сумароков, А.А. Нартов (сын знаменитого механика-токаря Петра Великого, будущий известный литератор и переводчик, руководитель российской горной промышленности, секретарь Вольного экономического общества), С.А. Порошин (писатель, будущий воспитатель цесаревича Павла Петровича), С.В. Перфильев (впоследствии флигель-адъютант Петра III, петербургский генерал-губернатор) и др. По ходатайству все того же Мельгунова и при одобрении Юсупова было решено издавать журнал на деньги его авторов, переводчиков и составителей. Средства вносились через заведующего типографией В.А. Черткова, на печатание 600 экземпляров было собрано 533 рубля. Издание представляло собой собрание сочинений самых разных жанров и тематики: эпистолы, оды, сказки, басни, эссе, записки, заметки, очерки. Переводы делались с французского, немецкого, датского, итальянского языков. Как правило, имя автора или переводчика не указывалось, но для Сумарокова делалось исключение.

Открывая «Праздное время...», почти всегда можно было надеяться найти здесь как «серьезную пищу для просвещенного ума», так и вполне занимательные на бытовом уровне тексты. Перечень названий уже впечатлял: «Беседы о книгах», «Разсуждения о учении», «О состоянии войск», «Краткое известие о Коммерции между Россией и Турцией», «Об исправлении нравов», «О ревности», «О чести», «О ненависти и вражде», «Басни Дриопы», «О фарфоре» и многое другое.

Был там напечатан и «Катехисм военный», доведивший до сознания читателя такие понятия, как «война», «слава», «солдат» и пр. Это делалось доходчиво, лаконично, словно в расчете на кадетов. Например:

Вопрос: «Что есть солдат?»

Ответ: «Солдат есть нечто более, нежели человек, ибо он смерти не страшится».

Вопрос: «Что есть война?»

Ответ: «Война есть училище снискания славы» и т. д.

Знакомя учащихся с таким текстом, начальство могло не сомневаться, что из стен Корпуса выйдут жаждущие триумфа офицеры.

О событиях собственно кадетской жизни подробно говорится лишь в «Описании церемонии, бывшей в Сухопутном шляхетном корпусе при освящении знамен», имевшей место 16 мая 1760 г.

Все началось накануне, 15 мая, когда в покоях Петра Федоровича для прибавки полотнищ к древкам собрались корпусные офицеры, а также по несколько кадетов и унтер-офицеров от каждой роты, в том числе и кирасирской.

На следующий день, в начале десятого утра, через Неву за знаменами отправилась гренадерская рота, а за штандартом — «пристойное число» кирасир, которые после переправы маршем двинулись к дворцу великого князя. По прибытии туда гренандеры и кирасиры построились недалеко от входа, а тем временем капитан гренадерской роты пошел в покои Петра Федоровича, где получил приказ о «взятии знамен и штандартов». Выполнив приказ и приветствовав вышедшего к ним наследника, гренандеры и кирасиры отправились в Корпус, куда вскоре явился и великий князь. Он распорядился установить знамена и штандарт на «парадное место» и подал команду: «Мушкет на ногу. Снимай шляпы». Знамена окропили освященной водой, и иеромонах Корпуса Тихон огласил проповедь из 13-й главы «Послания к римлянам», в которой «весьма изрядно доказывал невидимое присутствие Божие и монархини в видимом присутствии знамен и штандартов» (текст проповеди также представлен в «Описании...»).

Затем аудитор (являвшийся секретарем, делопроизводителем и прокурором военных судов) «в силу воинских артикулов» говорил о важности и почитании знамен. После этого прозвучала команда: «Надевай шляпы. Мушкет на плечо». И знаменам, и штандарту была отдана честь в сопровождении музыки и барабанного боя. Потом «при многочисленных зрителях» кадеты продемонстрировали строевое учение с «пальбой» из ружей и пушек.

В пятом часу Петр Федорович изволил подойти к столу, выставленному в корпусном саду, там же собрались придворные

и генералитет. В сопровождении артиллерийской стрельбы присутствовавшие пили здравицы. Рейтарская рота Корпуса, собравшаяся на карусельном* месте, демонстрировала различные повороты и атаку в конном строю, что вызвало неподдельный восторг собравшихся, в том числе и Петра Федоровича. Затем через иллюминированные аллеи он прошел в построенную у «парадного места» галерею, где веселье было продолжено, но уже при свете фейерверков.

Журнал «Праздное время, в пользу употребленное» имел большую популярность и по праву считался одним из самых читаемых. Стоил он умеренно: 4 номера на белой бумаге — 20 копеек, а на серой — 17. Годовая подписка (на белой бумаге и с доставкой) обходилась в 2,5 рубля, а на серой бумаге соответственно в 2 рубля.

В первый год дела журнала шли хорошо, однако вскоре многое изменилось, и не в лучшую сторону. В 1760 г. издание возглавил сержант П. Пастухов, у которого отношения с типографией не заладились, так как он «забывал» в срок оплачивать ее услуги. Тираж издания упал до 4 тысяч.

Со временем стало явственно ощущаться стремление Сумарокова все подмять под себя, и те, кто создавал журнал, начали постепенно отходить от дел. В декабре 1760 г. поручик С. Порошин заказал типографии отпечатать собственный перевод сочинения Прево д'Экзиля «Английской философ, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвеля, писанное им самим». Тогда же капитан П. Свистунов сдал в типографию 4 произведения, в том числе комедию Вольтера «Нескромный», а в 1761 г. поручик Е. Харламов — «Нового Телемака», затем его сослуживец С. Перфильев перевел и оплатил выход «Аделейды Африканской».

Поручик С.Ф. Наковальнин тем временем обрабатывал ответы на напечатанные в «Праздном времени...» в конце 1760 г. «Запросы, которым требуются в Сухопутный шляхетный кадетский корпус географические известия изо всех городов во всех губерниях и провинциях российского государства для сочинения географического описания оным». Как известно, каде-

* Карусель — явление столичной дворянской культуры, своеобразный парад рыцарских турниров, конные представления всадников с оружием и без; вероятно, здесь имеется в виду место для конных эволюций кадетов-кирасир, или можно предположить, что похожие мероприятия в Корпусе проводились раньше, чем состоялась первая официальная карусель (1766).

ты привлекались к этой работе и обрабатывали получаемые данные, а также участвовали в составлении «чертежей» некоторых территорий.

В 1762 г. С. Решетов продолжил издание «Истории о персидском шахе Тахмасае Кулы хане».

Вообще в это время типография работала интенсивно и делала неплохие сборы. Так, например, себестоимость тиража (602 экземпляра) «Французской грамматики» В. Бунина составила 77 рублей, а выручка от продажи 419 экземпляров — 125,7 рубля. Из оставшихся экземпляров 2 поступили в корпусную библиотеку, 80 — в классный магазин, 1 поднесен Петру Федоровичу, 100 предоставлено автору и часть осела на типографском складе. «Слова и речи положительные» Ф. Прокоповича были изданы 5-тысячным тиражом себестоимостью 1762 рубля 46 $\frac{1}{2}$ копейки. Переплетчик Гекстре реализовал 1661 экземпляр на сумму 2533 рубля. Весь тираж (500 экземпляров) изданного «Бергрэгламента» стоимостью 9 рублей был отдан в одноименную коллегию за 20. Петр Федорович получал по одному «обязательному» экземпляру почти каждого тиража, иногда он сам заказывал отдельные тиражи, но платил только по издательской цене. Значительное число книг поступало и в «классный» магазин, который обеспечивал кадетов учебными пособиями.

С приходом к власти Екатерины ситуация в корпусном издательском деле несколько изменилась. Необходимо было изжить влияние свергнутого императора, и вот уже отпечатанную в типографии посвященную ему оду предписано «употребить на макулатуру». Вообще в Корпусе нашлось немало сторонников Петра III, в том числе назначенный им 14 марта 1762 г. главным директором Корпуса генерал-поручик И. Шувалов, пробывший в этой должности почти год. Что же касается изданий, то среди них стали превалировать произведения, выдержанные в духе умеренного просветительства и сентиментализма и наполненные эмпирическими бытовыми изображениями. В переводе подобных произведений преуспел корпусной преподаватель итальянского языка Ф. Эмин, который подготовил к изданию «Любовный вертоград» Камбера, роман «Бесщастный Флоридор. История о принце Ракалмицком», а также представил к печати собственные романы «Непостоянная фортуна, или Похождения Миранда» и «Приключения Фемистокла».

При новой власти заметно усилилась цензура, призванная покончить с «издательской вольницей», наблюдаемой при Петре III. Типография практически перестает печатать отечественные «общепользные» произведения, ее деятельность начинает курировать Академия наук. Правда, в начале осени 1764 г. функции цензоров передаются корпусным чинам — подполковнику Свистунову, майору Глебовскому, капитану Леонтьеву (в апробации книг участвовал и директор типографии Харламов), однако внешний контроль за ними был очевиден. Выходящая в это время в Корпусе литература условно делилась:

на книги для двора — в основном это оды, описания фейерверков, каруселей и пр.;

издания «для благородного юношества» — учебники, наставления, словари;

труды религиозного содержания, печатаемые с разрешения Синода;

работы, издаваемые по заказу других учебных заведений и учреждений;

переводы «общепользных» книг;

непереводные «общепользные» книги.

В 1769 г. состоялось назначение в Корпус подполковника де Ласкара, который должен был исполнять функции цензора и полицмейстера, по-своему знаменательное событие, не означавшее введения «драконовских мер», но свидетельствовавшее об ужесточении контроля за кадетской типографией.

К тому времени производственные возможности корпусной «друкарни» стали более скромными. Еще в августе 1763 г. в Военную коллегию передали 2 печатных стана. В 1768 г. не без участия корпусного директора Я. фон Бранта, который за долги типографии хотел ее просто «сбыть», было отдано еще несколько станков, и объем продукции сократился вдвое. Брант вообще хотел оставить всего 2 стана, так как считал печатное дело убыточным, он обратил внимание на то, что авторы платят за печатание крайне нерегулярно и типографские доходы заметно снизились. Чтобы хоть как-то поправить дело, он распорядился с каждого автора или переводчика брать подписку о том, что если в течение двух лет тираж не будет распродан, то они оплачивают в полном объеме типографские услуги, а оставшиеся книги берут к себе «на реализацию». Для большей гарантии клиенты должны были привлечь к заключению договора и сво-

их поручителей. По новым правилам вместо 100 экземпляров авторы и переводчики теперь могли рассчитывать только на 20.

Примечательным событием стала публикация романа Сервантеса «Дон Кихот», произведения в России сравнительно малоизвестного. Его можно назвать счастливым исключением, поскольку большая часть изданий корпусной типографии была более «легковесной», книги, действительно «содержавшие пищу для ума», стали в известной мере дозироваться цензурскими предписаниями. Это объяснялось и новой позицией корпусной администрации, а значит и типографии, в отношениях с авторами и переводчиками. В начале 1790-х гг. резко сократилось число заказчиков, которые обращались или могли бы обратиться к услугам корпусных печатников. Причиной тому все те же деньги, не уплаченные за подготовку тиражей. Было объявлено, что если авторы, публикаторы и переводчики и далее не будут выполнять финансовых обязательств, то их нереализованные книги представят на продажу по сниженным ценам, почти задаром. В черные списки попали люди, не последние в научных кругах (Я. Козельский, Я. Сулима, В. Золотицкий и ряд других), однако прибыли или, вернее, компенсации за сделанную работу типография так и не получила. К этому времени окончательно стало ясно, что убытков не избежать.

В свое время в Корпусе пытались наладить гравировальное дело, и с помощью приглашенных из Академии наук мастеров типография выпустила гравюры «Ревель в перспективе и с атакою», «План Дерпта или Юрьева», «Морская баталия при Ангуте» (всего 67 листов), а также 41 лист басен Эзопа. Наборщик Дементьев был отправлен на обучение к мастеру Г. Качалову, который показал ему нужные инструменты. Корпусная канцелярия добилась того, что Синод передал в ее распоряжение гравировальные доски еще петровского времени, и работа началась; она шла с переменным успехом, но все же приносила определенную прибыль, поскольку гравированные листы расходились хорошо, хотя и стоили недешево. Ходкий товар планировалось поставить на поток под руководством уже своего мастера, но из Дементьева гравер не получился, и с этой идеей пришлось расстаться. Вместо гравюр в типографии печатались учебники «Немецкая логика» Вольфа, «Логика латинская», «Римская история» Эяна, 15 книг по геометрии Эвклида, а также Марциал, Ювенал, Тит Ливий, «Новый Телемак», «Сирота английская»,

атласы, справочники, архитектурные и фортификационные «чертежи», труды по военной истории, «десертные» билеты на трех языках и многое другое. Расходились издания все хуже, расположенная в одном из корпусных дворов типографская лавка-склад была затоварена, дело усугублялось тем, что туда было непросто добраться. В качестве источника дохода типографии использовали подвалы «у моста», которые сдавались в аренду под винные погреба — хоть какая, но прибыль.

В начале XIX в. стало очевидно, что в своем прежнем виде корпусная типография существовать уже не сможет: техническая база, инструментарий, да и само здание были в ветхом состоянии. На сохранившихся действующих станках печатались в небольшом количестве учебники, но в основном различные бланки и «списки». В 1835 г. директор Корпуса К.К. Годаин распорядился, чтобы питание и одежду на 9 человек нижних чинов, прикомандированных к «печатному делу», оплачивали из типографских доходов, а отопление, освещение и ремонт помещений — за счет корпусного бюджета. 5 мая того же года типография была передана в ведение Управления военно-учебных заведений, и отношения ее с Корпусом стали носить формальный характер.

Состояние корпусной библиотеки за последние годы также менялось, но к лучшему. Книжное собрание пополнялось не только отпечатанными в своей типографии изданиями, хотя за 5 лет было передано более 100 таких томов: как встарь, немалое число книг приобреталось на стороне. Одна из статей бюджета выделялась именно на закупку необходимой литературы. Часть этих средств передавалась в Академию наук, которая по специально составленным реестрам заказывала книги для Корпуса за границей. Это были преимущественно учебники по математике, артиллерии, фортификации, истории, географии, латинскому и французскому языкам. В начале 1750 г. в библиотеке Корпуса насчитывалось 495 печатных изданий и 2 рукописи, всего 2355 томов. Разнообразие их тематики обращает на себя внимание. Превалировали художественная литература, проза (67 названий, 242 тома) и поэзия (24 названия, 88 томов, среди них Вольтер и Буало), книги по военной тематике (48 названий, 183 тома), истории (47 названий, 159 томов) и праву (54 названия, 134 тома). Имелись также труды по геральдике и генеалогии, гравюры, чертежи и планы крепостей, учебники, словари

и справочники. Гордостью библиотеки могло считаться собрание латинских авторов — Вергилия, Горация, Овидия, Цицерона.

Корпусная администрация контактировала с несколькими книготорговцами, поставлявшими издательскую продукцию в Петербург из Европы, среди них — владелец «иностранной» книжной лавки Иоганн Якоб Вейсбрехт, являвшийся к тому же еще и издателем, швейцарский купец А. Виллард. В период директорства Юсупова и особенно Ангальта библиотечные фонды заметно пополнились, в частности, за счет книг бывшего коменданта Данцига генерал-лейтенанта Еггерса, в свое время приобретенных Анной Иоанновной и подаренных Корпусу уже Екатериной Великой — всего 7 тысяч томов, в основном военной тематики. В 1780–1790-е гг. в библиотеке были представлены Бомарше, Вольтер, Руссо, Анкетиль, Милло, Роллан, там можно было ознакомиться с «Историей революции в Швеции», «Историей революции в Португалии», «Американской революцией».

Корпусную библиотеку не случайно относили к городским достопримечательностям: мало того что она была одной из самых богатых в стране, но и пользоваться ее фондами могли не только корпусные служители. В «особливо учрежденной» комнате читатели расписывались в получении книг, названия которых заносились в специальный реестр; для столичной публики библиотека была открыта по понедельникам, средам и субботам с 8.00 до 12.00.

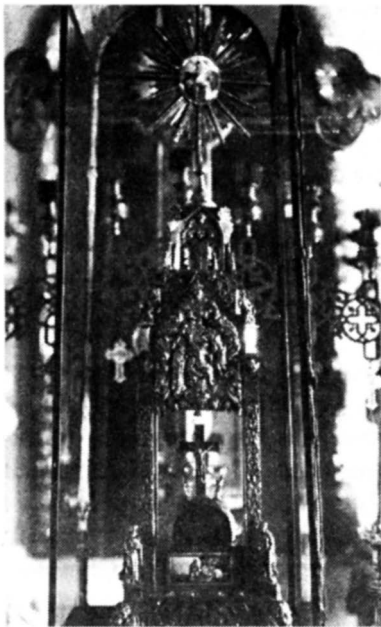
Несмотря на смену директоров и преобразования, которые Корпусу довелось пережить за время своего существования, его книжное собрание неуклонно увеличивалось и составило к началу XX в. 4500 наименований, всего 15 тысяч томов.

Свою «Сокращенную библиотеку» «завел» бывший кадет времен Ангальта, человек просвещенный, П.С. Железников. Она представляла сборник отрывков из лучших произведений русских, европейских, античных писателей и поэтов. Чтение этой «Сокращенной библиотеки», составленной не без влияния «якобинских идей», будоражило кадетские умы, привыкшие к более «постному» чтению, и заставляло задуматься о справедливости существовавшего мироустройства. До поры до времени корпусная администрация смотрела на ангальтовские причуды сквозь пальцы, не повлияло даже и декабрьское выступление 1825 г. Однако наивно было думать, что так будет продолжаться всегда: очередной виток в укреплении дисциплины и усилении бдительности — и в 1834 г. творение Железникова было изъято.

Развитие Корпуса как военно-учебного заведения и административно-хозяйственного комплекса сопровождалось изменениями архитектуры зданий и появлением новых построек. Так, за 1757—1759 гг. был построен манеж Кадетского корпуса (архитектор И. Шумахер и мастер И. Бурхард). По соседству появилось здание, объединенное с домом меншиковского «маршалка» Ф.А. Соловьева. Тогда же было построено и восточное крыло, завершившее симметрию западной пристройкой 1720—1721 гг.

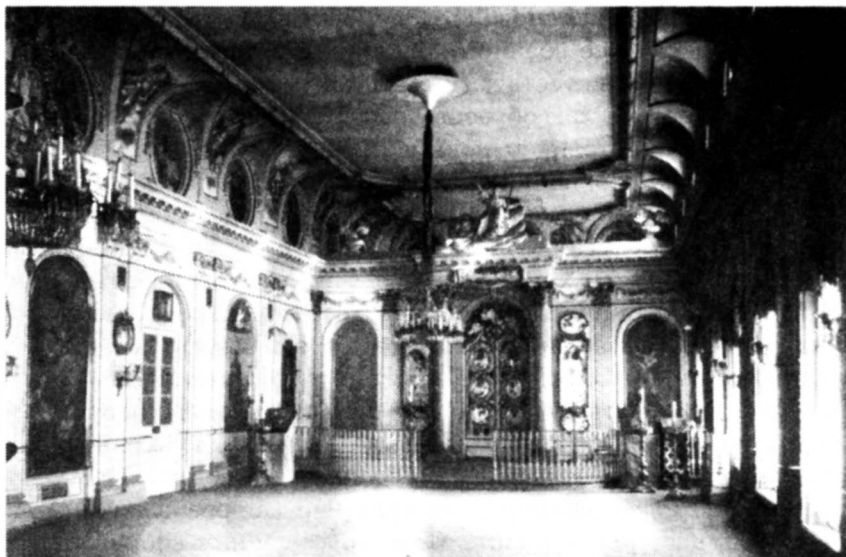
В 1768 г. фасад собственно княжеского дворца приобретает черты классицизма: окна второго этажа, расположенные между пилястрами, делают полуциркульными, а окна над ними — овальными.

В 1773 г. восточное крыло было надстроено третьим этажом, отведенным под рекреационный, Елизаветинский, зал — место будущего корпусного музея. В целом архитектурный облик корпусных зданий, выходящих на Неву, сформировался. Дальнейшее расширение его площадей происходило уже по Кадетской линии (продолжение здания лазарета), а также за счет перепланировок и перестроек в корпусных дворах.

Ковчежец с мощами

Менялись и интерьеры. В 1768 г. церковный зал был расширен за счет бывшей царской ложи, изменена форма окон, стены «обогатились» коринфским орденом (предположительно в этих работах принимал участие известный архитектор А. Ринальди). В 1766 г. Екатерина II передала туда шитое серебром облачение, в котором священник отправлял службу 17 февраля, в день корпусного праздника. Освященная во имя Рождества Иоанна Предтечи, церковь пережила новые перемены в 1770-е гг.: там переделали иконостас, для него И.П. Мартос изваял композицию с богом Саваофом, живописец И.А. Акимов написал «Тайную вечерю», а придворный художник С. Торелли — «Рождество Иоанна

*Интерьер церкви во имя Рождества Иоанна Предтечи
1-го Кагетского корпуса. Фото 1890-х гг.*

Предтечи». В 1785 г. был произведен новый ремонт церкви, на сей раз капитальный — обновили ее убранство и утварь. В церкви имелись Евангелие 1644 г. печально известного гетмана Мазепы, сосуды из золоченого серебра 1728 г., ковчег со святыми мощами, серебряный крест из Запорожской церкви.

Уже в XIX в., в 1839—1842 гг., церковному залу придали ампирный облик пилястры и колонны, сохранившиеся до нашего времени.

Многое из того, что здесь сказано о библиотеке, типографии и архитектурных опытах, произойдет в будущем, а пока на троне Петр Федорович, решительно настроенный реформировать русскую армию, и в частности систему подготовки офицерских кадров.

Правда, еще раньше, в 1750-е гг., известный военный и государственный деятель П.И. Шувалов составил несколько проектов, связанных с созданием высшей военной школы, в них Корпусу отводилась весьма важная роль. В 1753 г. Шувалов разработал и через год передал в Сенат проект об учреждении при Корпусе Академии военных наук, где бы преподавали «знающие и искушенные люди».

В 1755 г. на этой основе создан «Проект об учреждении при Шляхетном корпусе военного департамента для обучения офицеров военному искусству». В этом документе обосновывается значение Корпуса как образовательного центра, своеобразных курсов переподготовки и повышения квалификации. По мнению Шувалова, это, во-первых, не потребует лишних финансов, а во-вторых, «чтоб те, которые в оное училище и определятся, а надобность будет совершеннее знать те науки, что обучали в Корпусе, могли б ходить в классы, но притом разсуждается корпусных кадетов умножить сорокью человеками, дабы сто из них находились в военном училище, а треть были в кадетях, хотя оные в кадетском корпусе и жить будут, но потребен дом, в котором сию науку обучать, пока при кадетском корпусе построится». В проекте Шувалова высказано немало здравых и актуальных положений, направленных на качественную модернизацию подготовки офицеров, их практическая реализация сулила немалые выгоды в строительстве современных вооруженных сил. В силу ряда причин планы Шувалова не были осуществлены.

Петр III пошел несколько иным путем. Еще возглавляя Корпус, он распорядился открыть при нем школу для подготовки «армейских мастеровых людей» из солдатских и мещанских детей (всего 150 человек), на это отпускалось 6 тысяч рублей. Однако более существенные изменения в устройстве русской военной школы были впереди.

Глава II

«Рассадник великих людей»

Жизнь корпуса тесно переплеталась с политическими судьбами России, которые в XVIII – XIX вв. определялись переменами царствований. Кончина в 1761 г. императрицы Елизаветы Петровны и воцарение Петра III, долгие годы перед тем «начальствовавшего» над Корпусом, искренне любившего эту свою должность и действительно участвовавшего в жизни «рыцарской академии», казалось, сулили Корпусу блестящую будущность. В обширных государственных планах Петра III Корпусу отводилось совершенно новое место. 18 февраля 1762 г. император издал манифест о вольности дворянства, которым, в частности, предписывалось *обязательно* записывать в Корпус *всех* сыновей российских дворян, имевших менее тысячи душ крепостных. Тысячей и более душ в России того времени владели лишь несколько десятков дворянских семейств. Таким образом, можно с полным правом говорить о том, что по замыслу Петра III все российские дворяне должны были впредь воспитываться в Корпусе.

Замысел этот обретает особую важность в связи с тем, что манифестом от 18 февраля российское дворянство освобождалось от своей традиционной обязанности — пожизненной военной службы. Со времен седой древности и до Петра III дворянин с 20 лет и до конца своих дней должен был служить в армии. Если преклонные годы или

Император Петр III

расстроенное здоровье не позволяли больше выносить тяготы военной службы, то дворянина переводили к гражданским делам. Получить же отставку и мирно пожить в своем имении даже в глубокой старости было практически невозможно. Теперь дворяне получали право самостоятельно решать свою судьбу: выбирать военную или гражданскую службу или вовсе не служить, выходить в отставку в любом возрасте и вне зависимости от состояния здоровья.

Предоставление дворянству данной свободы — шаг, предпринятый отнюдь не для того, чтобы сделать удовольствие благородному сословию, — это дальновидное государственное решение. Существеннейшей проблемой внутреннего развития России XVIII в. являлось отсутствие на местах людей, на которых государство могло бы возложить обязанности по внутреннему управлению. Дворяне все поголовно служили в армии. Малочисленное купечество не могло отвлекаться от торговли по причине опасности разорения. Мещан и крестьян государство не рассматривало как способных участвовать в управленческом процессе. Предоставляя дворянству свободу в поступлении или непоступлении на службу, Петр III рассчитывал прежде всего на то, что значительное число дворян, отказавшись от службы, поселится в городах и имениях. На этих-то людей и можно будет возложить многочисленные внутренние дела государства. Существенны были и экономические расчеты. Дворянские имения в отсутствие хозяев эксплуатировались крайне неэффективно, что беспокоило государство: в стране не росли богатства, соответственно низкой оставалась способность подданных платить налоги, в каковых остро нуждалась российская казна. Правительство надеялось, что возвращение дворян в имения будет способствовать интенсификации хозяйства, а следовательно, росту доходов, налогов и улучшению общей финансовой ситуации, обострившейся к концу царствования Елизаветы Петровны вследствие Семилетней войны, неумеренных трат двора и казнокрадства.

Предоставляя дворянству свободу от вековой повинности, Петр III, однако, возлагал на благородное сословие новую поголовную обязанность — учиться. Необходимость в этом назрела уже давно. Со времен Петра Великого государство неоднократно пыталось учить дворянских недорослей, но вопрос о всеобщей обязательной учебе не ставился: главным назначением дворянина была военная служба в нижних офицерских чинах (от

прапорщика до капитана включительно). Получить офицерский чин можно было, только прослужив некоторое время (хотя бы номинально) в солдатах. Молодых дворян (иногда совсем детьми, даже младенцами) записывали в полки, там они какое-то время служили солдатами и унтер-офицерами, на практике постигая многотрудную, но не слишком замысловатую должность строевого офицера, и через несколько лет оказывались вполне годными для производства в офицерский чин.

Теперь, когда дворяне освобождались от воинской повинности и перед ними открывалось широкое поприще для приложения своих сил и способностей, мириться долее с их глубоким невежеством (от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ дворян не знали даже грамоты) и, что еще серьезнее, безнравственностью государство было не намерено. Освобожденный от службы, такой человек мог превратиться (и нередко превращался) в бесполезный балласт — мелкого, бездеятельного помещика, который мирно сидит в своей деревне, доволен тем, что и раньше приносила «землица с мужичками», никак не пытается усовершенствовать свое имение, соответственно, не делает ничего для роста государственного богатства, не участвует ни в каких государственных процессах. Безнравственность дворянства и вытекающие из нее пороки — бесчестие, лень, ложь, чванство, с одной стороны, и низкопоклонство — с другой, грубость, пьянство и особенно воровство — были истинным бичом России и не раз губили самые продуманные и перспективные начинания, для совершения которых просто не находилось достойных исполнителей. Поручение дел внутреннего управления безнравственным людям могло привести к обратному эффекту: и без того неповоротливая административная машина способна была заржаветь окончательно. А потому преодоление кризиса дворянства к 1760-м гг. превратилось в первостепенно важную задачу государственного масштаба. Петр III видел лишь одно средство для ее решения — всеобщее обязательное образование дворян.

Государству требовалось не так уж много: несколько тысяч честных и не чуждых образованию человек, принадлежащих по рождению к высшему, призванному властвовать сословию. Кодекс дворянской чести и начальные, но хорошо усвоенные знания — вот то немногое, что следовало привить этим людям. И единственный позитивный опыт такого воспитания и обучения пока что был получен только в Кадетском корпусе.

По существу, требование манифеста от 18 февраля об обязательной записи дворянских сыновей в Корпус явилось первым в истории России актом, вводящим всеобщее обязательное начальное образование. Да, пока только для одного сословия, но начинание от этого не становилось менее прогрессивным и многообещающим. Кадетский же корпус в свете грандиозности начинания должен был стать «преобразователем российского дворянства», предназначенным через два-три десятилетия превратить высшее сословие в благородное не по названию, но по сути.

Великое начинание требовало великого исполнителя, так как сам Петр III, обремененный делами государственного правления, естественно, не мог больше оставаться главным директором Корпуса. Такой исполнитель был найден: им стал генерал-поручик Иван Иванович Шувалов, личность исключительная в истории нашей страны.

И.И. Шувалов был последним фаворитом императрицы Елизаветы Петровны. Фавор, длившийся почти 10 лет, до последних дней жизни царицы, открывал ему неограниченные возможности, но Шувалов, в отличие от предшественников и последователей, пользовался монаршей благосклонностью с небывалой скромностью и достоинством. Он настойчиво отказывался от мест и наград: не принял, как его двоюродные братья Петр и Александр Шуваловы, графского титула, против воли был возведен в чин генерал-поручика и не позволил возвышать себя более, не принимал государственных должностей, не прикасался к казенным доходам, а многочисленные подарки императрицы аккуратно собирал и по смерти Елизаветы Петровны представил для возвращения в казну (общая стоимость этих подарков составила колоссальную для того времени сумму — более чем 2 миллиона рублей). Будучи глубоко образованным человеком, истинным ценителем наук и искусств, первым российским просветителем, Шувалов позволял себе вмешиваться лишь в ту область государственной жизни, которая охватывала науку, искусство и образование. Его трудами были созданы Академия художеств и Московский университет, образованы первые российские художественные коллекции, его участию обязана обновлением Академия наук, все заметные российские художники и ученые того времени, начиная с М.В. Ломоносова, пользовались его покровительством, помощью и финансовой поддержкой.

Петр III ценил И.И. Шувалова, признавал в нем государственный ум, и 14 марта 1762 г. назначил своим преемником — главным директором Кадетского корпуса. Акт передачи директорского поста состоялся в тот же день с большой пышностью.

Около 9 часов утра 14 марта император в сопровождении большой и пышной свиты прибыл в Корпус и вошел в большую залу, где все кадеты, офицеры и служители были выстроены в полной парадной форме. В присутствии Петра состоялся публичный экзамен кадетов в науках, благополучно его выдержавших

И.И. Шувалов

Петр поздравил, а к потерпевшим неудачу обратился с «отеческим наставлением», желая им в скорейшем времени улучшить свои достижения. По окончании экзамена кадеты во главе с императором проследовали в столовую залу, где Петр сам прочитал общую молитву, а затем присутствовал на кадетском обеде, на котором были специально закупленные сладости, кушанья и по стакану вина на кадета. Тем временем в большой зале Корпуса сервировали парадный обед на 115 персон. Дождавшись конца кадетского обеда и проводив кадетов отдыхать, император вернулся в большую залу, где обедал с двором. На императорском обеде за одним столом с монархом сидели все офицеры и преподаватели Корпуса. При тостах за здоровье императора и его семейства, присутствовавших принцев Голштейн-Готторпского и Голштейн-Бекского, за основательницу Корпуса, императрицу Анну Иоанновну, и за «попечительную мать» Корпуса, императрицу Елизавету Петровну, палили пушки, расставленные перед зданием Корпуса на набережной Невы. Завершился двухчасовой обед тостом Петра III «за процветание и достойное служение вовек» Кадетского корпуса, сопровождаемым троекратным пушечным салютом и музыкой.

После обеда (около 3 часов дня) Петр со свитой вышел на плац, где весь Корпус был выстроен в параде. Император, еще

как главный директор, принял командование парадом и приказал действительному тайному советнику Волкову зачитать следующий указ:

«Командовать оным Корпусом почитали Мы всегда за особое Себе удовольствие и прилагали собственные Наши труды и старания, дабы оный умножен и во всем генерально в лучшее состояние приведен был, тем охотнее, что Мы ведали важную для Государства пользу от сего учреждения и с приятностию усматривали, что не тщетны были Наши попечения на служащих, и обучающееся в оном Корпусе благородное юношество, по мере Нашего к оному призрения, всегда большое оказывало усердие и прилежание и милость Нашу заслуживать и к пользе Отечества быть способными, а к получению отправления важных Государственных должностей и чинов достойными себя учинить. Теперь, когда сей Корпус приведен уже в толь изрядное состояние и публикованным от 18-го числа минувшего февраля сего года милостивым Нашим о преимуществах Дворянства Указа таковым сделан, что для Дворянства будет служить руководством к их благополучию, а для Государства источником к получению искусных и достойных людей, признаваем Мы охотно, что ныне с гораздо большим еще удовольствием продолжали б Мы командовать сим Корпусом и никаких для того трудов не пожалели б; но понеже, при великом множестве других важных управлений и Государственных попечений, не всегда может доставать Нам столько времени, сколько требует нежное воспитание благородного юношества и сопряженные с тем многие распоряжения; то Мы избрали Наше при Шляхетном Кадетском Корпусе место заступить Нашего Генерал-Поручика и Действительного Камергера Шувалова, тем паче, что Мы известны о усердии его к службе и к тому способности твердо уверены, что он отечески Наши о Государственной пользе и о воспитании благородного юношества намерения достаточно исполнит и нелицемерным будет Нам предстателем за достойных сынов Отечества, и несумненно ожидаем, что Шляхетный Кадетский Корпус сие новое определение признает за новый опыт Нашего к оному благоволения и призрения, и потому, умножая ревность и усердие к Нашей и Отечества службе, учинит себя достойна продолжения милости, с которою Мы благосклонно пребываем».

По зачтении указа император официально передал должность И.И. Шувалову, который вступил в командование пара-

дом и подал команду к его окончанию. После этого Петр и свита вернулись в большую залу, где двое старших корпусных офицеров, подполковник фон Фрейман и капитан Свистунов, были пожалованы новыми чинами (соответственно полковника и майора). За здоровье произведенных в чины подняли специальный тост. Затем все в той же большой зале кадеты упражнялись в танцах, фехтовании и вольтижировке, а 2-я мушкетерская рота по приказу императора явилась строем с оружием и «переметала весь артикул», то есть выполнила все строевые и ружейные приемы, предусмотренные воинским уставом.

Уже поздним вечером, около 10 часов, в большую залу снова был вызван весь Корпус, построено парад, и перед строем товарищей император произвел в офицеры 77 кадетов, удостоенных выпуска. Высказав еще раз всему Корпусу благоволение и выпив перед строем за кадетов и офицеров, в начале двенадцатого часа ночи император со свитой покинул Корпус, причем кадеты, сломав строй и забыв про дисциплину, провожали теперь уже бывшего директора со слезами до самой Невы.

Небывало пышная и продолжительная церемония должна была знаменовать начало новой эры в жизни Корпуса. Об этом прямо говорилось и в высочайшем указе: «...Корпус... опубликованным от 18-го числа минувшего февраля сего года... Указа таковым сделан, что для Дворянства будет служить руководством к их благополучию, а для Государства источником к получению искусных и достойных людей...» Исполнителем этой колоссальной задачи должен был стать И.И. Шувалов, которому Петр III не только выказал доверие и искреннее расположение, но и велел сохранить у себя все подарки Елизаветы Петровны с указанием, что «буде оные не возжелает употребить к собственной своей пользе, почитал бы нам приятным к ныне вверяемому ему делу, буде станет то потребно, применить».

Шувалов принялся за дело сразу и решительно. Современники, которым новый главный директор Корпуса был известен как человек редкостно скромный, «тихонравный» и совершенно не военный (Шувалов действительно никогда не служил в армии), смеялись, считая его назначение вздорной выходкой Петра III. Один из постоянных корреспондентов Шувалова в письме к новому директору писал: «Право, дорогой друг, не сочтите за обиду, но, прознав о новой Вашей должности, представил Вас при шляпе и гетрах командующим артикулы перед

строим, и такой смех разобрал, что даже и ныне можете быть ему свидетелем, видя, как трясется пишущая сии строки моя рука». Нашлись даже злые языки, шептавшие, что новым назначением Петр желал унижить бывшего фаворита, добиться его краха на новом месте и изгнать из службы с позором. Но смех и злопыхательство обнаруживали лишь слепоту и дурной нрав вздорных натур. Шувалов оказался на своем месте, у него был ясный план действий, а «командовать артикулы перед строем» он и не собирался.

План Шувалова был чрезвычайно прост: поддерживая заложенные еще при создании Корпуса идеи, развивать его не как сугубо военное, а как универсальное учебное заведение, дающее разностороннее образование. Для этого Шувалов предполагал разделить обучение на два этапа. Первый этап (для подростков 12–15 лет) — общее и самое широкое образование, включающее азы военного дела в последний год. Второй этап (для юношей 16–19 лет) — профессиональное военное обучение. Программа первого этапа должна была быть общей для всех кадетов, а второго — глубоко специализированной: кадет мог выбрать обучение пехотной или конной службе, артиллерии, инженерному или морскому делу, подготовку к гражданской службе, занятия науками или искусствами. Чтобы обеспечить учащимся свободу выбора, Шувалов подготовил проект об объединении под своим управлением всех трех существовавших в то время военно-учебных заведений: Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, Морского кадетского корпуса и Артиллерийской школы. Соответствующий указ был подписан через месяц — в апреле 1762 г. При этом нельзя забывать, что Шувалов являлся также президентом Академии художеств, попечителем Московского университета и неофициальным, но фактическим руководителем Академии наук с гимназиями при ней. Таким образом, Шувалов собрал в своих руках управление всеми учебными и научными заведениями, существовавшими тогда в России (кроме духовных), и де-факто стал первым министром науки и образования нашей страны. Совокупность стольких должностей позволяла Шувалову предоставлять кадетам самый широкий выбор: завершив обучение на первом этапе (которое предполагалось вести на базе Сухопутного кадетского корпуса), дворяне могли продолжить образование либо в том же Корпусе (готовясь к военной службе в пехоте или кавалерии), либо в Артиллерийской

школе (выпуск в артиллерию и инженерную роту), либо в Морском корпусе (выпуск во флот), либо переводиться в университет и Академию художеств, либо определяться в ученики к профессорам Академии наук. Не довольствуясь столь широким выбором, Шувалов собирался завести при Сухопутном корпусе еще и «юнкерский коллегийум» — специальное отделение для подготовки на втором этапе тех, кто выберет гражданскую службу, а также «школу коммерциального экономства» — училище второго этапа для собиравшихся остаться частными лицами, где должны были преподаваться основы сельского хозяйства, торговли и управления имениями.

За обширными начинаниями в гражданской и научной сферах не были забыты и военные вопросы. Шувалов вступил в переписку с героем и самым передовым полководцем только что завершившейся для России Семилетней войны — генералом (впоследствии фельдмаршалом) графом Петром Александровичем Румянцевым, обратившись к нему с просьбой рекомендовать способы улучшения военной подготовки в Сухопутном корпусе и предложить кандидатуру генерала «действительно в баталиях и походах миновавшей войны совершенно опытного и отличного» для назначения директором Сухопутного корпуса. Второй после самого Шувалова человек в структуре корпусного управления должен был полностью принять на себя руководство старшим этапом обучения кадет, избравших подготовку к службе в пехоте и кавалерии, и как раз осуществлять то самое «командование артикулов перед строем». Румянцев рекомендовал Шувалову трех генералов — Александра Васильевича Суворова, Александра Ильича Бибикова и барона Отто-Адольфа Вейсман фон Вийсенштайна, выдающихся полководцев своего времени. Пока Шувалов раздумывал, на ком остановить выбор, Петр III с почетом освободил от должности директора Корпуса генерал-поручика Мельгунова, занимавшего ее с 1756 г.

Новый, объединенный Кадетский корпус обещал стать крупнейшим учебным заведением Европы. Петр III потребовал спланировать его штат, но Шувалов резонно заметил, что штат Корпуса невозможно установить жестко, он должен быть динамичным и колебаться в зависимости от количества поступающих учеников, число которых в свете установлений об обязательной записи всех дворянских детей не может быть ограничено. На текущий, 1762 г. штат был определен в 920 человек,

разделенных на 2 гренадерских, 6 мушкетерских рот (по 100 человек в каждой) и кирасирский эскадрон в 120 человек. Содержание Корпусу на тот же год определили в 170 457 рублей 32 $\frac{1}{4}$ копейки, но и штат, и сумма содержания должны были пересматриваться и корректироваться ежегодно. Шувалов задумался о финансировании: установить точную сумму ежегодных расходов ввиду непостоянства штата невозможно, а, соответственно, государственный бюджет мог оказаться не готов ежегодно удовлетворять требования Корпуса. Шувалов переработал свое завещание (он не имел семьи и детей), назначив Корпусу более половины своих имений (с доходом до 200 тысяч рублей в год), и выдвинул план создания при нем, во-первых, земельного фонда из значительного числа доходных имений, а во-вторых, неприкосновенного капитала, размещенного в российских и зарубежных банках, проценты с которого должны были использоваться на содержание Корпуса.

Шувалов задумал упорядочить систему приема в Корпус. Так, если появлялись вакансии (свободные штатные места), то на них принимали желающих в любое время года, не обращая особого внимания на возраст и образование. По замыслу Шувалова в Корпус следовало принимать мальчиков в возрасте 12 лет ежегодно в определенный срок. В качестве вариантов предлагали конец лета или середину зимы, но в обоих находили свои недостатки: конец лета — время сбора урожая, когда дворянам неудобно отвлекаться, чтобы везти детей в Петербург; зимой могли участиться случаи заболеваний среди детей, привезенных из дальних губерний и еще не привыкших к столичному климату. Осень и весну отмели сразу из-за распутицы, мешавшей проезду в Петербург. Переходить на прием только 12-летних предполагалось постепенно, а пока Шувалов постарался закрыть дорогу в Корпус тем, кого учить там было уже невозможно: 12 апреля 1762 г. вышел высочайший указ, запрещающий впредь принимать в кадеты недорослей 16 лет и старше, если они не знают ничего, кроме русской грамоты. Чуть позже Шувалов подготовил циркуляр, который предписывал в переходный период принимать 12–13-летних (в исключительных случаях 11-летних) сразу по прибытии, а достигших 14 лет и больше — после экзамена, определяющего уровень их знаний.

Манифест 18 февраля, вызвавший горячий восторг российского дворянства, побудил многих дворян незамедлительно ис-

полнить требование о записи детей в Корпус. В 1762 г. туда поступило 190 человек (в то время как в 1761 г. — 109, а в следующем, 1763 г. — только 53; количество поступивших в 1762 г. будет превзойдено лишь спустя 30 лет: в 1792 г. поступило 192 человека). Добрую половину привозимых недорослей составляли дети младше 12 лет. Принимать их в Корпус Шувалов считал слишком ранним делом, а потому исходатайствовал утверждение императорского указа, которым было велено производить малолетним экзамен и записывать их в Корпус сверх штата. По результатам экзамена определялась судьба малолетних дворян. Если дети оказывались образованными, то их возвращали домой до достижения 12-летия. А если выяснялось, что недоросли не знают даже грамоты, то родителям предоставлялся выбор: или забрать детей и обязаться дать им начатки образования дома (о том, что именно следует выучить, говорилось в специальной памятке для родителей), или поместить их в гимназии (при Академии наук или Московском университете) для начального образования. Запись в Корпус вне штата являлась вполне практичным актом — она позволяла примерно представить, сколько мест нужно подготовить на тот год, когда «сверхштатные» достигнут 12 лет.

Значительную часть кадетов составляли сироты (круглые или оставшиеся при овдовевшей матери). Многие из них владели унаследованными от отцов имениями, но, естественно, не могли вести хозяйство самостоятельно. Для охраны и лучшего управления такими имениями Петр Федорович еще в июне 1761 г. добился особого указа Сената. Теперь Шувалов принял действенные меры к его исполнению: при Корпусе заведена Опекa над кадетскими имениями, возглавил которую управляющий делами самого Шувалова, энергичный и кристально честный (что было удивительной редкостью для того времени) человек Андрей Михайлович Серебрянников.

Пребывание в Корпусе рассматривалось дворянством не столько как учение, сколько как способ успешно начать карьеру. Большого стремления к знаниям молодые дворяне не проявляли, да и стимулов особых не было: если кадет не являлся совсем уж отъявленным лентяем, тупицей или хулиганом, то, проведя в Корпусе несколько лет, он так или иначе выпускался в армию офицером. Шувалов вознамерился создать систему, стимулирующую усердие кадетов: принципиальным условием

стала зависимость получаемого при выпуске чина от успехов в учебе. Сдавшие экзамены удовлетворительно должны были выпускаться прапорщиками, хорошо — подпоручиками, отлично — поручиками, а нерадивых и ленивых предполагалось выпускать вовсе без чина и каких-либо привилегий по службе.

Из всех видов государственной службы самой непопулярной среди российского дворянства в XVIII в. была служба морская. Предвидя, что лишь очень немногие станут выбирать для обучения на втором этапе морское дело, Шувалов позаботился о том, чтобы придать морской службе большую привлекательность. Совместно с директором Морского корпуса он разработал и подал Петру III два указа, касающиеся будущих кадетов-моряков. Согласно первому, выходявшие в морскую службу кадеты, показавшие на экзаменах те же результаты, что и выходявшие в сухопутную службу, получали при выпуске более высокие чины: учившиеся удовлетворительно — унтер-лейтенанта (соответствовал поручику армии), окончившие хорошо — лейтенанта (чин, не имевший аналога в армии, выше армейского поручика, но ниже капитана), а отличники — капитан-лейтенанта (соответствовал армейскому капитану). Второй указ касался продолжения морского образования по окончании Корпуса. Морские офицеры, выпускники Корпуса, получали право, если они того захотят, выезжать на 3 года за границу служить волонтерами (добровольцами, не получающими жалованья) в иностранных флотах. Государство брало на себя труд устраивать их на службу, снабжать деньгами на проезд, в течение всех трех лет службы платить удвоенное жалованье, а по возвращении в Россию (если волонтер не получил в иностранном флоте взысканий по службе) автоматически производить в следующий чин.

Громадная деятельность Шувалова перечисленными мерами отнюдь не исчерпывалась: он постоянно проводил совещания с директорами Морского корпуса и Артиллерийской школы; составлял учебные планы, стремясь сообразовать учебную программу с возрастом кадетов; искал учителей и офицеров, прорабатывая десятки кандидатур; размещал за границей заказы для пополнения библиотеки и научных кабинетов Корпуса и создания в нем галереи батальной живописи; входил в вопросы устройства кадетского быта, вплоть до проверки тюфяков и просить, проб новых сортов каши и удобной форменной обуви;

рассчитывал приобрести для Корпуса еще несколько мыз, дабы пополнить довольствие кадетов собственными овощами, молоком и птицей; искал музыкантов в корпусной оркестр; поручал разработать образец укороченных и облегченных ружей для строевых занятий 15-летних, потому что строевое ружье считалось слишком тяжелым... Простой перечень занятий нового главного директора мог бы занять несколько страниц. Не реже, чем раз в неделю, Шувалов докладывал о работе Петру III, принимавшему в делах Корпуса живое участие и неоднократно поощрявшему Корпус и официально, по праздникам, и запросто.

Итак, Корпус стремительно развивался, обещая в ближайшем будущем удивительные успехи. Но, увы, превратности судьбы неумолимы — 28 июня 1762 г. состоялся государственный переворот: император Петр III был свергнут своей супругой, принявшей титул императрицы Екатерины II, заточен в загородном дворце и через несколько дней убит. Все его начинания были немедленно уничтожены. Не избежал этой судьбы и Кадетский корпус...

Время царствования Екатерины II часто называют «эпохой Просвещения», «золотым веком». Мы как-то забываем, что эти названия присвоила своему времени сама его главная героиня, что само по себе должно уже вызывать некоторую настороженность и справедливый вопрос: а зачем императрице, если уж она и вправду царствует со славой, лично изобретать и распространять в обществе хвалебные эпитеты для своего правления? Ответ прост: екатерининское время стало чрезвычайно сложной и далеко не однозначной эпохой в нашей истории. У него невероятно пышный фасад — длинный ряд событий, впечатляющих своим блеском и мощью: громкие победы армии и флота, крупные территориальные приобретения, предприятия внутреннего управления, некоторые из них дожили до конца Российской империи в 1917 г., расцвет культуры и искусства... Но за этим фасадом и пышными придворными празднествами скрывается длинейший ряд сложнейших проблем, порожденных екатерининским царствованием либо существовавших и ранее, но доведенных в «золотой век Екатерины» до крайности, до последней, кризисной, болевой точки, после которой уже невозможно возвращение к здоровой и полноценной жизни. Здесь и колоссальное расстройство финансов, усугубленное громадным внешним долгом — яма, из которой России затем

Императрица
Екатерина II

пришлось выбиратьяся целое столетие; и невероятное расстройство государственного порядка — истребление даже самого духа дисциплины во всех сферах государственной жизни, включая военную; казнокрадство, всегда являвшееся бичом России, но в ту пору достигшее ни с чем не сравнимого размаха; усугубление и консервирование глубочайших социальных проблем; нравственное разложение общества...

Последнее, пожалуй, стало самым тягостным наследством екатерининского времени. Екатерина II была величайшим лицемером и лгуном на русском престоле. Ее мало интересовало, что делается

в России, ей было важно, как это воспримут и в самой России, и, что еще важнее, за ее пределами. И именно на формирование эфемерного, блестящего и большей частью лживого образа страны была направлена основная часть усилий императрицы в течение всей ее жизни. Надо сказать, что в этом она преуспела: доньше и в нашей стране, и за рубежом век Екатерины описывается и оценивается не таким, каким он был на самом деле, а таким, каким представила его миру сама императрица.

Вступление Екатерины II на престол было преступлением. Все предшествующие дворцовые перевороты XVIII в. обуславливались неясной ситуацией с престолонаследием: вступающие на престол преодолевали сопротивление, но сопротивлявшиеся не основывались на бесспорном праве, сами колебались, а потому и перевороты происходили легко и почти бескровно.

После кончины Елизаветы Петровны ситуация с престолонаследием была определена совершенно четко и обеспечена на два поколения вперед: трон наследовал Петр III, а ему, в свое время, должен был наследовать сын — великий князь Павел Петрович. Такой порядок был определен завещанием Елизаветы, основан на вековой российской и общеевропейской традиции самодержавного престолонаследия. Однако Екатерину II он

не смутил. Желавшая власти и свободы от нелюбимого мужа, Екатерина не остановилась ни перед заговором, ни перед убийством. Петр III был свергнут, а затем убит. Вскоре был убит еще один возможный соперник — Иоанн Антонович, занимавший трон во младенчестве, свергнутый Елизаветой Петровной в 1742 г., заточенный в Шлиссельбургской крепости и к моменту воцарения Екатерины II являвшийся несчастным, умственно неполноценным человеком, ни для кого не представлявшим опасности. Третьего и последнего возможного соперника в борьбе за трон, собственного сына Павла, Екатерина II убить не решилась, но, отстранив его от власти почти на 35 лет, отравила ему жизнь ложью, недоверием и постоянной неуверенностью в завтрашнем дне.

Свое преступление, узурпацию трона и убийство своего царя, Екатерине следовало как-то оправдать, и она нашла для этого простое средство: создать в общественном представлении образ свергнутого Петра III как неполноценного, взбалмошного уродца, опасного в своих придурях губителя России. Над этим Екатерина трудилась неустанно с помощью самого мощного оружия, изобретенного человечеством, — пера и бумаги. Знаменитая переписка Екатерины с влиятельными зарубежными корреспондентами, оставленные ею многочисленные воспоминания и заметки — все представляло море изворотливой и искусной лжи, где Петр III выступал дураком, истинным тираном и наказанием России, от которого с прискорбием и неохотой ради общего блага страну вынуждена была избавить попечительная матушка-императрица.

Литературные труды сопровождалась и политическими, в них Екатерина искусно играла с общественным мнением, совершенно не думая при этом о государственной пользе. Дело в том, что Петр III не снискал себе популярности в высших кругах столичного общества, изрядно развращенного долгим царствованием Елизаветы Петровны, не имевшей привычки обременять вельмож излишними трудами, требованиями дисциплины и смотревшей сквозь пальцы на вольности с казенными средствами. Поборник строгой дисциплины, молодой еще и чрезвычайно активный человек с обширными планами, Петр III энергично взялся за наведение порядка в высшем эшелоне государственной власти. Он не стеснялся назначать на высшие посты людей невлиятельных, но способных действительно

трудиться (в том числе иностранцев), не считался с мнением вельмож, не собирался потворствовать ни казнокрадству, ни праздности. Несмотря на то что Петр не подверг опале ни одного из вельмож елизаветинского времени, он, однако, совершил в их глазах гораздо большее преступление — принялся решительно расшатывать и перестраивать привычный и весьма удобный порядок вещей. А этого сановный Петербург прощать не умел и не желал.

Екатерина ловко воспользовалась ропотом сановников и, захватив престол, первым делом с подобающей помпой объявила, что при ней «все будет как при тетке» (Елизавете Петровне), торжественно уничтожив нововведения Петра III. Среди этих нововведений важное место занимал Кадетский корпус, и Екатерина немедленно велела ему «быть на прежних основаниях». Высочайший указ от 8 августа 1762 г. упразднил соединенный корпус, Сухопутный, Морской корпуса и Артиллерийская школа восстанавливались как самостоятельные, независимые друг от друга учреждения, требование об обязательной записи всех дворян в Корпус отменялось, а работу по его преобразованию было велено приостановить.

Однако за время правления Петра III Кадетский корпус приобрел популярность и существенно пополнился воспитанниками. После разделения корпусов в Сухопутном оказалось 587 кадетов, значительно больше, чем определялось по штату. С почти сотней сверхштатных кадетов нужно было что-то делать: либо отправлять по домам, либо спешно определять Корпусу новый штат, позволяющий сохранить воспитанников. Екатерина избрала второй путь и 29 августа 1762 г. утвердила новый штат Сухопутного корпуса, предусматривавший 600 воспитанников и сумму в 126 589 рублей 35 копеек на годовое содержание. Воспитанники должны были быть разделены на 5 рот по 104 человека в каждой и одну конную роту в 80 человек. В роты кадеты расписывались по возрасту (1-я рота — 12 лет, 2-я — 13 лет, 3-я — 14 лет, 4-я — 15–16 лет, 5-я пешая и конная роты — 17 лет и старше). Рота становилась одновременно и строевым, и учебным подразделением, управлять им должны были командир-офицер, ведающий военным обучением, дисциплиной и административными вопросами, и профессор, курирующий учебу кадет. Для каждой роты предусматривалась специальная учебная программа, соответствующая возрасту воспитанников.

Утверждение нового штата — последнее, что сделал на посту главного директора Корпуса И.И. Шувалов. Дни его в этой должности были сочтены: Екатерина, хотя и не показывала этого публично, не терпела благородного нрава и тихого трудолюбия первого русского просветителя. Она не погнушалась забрать в Кабинет (учреждение, ведавшее личными средствами императрицы) подарки Елизаветы Петровны, которые Шувалов вновь предложил возратить казне, и негласно велела прекратить дальнейшую работу по совершенствованию Корпуса. Опекан над кадетскими именами закрылась, приобретать для Корпуса мызы и имения было воспрещено, вступительные экзамены отменили. Понимая, что ему нет места в новом, екатерининском Петербурге, И.И. Шувалов подал прошение об отставке. В марте 1763 г. оно было удовлетворено: Шувалова освободили от всех должностей, и он получил разрешение выехать за границу «для поправления здоровья». Через месяц И.И. Шувалов покинул Россию.

Для Кадетского корпуса настали «пустые» (по выражению одного из воспитанников) времена. Императрице, занятой укреплением своего положения на узурпированном троне, было не до кадетов. Генерал-директором корпуса вместо Шувалова она назначила генерал-майора князя Николая Васильевича Репнина, но карьера воспитателя юношества никак не привлекала честолюбивого военного. Вскоре он выхлопотал себе пост полномочного министра (аналог современного посла) в Польше и в октябре 1763 г. уехал в Варшаву, сдав Корпус, в котором за все время своего директорства появился только два раза, генерал-майору Михаилу Михайловичу Философову.

Человек честный, трудолюбивый и заботливый, М.М. Философов мог стать неплохим руководителем Корпуса. Он родился в 1732 г., с детства служил в армии, за 15 лет прошел путь от рядового до генерала, воевал. В 1759 г. в знаменитом сражении при Кунерсдорфе, где русская армия в долгом, тяжелом и кровопролитном бою наголову разгромила великолепные войска прусского короля Фридриха II Великого, Философов был тяжело ранен. От последствий раны генерал страдал более десяти лет, и дальше служить в строю ему стало тяжело. Кроме того, за годы Семилетней войны в армии образовался избыток генералов, и когда в 1762 г. Россия вышла из войны, перед правительством встала непростая задача занять «лишних» делами,

соответствующими их чину. 31-летнему Философову досталась должность главного директора Корпуса, к которой молодой генерал отнесся с присущей ему ответственностью и основательностью.

Первым делом Философов взялся за финансы и хозяйственную часть Корпуса, изрядно запущенную в пору небрежения князя Репнина, и навел здесь столь четкий порядок, что введенные им принципы хозяйствования и бухгалтерии исправно функционировали в продолжении следующих двадцати лет. Интересно, что во многом Философов пользовался идеями, разработанными еще Шуваловым. Так, Шувалов считал, что в кадетской столовой не должно существовать порций. Пусть пища будет не слишком изысканной, но щей, каши и хлеба каждый должен получать вдоволь. Этот принцип был аккуратно реализован Философовым. При нем в столовых заведены столы на 10 человек. За столом каждый кадет получал прибор (тарелку, стакан, нож, вилку, ложку и салфетку), а в середине стола ставились блюдо с нарезанным хлебом, кувшин с напитком (чаще всего просто водой, реже — молоком или киселем) и общее кушанье (суп, каша) в фарфоровом «котелке». Кадеты могли брать сколько захотят. Если хлеб, напиток или кушанье заканчивалось, старший за столом кадет мог подать знак, и из кухни доставляли новый полный «котелок», кувшин или хлебная доска. По введенному Шуваловым порядку ежедневно к одной из трапез (обычно к обеду, реже — к ужину) должна была подаваться «зелень»: летом и осенью — свежие овощи и ягоды (крыжовник, смородина), осенью — яблоки, зимой — лук, квашеная капуста, соленые огурцы, моченые яблоки, клюква или брусника. Шувалов хотел выращивать овощи на собственных мызах Корпуса, в самом же Корпусе производить заготовки, для которых были закуплены дубовые бочки и начато строительство погреба (единственное строение шуваловского времени). В директорство князя Репнина бочки разворовали, строительство погреба забросили. Философов достроил погреб, закупил новые бочки, приказал поварам осенью заготавливать квашеное и моченое и обеспечил ежедневную поставку «зелени» на кадетский стол. На Васильевском острове, ближе к гавани, у Корпуса были довольно большие огороды. Философов попытался растить на них овощи для Корпуса, но дело пошло туго: не хватало денег на наем рабочих. Тогда огороды были

сданы в аренду, а получаемые от нее деньги употреблены на закупку «зелени».

Будучи настоящим солдатом, Философов первым делом заботился о желудке подчиненных, а вторым — об их сне. При Шувалове был упорядочен вопрос с кадетскими постелями: каждому воспитаннику положены жесткая деревянная кровать, матрас, подушка, одеяло и два с половиной комплекта белого льняного белья. (Не совсем ясное понятие «два с половиной комплекта белья» объясняется просто. На каждого кадета полагалось два комплекта: на одном он спал, второй в это время стирался. Переменялось белье еженедельно по субботам. «Половина» же комплекта, или, правильнее сказать, один комплект белья на двух кадетов, назначалась, чтобы создать «резервный фонд» белья, за счет которого выдавались предметы взамен испорченных или же производились внеплановые замены испачканного белья в тех случаях, когда, как тактично выразился Шувалов, «у кадет за малыми их летами ночами изредка некоторые неприятности приключаются».) Белье за время правления князя Репнина тоже разворовали. Кроме того, корпусная казна перестала платить прачкам, и те «разошлись неведомо куда». Философов навел и здесь порядок: наняли прачек, закупили новое белье, а сверх того заменили волосяные матрасы у младших кадетов на набитые сеном: они были дешевле, «духовитее» (выражение Философова), и, кроме того, сено можно было легко заменить, если матрас страдал от «некоторых неприятностей».

Не только прачки — весь довольно многочисленный технический персонал Корпуса при князе Репнине оказался без жалованья и вынужден был искать иных заработков. Корпус остался без дворников и истопников. Философов и этот вопрос решил просто. Он выписал из Военной коллегии три десятка отставных солдат, дал им квартиры при Корпусе, довольствие от кадетского стола, небольшое жалованье и приставил исполнять должности истопников, дворников, носильщиков, «кухонных мужиков», мастеров для всяких починок и «производителей наказаний» (в ведении последних находились розги и их применение, коим солдат Философов не брезговал). Над всеми этими работниками был поставлен начальником 77-летний отставной фельдфебель гренадерской роты одного из лучших полков того времени — Белозерского пехотного Андрей Иванов, «старик росту гигантского, весь будто из камня точеный, таковых

силы и движения, что не сыщешь и среди молодых; седые усы имел чуть не в пол-аршина, уграми чуть не по получасу плескался в проруби в Неве, какую сам себе во всякий мороз и вырубивал; солдаты корпусные пред ним трепетали хуже смертного страха». Иванов ежедневно по три раза обходил весь Корпус, надзирая за работами. Особым его вниманием пользовались отхожие места, в каковых «если встречивал он не токмо что какой нечистоты, но хотя бы находил запах, тут же кровянил морду приставленному к тому дядьке беспощадно и, по слухам, меж кадет ходившим, одного, найденного пьяным при неприбранном месте, даже и утопил в оном самом».

Усердно заботясь о хозяйстве, в учебных делах Философов ничем особенным себя не проявил, за исключением одного, зато весьма существенного, нововведения. Роты, на которые делился Корпус, были устроены во всем согласно принятым в армии правилам. В каждой роте имелись рядовые кадеты, а над ними — унтер-офицеры: фельдфебель (старший унтер-офицер), сержант, каптенармус, фурыер и 4 капрала. Назначались унтер-офицеры из самих же кадетов. Унтер-офицерское звание считалось «наградой», и получали его, естественно, те, кто лучше учился. Однако кадетское унтер-офицерство отнюдь не было игрушкой, простой формой поощрения, не накладывающей никаких обязанностей. Напротив, унтер-офицеры из кадетов получали от казны такое же жалованье, как и унтер-офицеры армейских полков, и перед ними ставились вполне конкретные и нелегкие в исполнении задачи. Само собой, унтер-офицеры исполняли все строевые обязанности, когда кадеты занимались военными упражнениями: подавали команды, указывали места в строю, надзирали за правильным исполнением строевых приемов. Но и вне строя их обязанности были многочисленны и обременительны. Унтер-офицеры по очереди назначались на дежурства: при своей роте (дежурный унтер-офицер должен был в течение суток находиться при роте, днем и ночью обходить ротные помещения, твердо знать, где кто из кадетов роты находится и чем занят, отдавать ежедневный рапорт начальству и подавать команды, по которым строился кадетский день) и при корпусном штабе, где использовались для посылок, отдачи команд, а иногда и помощи в канцелярских делах. На унтер-офицерах лежали заботы об «исправлении ротной внутренней экономики»; точно так же, как и в армии, все имущество в Корпусе

(оружие, амуниция, форменная одежда, белье, мыльные принадлежности, мебель, книги, бумага и перья, дрова для топки печей и т. д.) отпускалось в роту, внутри которой распределялось унтер-офицерами; они же были обязаны отчитываться о нем перед начальством, требовать замен, добавок, хранить, не растрачивая, излишки. В часы занятий в общих кадетских помещениях за порядком наблюдали офицеры и учителя, но кадетские «квартиры» — спальни, умывальные комнаты — находились в ведении унтер-офицеров, обязанных обеспечивать здесь порядок и дисциплину. «Квартирный» надзор был тем более обременителен, так как Корпус испытывал нехватку помещений, и многие кадеты жили не в Меншиковском дворце, а вне Корпуса: в соседних домах, где для них арендовались комнаты, или в ближайших к Корпусу гостиницах. Собирать кадетов с квартир по утрам, разводить их по квартирам вечером и обходить квартиры днем и ночью, надзирая за поведением кадетов, должны были унтер-офицеры. Кроме того, они водили кадетов в баню, являлись старшими за столами в столовой и имели право в случае неудовлетворительного качества пищи или ее недостаточного количества рапортовать о том начальству, присматривали за больными в лазарете, получали небольшие суммы денег для удовлетворения нужд кадетов своей роты. На унтер-офицерах лежала и бумажная работа: составление ежедневных рапортов и ведомостей о состоянии роты, отчетов и ведомостей о состоянии имущества и тратах ротных денег.

За всеми этими обязанностями у унтер-офицеров совершенно не оставалось времени на учебу, так что стало обычным делом, когда кадет, назначенный унтер-офицером за успехи в науках, в скором времени начинал отставать по всем предметам, а через год-два его приходилось переводить в младшие классы. Случалось и так, что унтер-офицер, поглощенный своими обязанностями, забывал и то, что знал на момент получения своего чина. Так, например, в 1763 г. фельдфебелем 3-й роты был назначен за «отменные успехи» во французском языке 14-летний кадет Петр Вельяминов. Спустя два года, числясь уже в 5-й роте, он настолько забыл французский язык, что «читал с великою запинкой невнятно, а перевести со французского языка в русский не мог вовсе, сказать же сам по-французски не мог ничего ж». Почти 17-летнего фельдфебеля, в прочих предметах учения столь же плачевно забывчивого, пришлось разжаловать

в рядовые кадеты и возвратить в 3-ю роту для «исправления в науках».

Поняв, какое зло наносит кадетам исполнение унтер-офицерских обязанностей, Философов исходатайствовал императорский указ, изменивший этот порядок. Производство жалования унтер-офицерам из кадетов было отменено, число их уменьшено почти вдвое (в каждой роте оставили фельдфебеля, двух сержантов, каптенармуса и фурьера), и от всех своих обязанностей (кроме командования во время строевых занятий) они были освобождены. Таким образом, унтер-офицерское звание стало для кадетов просто наградой, знаком отличия лучших в учебе, которой производство в унтер-офицеры уже не могло помешать.

Для исполнения обязанностей, ранее возложенных на кадетов, было предписано набрать унтер-офицеров из «дворян, летами молодых и поведения исправного» из армейских полков. Таких было много: в первой половине XVIII в. дворянин обыкновенно начинал службу с того, что отец-офицер записывал его в свой полк солдатом в возрасте 10–12 лет. К 18–19 годам, когда недоросли являлись на действительную службу, заботливые родители обыкновенно умудрялись исколотать им унтер-офицерское звание. Выйти в офицеры было уже значительно сложнее, и немало молодых дворян оставались в этом чине по 10–15 лет, а некоторые и всю жизнь. Привлеченным в Корпус армейским унтер-офицерам положены были полное строевое жалование, бесплатная квартира и срок службы при Корпусе в 3 года, после которого предписывалось возвращать их обратно в армию, причем те, кого корпусное начальство аттестовало как «служивших примерно», имели право на производство в офицеры или, по крайней мере, в очередное унтер-офицерское звание. При желании армейские унтер-офицеры могли посещать лекции и занятия вместе с кадетами, но прав сдавать экзамены не получали, и обязанностью их было дежурить, наблюдать за порядком в квартирах, заведовать «ротной экономией» — словом, выполнять все те многочисленные обязанности, что раньше отвлекали от учебы унтер-офицеров из кадетов. В целом условия службы в Корпусе и перспектива повышения в чине через 3 года были весьма привлекательны для армейских унтер-офицеров из дворян, особенно если они происходили из бедных фамилий и не имели влиятельных родственников и покровителей.

На каждую пешую роту было положено набрать по три армейских унтер-офицера, а в конную роту, где надлежало заботиться не только о кадетах, но и почти о сотне лошадей, — пять. Таким образом, на весь Корпус выходило 20 унтер-офицеров. К февралю 1766 г. необходимое количество армейских унтер-офицеров было найдено, причем директор Философов лично занимался отбором кандидатов и устройством их в Петербурге. Унтер-офицеры приступили к исполнению обязанностей, но о дальнейшей их судьбе сведений не сохранилось. Корпус стоял на пороге нового витка в своей истории, нового вихря перемен, которому было суждено смести и М.М. Философова, и введенные им порядки и в очередной раз переустроить жизнь «рыцарской академии» до самого основания...

В своих воспоминаниях, повествующих о приезде к русскому двору, браке и долгих годах жизни в качестве жены наследника престола, Екатерина II так описывает главнейший принцип, который, получив первые уроки придворного существования, она положила в основу основ своего жизненного кредо: «Я взяла себе за правило нравиться всем...» Далее на многих страницах с цинизмом столь откровенным, что он вызывает сомнение, уж не та ли это простота, что, согласно народной поговорке, «хуже воровства», мемуаристка повествовала, как она приводила в жизнь принятое правило: беззастенчиво льстила; раздавала подарки; не требуя и не ожидая возврата, раздавала в долг деньги даже тогда, когда сама оставалась без гроша и должна была брать кредиты; лицемерила, играя перед старухами глупенькую и послушную девочку, способную потуплять глазки и часами слушать брюзжание, перед молодыми людьми — очаровательную и не кажущуюся недоступной кокетку, перед учеными мужами — почтительного «юного философа», заинтересованно слушающего многомудрые речи, с восторгом и неожиданной проницательностью обсуждающего ученые постулаты. Лесть, подкуп и лицемерие — вот три инструмента, с помощью которых Екатерина II с успехом добивалась своей цели — нравиться всем, в применении которых она неустанно упражнялась двадцать лет, прошедших со времени ее приезда в Петербург до воцарения на престоле, и которые позволили ей уничтожить мужа и захватить власть, ибо Петр III ни в чем не уступал супруге, кроме того, что льстить, подкупать и лицемерить не был способен органически. Свой главный жизненный

принцип Екатерина не забыла и тогда, когда стала самодержавной правительницей России, она оставалась ему верна до конца своих дней и преуспела в стремлении «нравиться всем» настолько, что и сегодня, более двухсот лет спустя, ее образ и время правления памятны нам как образ «северной Семирамиды» и «золотой век России».

Стремясь всеми средствами создать впечатление о России как о процветающей европейской стране, Екатерина чутко улавливала все требования политической и культурной моды, действовала в их ключе и еще больше усилий прилагала к пропаганде своей деятельности и ее активному приукрашиванию в глазах общества. А самой громкой «модой» в 1760—1770-х гг. были идеи просвещения. Екатерина II придумала себе название «просвещенная императрица» и всеми силами добивалась его признания.

Просвещение — это комплекс взглядов французских философов (Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье и др.), видевших единственный путь прогресса в утверждении общественной свободы, дорогу к которой должны проложить культура и образование, причем под последним понималось не столько усвоение знаний и практических навыков, сколько развитие морали и нравственности, формирование «нового человека», высоконравственного, даже возвышенного, свободомыслящего и всесторонне развитого философа. Свобода мысли, тем более свобода общественно-политическая, Екатерину II никогда не привлекала, но просветители и не требовали ее немедленного появления: свобода должна была прийти не сразу, а тогда, когда общество будет состоять из «новых людей», к такой свободе подготовленных и умеющих ею плодотворно пользоваться. Значит, для того чтобы в глазах Европы прославиться «просвещенной императрицей», довольно показать, что русская царица не жалеет трудов для создания «нового человека». И Екатерина II не пожалела ни трудов, ни слов для их прославления. А одним из главных объектов оказался Сухопутный кадетский корпус.

Весной 1765 г. в Корпусе начались перемены. Первой ласточкой стал высочайший указ, определивший юридическое положение Корпуса и систему его подчинения. Указом устанавливалось: «Корпус, по силе изданных об нем узаконений, заключает в себе не одно военное, но и политическое и гражданское училище», а потому директор Корпуса «без посредства других мест, прямо под повелительством Высочайшей Императорской

Особы и Правительствующего Сената состоит, и ни от каких других правительства мест повелений принимать ему не следует». Таким образом, Корпус выводился из подчинения Военной коллегии и других государственных органов и подчинялся исключительно главе государства — императрице и его высшему органу — Сенату по сути становясь самостоятельным государственным учреждением, обладающим самой широкой бюрократической свободой.

Через несколько дней, 7 марта 1765 г., был издан следующий указ, который вывел Корпус даже из подчинения Сената: он поступал под личное ведение императрицы и получал новое название — Императорский сухопутный кадетский корпус. Этот же указ декларировал скорые кардинальные перемены в устройстве и работе Корпуса, для осуществления которых назначался и новый исполнитель — генерал-поручик Иван Иванович Бецкой. Положение Бецкого поначалу не было определено точно: его предшественник, главный директор М.М. Философов, не был уволен, лишен должности или полномочий. Бецкой был поставлен вровень с Философовым, ни того, ни другого больше не называли директором или главным директором, возник своеобразный дуумвират с самыми широкими полномочиями. «До будущего в том Корпусе впредь определения, — говорилось в указе, — повелеваем оному быть под Нашим (то есть личным императорским. — Авт.) единственным ведением и принимать по сему делу словесные Наши указы от них, Бецкого и Философова».

Установившееся двоевластие не было на самом деле столь уж удивительным. Екатерина желала в корне переустроить Корпус, для этого нужно было выработать план: подготовить новый устав, новый штат, провести бесчисленные подготовительные работы. В то же время в Корпусе оставалось более 500 воспитанников, о которых нужно было продолжать заботиться. В этой ситуации намечалось вполне логичное разделение полномочий: Бецкой готовил реформу, а Философов тем временем продолжал управлять повседневными делами Корпуса. Но столь же ясно было и то, что дни Философова у руля Корпуса сочтены: как только Бецкой закончит подготовку, он же и станет единоличным руководителем.

И.И. Бецкой взялся за дело весьма капитально. В работе ему были обеспечены широкая свобода и максимально удобный

И.И. Бецкой

бюрократический режим — единственной инстанцией над Корпусом оставалась сама Екатерина II и все распоряжения она отдавала в самой быстрой форме — «словесными указами», то есть на словах, в разговоре, без всякого бумажного оформления. Пользуясь этой свободой, Бецкой готовился создать учебное заведение, подобного которому Россия не знала ни до, ни после него. Но прежде чем говорить об этом, необходимо хотя бы в двух словах обрисовать личность И.И. Бецкого, ибо на то, каким стал благода-

ря его трудам Кадетский корпус, личность преобразователя наложила неизгладимый отпечаток.

И.И. Бецкой — внебрачный сын одного из знатнейших вельмож второй половины 1720–1730-х гг., фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого (сама фамилия Бецкой представляет собой сокращение от фамилии отца). В 1700 г. князь И.Ю. Трубецкой в чине генерал-майора начальствовал в одной из трех дивизий русской армии, выступившей в первый поход Великой Северной войны для осады шведской крепости Нарва. В декабре того же года русская осадная армия под стенами Нарвы была наголову разбита шведами, все генералы и старшие офицеры сдались в плен и были отправлены в столицу Швеции — Стокгольм.

Положение русских пленных в Стокгольме было очень тяжелым. Времена «благородных войн» еще не наступили: Россия и Швеция были врагами, и всякий русский, тем более русский военный, был для шведов непримиримым, злым и коварным врагом. Нарвские пленники почти 10 лет содержались под строгим домашним арестом. Выходить на улицу, а часто и во двор им не позволялось, вести переписку тоже. Денег на содержание пленных шведское правительство не выделяло, получать средства из России было невозможно. Пленным пришлось познакомиться с нуждой, с самым настоящим голодом. Но еще страшнее была неопределенность. Война тянулась год за годом, развязки не бы-

ло видно, ожесточение шведов росло. В любой момент пленных могли бросить в тюрьму, казнить (дипломатические обычаи это допускали), дом, где содержались пленные, могла разгромить негодующая толпа, любого из них мог безнаказанно ударить, унижить, а то и убить любой часовой солдат (караул не ограничивался тем, что шведы охраняли входы и выходы: солдаты и офицеры могли в любое время войти в помещение, обыскать его, забрать любую вещь, показавшуюся подозрительной, что, надо сказать, они постоянно и делали). И так продолжалось не год, не два, а 18 лет. Только после Полтавской битвы (и то не сразу) в 1710 г. условия ареста были облегчены, вернуться же на родину князю И.Ю. Трубецкому удалось лишь в 1718 г.

Вот в такой обстановке унижения, нищеты, неопределенности, постоянного страха и непримиримо враждебного окружения родился в 1704 г. и провел детство Иван Иванович Бецкой. Он не знал материнской ласки; по одним сведениям, матерью его была шведская баронесса Вреден, поспешившая оставить плод своего легкомысленного увлечения русским пленником попечению папаша, по другим — шведская служанка, вскоре после рождения сына устранившаяся из дома пленных и, конечно, не решившаяся взять с собой незаконного ребенка (по шведским законам того времени незаконное рождение детей строго преследовалось: замужняя женщина подлежала смертной казни, незамужняя — бичеванию, клеймению и пожизненной каторге; по отношению к дамам-дворянкам закон был более снисходителен, но и им появление выблядков сулило крупные неприятности). Не удивительно, что первые впечатления детства (а до 1709 г., когда Бецкому исполнилось 4 года, пленным не разрешали выходить на улицу, и мальчик ни разу не видел неба над головой) наложили на его духовное развитие неизгладимый отпечаток. В 1713 г., когда Бецкому было 9 лет, отец сумел добиться от шведских властей разрешения выпустить сына из Стокгольма. Возвратиться в Россию не разрешили, и мальчик был отправлен в Данию, в Копенгаген, где поступил в кадетский корпус. Самым знаменитым военно-учебным заведением для молодых дворян того времени в Европе был, конечно, Берлинский кадетский корпус, но Датский всеми признавался вторым после него, и можно с полным правом говорить о том, что Бецкой получил самое достойное по тем временам образование и воспитание.

В Северной войне Дания и Россия были союзными державами, но тем не менее положение Бецкого в Копенгагене, безусловно, было очень тяжелым. Ублюдок русского вельможи и неизвестной шведки, он оставался чужим Дании и глубоко одиноким. Единственное, что помогало Бецкому выжить, — это унаследованное от отца могучее сложение — он был не по годам высок, массивен, на редкость силен и потому в мальчишеских потасовках умел постоять за себя. Благодаря своим физическим данным Бецкой неполных шестнадцати лет вышел из Корпуса и в 1720 г. поступил младшим офицером в один из датских кавалерийских полков. Но уже в следующем году во время эскадронного учения Бецкой свалился с лошади и сильно пострадал, так как шедший галопом эскадрон не успел свернуть и весь прошел над упавшим корнетом. Инвалидом Бецкой не стал, но принужден был долго лечиться, к военной же службе, тем более кавалерийской, потерял охоту на всю жизнь.

Бецкой вернулся в Россию. Получивший образование в Европе и служивший офицером в иностранной армии, сын одного из богатейших и влиятельнейших людей империи (хоть и незаконный, но признанный и поддерживаемый отцом), он обладал всеми возможностями для блестящей карьеры. Но стремление к успеху и власти было ему чуждо. Пользуясь знанием иностранных языков (он свободно владел шведским, датским, немецким, французским и латынью, знал голландский, итальянский и греческий), Бецкой поступил на службу в Коллегию иностранных дел, где его привлекала возможность совершать продолжительные заграничные путешествия. Он объездил всю Европу, но с людьми сходился тяжело и большую часть времени проводил за книгами.

Во время своих поездок Бецкой побывал в германском герцогстве Ангальт-Цербст, где познакомился с герцогиней и ее дочерью, тогда еще совсем девочкой, будущей женой наследника российского престола. С обеими дамами Бецкой сохранял самые дружеские отношения, а по их приезде в Петербург в 1742 г. был назначен «состоять» при высоких гостях и пребывал в этой должности почти 5 лет. В 1747 г. Бецкой выхлопотал отставку и на 15 лет поселился в Париже. В 1762 г. император Петр III по просьбе жены вытребовал Бецкого в Петербург и назначил начальником Канцелярии строения домов и садов Его Величества с присвоением чина генерал-поручика. В последо-

вавшем вскоре перевороте Бецкой деятельно поддержал свою давнюю приятельницу — Екатерину, а по занятии ею престола пользовался не только полнейшим доверием императрицы, но и правом заниматься всем, чем ему будет угодно.

Казалось бы, завидная судьба: горькое детство, зато потом — богатство, жизнь в свое удовольствие, блестящее положение при дворе. Но одиночество, трагическое и мрачное, сопровождало Бецкого всю жизнь. После смерти отца он унаследовал большую часть его громадного состояния, однако оставался холостяком и лишь в глубокой старости привязался к своей племяннице, обеспечив ей будущность, причем светский Петербург не преминул окружить эту привязанность отвратительно грязными слухами.

Бецкой прожил 92 года и до самой кончины, последовавшей в 1795 г., ощущал груз своего незаконного рождения, необычного воспитания, своего двусмысленного положения, — груз толков, зависти и мелочного презрения, с течением времени только возраставший. Уже в 1770-х гг. Бецкой, помнивший Петра Великого, воспринимался как человек прошлого, мастодонт «незапамятной эпохи». Об одиночестве Бецкого, отчужденности от общества, от окружающего мира нам необходимо было сказать, чтобы понять, что руководило им в его работе по преобразованию Кадетского корпуса.

Как и многие люди, добрые сердцем и пережившие тяжелое детство, Бецкой ощущал тягу к детям и искреннее желание предоставить другим то, чего сам был лишен — счастливую пору юности. Еще в елизаветинское время он сошелся с И.И. Шуваловым, однако гуманные и тактичные, но вместе с тем и весьма практичные взгляды И.И. Шувалова на образование и воспитание не отвечали воззрениям Бецкого. Выросший в одиночестве и неудовлетворенный миром, он поддался педагогическим идеям одного из известнейших французских просветителей — Жан-Жака Руссо. Вкратце идеи Руссо можно резюмировать так. Всякий ребенок от рождения есть воплощение всех лучших качеств, какие только существуют в мире. Однако среда, в коей приходится расти ребенку, «портит» его: нравы родителей, воздействие окружающих людей, грубые реалии жизни безжалостно ломают и пачкают хрупкую детскую душу. К 12 годам нравственный облик человека оказывается сформирован, окружающая жизнь делает свое дело — вместо кристально чистого

новорожденного на свет появляется «испорченный» человек, исправить в котором уже ничего нельзя. Следовательно, для того чтобы уберечь ребенка от «порчи», его нужно уберечь от мира — оградить от родителей, от людей, от жизни во всех ее проявлениях, поместить в «райский сад» под надзор и попечение чуткого и мудрого наставника. И здесь, в надежно защищенном маленьком «эдеме», ребенок сумеет сохранить все добро, данное ему от рождения, переждать опасную пору детства и ранней юности, когда он податлив, открыт влияниям, и выйти в жизнь, миновав 20-летний рубеж, когда нравственный облик не только сформирован, но закреплен и уже не может быть поврежден грубым воздействием мира.

Воплощением воспитательных идей Руссо стал роман-утопия «Эмиль», в котором просветитель представляет себя наставником некоего дворянского сына по имени Эмиль и повествует о воспитании мальчика в огражденном от мира прекрасном поместье. Идеи Руссо заняты, но нужно помнить, что автор их никогда никого не воспитывал, был взбалмошным скандалистом, позером, неврастеником, распутником и невероятным фантазером, во всех своих многочисленных сочинениях опиравшимся исключительно на свое буйное и богатое воображение.

Увы, мода сильнее разума, умозрительные педагогические идеи Руссо вошли в моду и нашли в России двух сильнейших сторонников, решивших воплотить их в жизнь: И.И. Бецкого и императрицу Екатерину II. Когда Екатерина предоставила Бецкому право выбрать любое поприще для занятий, он выбрал то, к чему больше всего стремилась его одинокая и добрая душа — образование.

В конце 1762 г. Бецкой представил Екатерине II записку «о воспитании юношества», где излагал свои взгляды на образование и предлагал меры по его распространению в России. На основе записки Бецкого самой Екатериной был составлен «генеральный план воспитательный», документ, колоссальный по размаху, предполагавший в течение 20 лет создание в России громадной системы образовательных учреждений для всех сословий и даже введение подобия всеобщего начального образования. Как и многие другие «планы», вышедшие из-под пера Екатерины, воспитательный сулил золотые горы, но ни словом не упоминал о средствах достижения поставленных целей, никак не соотносился с реальной ситуацией и в основных своих

положениях был невыполним. Однако Екатерину это не смущало. Позабывшись предать этот план широкой огласке, императрица добилась тем самым изумленного восхищения собой в России и, что было еще важнее, за рубежом. Исполнение плана она поручила Бецкому. Тому удалось сделать лишь немного из запланированного, но императрицу это вполне устраивало: она с восторгом принимала сделанное, не жалела слов на прославление успехов, а о комплексных и глубоких преобразованиях более никогда не вспоминала.

Почти в столь же полной мере, как ранее И.И. Шувалов, Бецкой объединил в своих руках руководство основными учебными заведениями: он стал президентом Академии художеств, одним из попечителей Московского университета, руководителем Кадетского корпуса. Помимо того, Бецким были созданы воспитательные дома в Москве и позже в Петербурге (заведения, принимавшие сирот, подкидышей и незаконнорожденных младенцев и дававшие им достойное воспитание), а также знаменитый Институт благородных девиц в Петербурге (специальное заведение для воспитания девочек из дворянских семей, известное как Смольный институт, существовавшее до 1917 г. и давшее России особую породу «смолянок» — действительно благородных дам неборимой духовной силы и безупречных нравственных качеств).

Во всех заведениях, которыми Бецкой руководил, он стремился насаждать педагогические принципы, почерпнутые из Руссо: начинать образование детей как можно раньше, помещая их в образовательное заведение в 4–5 лет; отрывать детей от семьи и максимально ограничивать их общение с родными, а еще лучше — и вовсе лишать их такого общения; полностью прекратить общение детей с окружающим миром и растить их до 20–21-летнего возраста взаперти, не позволяя общаться ни с кем, кроме учителей, наставников и товарищей по учебе; не столько учить детей (прививать знания и практические навыки), сколько воспитывать, развивать в них нравственные и моральные качества. Все эти идеи Бецкой полностью реализовал и в Императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе.

Итак, с 7 марта 1765 г. Корпус оказался под властью сразу двух человек — И.И. Бецкого и М.М. Философова. На деле настоящим руководителем Корпуса стал, конечно, Бецкой, тем более что он был старше Философова чином и вдвое старше по

возрасту, так что последний, искренне уважая положение и ум Бецкого, счел необходимым подчиняться его указаниям. Уже в августе Бецкой провел первую реформу, направлявшую Корпус на новый путь развития, — упразднение созданной Петром III и бережно развивавшейся И.И. Шуваловым команды мастеровых.

Бецкой счел, что содержание при Корпусе полутора сотен солдатских детей не только бесполезно, но даже вредно. Общения молодых дворян с простолюдинами он не одобрял, трату сил и средств на солдатских детей считал напрасной. «Школьников» из команды мастеровых распределили по полкам петербургского гарнизона, учителей уволили.

Из 139 человек, составлявших команду, при Корпусе было оставлено только 50, но их положение изменилось. Бывшие школьники стали называться учениками: 10 старших — гимназическими учениками, остальные 40 — классными. Ранее расходовавшиеся на всю команду 6 тысяч рублей в год теперь тратились только на учеников. Цель же содержания и обучения оставшихся 50 учеников состояла в том, чтобы со временем сделать из них учителей и чиновников для нужд Корпуса. По окончании обучения новый набор на их места производить не предполагалось.

Ученики должны были состоять в Корпусе совершенно наравне с кадетами-дворянами: жить в тех же спальнях, есть за тем же столом, учиться в тех же классах. Различие классных и гимназических учеников заключалось только в возрасте: классными считались ученики, обучавшиеся вместе с кадетами 10—17 лет по общеобразовательной программе; гимназическими — юноши 17—21 года, состоявшие на старшем отделении Корпуса. Вместе с тем перспективы учеников резко отличались от кадетских: выпускать в армию или на государственную службу их не предполагалось (вернее, такой выпуск признавался возможным, но только как исключительная мера поощрения в отношении лучших из лучших; на практике лишь считанные единицы были выпущены офицерами и чиновниками). Таким образом, ученики оказывались в очень странном и, пожалуй, тягостном положении. Они жили и воспитывались вместе с дворянскими сыновьями, но по окончании Корпуса перед кадетами открывались блестящие возможности военной или гражданской карьеры, ученики же становились учителями и мелкими корпусными чиновниками, были обречены на жизнь со скромным жаловань-

ем, отсутствие всяких перспектив, а главное — они на всю жизнь покидали сословную среду, в которой были выращены. Воспитанный в Корпусе ученик оказывался в безвыходном положении: считать себя представителем того сословия, в котором он родился, он уже не мог, войти в круг дворян — тем более. Единственное, что ему оставалось — это служить в Корпусе, потому что только здесь были привычные ему условия жизни.

Непростое положение учеников постоянно подчеркивалось и во время их учебы в Корпусе. Им нельзя было забывать, что они не кадеты, а всего лишь ученики (как не полагалось забывать об этом и кадетам). Они не проходили военной подготовки, не обучались воинской науке. На содержание одного ученика расходовалось 120 рублей в год, в то время как на кадета — около 260 рублей. Разница в сумме содержания сказывалась на том, что ученики получали только два комплекта платья на год, военная форма для них не шилась, постельного белья не полагалось — только тюфяк и одеяло. Ели они за одним столом с кадетами, но если кадетам ставились фарфоровые тарелки, давались серебряные приборы и салфетка, то ученики получали «простые» (вероятно, фаянсовые или металлические) тарелки, железные вилки, ножи и ложки, а салфеток им не полагалось вовсе. Для присмотра за кадетскими вещами, уборки кадетских помещений нанимались специальные служители, ученики должны были все делать сами. За успехи в учебе кадетов награждали, ученикам награды не полагались.

Особое или, правильнее сказать, неполноценное положение учеников было создано целенаправленно. Бецкой считал, что рядом с кадетами должны находиться простолюдины и при этом — в стесненных по сравнению с кадетами условиях. Это, полагал он, научит кадетов ценить честь принадлежности к дворянству. Вместе с тем, постоянно общаясь со сверстниками-недворянами и видя, что те ни в чем им не уступают и ничем их не хуже, кадеты, как мечтал Бецкой, будут оценивать человека не по сословной принадлежности, а по личным качествам, освободятся от столь широко распространенной в России того времени дворянской спеси (сам Бецкой это качество ненавидел), поймут, что назначение дворянина как раз и состоит в том, чтобы заботиться о людях из других сословий, опекать их и помогать им, станут поддерживать учеников и делиться с ними всем необходимым. Благой сам по себе, замысел этот был,

конечно, утопическим. Случаи дружбы между кадетами и учениками, иногда продолжавшейся всю жизнь, известны, но они единичны. Как правило, кадеты и ученики жили разной жизнью, а судьбы учеников складывались непросто как в годы их воспитания в Корпусе, так и после выпуска, что еще тяжелее.

Бецкой забыл о жестокости, свойственной детям, особенно в замкнутом коллективе. Эта жестокость не замедлила сказать: кадеты, чувствуя свое превосходство над немногочисленными учениками, со временем стали травить простолудинов, и пять лет спустя классные и гимназические ученики были полностью отделены от кадетов, получили особые спальни, рекреационную залу, столовую, класс для самостоятельной работы, даже специальный уголок в саду для прогулок. С 1770 г. кадеты и ученики встречались только в корпусной церкви, в классах на уроках и во время официальных церемоний. План воспитания лучших качеств дворянина через постоянное общение кадетов с учениками потерпел крах. Из учеников же вышло немало достойных и добросовестных людей, 22 человека добились офицерских чинов, семь со временем стали штаб-офицерами. Но заметного следа в российской истории никто из них не оставил. На судьбах же учеников Корпус оставлял глубокий след, большинство из них действительно оставались в нем служить, и не только потому, что хотели этого — в жизни за стенами Корпуса для бывших учеников просто не было места.

Упразднив команду мастеровых, Бецкой вновь деятельно взялся за устав Корпуса, но дело двигалось медленно. Это неудивительно — на Бецком, помимо корпусных дел, лежал огромный объем работы. Как раз в это время он тратил много сил и личных средств на устройство учреждений, не известных России ранее (Московского воспитательного дома и Института благородных девиц), преобразовывал в своем духе систему образования в Академии художеств, активно содействовал усовершенствованию работы Московского университета и созданию при нем пансионов для малолетних. Про Корпус за всеми этими делами Бецкой отнюдь не забывал. Наспех заканчивать устав он не хотел, но и терять время тоже. Для того чтобы готовить Корпус к преобразованию по новому уставу, в сентябре 1765 г. Бецкой составил краткое руководство — «Пункты для перемены Кадетского корпуса», которые получили высочайшее утверждение. Реализовывать требования «Пунктов...» пришлось Филосо-

фову. Молодой генерал аккуратно выполнил то, что было утверждено императрицей. Однако меры, предусматривавшиеся пунктами, мало отвечали взглядам самого Философова на образовательный процесс, и он подал прошение о переводе на другую должность.

Первой задачей, которую Бецкой хотел решить с помощью «Пунктов...», стало освобождение Корпуса от великовозрастных воспитанников: было уже поздно переучивать их по новой системе. Последовало распоряжение немедленно выпустить из Корпуса всех кадетов 20 лет и старше. Негласно Философову было указано не задерживать 19- и даже 18-летних, если они пожелают окончить учение и окажутся готовы принять офицерское звание.

Выпуск предписано было произвести по довольно сложной системе. Предстояло экзаменовать кадетов по всем предметам, которым они обучались за годы пребывания в Корпусе (общий список превышал 25 позиций). Тех, кто покажет удовлетворительные познания в двух, трех или четырех предметах, следовало выпустить с чином прапорщика, выдержавшие экзамен по пяти или шести предметам выпускались подпоручиками, успешно сдавшие 7 предметов и более — поручиками. Те, кто желал далее служить по гражданскому ведомству, получали при выпуске сообразно своим успехам на экзаменах гражданские чины, соответствующие вышеупомянутым армейским.

Поскольку уровень преподавания в Корпусе был по-прежнему невысок, а относительно прилежания кадетов даже Бецкой не позволял себе обольщаться, нужно было решить, как поступать с теми, кто не выдержит экзаменов. Для них «Пунктами...» была предусмотрена совершенно беспрецедентная форма выпуска, тем более интересная, что она вводила новую строку в основу основ системы российской государственной службы — «Табель о рангах». Те кадеты, которые смогли сдать экзамен только по одному предмету или провалились по всем, должны были быть выпущены из Корпуса... кадетами. Да-да, неудачников экзамена из Корпуса исключали в любом случае, более того, им не мешали поступить на военную или гражданскую службу. Но и на военную, и на гражданскую службу выпускники-неудачники поступали с новым чином — «кадет». Этот чин, согласно «Пунктам...», должен был считаться «выше верхнего унтер-офицерского, но ниже нижнего офицерского». «Пункты...»

устанавливали для выпущенных с чином кадета размер постоянного жалованья (60 рублей в год на военной службе, 40 рублей на гражданской*), специальный мундир (такой же, как в корпусе, только камзол и штаны — красные, для отличия от учащихся, носивших палевые или белые) и предписывали наказывать кадетов за малые провинности наравне с офицерами, а за большие — лишать кадетского чина и писать в унтер-офицеры (на гражданской службе — в младшие канцелярские служащие, которые по «Табели о рангах» вообще чина не имели). Дальнейшая судьба кадетов в «Пунктах...» обозначалась довольно туманно. Фраза об установлении жалованья содержала слова «до производства в офицеры», но как и когда производить в офицерский чин, чем занимать кадетов и какие им поручать обязанности, об этом «Пункты...» умалчивали. Таким образом, государство фактически перекладывало дальнейшую заботу о нерадивых кадетах на армию и государственный аппарат. Корпус расписывался в невозможности добиться от бывших воспитанников чего-либо путного «правильным» образованием и возлагал надежду на то, что практическая служба в войсках или по гражданскому ведомству даст выпускникам навыки, необходимые для получения офицерского звания.

Наконец, не забыты были «Пунктами...» и «кадеты дурного поведения, с пороками и к учению не способные вовсе». Таких следовало выпустить из Корпуса «с лишением кадетского звания», то есть без всякого чина, и «прописанием в паспортах их, что из Корпуса выпущены за неспособностью». Фактически выпуск из Корпуса с «волчьим паспортом» закрывал кадету дурного поведения возможность поступить на какую-либо службу, если только он не имел влиятельной протекции.

Руководствуясь «Пунктами...», Философов организовал экзамен и по его итогам выпустил из Корпуса 106 человек. Подавляющее большинство — 82 человека — были выпущены офицерами, 16 вышли кадетами и только один выпускник, с выразительной фамилией Дубинин, заслужил «волчий паспорт» с указанием, что выпущен «за неспособностью к учению, буйным нравом, тупостью и пьянством».

* Для сравнения, прапорщик армии получал 80 рублей в год, а фельдфебель (старший унтер-офицерский чин) — около 20 рублей; таким образом, по размеру жалованья кадет все-таки стоял значительно ближе к офицерам, чем к унтер-офицерам.

«Чистка рядов» по предусмотренным «Пунктами...» правилам на этом не закончилась. В следующем, 1766 г. уже без Философова состоялся новый, еще более многочисленный выпуск — 292 человека. Против требований «Пунктов...» Корпус в этом году покидали не только 20-летние, но и почти все остальные кадеты от 17 лет и старше, многие в возрасте 16, 15 лет, а некоторые даже и 14. (Интересно, что среди 14-летних выпускников двое отлично показали себя на экзамене и получили чин поручика. Один из них, князь Александр Козлов, через 9 месяцев после выпуска стал капитаном, а еще через год, 16 лет от роду, уже был майором.)

Выпуск 1766 г. практически полностью очистил Корпус от кадетов, принятых в пору директорства И.И. Шувалова и раньше. Теперь подавляющее большинство кадетов составляли мальчики и подростки разного возраста, набранные в последние 4 года, еще не так долго проучившиеся и годные для перевоспитания в ключе идей Бецкого.

Прежде чем перейти к дальнейшим новшествам, введенным «Пунктами...», отметим, что армия, в которую в 1765 г. поступили 16 выпускников Корпуса с чином кадета, а в 1766 г. — 32, была изрядно озадачена тем, что с такими кадетами делать. Полная распушенность, свойственная армии в конце екатерининского правления, еще не наступила — уставы и строгие правила четко расписывали обязанности для каждого воинского чина. Кадетов в уставах не значилось, места и дела для них в полках предусмотрено не было. Кадеты стали большой головной болью для генералов и полковых командиров. И лишь фельдмаршал Румянцев, человек смелый и поборник железной дисциплины, нашел, что делать с выпускниками. Прямо отписав в Петербург, что «воинскому регламенту звание кадета неведомо, от чего терпеть бездельных чинов при армии не в возможности», он своей властью сразу произвел восьмерых присланных кадетов в прапорщики, заявив, что «дело ясное и хужших к доброму толку выращивало», а если кадеты не справятся, то и наказывать он их будет, как предусмотрено уставом.

Выпуск нерадивых с чином кадета продолжался до 1788 г. Армия так и не научилась с ними обращаться, а потому в 1772 г. по инициативе Бецкого в Петербурге при лейб-гвардии Измайловском полку были созданы две специальные кадетские роты по 100 человек каждая. Формировались они из неудачливых

выпускников Корпуса, а также молодых дворян 15–16 лет и старше, которые прежде не учились, но желали поступить на военную службу. Учебой и нравственным воспитанием там не занимались: роты несли службу наравне со строевыми и совершенно так же, как в седой древности, осваивали воинское дело только на практике. В большинстве случаев старый добрый метод подготовки офицеров себя оправдывал: из кадетских рот подавляющее большинство чинов к 20–25 годам выпускалось офицерами в армию.

Надо сказать, что одновременно с выпуском из Корпуса великовозрастных воспитанников были существенно «прорежены» и ряды корпусных учителей; многие из них были признаны «негодными» и уволены, остальные, в большинстве своем жившие на территории Корпуса, выселены с получением специальной прибавки к жалованью — «квартирных денег». Решение выселить учителей Бецкой принял в рамках все той же последовательной борьбы с «частным бытом». Учителя не пеклись о кадетах денно и ночью, у них были семьи и свободное время, к ним приходили гости. Все это создавало на территории Корпуса островки нормальной человеческой жизни, с которой, по мнению Бецкого, кадеты не должны были сталкиваться никоим образом. Поэтому жить в Корпусе теперь позволялось только тем, кто днем и ночью не отлучался от кадетов.

«Пункты...» 1765 г. внесли изменения буквально во все сферы жизни Корпуса. Оставшихся 378 кадетов в возрасте от 11 до 20 лет разделили на три возраста: 1-й, называемый «старшим», — юноши 17–20 лет; 2-й, получивший название «младшего», — подростки 14–17 лет, 3-й, «отроческий», — дети младше 14 лет. Старший и младший возрасты делились каждый на 2 роты. Управляли ими по 3 офицера (капитан, поручик и подпоручик или два поручика), причем в ротные офицеры приказано было набрать людей холостых, так как им предписывалось отныне для «всегдашнего над кадетами, денно и ночью, присмотра... жить и стол иметь с ними вместе». (Одинокий, беззаветно увлеченный своим делом, Бецкой требовал такого же самоотречения и от ротных офицеров.) Найти людей, способных пожертвовать личной жизнью ради кадетов, оказалось не просто. Но требование Бецкого положило начало традиции, державшейся в Корпусе более столетия: большую часть корпусных офицеров с этого времени составляли холостяки.

Что касается отроческого возраста, на который Бецкой возлагал главные надежды в деле создания «нового человека», то изменения в жизни малолетних кадетов были самыми кардинальными. Начальником над отроческим возрастом назначили инспектора из русских. Кадетов разделили на группы, не больше 20 человек в каждой, поручив попечению надзирателей. Последних (на кадетском жаргоне — «аббатов») набирали из иностранцев (главным образом немцев и французов), причем особо оговаривалось, что русского языка они не должны знать вовсе. «Аббаты» ставились в исключительно жесткие условия. Если офицеры старших рот хотя бы имели собственные спальни, то у надзирателей в буквальном смысле слова не было своего угла. Каждая группа младших кадетов спала в одной «камере», и тут же спал надзиратель. Отлучаться от кадетов он не имел никакого права, всегда и всюду был вместе с воспитанниками. Вместе с ними просыпался, мылся в тех же умывальнях, ел в той же столовой, причем сидел с кадетами за одним столом. Если кадеты шли на урок, «аббат» шел следом и сидел в классе за задней партой, если выходили гулять в сад или резвились в рекреационной зале, неотлучно следовал за ними. Все личные вещи «аббата» должны были помещаться в такой же прикроватный сундучок, как у кадетов. Даже жалованье (весьма скромное) надзирателям на руки не выдавалось: считалось, что оно им не нужно, так как тратить его состоявшим на полном казенном обеспечении «аббатам» не на что, а главное — некогда. Деньги хранились в канцелярии Корпуса, накопленную сумму вручали надзирателю только тогда, когда он решал покинуть службу.

Замысел с «аббатами», помимо обеспечения круглосуточно надзора, преследовал еще одну цель. Сам Бецкой в детстве и юности выучился многим языкам не потому, что изучал их, а потому, что волею судьбы оказывался в иноязычной среде, где язык, хочешь не хочешь, усваивался сам собой. Такой способ изучения иностранных языков Бецкой считал самым действенным и в этом был прав. И сегодня, при эффективных и продуманных методиках, обучить иностранному языку взрослого человека, не наделенного музыкальным слухом и особыми лингвистическими способностями, — задача не из легких. А в XVIII в. вся методика состояла в бесконечной тупой зубрежке слов («вокабул»), использовать которые не учили вовсе, так что подчас

даже годы изматывающих и усердных трудов не давали результата: человек мог зазубрить сотни вокабул, но так и не научиться говорить. Потому к младшим кадетам и были приставлены не знающие русского языка иностранцы-надзиратели: по мысли Бецкого, постоянно общаясь с ними, малыши должны были по неволе если не выучить, то хотя бы твердо освоить начала чужого языка.

Интересно, что если в XIX в. об «аббатах» в Корпусе вспоминали с ностальгией, передавали предания об их удивительной пользе и о блестящем знании иностранных языков, полученном воспитанниками благодаря «аббатам», то воспоминания тех кадетов, которые росли под «аббатским» попечением, далеко неоднозначны. Идея была хороша, но для ее плодотворного воплощения требовались достойные исполнители. Подыскать же два десятка иностранцев высоких нравственных и педагогических качеств было совсем не просто. От «аббата» требовалось не только надзирать за кадетами и заставлять их учиться иностранному языку, он должен был в прямом смысле слова стать отцом для кадетов своей группы: опекать их, любить, заботиться о нравственном воспитании, поддерживать, утешать, развлекать, помогать готовить уроки. Все это, как уже говорилось выше, при полном отказе от личной жизни и за весьма скромное жалованье. Достойные люди в «аббаты» попадали, но таких было немного. Большинство представляли собой тот самый анекдотичный тип «мусью»-гувернера, который непревзойденно описан А.С. Пушкиным в первых главах «Капитанской дочки» и «Евгения Онегина»:

Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

Это были случайные люди, главным образом мещане-неудачники, приехавшие в далекую варварскую Россию искать хоть какого-нибудь заработка. По воспоминаниям кадетов времен Бецкого, среди «аббатов» встречались и добродушные лентяи, которые усердно следовали всюду за воспитанниками, но

не вмешивались в их жизнь ни делом, ни словом — бесполезные молчаливые тени. Встречались такие, кто и хотел бы как-то поучаствовать в кадетской жизни, да не мог, потому что не сумел ни научить кадет своему языку, ни сам освоить хоть слово по-русски. Были и легкомысленные посредственности, и тихие пьяницы, и мрачные, разочарованные натуры, и циники, откровенно высиживавшие свой срок в «аббатах», чтобы накопить жалованье, а получив его, поскорее вернуться на родину.

Тем не менее нужно заметить, что кадеты екатерининского времени действительно выходили из Корпуса с отличным знанием иностранных языков, как минимум французского и немецкого. Насколько велика здесь была роль «аббатов», сказать сложно, но в той или иной мере их присутствие, безусловно, сказывалось.

Корпусному начальству «аббаты» доставляли немало хлопот, большинство из них в Корпусе надолго не задерживались и уходили, прослужив 3–5 лет. Отыскивать новых кандидатов на надзирательские места, как уже говорилось, всегда было весьма непросто. Некоторых «аббатов» пришлось прогонять с позором, а трижды — в 1769, 1771 и 1774 гг. — надзиратели пропадали бесследно. В двух случаях со временем удалось установить истину: в первом «аббат» ночью улизнул из Корпуса, напился в одном из петербургских притонов, был убит, ограблен и закопан в сугроб, под которым его тело нашли, когда начал таять снег; во втором случае надзиратель был слабовдушный и робкий человек, не выдержавший условий службы в Корпусе и сбежавший на родину. Обстоятельства пропажи в 1774 г. француза Пьера Дюшота остались невыясненными.

В многочисленных и разнообразных мемуарных заметках об «аббатах» постоянно прослеживается только одна черта: чего в «аббатах» не было, так это жестокости. Иногда, и то весьма редко, надзирателю случалось сгоряча ухватить кадета за ухо или наградить подзатыльником. Но розга, непременный атрибут воспитания в XVIII в., никогда не появлялась в надзирательских руках. И дело здесь далеко не в одном только добром нраве «аббатов». «Пункты...» 1765 г. ввели в Кадетском корпусе порядок, неслыханный для учебного заведения того времени, — полную отмену телесных наказаний.

Бецкой не выносил розог. Неизвестно, приходилось ли ему самому терпеть в детстве родительскую лозу (по крайней мере,

в Копенгагенском кадетском корпусе, где Бецкой учился, телесные наказания считались необходимым средством воспитания юношества), зато идейный вдохновитель Бецкого — Руссо в детстве «был дран отцом как сидорова коза», а потому во всех своих педагогических сочинениях яростно проклинал розги и красноречиво доказывал недопустимость их применения к детям. Бецкой разделял ненависть Руссо к телесным наказаниям, причем двигателем этого чувства, помимо увлечения Руссо и природной доброты нрава, были понятия нравственные, даже юридические. Манифест Петра III о вольности дворянства (с упоминания которого началась эта глава) запрещал применение к дворянам телесных наказаний. Дворянина можно было заточить, оштрафовать, казнить (в том числе и мучительной казнью), но кнут, плеть, палка или розга никогда не должны были касаться его тела. Это законодательное положение отвечало общеевропейским понятиям о морали, в свете которых в XVIII в. телесное наказание рассматривалось как чрезвычайное унижение, несовместимое с дворянской честью.

Интересно, что система нравственных представлений, подкрепленная юридическим запретом телесных наказаний для дворян, как в России, так и повсеместно в Европе допускала несколько нелогичное отступление от общего правила: против применения розог и иных подобных средств педагогического воздействия к дворянским детям никто, кроме мыслителей-гуманистов вроде Руссо и Бецкого, не возражал. Напротив, розга была совершенно неизменным атрибутом воспитания как в домашнем обиходе, так и в учебных заведениях. Создавалась довольно странная ситуация. Дворянином человек считался с момента рождения, с ранних лет ему внушали представления о дворянских долге и чести, особом положении дворянина в обществе. Если строго следовать писаным законам и неписаным нравственным правилам, уже с самого появления на свет он должен быть защищен от унижительной порки. Однако родители и педагоги не задумывались над такими тонкостями: розга в обращении с детьми давала эффект, и дворянские сыновья и дочери терпели от нее иной раз даже больше, чем дети крестьян или мещан. Возникал своеобразный моральный и юридический конфликт: с одной стороны, вы от рождения полноправный дворянин (о чем вам твердят родители и воспитатели), а с другой стороны, и неполноправный, потому что вас секут, и столь

существенная дворянская привилегия, как свобода от розги, не принадлежит вам примерно до 20-летнего возраста*.

В отличие от большинства современников, Бецкой был твердо убежден: дворянин всегда дворянин, даже если он еще мал, и должен пользоваться всеми правами своего звания с первых лет жизни. Воспитать нравственного человека розгами невозможно, тем более если речь идет о воспитании дворянина. И потому телесные наказания были совершенно уничтожены во всех учебных заведениях, подвластных Бецкому. Но если в Институте благородных девиц или воспитательных домах порка была запрещена с самого момента их создания, то в Кадетском корпусе розги существовали 30 лет с лишком, считались почти святыней, и пункт, провозгласивший: «Всякие телесные наказания кадетам ныне же отрешить, но дабы они не могли из пределов благопристойности выходить и поползнуться к своевольному поведению — употреблять другие средства», — прозвучал почти как революционный.

«Пункты...» действительно совершили революцию в жизни Корпуса, и телесные наказания — не единственное, что было ими отменено. В воспитании мальчика из дворянской семьи в XVIII в. одну из основных ролей играл дядька. Так называли крепостного доброго поведения, которого отец недоросля представлял ходить за молодым барином лет с пяти. Обыкновенно дядьки оставались при барах до самой своей смерти: приглядывали за ними и развлекали, пока те были детьми, а когда подопечные подрастали, превращались в их камердинеров и экономов. Когда молодой барин отправлялся на службу, дядька ехал вместе с ним. А если недоросля отправляли в Кадетский корпус,

* Показателен случай из биографии фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского. Благодаря протекции отца, одного из влиятельнейших сановников своего времени, Румянцев стал полковником уже в 19 лет, потерял голову от неожиданного успеха, увлекся кутежами, пьянством и любовными похождениями. Кончилось это тем, что отец вызвал сына, прилюдно отчитал его, а затем, вооружившись пучком розог, приказал раздеться донага и лечь на скамью. «Ты будешь пороть полковника? — в изумлении воскликнул Румянцев-младший. — Дворянина?» «Я буду пороть не полковника, — спокойно ответил отец, — и не дворянина, а бесстыдную сыновью ж...пу!» Последовавшее затем энергичное воспитательное мероприятие имело полный успех. Румянцев-младший одумался, оставил беспутный образ жизни и занялся военной карьерой. Для нас же показательное представление о том, что дворянина (тем более полковника) пороть нельзя, но сына, невзирая ни на дворянское достоинство, ни на полковничий чин, — можно.

то верный дядька, конечно, не оставлял своего воспитанника и там. Дядьки жили вместе с кадетами прямо в Корпусе, спали в кадетских спальнях, заботились об их платье и вещах, хранили их деньги, выполняли поручения, баловали и опекали «барчат» как могли. До Бецкого присутствие дядек рассматривалось как само собой разумеющееся: спальни для кадетов устраивались с таким расчетом, чтобы в них могло поместиться в полтора раза больше постелей, чем нужно для воспитанников. Если же мест в самой «каморе» не хватало, то дядькам подыскивали комнатку или чулан поблизости.

Бецкой был железно тверд в своем стремлении раз и навсегда порвать связи кадетов с внешним миром и с семьями. А потому дядьки (названные Бецким «рассадиниками худонравия»), живое воплощение семьи, в Корпусе оказались неуместны. И «Пунктами...» было предписано всех дядек («кадетских денщиков») выгнать немедленно. Вместо них за корпусной счет предполагалось нанять специальных служителей — по одному на 20 кадетов, которым и поручалось приглядывать за кадетским платьем и помещениями. Расставание с верными и любящими дядьками далось кадетам очень тяжело: многие переживали его еще более трагично, чем расставание с родителями.

Далее, согласно «Пунктам...», не разрешалось иметь карманные деньги: они «развращают» молодежь, и воспитать нравственного человека можно только в том случае, если он не будет даже знать, что такое деньги, и ни разу их не коснется до 19–20-летнего возраста.

«Пункты...» затронули организацию учебного процесса. Выше мы говорили, что, будучи в юности помят лошаадьми, Бецкой всю жизнь лошадей боялся и органически не переносил кавалерийскую службу. Это сказалоь и на жизни Корпуса. Раньше в его составе существовала конная рота, в нее зачисляли кадетов старшего возраста, готовившихся к выпуску в кавалерийские полки. Остальные кадеты тоже учились верховой езде. «Пункты...» ликвидировали конную роту, а обучение верховой езде хотя и сохранили, но в столь невнятной форме, что кадеты екатерининского времени в большинстве своем плохо держались в седле, а то и вовсе не умели ездить верхом. Состоявшие при конной роте служители — 12 берейторов (инструкторов верховой езды), 26 конюхов, коновал (ветеринар), кузнец и шорник (мастер по изготовлению седел и упряжи) с подручными

были разосланы для дальнейшей службы в армейские полки, а корпусные лошади частично распроданы. В конюшне оставили только 40 лошадей, и те использовались впредь не столько для верховой езды, сколько для хозяйственных нужд. Поскольку обучение верховой езде не было упразднено совершенно, при Корпусе оставили трех берейторов, но, как считали некоторые наблюдатели, не для того, чтобы обеспечить кадетов инструкторами, а потому, что эти трое были глубокими стариками, состоявшими в Корпусе чуть ли ни со времен его основания. Идти им было некуда, а нести строевую службу тяжело по возрасту, и Бецкой из милосердия позволил им доживать век при Корпусе.

Впрочем, история с верховой ездой не идет ни в какое сравнение с другим нововведением «Пунктов...» по части организации учебы. Бецкой очень верил, что чувство соревновательности стимулирует тягу к знаниям, и активно пытался его насадить. Каждый из трех возрастов он приказал разделить на два разряда: в первый входили те, кто учился лучше, во второй — кто хуже. По итогам ежемесячных испытаний прилежный «второразрядник» мог быть переведен в первый разряд, а разленившийся «перворазрядный» скатиться во второй. В каждом разряде устанавливались своя форма одежды (во втором с мундира снимали галуны и прочие украшения, сам мундир шили из грубых сортов сукна, а штаны и камзол выдавали не лосиные, а холщовые) и свой рацион (второй разряд, питаясь в той же столовой, что и первый, не получал сладкого и горячих напитков; вместо жареного мяса ел вареное, а вместо пирогов — ржаной хлеб). В конце концов те, кто закончит Корпус в первом разряде, должны были выпускаться офицерами, а второразрядные — кадетами или вовсе без чина. По мысли Бецкого, преимущества первого разряда должны были стимулировать кадетов лучше учиться. Преобразователь Корпуса мечтал о том, что в идеале все кадеты, не желая попасть во второй разряд, станут учиться так хорошо, что второразрядных не останется вовсе (количество кадетов в каждом разряде не было регламентировано).

Разделение на разряды было единственным предприятием, по поводу которого дипломатичный и дисциплинированный М.М. Философов осмелился выразить сомнение. В поданной Бецкому записке он называл разряды «делом вредным» и предполагал, что такое деление приведет не к улучшению учебы, а

к возникновению «партий» и неравенства среди кадетов. Философов предупреждал, что «партия второразрядных» превратится в своеобразную корпорацию лентяев и хулиганов, управляться с которой станет значительно тяжелее, чем с не объединенными внешними условиями и корпоративными понятиями отдельными нерадивыми кадетами. Бецкой на записку Философова не отреагировал, и разряды были созданы. Уже меньше чем через месяц правота Философова подтвердилась: в Корпусе произошло несколько массовых драк «стенка на стенку», причем победителями обычно оказывались лоботрясы-второразрядники. Вражда «отличников» и «лентяев» разгорелась, как порох. Вторые подавляли первых и срывали с них галуны, заставляли меняться штанами, в столовой прямо на глазах начальства отдавать пироги и пирожные. С другой стороны, в отроческом возрасте, где второразрядных оказалось мало, уже отличники тиранили своих менее удачливых в учебе товарищей и окружили их такими несносными насмешками и издевательствами, что в течение месяца трое второразрядных попали в лазарет с «нервной горячкой». Начинание оказалось столь неудачным, что от него пришлось отказаться спустя менее года. В уставе Корпуса, принятом в сентябре 1766 г., о разрядах уже ничего не говорится, а в описаниях и документах Корпуса разряды перестают упоминаться уже с зимы 1765/66 г.

Реализация «Пунктов...» стала последним делом, выполненным генерал-майором М.М. Философовым на посту руководителя Кадетского корпуса. 10 мая 1765 г. его перевели на дипломатическую службу: он получил пост полномочного министра при датском королевском дворе (выражаясь современным языком, посла России в Дании). На дипломатической службе тактичный и старательный М.М. Философов проявил себя блестяще. Корпус же теперь полностью подчинялся И.И. Бецкому.

Впрочем, Бецкой по-прежнему не желал (да и не мог из-за многочисленных дел) брать на себя управление повседневными делами Корпуса. Поэтому, пока не назначили нового директора (это предполагалось сделать после принятия нового устава), было заведено Правление, в состав которого вошли пять старших корпусных офицеров: полковник Фрейман, подполковник Свистунов, майор Глебовский, капитаны Наковальников и Беклешов.

Правление вело дела Корпуса почти полтора года, но заметное событие за этот период случилось только одно — всеобщая

баллотировка кадетов. Устроили баллотировку, естественно, по замыслу Бецкого. Она представляла собой тайное голосование, посредством которого кадеты высказывали мнение о своих товарищах, а назначалась для той же цели, что и «чистка рядов», проведенная несколькими месяцами ранее — удалить из Корпуса тех кадетов, которые негодны для нового нравственного воспитания и будут мешать созданию в Корпусе атмосферы «всеобщего дружеского братства», кою Бецкой считал непременным условием успеха своей системы образования. Участвовали кадеты 14 лет и старше. Проводилась баллотировка следующим образом.

Все кадеты делились на 6 групп по возрасту. Сперва проходила баллотировка в группах. В специальной комнате ставили ряд корзин, на каждой из которых было написано имя одного кадета. Корзины были изготовлены так, что голосующие не могли видеть, что в них лежит. Кадетов по одному запускали в комнату и запирали за ними дверь. Войдя в комнату, кадет брал из специального ящика «баллы» — матерчатые шары черного, белого и красного цветов. Белый шар назывался «удостоверительным», красный — «сомнительным», черный — «отвержительным». В каждую именную корзину голосующий кадет опускал тот шар, который отвечал его мнению о товарище. Закончив баллотировку, кадет ударял в специально повешенный в помещении колокол и выходил через дверь, противоположную той, в которую вошел.

По результатам голосования в каждой из групп определились 6 кадетов, получивших больше всего «удостоверительных» баллов (всего 36 человек), коим затем было поручено «пробаллотировать весь Корпус». Результаты второго голосования имели решающее значение. Если на второй баллотировке кадет получал 36 «отвержительных» шаров или 32 и больше при остальных «сомнительных», то он подлежал исключению из Корпуса. К кадетам, получившим иные баллы, административных мер не применялось, но результаты голосования записывались на специальные большие листы и вывешивались для всеобщего обозрения. Таким образом, мнение товарищей о соучениках демонстрировалось публично.

Баллотировка не была совсем уж неслыханным новшеством. Напомним, что она со времен Петра Великого существовала в армии: когда открывалась офицерская вакансия и на нее

претендовали несколько кандидатов, вопрос решался баллотировкой всех офицеров полка (правила которой были до мелочей установлены законодательно) совершенно так же, как в Кадетском корпусе, с единственным исключением: в армии использовались только белые и черные шары, означавшие соответственно «за» и «против»*. Кадетский корпус баллотировок прежде не знал, и первая, проведенная в начале 1766 г., стала запоминающимся событием. По ее итогам было исключено 37 кадетов, в основном старшего возраста. А публичное извещение каждого о результатах голосования имело сильное моральное воздействие на кадетов.

Баллотировки сохранялись вплоть до 1786 г. Были они нечастыми, нерегулярными и могли проходить уже не только в масштабах всего Корпуса, но и более узко — в масштабах одного возраста.

Во время работы Правления территория Корпуса наполнилась строительным шумом: началось активное возведение новых зданий — Корпусу давно было тесно в Меншиковском дворце и немногих окрестных строениях. Бецкой, который, как говорилось выше, помимо прочих должностей занимал пост начальника Канцелярии строения домов и садов Ее Величества и, соответственно, вел крупные строительные дела, решил покончить с теснотой — разработал обширный план возведения новых зданий, добился получения средств и приступил к работе. В первую очередь возводились корпуса для кадетских спален, рекреационных зал, столовых и классных комнат. Эти здания стали первыми в России, распланированными специально для учебного заведения. По площади они стали самой крупной застройкой в Петербурге, начатой и оконченной в царствование Екатерины II. Здания оказались настолько практичны, что и сегодня успешно используются для нужд военного образования (в них располагается Военная академия тыла и транспорта).

Не только здания, но и сады Корпуса подверглись переустройству. Обширный парк Меншиковского дворца был переделан. Половину его превратили в луг для лагерей и строевых за-

* Баллотировка существовала в армии до начала XIX в., и память о ней сохранилась до наших дней. Еще и сегодня при обсуждении в приватном разговоре результатов защит докторских и кандидатских диссертаций можно услышать выражения вроде «Много черных шаров накидали?», то есть «Сколько было подано голосов против?».

нятий, другую половину разделили оградами на несколько частей (каждая предназначалась для кадетов определенного возраста), не сообщавшихся между собой, и частично переделали в модном во второй половине XVIII в. английском стиле: вместо четко распланированных клумб и дорожек, подстриженных кустов и деревьев старого регулярного сада устроили лужайки без излишних садовых украшений, с вольно растущими высокими деревьями.

Наконец, Бецкой взялся за хозяйственные постройки: были выстроены большая кадетская баня, новая прачечная, несколько погребов и многое другое.

В заключение рассказа о переходном периоде истории Корпуса нужно заметить, что, прилагая массу усилий для воспитания кадетов, Бецкой практически никого в Корпус не принимал. В 1765 г. было выпущено 110, а принято только 30 человек. После увольнения Философова прием был вообще отменен, и за весь 1766 г. в Корпус не взяли ни одного нового воспитанника, при этом выпустили 286 — рекордное количество со времени основания Корпуса (ранее в год обычно выпускалось от 50 до 150 человек, иногда около 200). К концу 1766 г. Бецкой добился своей цели — очистить Корпус от кадетов, которых уже поздно переучивать по новым правилам. На 1 января 1767 г. из 600 положенных по штату кадетов в Корпусе осталось всего 212, самому старшему едва исполнилось 14 лет. Корпус был подготовлен к переменам. И они не замедлили последовать.

11 сентября 1766 г. стало этапной датой в истории Кадетского корпуса. В этот день императрица Екатерина II утвердила устав Корпуса, разработанный И.И. Бецким после полутора лет напряженных трудов (*полностью приведен в Приложении 3*). Устав этот стал замечательным явлением не только в жизни Корпуса, но и в развитии российской словесности, педагогики и психологии. По цельности, глубине, всеохватности и вместе с тем ясности, простоте и... наивности он не имеет себе равных.

Устав состоял из двух частей: законодательного описания порядка организации, управления и работы Корпуса и «Рассуждения» — пространного документа, в котором Бецкой подробно излагает свои взгляды на образование, поясняет и обосновывает требования устава, подкрепляя свои мнения многочисленными ссылками на героев античного мира, французских просветителей и авторитетных современников. Надо заметить, что устав

был проведен в жизнь полностью, так что тому, кто желал бы подробно ознакомиться с жизнью Корпуса в пору Бецкого, мы настоятельно рекомендуем прочесть сам устав: наше изложение при всем старании не сможет передать очарования слога и четкости мысли творения Бецкого.

Интересно, что высочайший указ, сопровождавший утверждение устава, предлагал распространить его по всей России, чтобы не только ознакомить дворян с новыми правилами устройства Корпуса, но и сообщить им основные требования правительства к воспитательной работе, коим, как оно надеялось, дворяне начнут следовать «для собственного дому своего блага».

Основополагающей стала декларация главного принципа существования Корпуса: это в равной степени военное и гражданское учебное заведение, причем не менее важной задачей, чем обучение, «яко часть никогда неотделяемая в юноше», является воспитание кадета, «пристойное его званию и добродетельное».

Устав определял новую и стройную систему управления Корпусом. Высшим органом управления Корпуса становился Совет, которому надлежало состоять из четырех членов. Члены Совета назначались именными повелениями императрицы из числа видных военных и гражданских государственных деятелей. В первый состав Совета, утвержденный в январе 1767 г., вошли И.И. Бецкой, генерал-аншеф и сенатор Иван Федорович Глебов, генерал-аншеф и сенатор Петр Дмитриевич Еропкин, генерал-аншеф Яков Ларионович фон Брант и тайный советник Фридрих Эмме (последний, правда, был выведен из состава Совета в октябре того же года). В 1768 г. Глебов и Брант покинули Совет, и на их место были назначены действительный тайный советник граф Эрнст Миних (сын основателя Корпуса) и генерал-аншеф Петр Иванович Панин. Панин вышел из Совета уже в 1769 г., а в следующем, 1770-м, его место занял вице-президент Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел Самойла Иванович Ден. После ухода Дена в 1772 г. остались только Бецкой и Миних, поэтому в состав Совета ввели двоих новых членов: тайного советника князя Ивана Вяземского и генерал-аншефа от артиллерии барона Ивана Ивановича Меллера-Закомельского. В следующем, 1773 г. пятым членом Совета стал генерал-поручик Андрей Яковлевич Пурпур. В 1775 г. Совет покинули граф Миних и князь Вяземский, вместо них назначен генерал-фельдмаршал князь Александр Михайлович

Голицын, покоритель Хотина и предшественник Румянцева в победах над турками. С марта 1776 г. по май 1777 г. в Совет входил тайный советник Сергей Матвеевич Кузьмин. В 1781 г. членом Совета стал победитель Пугачева генерал-поручик Иван Иванович Михельсон. Впрочем, к этому времени престарелый князь Голицын был тяжело болен и заседаний Совета уже не посещал, так что в Совете, как и полагалось по уставу, присутствовали четверо: Бецкой, Меллер-Закомельский, Пурпур и Михельсон. В следующем, 1782 г. находящийся при смерти князь Голицын перестал быть членом Совета официально. В 1784 г. из Совета выведен Пурпур. К этому времени Бецкому было уже 82 года, он старел, терял интерес к делам, и Петербург ожидал его скорой кончины (в чем все, однако, ошиблись — Бецкой прожил еще более десяти лет), поэтому в Совет Корпуса в том же году были назначены два новых члена — генерал-поручик граф Антон Богданович де Бальмен и действительный тайный советник, генерал-прокурор и фактический правитель всех гражданских дел империи того времени князь Александр Алексеевич Вяземский. Без дальнейших перемен, в составе пяти членов (Бецкой, Меллер-Закомельский, Михельсон, де Бальмен, Вяземский), Совет просуществовал до 1786 г., когда порядок управления Корпусом был изменен.

Как видим, неизменным членом Совета, входившим в него от создания до упразднения, был только Бецкой. Восьмеро из шестнадцати членов Совета заседали в нем недолго — от нескольких месяцев до трех лет (не считая де Бальмена и князя А.А. Вяземского, которые также оставались членами Совета только 2 года, но покинули его вследствие отпуска). После Бецкого дольше всех состоял в Совете Меллер-Закомельский: деятельный и дельный человек, блестящий знаток артиллерии, он живо участвовал в жизни Корпуса и приносил много пользы. Продолжительное время членами Совета были Эрнст Миних, князь Голицын, Пурпур и Михельсон. Активно участвовали в жизни Корпуса и де Бальмен с Вяземским.

Формально все члены Совета были равны между собой, однако к мнению Бецкого, как старшего по возрасту и создателя нового устройства Корпуса, конечно, прислушивались в первую очередь. Вровень с Бецким держал себя Меллер-Закомельский — натура деловая и решительная, кроме того, уступая Бецкому в возрасте, он был старше чином. И особое место принадлежало

князю Голицыну в связи с его исключительным чином фельд-маршала. Впрочем, Голицын был тактичен и нечестолюбив — он хотя и сидел на первом месте за столом Совета, однако оказывал знаки почтения Бецкому, не вмешивался в дела, покорно играл свою роль на церемониях, но тем свое участие в жизни Корпуса и ограничивал.

Брант, Пурпур и де Бальмен стали членами Совета потому, что занимали должность генерал-директора Корпуса (о ее значении будет сказано ниже). Недолгое присутствие в Совете сравнительно малочиновых гражданских лиц — Эмме и Кузьмина — объяснялось тем, что этих специалистов по канцелярским делам приглашали для организации делопроизводства Корпуса. Заведенная Эмме бюрократическая машина долгое время работала исправно, но к 1775 г. стала давать сбои, и для ее «ремонта» был приглашен Кузьмин, покинувший Совет, когда задача была благополучно выполнена.

Важная роль в Совете отводилась Дену: специалист по делам остзейских провинций, он должен был представлять интересы кадетов из лифляндских и эстляндских дворян. Однако занятый делами в Коллегии, Ден не мог посвящать много времени Корпусу, кроме того, он не ужился с Бецким и вскоре вышел из Совета.

О компетенции Совета можно говорить или очень долго, или сказать коротко: он ведал *всеми* делами Корпуса. От набора новых воспитанников до выпускного экзамена, от расходования казенных средств до составления инструкций каждому из корпусных служащих — все, что происходило в Корпусе, происходило согласно решениям и указаниям Совета. Устав определял три главнейшие задачи Совета: набор достойных лиц на корпусные должности, создание внутренних инструктивных документов и контроль за расходованием денег. На деле Совет решал множество самых разнообразных вопросов и руководил всей жизнью Корпуса.

Совету было предписано собираться в первых числах каждого месяца. Помимо регулярных ежемесячных заседаний по представлению генерал-директора Корпуса могли собираться чрезвычайные заседания в тех случаях, если возникнут дела, требующие срочного решения Совета, и дожидаться начала месяца и очередного заседания не будет возможности. Но чрезвычайные заседания были редкостью — за все время существования Совета их насчитывается чуть более десятка.

Канцелярским обеспечением Совета ведал секретарь, он вел протоколы Совета, обеспечивал оформление и рассылку материалов, подготовку бумаг к заседаниям, он же хранил малую печать Корпуса (большая находилась в ведении генерал-директора).

На заседаниях Совета обязательно должен был присутствовать генерал-директор Корпуса. Кроме того, при обсуждении собственно учебных вопросов приглашался директор наук. Совет мог потребовать участия в заседании и других сотрудников Корпуса.

Дела в Совете решались в ходе разговора-обсуждения. Уставом было предусмотрено, что при расхождении мнений по какому-то вопросу решение может быть принято баллотировкой (голосованием), и поскольку голоса четырех членов Совета могли разложиться поровну, для участия в баллотировке предписывалось приглашать штаб-офицеров и других старших чиновников Корпуса. Однако на практике необходимость в голосовании почти никогда не возникала.

Заседания Совета обставлялись весьма торжественно. Для их проведения была отведена одна из красивейших комнат Меншиковского дворца — Ореховый кабинет. Обычно члены Совета приезжали на заседание около 11 часов утра, в парадном платье, в каретах с лакеями. Советников встречали генерал-директор, старшие офицеры и другие начальствующие лица Корпуса, а также специально выделенные кадеты старшего возраста и провожали их в Ореховый кабинет. Когда начиналось заседание, двери кабинета церемониально запирались и к ним выставлялся караул из двух старших кадетов в полной парадной форме с ружьями. К концу заседания в комнате рядом с Ореховым кабинетом собирались главные корпусные чиновники и штаб-офицеры. Когда секретарь отпирал двери Орехового кабинета, все вставали, встречая выход членов Совета. Секретарь Совета оглашал собравшимся те решения, которые Совет считал нужным довести до их сведения. При этом считалось крайне нетактичным любопытствовать у секретаря или иных присутствовавших на заседании, как оно проходило и что, помимо оглашенных решений, было «приговорено» Советом. Считалось, что заседания должны проходить в полной тайне. Секретарь Совета даже давал специальную присягу не распространять никаких сведений о заседаниях, кроме тех, которые ему будет приказано огласить.

В жизни часто случается, что новое учреждение поначалу активно берется за работу, но с течением времени дело теряет очарование новизны, превращается в ругину, и интенсивность и продуктивность работы учреждения постепенно падают. Так произошло и с Советом Корпуса. Он активно работал примерно до середины 1770-х гг., причем фактически мнение Совета в это время было мнением его старшего члена — Бецкого. Существенные замечания и предложения, да и то нечасто, делали только Брант и Миних. К середине 1770-х, когда Бецкому перевалило за семьдесят, его роль в работе Совета стала постепенно падать. На ведущие позиции все чаще стали выходить Пурпур и особенно Меллер-Закомельский. Подавал голос и князь Голицын, главным образом в тех случаях, когда речь шла о каких-либо применениях строгости: будучи истинным «добрым барином», фельдмаршал всегда выступал за то, чтобы смягчить наказание, жесткую или строгую меру. С начала 1780-х гг. Бецкой, который ощутимо состарился, стал страдать ослаблением слуха и все больше замыкался в себе, начал пропускать заседания Совета, а если и посещал, то чаще держался пассивно. Впрочем, и заседания Совета к этому времени стали проходить уже не каждый месяц. Голицын тоже старел, так что ведущая роль окончательно перешла к Меллеру-Закомельскому и Пурпуру, нередко только они двое и являлись на заседание. Появление в Совете скромного Михельсона никак не повлияло на ситуацию — заседания он посещал аккуратно, старательно вникал в дела и высказывался, но заседания проходили все реже, вопросы на них решались рутинные, и ведущая роль принадлежала уже не членам Совета, а его секретарю. Появление в Совете де Бальмена и князя Вяземского в последние 2 года не слишком оживило его деятельность. Разменявший девятый десяток лет Бецкой отошел от дел и приезжал в Корпус только на церемонии, да и то не всегда. Жизнь Корпуса за 20 лет была отлажена, как часовой механизм, шла своим чередом и не слишком нуждалась во вмешательстве Совета, каковой все более превращался в почетно-представительский, а не управляющий орган. Время Совета прошло, и в 1786 г. он был упразднен, но об этом рассказ еще впереди. Сейчас же, в 1767—1768 гг., Совет работал в полную силу и действительно руководил Корпусом.

Совет являлся высшей властью, если угодно — законодательной. Исполнительная власть в Корпусе была отдана в руки

чиновника, получившего название генерал-директора. Должность генерал-директора в уставе была описана предельно кратко и точно: «Все непосредственно от него зависит». Если Совет собирался время от времени, то генерал-директор был при Корпусе постоянно и руководил его жизнью каждый день. Устав особо оговаривал, что человек, облеченный полномочиями генерал-директора, не должен иметь никаких иных назначений и обязанностей, все его внимание должно быть сосредоточено исключительно на Корпусе, при коем ему надлежит находиться неотлучно, как днем, так и ночью.

Власть генерал-директора была очень велика. В принципе он даже мог оттеснить от дел Совет (что и произошло в 1786 г.), однако первые 20 лет генерал-директора работали в согласии с Советом (одним из членов которого, как правило, сам генерал-директор и являлся). Вообще их сотрудничество в это время происходило весьма гармонично. Случаи конфликта генерал-директора с Советом нам неизвестны.

Генерал-директору подчинялись все и вся в Корпусе, только младший возраст (малыши 4–9 лет) был полностью исключен из его ведения. Впрочем, забот об остальных кадетах вполне хватало, чтобы занять внимание генерал-директора без остатка.

Генерал-директор должен был служить главным примером для воспитанников, посему устав требовал от него выдающихся личных качеств. С одной стороны, четкости и властности настоящего военного («коль скоро даст повеление, должно исполнено быть с точностью»), с другой — глубокой вдумчивости и пронизательности беспристрастного судьи («во всех делах надлежит ему быть рассматрительну, во мнениях беспристрастну, в решении немедительну, но прежде оногo всякое дело разобрать и уважить»), с третьей — безупречных нравственных добродетелей («поведение его и нравы должны служить образцом всему обществу Корпуса, как главное намерение сего учреждения в том состоит, дабы благородному юношеству доставить наилучшее воспитание, должен он первый к тому путь показать кротостью и благопристойностью, наблюдая оную в делах и словах»). Выдержать весь груз забот и ответственности, возлагаемый на генерал-директора, было непросто, и в этом состояла одна из причин относительно частой смены генерал-директоров.

Первым генерал-директором Корпуса в январе 1767 г. стал генерал-поручик Яков Ларионович фон Брант. Для него Корпус

был родным гнездом — он сам здесь учился, поступив в 1732 г. при открытии Корпуса с первым набором кадетов. Достойный военный, дипломат, человек деятельный и решительный, Брант оказался отличным исполнителем идей Бецкого и в первые 3 года энергично и успешно привел жизнь Корпуса в соответствие с требованиями нового устава. Исполнение на практике преобразований, задуманных великими умами, — одна из сложнейших задач, с которой может столкнуться человек, — была выполнена Брантом отлично. Именно благодаря ему Корпус действительно стал таким, каким задумал его Бецкой.

Заслуги Бранта были оценены по достоинству. В июне 1770 г. он был произведен в чин генерал-аншефа и направлен за границу с дипломатическим поручением. Командировка Бранта считалась временной — замены генерал-директору не назначили, полагая, что он скоро вернется в Корпус. Однако судьба решила иначе. За первым поручением последовало второе, затем третье, и в родной Корпус Брант так больше и не вернулся. Возвращения Бранта ждали два с половиной года — до февраля 1773 г. В отсутствие генерал-директора его должность исполнял корпусной полицмейстер де Ласкари.

В феврале 1773 г. генерал-директором был назначен генерал-поручик Андрей Яковлевич Пурпур, личность маловыразительная, но вместе с тем благородная и исполнительная. Он управлял Корпусом более 11 лет и был идеальным генерал-директором для системы Бецкого: действовать, подчиняясь Совету, не склонному к самостоятельной инициативе Пурпуру было удобно и приятно. Но когда Бецкой постарел, влияние Совета ослабло, и Пурпуру пришлось брать инициативу на себя, он начал несколько теряться, и в 1780-х гг. эффективность его управления Корпусом снизилась. Тем не менее в июне 1784 г. Пурпур был награжден и переведен на другую должность с повышением.

Преемником Пурпура должен был стать граф Фридрих (Федор Федорович) Ангальт, но в 1784 г. он сопровождал императрицу в путешествии на юг, и до его возвращения функции генерал-директора поручили исполнять Антуану (Антону Богдановичу) де Бальмену. «Истый француз», по выражению одного из воспитанников того времени, он был человеком добродушным, открытого и веселого нрава, хотя и несколько высокомерным, но пустым, поверхностным и не особенно любил утруждать себя рутинными делами. Особого влияния на судьбу Кор-

пуса де Бальмен не оказал, хотя его директорство продолжалось два с половиной года — до возвращения в ноябре 1786 г. графа Ангальта. С вступлением последнего в должность генерал-директора для Корпуса началась новая эпоха развития, рассказ о которой еще впереди.

Первым помощником генерал-директора должен был служить цензор (или главный цензор) — должность весьма занятая. Вся задача цензора состояла в том, чтобы наблюдать за нравственным воспитанием кадетов и поддержанием в Корпусе духа самой возвышенной благопристойности. Несколько вульгаризируя его обязанности, можно сказать, что он должен был постоянно бродить по Корпусу, всюду совать свой нос и «с кротостию, учтивством и любовью» пресекать любые проявления недостойного поведения со стороны кадетов и всех служителей Корпуса (включая даже генерал-директора). Цензор мог наказывать кадетов, провинившихся в нарушении правил благородного поведения: «выговаривать с возможною умеренностью, но если сие желаемого не произведет действия, употребить пристойные средства, дабы чрез то вредительные примеры не распространялись». Со служителями Корпуса, уличенными в неблагонравии, цензору надлежало проводить беседу с глазу на глаз, во время коей тактично ставить на вид неблаговидный поступок.

Помимо описанной главной задачи цензор выполнял еще и учетные функции: он вел таблицы, отмечающие успехи кадетов в обучении и поведении, в которые заносились все результаты экзаменов и отметки воспитателей о благонравии воспитанников.

Как бы аккурратно ни описывалась должность цензора, занимающий ее чиновник вряд ли мог снискать расположение кадетов и особенно служителей. Да и сама по себе работа постоянно надзирать и придирается, при этом «с кротостию, учтивством и любовью», была малопривлекательной. По всем этим причинам должность цензора в Корпусе по большей части оставалась вакантной, а после 1779 г. цензоров и вовсе не назначали.

Следом за генерал-директором и цензором следовал целый класс старших начальников, к которому относились штаб-офицеры, директор наук, полицмейстер и управительница младшего возраста. Однако прежде чем описать их обязанности, нам необходимо понять, как был устроен Корпус, как делились кадеты, организовывались их жизнь, воспитание и обучение.

Введенная уставом 1766 г. система организации Корпуса в целом следовала системе, установленной «Пунктами...» 1765 г., но развивая и углубляя ее.

Кадеты по-прежнему делились на возрасты, но возрастов было введено пять. В 1-м возрасте содержались совсем маленькие дети: от 4–6 до 9 лет, во 2-м — 10–13-летние, в 3-м — 14–16-летние, в 4-м — 17–19-летние и, наконец, в 5-м — юноши 19–22 лет.

Принимать в Корпус теперь разрешалось только детей 6 лет и младше. В каждом возрасте кадету надлежало состоять по 3 года. Таким образом, всего в Корпусе дворянину надлежало провести 15 лет — всю пору детства, отрочества и половину юности. Держать в Корпусе кадетов старше 22 лет запрещалось.

Прием в Корпус предписывалось производить каждые 3 года, в конце лета, по 120 детей за раз. В соответствии с традицией, заведенной при основании Корпуса, места разделялись между русскими (100 человек) и уроженцами остзейских провинций (20 человек). Выпуск из Корпуса должен был производиться только раз в 3 года. Таким образом, организовывалось гармоничное движение воспитанников: проведя 3 года в одном возрасте, все они одновременно переводились в старший возраст, в тот же год выпускались завершившие обучение, а в освободившийся младший возраст набирались новички.

Выше мы много говорили о страстном стремлении Бецкого совершенно оградить воспитанников от внешнего мира, пресечь всякие контакты, даже с семьей. Теперь мечта Бецкого была исполнена во всей полноте, с жесткостью, и можно даже сказать — с жестокостью. Выход кадетов за территорию Корпуса был строго запрещен, без всяких исключений. К этому времени закончилось возведение стены вокруг садов и хозяйственных дворов Корпуса, и за пределы этой ограды кадеты лишались права выходить на долгие 15 лет. Родители, определяя детей в Корпус, давали письменное обязательство не забирать их ни при каких обстоятельствах до окончания срока обучения и не требовать свиданий с детьми кроме отведенного для того времени. А время было отведено самое ничтожное — раз в 2 месяца на 2 часа на территории Корпуса в специально устроенном зале в присутствии офицеров и воспитателей. Во время свиданий родителям запрещалось угощать детей или передавать им какие-либо подарки.

С введением этих жестких правил, действовавших до 1786 г., Корпус, по сути дела, превращался для кадетов в тюрьму. Правда, тюрьму весьма благоустроенную, такую, которую ее создатели считали «райским садом», а сами воспитанники чаще называли «кадетским монастырем». Условия жизни в Корпусе были довольно комфортными в материальном отношении, но в психологическом — далеко не простыми. Тяжелее всего новичкам давались, конечно, поступление и следующая за ним разлука с семьей. Напомним еще раз, что здесь мы ведем речь о 4–6-летних детях, пребывающих еще в том возрасте, когда они биологически не способны обходиться без семьи и неотделимы от родителей, прежде всего — матери. Сохранившиеся мемуарные заметки бывших кадетов рисуют пронзительно печальные картины первых впечатлений ребенка, неожиданно оторванного от семьи. Сила душевного потрясения таких разлук, моральная травма, нанесенная ими, были так велики, что у многих не изгладились в течение всей жизни.

П.И. Полетика, сенатор и генерал, вспоминал, что, став кадетом неполных четырех лет от роду, «вскоре по поступлении моем в Корпус я едва не умер от воспалительной горячки, причиненной тоскою по матери». «Грустен, печален был этот вечер, когда пришлось расставаться с домашним платьем, с домашнею рубашкою; в первую ночь я не надел казенной рубашки; я снял с груди благословение матери, осторожно прицепил его над изголовьем так, чтобы оно не прикоснулось к стене длинной спальной камеры нашей. Я сделал это для того, чтобы оно было под домашнею рубашкою и чтобы на другой день поцеловать на нем неостывшее еще благословение родительское, — вспоминал Ф.Н. Глинка. — Часто в первые годы снились мне родные края — холмы, рощи, и сад, и очаровательное село Третьяково. Часто казалось мне, что я гуляю по берегу озера и слышу разливы песни вечернего соловья в кустах.

Ф.Н. Глинка

Ф.В. Булгарин

Часто также просыпался я со слезами». Знаменитый литератор и издатель Ф.В. Булгарин попал в Корпус девяти лет от роду и несколько позже описываемого периода, но и у него разлука вызвала самые острые переживания, не стершиеся спустя полвека: «Я вдруг попал в клетку! Я лишился сна и аппетита, прятался от всех, плакал украдкой днем и по ночам тосковал и грустил. Ужасная идея, что родители не любят меня, овладела мною и мучила меня! Наконец, я не мог выдержать этой внутренней борьбы — и заболел... У меня открылась изну-

рительная лихорадка... Сознаюсь откровенно, что и теперь не постигаю, как родительское сердце может решиться на разлуку с малолетним дитятей! Этот казус выше моих понятий!»

Надо заметить, что трагическая 15-летняя разлука с семьей налагала на кадетов времен Бецкого пожизненный отпечаток. Родители, коих кадетам удавалось видеть в лучшем случае по 1–2 часа раз в 2 месяца, становились для них чужими людьми, о других близких родственниках, встречи с которыми бывали еще реже, не приходится и говорить. Кадеты забывали о семье, отвыкали от семейной жизни, а потому из числа воспитанников Корпуса, выпущенных во времена Бецкого, более трети не смогли составить своего семейного счастья впоследствии и оставались холостяками.

Разлука с семьей была тем тяжелее, что поступившему в Корпус кадету не разрешалось хранить ни единой собственной вещи, кроме нательной святыни (креста, к которому иногда добавлялись иконы и ладанки). Ни одежды, ни игрушки, ни книжки — ничего, что могло бы напоминать о родном доме. С первого дня жизни в Корпусе кадет обеспечивался всем казенным, и первое, что обращало на себя внимание, было, конечно, платье. Если раньше (а равно и впоследствии) кадеты всех возрастов носили военный мундир, отличавшийся от армейского лишь знаками различия, то теперь воспитанники первых трех

возрастов получили совершенно гражданское платье — куртки (камзолы) и штаны до колен (коричневого, «кофейного», в 1-м, голубого во 2-м и серого в 3-м возрасте), белые чулки и башмаки. Интересно, что из верхней одежды кадетам полагалась лишь черная круглая шляпа с полями и пряжкой, а никаких перемен в платье зимой и летом не делалось. Знаменитый петербургский климат известен теплым, но коротким летом, зима же в 1760—1780-х гг. длилась месяцев 6—7, двухмесячная осень, как и сегодня, отличалась ветрами и промозглой сыростью, весна — ветрами и чаще всего холодной погодой. Обычная зимняя температура минус 10—20 °С. Случались морозы до минус 35—40 °С, резкие оттепели всегда с сильным ветром. И при такой погоде у кадетов был только один костюм — суконные куртка и штаны с тонким бельем и чулками. Это правило Бецкой заимствовал из Европы (прежде всего Англии), где считалось, что детям незачем давать верхнюю одежду, дабы они закалялись зимой. Однако между английской и российской зимами существовали и существуют некоторые отличия, которые, однако, не смугили Бецкого. Уже в то время были популярны теории о пользе холода (особенно в детстве) для укрепления здоровья, и Бецкой предоставил кадетам все возможности пользоваться благодатными свойствами северных морозов.

Надо заметить, что результат в целом был успешным: кадеты второй половины XVIII в. отличались отменным здоровьем, многие из них впоследствии дожили до самой глубокой старости. Однако с поздней осени (ноября) и до тех пор, пока не начинало пригревать весеннее солнце (середины — конца апреля), кадеты из-за легкости своего костюма превращались в затворников. Помещения Корпуса отапливались не целиком — печи были в спальнях, классах, столовых, некоторых других помещениях. Но коридоры, рекреационные залы, умывальни и многие другие комнаты не отапливались. Кроме того, значительная часть переходов внутри Корпуса представляла собой открытые галереи, а иной раз кадетам приходилось пересекать двор или часть сада, чтобы попасть из одной части Корпуса в другую. Такие перебежки не смущали легко одетых кадетов, равно как не отказывались они и от обязательных ежедневных прогулок, когда на улице оказывался весь класс и затевались шумные и весьма буйные игры. Однако без нужды кадеты теплые помещения Корпуса зимой старались не покидать и большую часть

времени проводили под крышей. Бецкого, впрочем, это обстоятельство вполне удовлетворяло: у «арестованных» зимними морозами кадетов вряд ли могло возникнуть желание выбраться за пределы корпусной ограды, чего преобразователь Корпуса боялся более всего на свете.

Правда, было и еще одно явление, которого Бецкой боялся, которое он ненавидел и всячески старался изжить из корпусной среды. Это жестокость и грубость детских нравов, тяжелые отношения внутри детского коллектива. Такому врагу Бецкой мог противопоставить только одно — постоянный (в буквальном смысле слова), ежечасный, ежеминутный надзор взрослых за кадетами. Он мечтал о том, чтобы ни один кадет ни на одно мгновение своей 15-летней жизни в Корпусе не оставался без надзора взрослого, и все сделал для достижения этой цели. Мы уже говорили выше об «аббатах» и ротных офицерах, находившихся с кадетами днем и ночью. Не довольствуясь этим, Бецкой позаботился о штате низших корпусных служителей, которые должны были помогать в надзоре, о фельдшерах в корпусном лазарете, последним предписывалось неотлучно сидеть у постели больного. Понимая, что количество сотрудников Корпуса не может быть сравнено с количеством кадетов, так, чтобы за каждым кадетом постоянно ходил личный надзиратель, Бецкой постарался исключить возможность разделения кадетских групп, порученных надзору одного воспитателя или офицера. Кадеты должны были *всегда* быть в своей группе: вместе спать, вместе вставать, вместе ходить по Корпусу, сидеть на занятиях, гулять, играть. Даже в уборную кадеты должны были ходить группой, а если у кого-нибудь приключалась экстренная нужда, то удовлетворить ее было не так просто: надо было отпроситься у офицера или воспитателя, получить специальный билет и отметить его у служителя, постоянно пребывавшего в уборной для надзора за чистотой, причем засекалось время, и если отпросившийся кадет отсутствовал дольше, чем представлялось необходимым воспитателю, то его ждали неприятные объяснения, а может быть, и наказание.

Идея о постоянном надзоре была в абсолюте недостижима, но все что можно — оказалось выполнено, и добрых 15 лет тотальный надзор за кадетами в Корпусе существовал. Смягчить обычные проблемы взаимоотношений детей в коллективе он помог, и даже существенно, но вовсе истребить — нет. Особен-

но это проявлялось в младших возрастах, порученных наблюдению «аббатов». Последние далеко не всегда могли остановить ссору хотя бы потому, что многие из них, не зная русского языка, далеко не всегда могли понять, что происходит между воспитанниками. А некоторые смотрели на мальчишескую потасовку как на естественное явление детской жизни и не считали нужным в нее вмешиваться. В 1772 г. нашелся даже такой «аббат», который, полагая драки признаком молодечества, поощрял их в своей группе, завел даже некое подобие дуэльного кодекса — определенный порядок назначения и хода потасовок и обычай, согласно которому проигравший драку на две недели превращался в слугу победителя и обязан был выполнять его приказания. Когда дело вскрылось, воспитателя изгнали с позором и штрафом.

Новым уставом жизнь Корпуса расписывалась весьма подробно, особенно — ее начало: поступление и первые шаги новых кадетов. Первый набор по новой системе состоялся в 1767 г. Затем наборы проводились раз в 3 года, вплоть до 1794 г., после которого был восстановлен ежегодный прием новичков. В неприемные годы зачислять кадетов в Корпус строго воспрещалось, однако на практике ни одного человека не было зачислено только в 1775, 1778, 1781, 1784, 1787 и 1790 гг. Обычно небольшое количество новичков (от 1 до 16 человек) в Корпус все-таки принималось, хотя каждый случай приема особо обсуждался в Совете, а после 1786 г. — рассматривался генерал-директором. Количество кадетов, набираемых в приемные годы, также ни разу не соответствовало установленной цифре в 120 человек и колебалось от 108 (в 1770-м) до 126 (в 1782-м), а с 1785 г. стало стремительно расти: 140 человек в 1785 г., 174 — в 1788-м и 192 — в 1792-м, последнем году набора по старым правилам.

О предстоящем наборе российское дворянство заранее извещалось особым объявлением, печатавшимся в газетах и публиковавшимся другими средствами. Набор обыкновенно проходил в течении двух (август — сентябрь) и изредка трех (август — октябрь) месяцев. Родители, желающие определить детей в Корпус, должны были привезти их в Петербург и записать в канцелярии Корпуса. В момент записи родителям назывался день, когда ребенка нужно было представить своеобразной «приемной комиссии». В назначенный день родители с детьми являлись в Корпус, где детей отправляли на врачебный осмотр,

а сами родители отправлялись в канцелярию для оформления документов.

На врачебном осмотре ребенка раздевали догола и внимательно осматривали. Затем его заставляли бегать, прыгать, совершать активные физические движения (совсем маленьким иногда пускали по полу мячик и смотрели, как ребенок побежит за ним). Проверялось здесь не только и даже не столько собственно здоровье, сколько общая физическая и интеллектуальная развитость ребенка. Не прекращая осмотра, с ним вели разговоры, задавали различные вопросы. Отказывали в приеме детям неподвижным, инертным, имеющим дефекты двигательной системы, неуверенным в себе, замкнутым, «тугоумным». Один из мемуаристов назвал прием «устроенным по спартанской системе», и в этих словах немало правды: в Корпус старались отбирать подвижных, активных и развитых, из которых, как считалось, «будет несомненный толк» в учении.

Пока ребенка осматривали, родители должны были представить в канцелярии документы, свидетельствующие его законное рождение, несомненную принадлежность к дворянскому сословию и совершение крещения. Недворяне и нехристиане в Корпус не допускались. Помимо этого, родители должны были сообщить сведения о своем имущественном положении и обстоятельствах службы. Количество желающих поступить в Корпус обычно превышало число мест в полтора-три раза, и при выборе кандидатов корпусное начальство обращало внимание, во-первых, на итог осмотра, а во-вторых, на состояние и обстоятельства службы родителей; преимуществами при поступлении пользовались дети из бедных дворянских семей, а особенно — сироты, причем прежде всего те, чьи отцы погибли на войне или умерли на службе.

Если результаты осмотра и проверки документов оказывались удовлетворительными, то уже в тот же день могло быть принято решение о зачислении кадета, он тут же прощался с родителями и переходил в руки служительниц 1-го возраста. Но чаще детей отпускали домой до объявления общих результатов набора. Такие результаты объявлялись в установленный день в канцелярии, и в тот же день родители должны были оставить новичков в Корпусе.

Расставаясь с детьми, родители должны были выполнить еще один трагический акт — подписать специальный документ,

которым они обязывались в течение 15 лет ни при каких обстоятельствах не забирать детей из Корпуса (даже на время) и не требовать с ними свиданий, кроме отведенных для этого времени и места. Не знаем, что испытывали родители, когда ставили подпись под такой бумагой, но полагаем, что для многих отцов и особенно матерей это была страшная минута. Один росчерк пера — и ребенок оказывался отнятым от них на долгие 15 лет, а может быть, и навсегда — детская и взрослая смертность в те времена была высокой, и ни в каком возрасте человек не мог быть уверен в том, что проживет ближайшие 15 лет.

Был единственный шанс, что разлука окончится ранее: если в течение первого года пребывания в Корпусе обнаруживалась неизлечимая болезнь или уровень умственных способностей признавался недостаточным для учения, кадета могли вернуть родителям. Однако шанс этот был сугубо теоретическим: за 25 лет в первый год было отпущено домой немногим более 10 человек.

Новонабранные малыши из родительских рук попадали в руки управительницы 1-го возраста и ее подчиненных. Об управительнице следует сказать особо. Должность эта по своей значимости сопоставима с должностью генерал-директора Корпуса. Управительница не подчинялась генерал-директору, и даже Совет Корпуса имел над ней ограниченную власть. Совет контролировал финансирование 1-го возраста и вопросы определения в него новичков. До некоторой степени он мог влиять и на кадры 1-го возраста, однако последнее слово здесь принадлежало управительнице: без ее согласия ни один сотрудник 1-го возраста не мог быть ни уволен, ни принят на службу. Таким образом, управительница оказывалась практически единовластной царицей 1-го возраста, а сам возраст, порученный ее попечению, был полностью отделен от Корпуса и жил внутри «кадетского монастыря» своей особенной жизнью.

Первейшей и главнейшей заботой управительницы был выбор ключевых фигур 1-го отделения — воспитательниц. Набранные кадеты разделялись на 10 групп (по 10–14 человек), каждая из которых поручалась ведению одной воспитательницы. С этого момента воспитательница должна была стать для кадетов всем — ни с какими иными взрослыми, кроме управительницы, они не должны были общаться. Естественно, воспитательнице предписывалось никогда не покидать Корпус и свою

группу, быть с ней днем и ночью, спать в комнате при кадетской спальне, причем дверь в эту комнату должна была быть открыта настежь и днем, и ночью.

Воспитательница и заботилась о детях, и присматривала за ними, и развлекала, и обучала. На нравственные и физические качества воспитательниц обращалось самое пристальное внимание. Они должны были быть образцом добродетелей во всех отношениях, в том числе и внешнем — считалось, что воспитательницы по возможности должны быть молоды и миловидны (молодость воспитательниц объяснялась еще тем, что они не должны были иметь семьи и детей). Кадетам воспитательница должна была отдавать всю себя без остатка — поступая на службу, она давала подписку не покидать ее ранее чем через 3 года (то есть пока не доведет свою группу до перевода в следующий возраст), не иметь общения с мужчинами, не вступать в брак и не заводить детей. Практически воспитательницы лишались общения не только с мужчинами, но вообще с кем бы то ни было за пределами Корпуса и даже уже 1-го возраста — на это им просто не оставалось времени.

Нанять воспитательницу было непросто, мало кого устраивали по-настоящему тяжелые условия службы, и лишь очень немногие оставались в Корпусе более 6 лет. Впрочем, смена воспитательниц считалась недостатком. Набирали в воспитательницы обычно девиц: русских из бедных дворянских семейств, а чаще — иностранок из хороших, но бедных семейств, не имевших возможности выйти замуж из-за отсутствия приданого. За 3–6 лет службы в Корпусе жалование воспитательниц (тратить которое у них не было ни времени, ни возможности) скапливалось в более или менее существенную сумму, достаточную для приданого. Часто сами управительницы заботились о том, чтобы найти достойным воспитательницам подходящую партию. Таким образом, для многих воспитательниц служба в Корпусе была не просто работой, а своеобразной «путевкой в жизнь», и перспектива удачного брака часто являлась более важным побудительным мотивом к хорошему исполнению обязанностей, чем жалование и престиж службы.

Воспитательницам помогали служанки (по одной на группу). Они заботились об уборке помещений, белье, одежде и вещах малышей, их мытье и прочих хозяйственных вопросах. Набирались они по вольному найму из петербургских крестьянок и ме-

щанок. В отличие от воспитательниц, служанки затворницами не были и жили за пределами Корпуса, могли иметь семьи и детей. Впрочем, и в служанки предпочитали брать девиц, милых и добронравных, которым управительницы также нередко помогали составить выгодную партию. Уставом служанки рассматривались как корпусные служители, и кадеты младшего возраста не должны были общаться с ними. В первые годы на это было потрачено немало сил: служанки приходили убирать помещения, когда в них не было воспитанников, забирали белье в стирку за дверями спальни, куда его выносила в специальной корзине воспитательница. Доходило до того, что в бане специально присутствовала управительница, наблюдая за тем, чтобы кадеты не заводили разговоров с мывшими их служанками*. Но непосредственные, воспитанные дома незабвенными нянюшками малолетние кадеты, естественно, тянулись к служанкам, и уже к началу 1770-х гг. от искусственного ограничения общения малышей со служанками отказались. Однако в отношении всех остальных служителей Корпуса (равно и кадетов старших возрастов) ограничения сохранялись в полной силе, и общение с ними кадетов 1-го возраста не допускалось.

В «географическом» отношении 1-й возраст был полностью отделен от Корпуса: для малышей были отведены своя столовая, своя рекреационная зала, свой участок корпусного сада. Сад был отгорожен высокой глухой оградой, все двери, ведущие в помещения 1-го возраста из других частей Корпуса, заперты (ключи хранились у управительницы). Кроме управительницы, воспитательниц, служанок и самих кадетов на территорию 1-го возраста не мог попасть никто. Кухонные служители проходили через специальный вход. А если малолетнее отделение желало навесить генерал-директор или кто-нибудь из офицеров или чиновников Корпуса (даже член Совета), то он должен был сначала письменно соотнестись с управительницей и подробно объяснить свое дело. Управительница решала, допустить ли визитера или отказать ему, причем отказы были частыми: управительницы предпочитали сами отправиться на встречу, нежели

* Отметим трогательную подробность. Хотя кадетов воспитывали в самом возвышенном благонаравии, в бане малолетнего отделения по старинной русской традиции никаких комплексов не существовало: служанки и воспитательницы мыли кадетов и тут же мылись сами в костюме Евы, и в таковом же виде навещала баню управительница.

допускать посторонних в свое царство. Если же разрешение давалось, то в нем подробно прописывалось время посещения, его продолжительность и комнаты, которые сможет посетить визитер.

Исключения из правил визитов в 1-й возраст существовали только для доктора и священника — они навещали малышей когда хотели — и, естественно, для императрицы. Но Екатерина никогда не злоупотребляла своим правом и ни разу не явилась в малолетнее отделение, не сообщив о своем визите за три-четыре дня вперед.

Малышей 1-го возраста считалось нужно не столько учить, сколько воспитывать. Однако и учебе отводилось определенное место: из малолетнего отделения кадет должен был вынести знания, необходимые для начала собственно образования. Прежде всего малышами учили начаткам Закона Божьего и каждое воскресенье (а также по двенадцатым праздникам) водили в церковь, где обязательно причащали*. Чтобы не утомлять малышами долгой службой, держать кадетов в церкви дольше 30–45 минут не разрешалось.

Второй наукой для малышей были языки, обыкновенно три: русский, французский и немецкий. Мы уже говорили, что Бецкой был проповедником справедливой идеи о пользе раннего обучения иностранным языкам. Согласно этому правилу, кадетов начинали учить языкам сразу по поступлении в Корпус — с 4–6 лет. (Заметим здесь, что для некоторых кадетов из остзейских губерний, говоривших дома по-немецки, иностранным языком был русский.) Языкам в обучении малышами отводилось главное место, а учили просто — воспитательницы должны были в совершенстве владеть всеми тремя языками и общаться с детьми на всех по очереди: один день — по-русски, другой — по-французски, третий — по-немецки. (Для этой же цели кадетов, родным языком которых был не русский, обязательно помещали в группы с русскими.) За 3 года в 1-м возрасте малыши должны были выучиться не только говорить, но и писать на всех трех языках. Орфографии и грамматике не учили, но письмом и чтением они должны были овладеть твердо.

Не менее ценным считалось творческое развитие младших кадетов. По этой причине в их программу были введены рисо-

* Кадеты протестантского и католического вероисповеданий посещали свои храмы.

вание и танцы. Для преподавания рисования приглашался профессор из находившейся неподалеку от Корпуса Академии художеств. Танцам учили сами воспитательницы, музыкальное сопровождение обеспечивали специально приглашаемые скрипачи. Уроков рисования и танцев было много — каждого предмета по два, а часто и три урока в неделю.

Гораздо меньше внимания уделялось точным наукам. Кадетов не учили даже арифметике, только в последний год пребывания в 1-м возрасте малышей учили писать цифры. Впрочем, некоторые воспитательницы шли дальше и обучали своих питомцев сложению и вычитанию.

Перечисленным набором предметов образование кадетов младшего возраста в общем исчерпывалось. Правда, устав разрешал преподавать кадетам еще что-нибудь, «что... сходствуется с их годами». Некоторые воспитательницы учили малышей пению, но других предметов правильного обучения выделить не удастся. Значительно большее влияние на умственное развитие кадетов 1-го возраста оказывало чтение им книг воспитательницами, различные игры и увлечения (среди последних довольно часто встречались театральные постановки).

Образовательный процесс малышей никак не регулировался — все зависело исключительно от воспитательниц. Методы, время и место проведения уроков полностью принадлежали выбору и способностям последних. Никакого контроля за знаниями 1-го возраста не велось, особенно строго корпусное начальство соблюдало заповедь не ставить малышам никаких оценок, никогда не наказывать за неудачи в учебе, дабы этим не отвлечь от учения в будущем.

Особое внимание в 1-м возрасте уделялось здоровью кадетов и их физическому развитию. Справедливо считая предупреждение болезней гораздо более эффективным средством, чем их лечение, начальство неустанно пеклось о санитарном содержании и закаливании кадетов. Чистота в помещениях младшего отделения содержалась образцовая (за этим кроме управительницы пристально наблюдал доктор). Постельное белье менялось еженедельно, при необходимости и чаще. Нательное белье менялось два раза в неделю, верхняя одежда — раз в 2 недели.

Каждый день утром и перед сном кадеты мылись холодной колодезной водой: обтирались до пояса и промывали ступни,

после этого мыли с мылом руки и лицо. Перед едой обязательно споласкивали руки холодной водой, а те, у кого они оказывались особенно грязными, по велению воспитательниц мылись с мылом. По средам и субботам малышей водили в баню, где обязательно трижды парили вениками, дважды обливали ледяной водой и мыли с мылом в горячей воде. О легкой одежде кадетов, способствовавшей закаливанию, мы уже говорили. Теперь упомянем еще о трех составляющих, считавшихся неизменными залогом здорового воспитания: воздухе, движении и пище.

За чистотой воздуха в помещениях 1-го возраста следили очень внимательно. Проветривания были частыми и обстоятельными; если где-либо появлялся запах гари или воздух казался затхлым, кидались проветривать помещение и искать источник запаха. Вообще вентиляции отводилось внимание, преувеличенное даже по сегодняшним меркам. Сражались не только с дурными запахами и духотой, но и с пылью — для защиты от нее раз в неделю выбивали на улице тюфяки, ковры и занавески; не допускали в помещениях мягкой мебели и постоянно старательно протирали все поверхности.

Движению уделялось не менее пристальное внимание. Считалось, что за исключением времени сна кадеты никогда не должны пребывать без движения дольше чем три четверти часа. Потому уроки, чтение, другие спокойные занятия постоянно прерывались прогулками, играми, «выходами» в рекреационную залу. В нынешних школах учителя частенько (и безуспешно) пытаются бороться с гвалтом и беготней, царящими на переменах. Воспитательницы времен Бецкого были умнее и не только не боролись с этим, но, напротив, поощряли. Во время перемен и прогулок в саду в 1-м возрасте царил самое бесшабашное оживление, а воспитательницы лишь подогревали его, ловко подкладывая малышам всевозможные игрушки, способствующие активности, — мячи, свайки, воланы, затевая игры в догонялки и пятнашки, и, сами недавно вышедшие из детства, нередко принимали в них участие.

Наконец, пища. Подробно мы о ней расскажем в следующей главе, здесь же заметим, что малыши питались так же, как и остальные кадеты, «простой, но здоровой пищей», с той разницей, что у малышей был завтрак (прочие кадеты утром получали по булке и ели на ходу). Завтрак малыши откровенно не любили:

кроме булок им подавали гибер-суп — холодную, очень жидкую овсяную кашу на воде. Булки ели охотно, но с гибер-супом откровенно не дружили, в связи с чем со временем его стали заменять кипяченым молоком, а в середине 1770-х гг. гибер-суп исчез с кадетского стола и отошел в область преданий. В середине дня малыши обедали, вечером ужинали (обычные блюда — суп, жареное мясо или рыба, каша). В промежутках им периодически давали по куску хлеба со стаканом воды или молока. По английской методе в 1767 г. завели обыкновение давать малышам по субботам за обедом по рюмке мадеры, но корпусной бюджет мадеры (привозимой из Испании) не выдержал, и уже в очень скором времени «субботнее пьянство» было прекращено. Вообще пища в малолетнем отделении, имевшем особую кухню, как правило, превосходила по качеству стол старших воспитанников.

За здоровьем кадетов наблюдал корпусной доктор, уделявший 1-му возрасту особое внимание. Осмотры малышей проводились еженедельно (обыкновенно по средам) в бане, а сверх того любой из них в любой момент мог быть остановлен доктором, раздет донага и пристальнейше осмотрен — такая практика во времена Бецкого была в 1-м возрасте обычным делом, а впоследствии распространилась на всех кадетов, просуществовав до середины XIX в.

Надо заметить, что система, заведенная Бецким в 1-м возрасте, оказалась самым жизнеспособным из всех его предприятий по устройству Кадетского корпуса и почти без изменений просуществовала около века — до реформы Корпуса при императоре Александре II. Менялось название (в 1797 г. 1-й возраст стал называться «малолетним отделением»), менялись наименования должностей и штаты служительниц, но все принципы устройства — автономия, всевластие управительницы, дамский надзор, исключительная роль воспитательниц — оставались неизменными многие десятилетия после того, как от других начинаний Бецкого не осталось даже следа. Единственное, в чем со временем малолетнее отделение отступило от заповедей Бецкого, — это разлука с семьями. Уже с 1786 г. родителям и родственникам было дозволено навещать детей в любое время и проводить в Корпусе не два часа, а сколько угодно, даже несколько дней. Вскоре детей стали отпускать на каникулы и в особые увольнения.

Важно заметить, что помимо практичной и продуманной системы устройства своей многолетней жизнеспособностью 1-й возраст был обязан воспитательницам. Среди многих десятков женщин, прошедших через эту должность за почти столетие, подавляющее большинство действительно относились к воспитанникам как к собственным детям. Почти все бывшие кадеты, оставившие мемуары, вспоминают воспитательниц самыми теплыми словами. Нередко кадеты годами поддерживали связь со своими воспитательницами уже после того, как покидали Корпус.

Состав воспитательниц характерно менялся с течением времени. При Бецком воспитательницы обыкновенно были юны, бессемейны и $\frac{3}{4}$ из них составляли иностранки (более всего француженки, также остзейские и немецкие немки, русские немки, голландки и датчанки; встречается несколько шведок, англичанок, австриек и др.). Во второй половине 1780—1790-х гг. при сохранении национальной пропорции увеличивается возраст воспитательниц; большинство из них составляют дамы 30—40 лет, имеющие семьи (в XVIII в. детей заводили рано, и к 30—33 годам многие женщины были уже вдовами, вырастившими своих детей, именно они чаще всего встречаются среди воспитательниц). В первой четверти XIX в. состав воспитательниц (переименованных в надзирательниц) меняется в национальном отношении: меньше становится француженок, больше русских, немок и англичанок, появляются финки и польки. А с 1820-х гг. существенно возрастает число русских воспитательниц (к 1840-м гг. они составляли $\frac{2}{3}$) и формируется новый тип: молодые девицы более не принимаются, на их место берутся опытные семейные дамы 30—35 лет, остающиеся в Корпусе на долгие годы, часто до старости. Заметим еще, что с 1780-х гг. воспитательниц больше не заставляли жить вместе с кадетами, стали выделять для них квартиры на территории Корпуса или нанимать за корпусные деньги квартиры в ближайших домах. На кадетях эта перемена сказалась положительно: приглашение в гости к воспитательнице стало обычным явлением, и там малыши могли некоторое время побыть в малознакомой им, но такой дорогой семейной обстановке.

Конечно, встречались среди воспитательниц и неприятные, и строгие особы. Но число таких в XVIII в. было ничтожным, а в последующие времена — весьма небольшим. Малыши 1-го

возраста знавали тычки, щипки и шлепки (хотя до 1797 г. телесные наказания в Корпусе официально были запрещены), но в этих наказаниях не было злобы и ими не злоупотребляли. После 1797 г. в малолетнем отделении, как и во всем Корпусе, заведены были розги. Пороли кадет няньки (так с 1797 г. стали называться прежние служанки) по приказу воспитательниц, и среди няnek встречались большие мастерицы по этой части. Однако розги в малолетнем отделении применялись редко, а надзирательницы, начинавшие злоупотреблять ими, на службе обычно не задерживались.

Несколько менялся со временем и портрет служанки (позднее — няньки). Место молодых и милостивых девушек XVIII в. (среди которых было немало иностранок) в XIX в. заняли русские крестьянки главным образом средних, а то и немолодых лет. Отношения с ними у кадетов были менее равными, чем с воспитательницами — если дурной отзыв о последних у мемуаристов является большой редкостью, то строгости, суеверия и нелепицы, исходившие от многих няnek, нередко вызывали неприятные воспоминания. Впрочем, не меньше было добрейших и ласковых «нянюшек», о которых кадеты сохранили теплую и благодарную память.

* * *

Обособленное малолетнее отделение служило своеобразным порогом на пути кадета. Настоящая кадетская жизнь началась, когда мальчик переходил во 2-й возраст.

Бецкой считал, что военизировать жизнь и обучение мальчиков младше 16 лет недопустимо, а потому 2-й и 3-й возрасты Кадетского корпуса во всем были устроены «на гражданском основании»: кадеты носили гражданское платье, воспитывались гражданскими лицами, военных предметов и дисциплины не знали.

В основе своей организация 2-й и 3-го возрастов походила на организацию 1-го, за тем исключением, что руководителями были уже мужчины, а учеба занимала первостепенное место в жизни кадетов.

Вершителями судеб были инспекторы возрастов. Их власть была не такой автономной и полной, как власть управительницы в 1-м возрасте: инспекторы во всем подчинялись Совету, генерал-директору и другим высшим чиновникам Корпуса.

Главные обязанности инспектора заключались в надзоре за деятельностью воспитателей, правильной организацией жизни и учебы возраста, благонаравием и пристойным поведением как воспитателей, так и кадетов, а что особенно важно — они должны были «не допускать... обходиться с детьми сурово». Учебными делами возраста руководил независимый от инспектора директор наук, инспектор во всем следовал его указаниям, а если случался недостаток учителей — замещал их сам или за счет воспитателей.

Все кадеты 2-го возраста делились на 8 групп, 3-го — на 6, к каждой группе приставлялся воспитатель. Как мы видим, число групп последовательно понижалось: 10 — в первом возрасте, 8 — во втором, 6 — в третьем. Это обосновывалось двумя причинами: во-первых, считалось, что чем старше дети становятся, тем меньше надзора требуют, а во-вторых, корпусное начальство принимало во внимание неизбежную детскую смертность и предполагало, что количество воспитанников в группах во всех возрастах будет составлять по 10–20 человек*.

Значение воспитателей в группах 2-го и 3-го возрастов оставалось очень большим. Им вменялось в обязанность повсюду сопровождать кадетов, спали они в тех же спальнях, что и кадеты, ели за кадетским столом. Но основная их функция состояла в воспитании и обучении кадетов. В своей группе воспитатель вел за редкими исключениями все учебные занятия. Но в отличие от воспитательниц 1-го возраста, которые сами выбирали время, методы и объемы преподавания, воспитатели должны были действовать в рамках правил, установленных для них директором наук.

Набирались воспитатели из иностранцев, предпочтение отдавалось тем, кто совсем не знал русского языка. На кадетском жаргоне их продолжали звать «аббатами», сохранялись и все проблемы, с ними связанные, — набрать нужное число достойных воспитателей было далеко не просто. Особенно неудачной оказалась идея о том, что воспитатель должен сам преподавать все предметы в своей группе: в XVIII в. отыскать

* В 1766–1792 гг. смертность детей в Корпусе несколько понизилась по сравнению с предыдущим периодом. И все же, несмотря на то что в Корпусе она была много ниже, чем в среднем по России, умирало довольно много кадетов: за 100 лет (с основания Корпуса до 1832 г.) было принято 8579 воспитанников, умерло 1179, то есть примерно каждый седьмой.

широкообразованного человека как в России, так и за рубежом было сложно.

Учебные программы 2-го и 3-го возрастов были насыщенными и передовыми для своего времени. Во 2-м возрасте преподавались:

- 1) Закон Божий;
- 2) русский, французский, немецкий языки;
- 3) география;
- 4) хронология;
- 5) история;
- 6) мифология;
- 7) арифметика;
- 8) геометрия;
- 9) рисование;
- 10) танцы;
- 11) начала церковно-славянского языка;
- 12) «учтивство и долг благопристойности».

Программы были составлены «сообразно с летами»: «начала» наук, которые кадеты изучали во 2-м возрасте, им предстояло завершить в 3-м и 4-м. Воспитанникам старались привить «любовь к благочестию и благонравию», а особое внимание обращалось на то, чтобы определить склонности кадета для дальнейшего направления его на гражданское или военное поприще, а также для углубленного преподавания ему отдельных предметов, к которым он проявил особый интерес и способности.

Учебная программа 3-го возраста была еще шире:

- 1) Закон Божий;
- 2) русский, французский, немецкий языки;
- 3) география;
- 4) хронология;
- 5) история;
- 6) мифология;
- 7) геометрия;
- 8) рисование;
- 9) танцы;
- 10) церковно-славянский язык;
- 11) «учтивство и долг благопристойности»;
- 12) латинский язык (факультативно для способных и интересующихся);

13) «основание воинской и гражданской архитектуры» (под архитектурой здесь понималось не искусство возводить здания, а устройство армий, гражданского и военного государственного устройства и управления);

14) бухгалтерия (в последний год пребывания в возрасте).

Учить такому кругу наук одному человеку практически невозможно. Поэтому уже с конца 1760-х гг. в Корпусе стали появляться учителя, преподававшие по 1–2 предмета. Их старались набирать из признанных специалистов: в Корпусе преподавали профессора Академии наук и Академии художеств, танцмейстеры Императорской балетной школы, воспитатели великих князей, доктора богословия и многие иные достойные и высокообразованные люди. Постепенно учителя почти полностью оттеснили воспитателей от преподавания, в 1780-х гг. последние преподавали уже по 1–2, редко 3 предмета в своей группе. Можно без преувеличения сказать, что в 1760–1780-х гг. к преподаванию в Корпусе были привлечены все лучшие научные, педагогические и творческие силы, какие только были в России, а уровень обучения стал просто блестящим для своего времени, таким, каким он не был ни прежде, ни впоследствии.

2-й и 3-й возрасты жили общей жизнью. У них были одна столовая, один участок сада для прогулок, одна рекреационная зала, спальни и каморы выходили в одни и те же коридоры. Вообще, если 1-й возраст жил в жесточайшем затворничестве, то 2-й и 3-й, насколько это было возможно в условиях «кадетского монастыря», пользовались определенной свободой. Их уже не заставляли держаться всегда вместе, разрешали общаться с корпусными служителями низшего звания, встречаться с воспитанниками старших возрастов, в одиночку перемещаться по территории Корпуса, самостоятельно посещать библиотеку, музей и т. д.

Если во 2-м возрасте воспитатели и прочие служители должны были «примечать» способности воспитанников, то в 3-м эта задача становилась главной: с переходом в следующий возраст кадетам предстояло определиться, на военное или на гражданское отделение они поступят, и здесь нельзя было сделать ошибки. Основопологающей педагогической идеей Бецкого было учить каждого в зависимости от способностей, так как он вполне справедливо полагал, что лишь к тому, что привлекает человека от природы, у него может быть искренний интерес, только так можно выявить оптимальную сферу приложения его

трудов на благо общества. Если же нет склонности и проистекающего из нее интереса, то не поможет никакое образование. Способности и интересы кадетов учитывались во все время их обучения в Корпусе, но 3-й возраст в этом отношении был наиболее важным, определяющим. Именно поэтому к нему всегда проявляли особое внимание Совет и генерал-директор Корпуса, посещения высоких особ здесь были особенно частыми, а на должности инспектора и воспитателей 3-го возраста набирали особенно придирчиво: здесь недопустимы были ошибки, требовались люди с выдающимся педагогическим даром, и, надо сказать, что, несмотря ни на какие сложности, в 1770—1780-х гг. таких людей находить умели.

В каждую группу воспитанников 2-го и 3-го возрастов помимо воспитателя назначался служитель (обычно из солдат), исполнявший те же функции, что и служанка. Однако если во 2-м возрасте служители были обязаны старательно опекать кадетов, то в 3-м им предписывалось следить за чистотой помещений и кроватей, но уже не помогать кадетам заботиться о своих вещах и платье, мытье и других личных делах. «В сем возрасте, как и в двух последующих, привыкают сами собою исправляться без служителей» — это требование устава Корпуса соблюдалось строго: подростков приучали обслуживать себя самостоятельно.

Достигнув 15 лет, кадеты переходили в последнюю стадию обучения, которую составляли 4-й и 5-й возрасты. Здесь уже царили воинская дисциплина и серьезное, профессиональное образование.

В каждом из старших возрастов кадеты разделялись на два отделения — военное и гражданское. Жили кадеты обоих отделений вместе, но обучались и воспитывались по-разному. Власть над старшими возрастными сосредотачивалась в руках подполковника — чиновника, по своей значимости занимавшего в Корпусе второе место после генерал-директора и являвшегося его заместителем на время отлучек. К личности подполковника устав Корпуса выдвигал особенно высокие требования: «Подполковнику надо быть одарену отличными достоинствами, нравом кротким, учтивым и приятным, всем его поступкам надо быть подражания достойным. Сей Штаб-Офицер должен быть сведущий в воинских науках, и имевши случаи показывать их на деле, управлять кадетами и Офицерами так, дабы

приметно было, что дисциплина и порядок во всем, даже и в служителях, строго соблюдается. Хотя и принужден бывает в воинском деле оказывать вид строгости; но прямое его достоинство и дарование в том состоять имеет, чтоб сию строгость соединять с приятностью, и остерегаться, дабы не произвести в юношах вредительных воображений страха, которых трудно истребить, когда единожды вкоренятся». Помимо общей обязанности «блюсти» старшие возрасты подполковник непосредственно заведовал всем воинским обучением кадетов, командовал кадетским строем на парадах и церемониях и отвечал за подбор кандидатур на офицерские должности.

Первыми помощниками подполковника были премьер-майор и секунд-майор (отвечавшие за 5-й и 4-й возрасты соответственно), которые помимо прочих дел при необходимости замещали корпусных полицмейстера и казначея.

Кадеты, избравшие военное поприще, разделялись на две роты в составе каждого возраста. Каждой ротой командовал капитан, исполнявший, помимо строевых обязанностей и заведования воинским обучением, те же функции, что инспектор во 2-м и 3-м возрастах. Рота делилась на две части, каждой из которых заведовал поручик или подпоручик, обремененный помимо строевых обязанностей воспитательными. Кроме того, в каждой роте состоял прапорщик, подменявший при надобности поручиков и подпоручиков, а также исполнявший функции учителя.

Подобно тому, как в младших возрастах все предметы должны были преподавать воспитатели, так и в старших все предметы в своих ротах должны были преподавать поручики, подпоручики и прапорщики, которым могли помогать капитаны, майоры и даже подполковник. На практике обучать всех кадетов силами одних офицеров оказалось невозможно, и, как и в младших возрастах, значительную часть предметов (кроме собственно военных) преподавали приглашенные учителя.

Состоявшие в ротах кадеты носили военную форму и учились подчиняться воинской дисциплине, которая, надо отдать должное, в 1760—1780-х гг. насаждалась в Корпусе в высшей степени здраво и плодотворно. Офицеры умели найти золотую середину, когда дисциплина поддерживается строго, но при этом не обременяет подчиненных и ими самими воспринимается как необходимое, полезное и даже приятное благо.

Кадеты, избравшие гражданское поприще, образовывали в каждом возрасте отдельную группу, подчиненную профессору, выполнявшему функции воспитателя и главного учителя в своем возрасте*. Профессора занимали особое положение и далеко не во всем подчинялись директору наук. Последний давал профессорам программу обучения и участвовал в контроле знаний. Но система преподавания, даже кандидатуры учителей полностью зависели от профессоров.

Всеми гражданскими учениками заведовал инспектор старших возрастов — власть дисциплинарная, нравственная и хозяйственная. В образовательный процесс, полностью отданный на откуп профессоров, он не вмешивался.

Гражданские ученики носили военную форму, но в военном обучении не участвовали и воинской дисциплине не подчинялись.

Образовательные программы для старших возрастов, в отличие от всех предыдущих, строго не регламентировались. Устав предлагал очень обобщенные и не совсем понятные формулировки. Для 4-го возраста:

- «1. Упражнение истинного христианина и честного человека.
2. Окончание прежде показанных наук.
3. Гражданские науки.
4. Полезные науки.
5. Последующие части математики.
6. Красноречие и философия.
7. Все части воинской должности наставлением и самым делом.

8. Ездить верхом, фехтовать, вольтижировать и прочее.
9. Художества».

Для 5-го возраста:

- «1. Закон Божий, яко первое всему основание.
2. Все части воинского искусства с теоретическими и практическими доказательствами посредством примерных осад, оборон, сражений и прочего; к чему употреблять и четвертого возраста кадетов, когда надобно.
3. Окончание наук четвертого возраста.
4. Все полезные науки.

* Если на гражданском отделении одного возраста оказывалось больше 30 кадетов, туда могли назначить не одного, а двух профессоров.

5. Художества.

6. Совершение воинской архитектуры практическими доказательствами.

7. Гражданская архитектура для тех, кои к тому склонность иметь будут».

Обтекаемость формулировок была довольно умным решением — устав Корпуса требовал не жестко обозначенных программ, а обучения по определенным направлениям, внутри них по усмотрению профессоров выделялись те сферы, которым будет возможно и полезно учить кадетов в зависимости от их склонностей и наличия учителей.

Чтобы дать представление о том, чему конкретно учили кадетов, поясним вышеприведенные формулировки.

Первым и важнейшим предметом, которому обучали в обоих возрастах как на гражданском, так и на воинском отделениях, был Закон Божий (называвшийся в 4-м возрасте «Упражнением истинного христианина и честного человека»). Урок Закона Божьего в расписании всех кадетов был как минимум раз, иногда два в неделю. Каждое воскресенье и по двенадцатым праздникам кадеты обязательно посещали церковь и причащались. Утро начиналось с молитвы, читавшейся перед строем, и завершалось молитвой перед ужином. Помимо того, законоучители часто посещали старших кадетов, проводя с ними долгие беседы, а иногда и диспуты. Для кадетов старших возрастов всегда была открыта корпусная церковь, где их сердечно встречали в любое время дня и ночи.

Под «окончанием» прежних наук прежде всего понималось продолжение обучения языкам, длившееся в Корпусе все 15 лет. Продолжались в старших возрастах также занятия по географии и истории.

Гражданские науки систематически преподавались только кадетам соответствующего отделения (для военного иногда устраивались краткие ознакомительные курсы). Под гражданскими науками понимались «политика» (то есть государственное устройство и управление), «экономство» (начатки экономики и хозяйствования), «юриспруденция» (то есть право (история, теория и современное) и судебная практика), «политическая философия» (разделы философии, связанные с обществом, государством и правом, сведения по разделам, ныне изучаемым политологией, социологией и политической экономией).

«Полезными» науками назывались естественные науки — физика, химия, естествознание, геодезия, астрономия, минералогия и горное дело, анатомия, медицина и т. п. Из этих наук регулярно преподавались физика и химия, в меньшей степени — геодезия. Остальные науки периодически появлялись в программе кадетов, когда находились достойные учителя. «Полезным» наукам обучались кадеты и военного, и гражданского отделений.

Красноречие, философия и математика комментариев не требуют; этим наукам учили и гражданских, и военных кадетов, хотя первым преподавали больше красноречия и философии, а вторым — математики.

«Все части воинской науки» и «совершенствование воинской архитектуры» означали, собственно, одно — обучение военному делу во всей полноте и широте: от строевых занятий до теоретических уроков по стратегии и тактике, освоение фортификации и артиллерии, изучение воинских уставов, военного суда и права, военного устройства государства, уроки по топографии и практической съемке, полевые занятия и лагеря. Естественно, этот отдел наук изучался только на военном отделении.

Соответственно, «гражданская архитектура» — практика гражданского устройства и управления, бухгалтерия, основы гражданской государственной службы и т. п. — преподавалась только на гражданском отделении.

Далее следовал целый комплекс физических занятий: верховая езда (сюда же относится вольтижировка — искусство фигурной езды и соответствующие физические упражнения, умение вскакивать на лошадь на ходу и соскакивать с нее, преодолевать препятствия, поворачиваться и уклоняться сидя в седле и т. п.) и фехтование, обязательные для военных кадетов и факультативные (по добровольному желанию) для гражданских. Сюда же следует отнести продолжавшееся в обоих старших возрастах и обоих отделениях обучение танцам. Под «прочим» понимались гимнастика (преподававшаяся эпизодически и без большого успеха) и иные упражнения, из которых наиболее приметным было плавание (старших кадет обучали ему в прудах, находившихся на территории корпусного сада).

Наконец, «художества», подразумевавшие обучение искусствам. Регулярно и систематически во всех возрастах и отделениях преподавалось рисование, чему способствовала тесная и

дружеская связь Корпуса с расположенной поблизости Академией художеств. Для наиболее способных кадетов помимо рисунка преподавалась и станковая живопись, а в некоторых случаях — и скульптура. Нерегулярно, но довольно часто преподавалось пение, для способных — музыка (игра на скрипке, флейте, клавикордах, ансамблевое музицирование, некоторым — и композиция). Интересно, что военной музыке и обращению со строевыми музыкальными инструментами (барабанами, гобоями и валторнами) в Корпусе не обучали. Были популярны театральные постановки, опосредованно обучавшие кадетов сценическому мастерству, и буйно процветала словесность во всех ее проявлениях: кадеты много писали прозой и стихами на всех известных им языках, издавали рукописные журналы, публиковались и тем активно и деятельно практиковались в изящной словесности.

Несмотря на все усилия Бецкого, гражданское отделение Корпуса всегда привлекало несравненно меньше кадетов, чем военное: к гражданскому поприщу определялось по 15–30 воспитанников из 110–130. Встречались случаи, когда, проучившись несколько лет на гражданском отделении, кадет просил перевести его на военное; противоположные случаи если и были, то исключительно редко. Русский дворянин от века жил с сознанием того, что он обязан служить государству и служить как военный. Престиж воинской службы был несравненно выше гражданской, многими рассматривавшейся как «крючкотворство», а следовательно — не дворянское дело. Кроме того, годы царствования Екатерины II были годами непрерывных и в основном блистательных войн. Ничего удивительного, что в этих условиях идеалисты и романтики, в которых превращало кадетов воспитание в Корпусе, более всего мечтали о воинских подвигах и не могли дождаться, когда их выпустят в строй, под знамена блестящих екатерининских полководцев.

Надо заметить, что военное обучение в Корпусе, насквозь пронизанном гуманным гражданским духом, было поставлено недурно, но вместе с тем оказывалось далеко оторванным от реальности. Офицеры, служившие в Корпусе, отбирались очень строго — это были действительно заслуженные люди, не менее 3–4 лет проводившие на войне. Но условия, в которых им приходилось воспитывать будущих военных, не позволяли сделать воинское обучение в полной мере прикладным. Напомним, что на

старших кадетов (даже юношей 20—22 лет), как и на всех прочих, полностью распространялся железный запрет покидать территорию Корпуса. Строю кадеты учились зимой в манеже, в хорошую погоду — на корпусном лугу, в который специально была обращена часть сада. На этом же лугу (в пяти минутах ходьбы от спален и классов) кадеты старших возрастов летом становились лагерем. Разбивались палатки, выставлялись караулы, отменялись все занятия, и в течение четырех недель старшие кадеты с пунктуальным следованием уставу занимались только строем и маневрами. Во время маневров походные колонны (значительную часть их, повторимся, составляли молодцы 20 лет и старше) маршировали по парку и хозяйственным дворам Корпуса, во время «примерных баталий» боевые линии кадетов двигались друг на друга под стенами жилых зданий Корпуса, открытые галереи коих наполнялись жадными до зрелищ младшими воспитанниками, шумно выражавшими свой восторг. Признаемся, в наших глазах все это выглядит несколько анекдотично. Добавим, что кадеты за все 15 лет «не нюхали пороху» — они не обучались стрельбе, вообще на территории Корпуса никаких выстрелов (ни ружейных, ни артиллерийских) не допускалось. Начальство, заботясь о предотвращении травм, строго следило за тем, чтобы штыки, шпаги и тесаки всегда были как следует затуплены. В лагере, как и в остальное время, старших кадетов опекали корпусные служители, и прежде всех корпусной доктор; обед приносили с корпусной кухни. В часы досуга кадетов отправляли из лагеря в библиотеку, музей, на театральное или музыкальное занятие в родном Корпусе. Топографические планы снимали со знакомого до последнего куста корпусного сада, верховой езде обучались только в манеже, ни разу за 15 лет не попробовав проехать на лошади по прямой (в манеже ездил по кругу) и под открытым небом. В результате кадеты выходили отменными строевиками, знавшими устав до точки и умевшими безупречно выполнять его предписания, но младенцами, совершенно не знакомыми с реалиями жизни, прежде всего далеко не простой, а часто жестокой армейской. Адаптироваться в реальной воинской среде многим кадетам было очень непросто. Например, знаменитый полководец фельдмаршал граф А.В. Суворов-Рымникский офицеров, выпущенных из Корпуса, откровенно не любил, называл «курочками», старался не принимать в свои части, а если это оказывалось

неизбежно, то довольно жестоко издевался над наивными и не знающими жизни вчерашними кадетами. Единственным спасением были глубоко укорененная привычка подчинения дисциплине, искренняя вера в Бога и идеализм, помогавший жертвовать многим ради чести служить родному Отечеству.

При многих недостатках система военного обучения кадетов во времена Бецкого имела и многие достоинства, одно из них — порядок сменного замещения унтер-офицерских должностей. Выше мы писали, какие проблемы вызвало назначение кадетов на унтер-офицерские должности в ротах и как генерал-директор Философов решил использовать вместо кадетов строевых солдат. Бецкой подобный подход не одобрял, во-первых, потому что был против общения кадетов со взятыми со стороны унтер-офицерами, во-вторых, потому что рассматривал унтер-офицерство кадета в своей роте как весьма полезное практическое обучение командирским навыкам. При этом Бецкой помнил, что у унтер-офицеров множество дел, из-за которых раньше им приходилось забрасывать учебу. Это препятствие он преодолел просто и эффективно: в 1767 г. всех строевых унтер-офицеров из Корпуса прогнали, унтер-офицеров в ротах 4-го и 5-го возрастов снова стали выбирать из кадетов, но только на один месяц по очереди. Унтер-офицеры из кадетов не назначались начальством за успехи в учебе и поведении, а именно избирались самими кадетами. Ограничений при баллотировке никаких не было, кроме того, что один человек не мог избираться на унтер-офицерскую должность чаще двух раз в год или два месяца подряд.

Унтер-офицерских должностей в каждой кадетской роте было 8: фельдфебель, сержант, фурьер, каптенармус и 4 капра-ла. За год (12 месяцев) через месячное исполнение унтер-офицерской должности проходило 96 кадет — это почти всегда на $\frac{1}{3}$ больше, чем действительное число кадетов в роте. Говоря проще, каждый кадет в течение года обязательно служил на унтер-офицерской должности в своей роте хотя бы месяц, а нередко и два. Таким образом, все кадеты старших возрастов ежегодно получали практический опыт унтер-офицерской службы, причем вреда учебе она не приносила (даже если унтер-офицер не мог учиться в период исполнения должности — а это бывало часто, так как должность унтер-офицера продолжала оставаться действительно многотрудной, — то это не

слишком сказывалось на его общих учебных успехах, потому что за один месяц пропуска занятий он не мог сильно отстать).

В отличие от воинского обучения, общее и научное образование в Корпусе было поставлено практически и на высоком уровне. Его интенсивности способствовала и продуманная система контроля знаний воспитанников. Главным средством здесь оставались экзамены. В 1-м и 2-м возрастах экзамены проводились раз в 4 месяца, в 3-м — дважды в год, в 4-м и 5-м — раз в год, в июне, перед выступлением в лагерь. Экзамены проводились с большой торжественностью и церемонией. На них присутствовали генерал-директор, члены Совета (хотя бы один из них должен был быть обязательно), секретарь Совета, цензор, директор наук и иные чиновники Корпуса. С 1772 г. годовые экзамены у старших возрастов были сделаны открытыми, и на них свободно допускалась «благородная петербургская публика». Проводились экзамены в одном из парадных залов Меншиковского дворца, где экзаменовавшиеся торжественно вызывались к сидевшей за резным столом высокой комиссии, а потом церемонно объявлялись итоги экзаменов.

Оберегая детские сердца от травм, Бецкой почти исключил отрицательные оценки и наказания за неудачи на экзаменах. Была введена шкала в 12 баллов, и если ученик набрал 1 балл (для чего довольно было связать хотя бы два слова), то он уже считался выдержавшим экзамен (правда, затем, в приватной беседе, воспитатель ставил ему на вид малые успехи). Если же воспитанник не заслуживал даже балла, ему лишь мягко объявляли, что экзамен он сдать не сумел, и с отеческим добродушием выражали твердую уверенность, что в следующий раз экзамен будет сдан блестяще. Впрочем, в эпоху Бецкого и еще некоторое время по ее прошествии несдача экзамена была делом исключительно редким: кадеты учились в целом весьма успешно.

Поощрять к учению не наказанием, а соревнованием — вот что Бецкой сделал основным принципом учебной работы Корпуса на целых 30 лет. Если худших лишь мягко журили, то лучших награждали, причем с большой помпой. В младших возрастах наградами служили разноцветные ленты — ученики, которые получили их по итогам экзаменов (комбинация цветов указывала на то, какое место занял кадет среди лучших), пользовались правом до следующего экзамена носить бант из этих лент на куртке. Кроме того, малышей 1-го и 2-го возрастов

награждали сладостями, игрушками и книгами, в 3-м возрасте подарки были более «взрослые» — главным образом книги, писчие принадлежности и «научные инструменты» (глобусы, готвальни, модели и т. п.). В 4-м и 5-м возрастах экзамены были серьезнее, а соответственно, и награды представительнее — за успехи жаловались медали. Система медалей была довольно сложной. Ежегодно в каждом старшем возрасте давалось по 6 медалей (серебряных в 4-м и золотых в 5-м). Медали были массивные, настольные. На лицевой стороне изображался портрет императрицы Екатерины II в образе Минервы, на оборотной — аллегорическая композиция «Триумф знаний»: античная богиня, возлагающая лавровый венок на бюст старца. При одинаковом внешнем оформлении медали различались размером и, соответственно, официально именовались Большая («Достигшему»), Средняя («Достигающему») и Малая («Успевающему»). По результатам экзамена из каждого возраста отбиралось 6 первых учеников, двое лучших получали Большие медали, двое следующих — Средние, двое последних — Малые. Иногда возникали непростые ситуации, когда, например, кадет, получивший медаль в предыдущий год, оказывался достойным и в следующем. Каждый такой случай специально рассматривался Советом и решения принимались по ситуации: тот, кто имел Малую медаль, мог получить, например, Среднюю, а Малую возвращал. Иногда же медаль оставляли прежнюю, а награждали книгами, «инструментами» и т. п.

Еще сложнее становилось в 5-м возрасте: некоторые кадеты уже имели серебряные медали, заслуженные в 4-м возрасте, и Совету приходилось придумывать сложные комбинации, чтобы никого не обидеть и сделать медалистами по возможности большее число воспитанников. При всем том если воспитанник хотя бы раз заслужил какую-нибудь медаль, то он сохранял ее навсегда, даже если в последующие годы учился неважно.

Удостоенные медали воспитанники получали право носить на кафтане специальный знак отличия — серебряную или золотую (соответственно цвету медали) нашивку в виде лаврового венка, в центре которого поначалу помещалась цифра («1» — у получивших Большую медаль, «2» — Среднюю, «3» — Малую), а впоследствии герб Корпуса (скрещенные перо и шпага).

Вручали награды и медали после окончания всех экзаменов, как того требовал устав, «с приличной важностью» — на боль-

шой церемонии (нередко в присутствии императрицы), при огромном собрании публики, с построением всех кадетов и торжественными речами. Вручал награды старший по чину член Совета. За вручением наград следовали торжественный обед и увеселения — театральное представление, бал или иное подобное торжество. По выпуске из Корпуса кадеты, когда-либо удостоивавшиеся наград, получали специальную бумагу, где все они официально удостоверялись. Естественно, награды влияли и на то, какой чин присваивался кадету при выпуске: медалисты почти всегда выпускались поручиками, а получившие хотя бы одну награду в младших возрастах не выпускались ниже чем подпоручиками. Для медалистов существовала и еще одна льгота: если по выпуске из Корпуса они имели желание отправиться «для совершенствования наук» за границу, то получали отпуск на 3 года и соответствующее содержание из казны Корпуса.

Мы упомянули немало корпусных сотрудников, однако еще не исчерпали всего списка. Но прежде чем мы опишем еще несколько важнейших должностей, следует указать на одну особенность службы в Корпусе, заведенную Бецким и давшую в 1760—1790-х гг. весьма положительный эффект. До реформы Корпуса служба в нем для многих офицеров и чиновников оказывалась «болотом»: поначалу они трудились добросовестно, но, не имея перспектив дальнейшего карьерного роста и нередко «застревая» в Корпусе на долгие годы, поглощенные рутинной и сознанием неудачи своей карьеры (однокашники на другой службе росли в чинах, а они, потеряв связи и возможности, по-прежнему оставались в Корпусе), начинали откровенно «отбывать номер» и манкировать своими обязанностями.

Бецкой решил положить этому конец следующим образом. Для всех чиновников Корпуса (начиная с генерал-директора) были установлены ограничения по сроку службы. Минимальный составлял 3 года, фактически — 1 возраст: новых служителей набирали в тот же год, когда производился перевод кадетов в следующий возраст. Если офицер или чиновник служил достойно, то по прошествии 3 лет ему предлагалось либо с поощрением перейти в иную службу, либо остаться в Корпусе еще на 3 года. Максимальным был срок 6 лет, после него офицеры и чиновники должны были покидать Корпус, причем при переводе на другую должность они повышались в чине и награждались деньгами. В исключительных обстоятельствах Совет мог

позволить проработать еще 3 года, но во времена Бецкого такие разрешения давались крайне редко.

У этой системы был один недостаток: генерал-директору, управительнице и Совету постоянно приходилось искать новые достойные кандидатуры на освобождавшиеся места, но это с лихвой компенсировалось тем, что корпусные будни не успевали превратиться для сотрудников в рутину, а сама служба становилась более привлекательной, так как по прошествии 6 лет сулила продвижение.

Завершая разговор о лицах, служивших в Корпусе и оказывавших важное влияние на его развитие, мы должны теперь упомянуть еще о том, что Бецкой мечтал сделать это заведением вдвойне закрытым. Кадетов не выпускали за его пределы и в самом Корпусе ограничивали в общении с прислугой, разрешая контактировать только с воспитателями, офицерами, учителями и начальством. Но последние приходили из внешнего мира, и Бецкому казалось, что они приносят с собой столь опасный дух этого мира, — дух, от которого он старался оградить кадетов любой ценой. Потому в идеале он стремился к тому, чтобы в Корпусе и преподавали, и воспитывали, и состояли в управленческих должностях исключительно свои же выпускники. На этих людей можно было положиться: они, сами возвращенные и воспитанные в Корпусе, не могли принести с собой заразы реальной жизни и отравить ею души кадетов.

Поначалу Бецкой рассчитывал на школьников из упраздненной команды мастеровых, оставшихся при Корпусе. Однако затем он отказался от этой идеи, рассудив, что дворянина и воспитывать должен дворянин, и сделал ставку на выпускников самих кадетских рот и отделений. Доверить вчерашним кадетам преподавание сразу после выпуска не решились — было объявлено, что стать офицером, воспитателем, учителем или чиновником Корпуса сможет лишь тот, кто прослужит не менее трех, а предпочтительно 6 лет на военной или гражданской службе. У неплохой самой по себе идеи был один недостаток: Бецкой имел в виду только тех выпускников, которые учились по его системе и провели в Корпусе полных 15 лет. Пятнадцать лет учебы да 6 лет службы — новых учителей приходилось ждать не ранее, чем через два десятилетия. Пока же обходились тем, что было, и в противоречие с уставом, требовавшим замещать ряд должностей только выпускниками, брать на службу людей

со стороны. Скажем сразу, что за два десятилетия, ушедшие на подготовку учителей «из своих», практика найма посторонних вошла в привычку, и мечта Бецкого в полной мере так и не воплотилась, хотя в 1780 — 1790-х гг. выпускники иногда составляли половину, а то и более от числа служащих в Корпусе.

Из числа выпускников предполагалось замещать прежде всего две должности корпусного управления — полицмейстера и главного казначея. Обе были связаны с финансами, а потому Бецкой особенно пекся о том, чтобы их исправляли люди кристально честные, каких должна была формировать корпусная система воспитания: бюджет Корпуса был невелик, и от самого скромного воровства (а воровство из казны было повальным бичом чиновничества екатерининской России) мог серьезно пострадать весь уклад его жизни.

Главный казначей, как явствует из названия должности, ведал корпусными финансами, а также материальным имуществом Корпуса: библиотекой, «механическими камерами» (коллекция естественных приборов и моделей), натуральным кабинетом, галереей живописи и арсеналом. Казначей оставался в должности 3 года, после чего, если Совет Корпуса, тщательно следивший за его службой, оставался доволен его работой, казначей награждался чином и переводился на должность полицмейстера.

Обязанности полицмейстера были широки и многотрудны. По своей значимости это был третий человек в Корпусе после генерал-директора и подполковника (он замещал генерал-директора во время отлучек, если по каким-то причинам этого не мог сделать подполковник). Сегодня мы видим в полиции лишь службу охраны общественного порядка, но в XVIII в. она ведала всем городским — в нашем случае корпусным — благоустройством (и охраной порядка среди прочего). На попечении полицмейстера находились все корпусные здания и территории, а соответственно ремонт и строительство. Полицмейстер ведал, говоря современным языком, «коммунальным хозяйством» Корпуса: снабжение водой и дровами, уборка мусора и нечистот, содержание штата прислуги. На нем лежала ответственность за санитарию: свежий воздух в помещениях, достаточное количество чистой питьевой воды, чистота в уборных и прочих малопривлекательных местах. В ведении полицмейстера находилась актуальная при печном отоплении, дровяных кухнях

и свечном освещении проблема пожаров: он должен был лично наблюдать за использованием огня, состоянием топок и дымоходов, круглосуточной готовностью корпусной пожарной команды, которой при пожаре он сам и руководил.

Охранительные функции полицмейстера также были многообразны. Он должен был следить за тем, чтобы на территорию Корпуса не проникали посторонние, а также наблюдать за всеми живущими в Корпусе (кадетами, служащими и служащими) — в этом его обязанности пересекались с обязанностями цензора, а потому нередко на обе должности назначали одного человека. Велся надзор за благонравием, поведением и соблюдением устава. Относительно кадетов надзорные функции полицмейстера были невелики: он лишь помогал приглядывать за поведением и делал словесные внушения провинившимся. Служащие и служащие Корпуса терпели от полицмейстера больше. Он имел право входить в любые помещения, в том числе в офицерские и воспитательские квартиры, смотреть, нет ли «излишней роскоши», «непорядочности», «нечистоты» и т. д. Следил полицмейстер и за тем, чтобы никто в Корпусе не пользовался услугами своих крепостных, иногда доходило до анекдота: корпусные офицеры и учителя, имевшие крепостных, при необходимости встретиться с ними по делу должны были специально выходить за пределы Корпуса. Особо «пекся» полицмейстер о низшем классе работников Корпуса: истопниках, прислужниках, служанках, прачках, поварах. Трогательная подробность: если телесные наказания для кадетов были строжайше запрещены, то обеспечивать должный уровень работы прислуги без розог даже гуманист Бецкой не считал возможным. А потому в уставе витиевато говорилось: «Телесных наказаний в сем Корпусе отнюдь ни в каком случае не чинить; напротив того, всегда употреблять способы, дабы преклонить каждого к своей должности; но при всяком случае остерегаться, чтоб примеры строгости не видны были воспитываемому дворянству». Расшифровать загадочный пункт устава можно просто: если надо высечь истопника или служанку, то сечь за территорией Корпуса, а если уж это никак невозможно, на территории, но так, чтобы того не видели и о том не знали кадеты.

Служить в полицмейстерах было действительно непросто, а потому устав заранее предусматривал исправляющему эту должность немалое вознаграждение; прослужить можно было

только 3 года, а по истечении срока, если Совет был доволен деятельностью полицмейстера, он покидал Корпус с производством в очередной чин. Таким образом, получалось, что молодой офицер или гражданский чиновник приходил в Корпус на 3-м или 6-м году после выпуска с чином поручика или капитана, производился в майоры для отправления должности казначея, через 3 года становился полицмейстером с чином подполковника и еще через 3 освобождался от работы в Корпусе с чином полковника. Пройти за 6 лет от капитана до полковника — в армии екатерининских времен это была завидная карьера, и перспектива столь быстрого роста являлась действительно мощным стимулом для службы в Корпусе на описанных должностях.

В целом штат Корпуса предусматривал почти сотню служащих: офицеров, начальства, учителей, воспитателей. Помимо указанных, существенную роль в жизни «кадетского монастыря» играли следующие должности.

Эконом — по форме — подчиненный казначея, ведающий расходами средств, то есть пищей, одеждой, бельем, мыльными принадлежностями и всем подобным; по сути — главный вершитель дел корпусного хозяйства, потому что казначеи приходили и уходили, а экономы служили годами.

Корпусной священник — личность особенная, духовный наставник, отец и учитель кадетов; надо сказать, что здесь Корпусу неизменно везло: эта должность вплоть до второй половины 1820-х гг. отдавалась выдающимся пастырям и проповедникам.

Директор наук — весьма влиятельная персона, стоящая почти вровень с подполковником и полицмейстером, несшая ответственность за учебу кадетов (поначалу в Корпусе было несколько директоров наук: по одному для 2-го и 3-го возрастов и еще один сразу для обоих старших возрастов, но затем директор остался один, что позволяло более систематично обучать кадетов в течение всех лет их пребывания в Корпусе).

Доктор — радетьель о здоровье кадетов, полновластный владыка в лазарете, учреждении столь же автономном, как и 1-й возраст. Доктор не только лечил заболевших кадетов, но и заботился о том, чтобы предупреждать болезни: контролировал санитарные условия, проверял доброкачественность пищи, свежесть воздуха и воды, следил, чтобы кадеты закалялись, и постоянно их осматривал (обычно по субботам перед баней). При

нем состоял довольно обширный штат фельдшеров и служителей, но сам доктор в Корпусе был, как правило, один (считалось, что если врачей будет несколько, то невозможно будет устроить единую систему медицинского обеспечения кадетов, а от постоянных «консилий» эскулапов больным будет гораздо больше вреда, чем пользы). Докторами в Корпусе со времен Бецкого состояли личности выдающиеся — лучшие специалисты своего времени, передовые гигиенисты и педиатры. Служили доктора в Корпусе обычно долго — десятилетиями, считалось (и справедливо), что долговременный опыт только обогащает. Прошла через Корпус и целая врачебная династия — три поколения докторов Зеленских: отец служил в 1780—1790-х гг., сын — в 1810—1840-х, внук (ставший одним из светил российской педиатрии) — в 1860-х.

Наконец, существенную роль в воспитании кадетов играли менее заметные, но весьма важные служители: библиотекарь, «заведующий каморами» (содержатель музея), цейхмейстер (ответственный за оружие и амуницию), берейторы (обучавшие верховой езде) и многие другие сотрудники, простое перечисление которых заняло бы еще добрый десяток страниц.

* * *

Стараниями Бецкого в первые 5–6 лет после принятия нового устава жизнь Кадетского корпуса была отлажена как часы и к 1772–1773 гг. оказалась приближена к идеалу настолько, насколько это вообще возможно в сем мире. В 1770 г. из Корпуса были выпущены последние кадеты, набранные еще до «эры» Бецкого, далее выпусков не производилось 12 лет, до тех пор, пока в 1782 г. не пришло время покидать родные стены первой партии кадетов, прошедших полный 15-летний цикл обучения и воспитания по новым правилам. Наступила пора расцвета Корпуса, его преподносили (и таковым он был на самом деле) как «чудо» российской столицы, «совершенный питомник юношества». Корпус вошел в число обязательных объектов посещения для иностранцев, являвшихся обозревать достопримечательности Петербурга, да и среди русских дворян, посещавших столицу (несмотря на помянутые А.С. Пушкиным «лень и нелюбопытство») в 1770-е гг., вошло в моду наносить визит в Корпус. Вроде бы отгородившийся от мира, Корпус в те годы стал настоящим сердцем культурной жизни нашей страны.

Здесь переплеталось все: робкие опыты самих кадетов в самых разных областях искусств, преподавание профессоров Академии наук и Академии художеств, труд виднейших музыкантов и художников своего времени, мастеров танца и театра... Корпусная типография стала одной из ведущих в стране, корпусные музей и библиотека вызывали зависть и любопытство.

Конечно, случались и неприятности, и проблемы, но в целом в 1770—1780-х гг. психологическая обстановка в Корпусе была здоровой и комфортной, качество обучения — лучшим для своего времени, а уровень воспитания — может быть, лучшим в истории России вообще. Главная цель Бецкого — сделать Корпус кузницей «нового» высоконравственного человека — увенчалась полным успехом: подавляющее, решительнейшее большинство выпускников Корпуса его времени были людьми с большой буквы и сохранили безупречные человеческие качества до конца своей жизни, — жизни, бывшей у доброй трети выпускников очень долгой. Екатерина II, довольно часто посещавшая Корпус и не устававшая восхищаться его успехами, в одно из своих посещений назвала его «рассадником великих людей», и это меткое выражение (на распространение которого было потрачено довольно много усилий) не было пустой похвалой: в те годы Корпус действительно подготовил для России целую плеяду блестящих военных, гражданских и научных деятелей.

Единственная проблема, с которой Корпус сталкивался постоянно и которую так никогда и не смог решить до конца, была проблема финансовая. Принятый в 1767 г. штат Корпуса устанавливал сумму на его содержание в 165 тысяч рублей в год. Сумма была немалой, но все-таки не такой, чтобы не задумываться над тратами. Тем более финансовое положение екатерининской России было самым скверным, и, как следствие, с 1770-х гг. началось довольно быстрое падение цены денег. Отдадим должное финансовым служителям Корпуса: злоупотребления в его казне если и были, то копеечные, а расходы — самыми сдержанными. Но денег все равно не хватало, и Корпус постепенно обрастал долгами. К 1770 г. долг достиг 30 тысяч рублей, и для его погашения за эту сумму было выкуплено в казну принадлежавшее Корпусу земельное владение — Войсковицкая мыза в Петербургской губернии. В следующие 15 лет из казны несколько раз под разными предложениями снова ассигновывались суммы на погашение, но к 1785 г. Корпус был должен

свыше 40 тысяч, а его бюджет стал остро дефицитным: прежде всего не хватало денег на белье и одежду, так как в военное время ткани вздорожали в несколько раз. В этой связи в июле 1785 г. для погашения долга и «строения белья и мундира» Корпусу единовременно пожаловали 54 455 рублей 75 копеек, а годовое содержание увеличили на 35 тысяч рублей (доведя его до 200 тысяч в год). С новым содержанием Корпус мог более или менее сводить концы с концами, но еще через 12 лет его содержание опять пришлось повысить на 25 тысяч.

Второй, уже много раз упомянутой проблемой была и продолжала оставаться проблема кадровая. В 1772 г. стало ясно, что дожидаться набора на корпусные должности выпускников слишком долго, кроме того, нет уверенности, что они будут согласны возвращаться в Корпус. Тогда при Корпусе было восстановлено обучение недворян. На специальное отделение раз в 3 года принималось по 14–16 мещанских детей для подготовки из них учителей. Памятуя о неудачном опыте с остатками школы мастеровых, мещанских детей обособили от кадетов — они встречались только на уроках и жили своей жизнью. Принимали в это отделение с 7–9 лет, так что первых учителей выпустили уже в 1782 г. У выпускников не было иного пути, как в учителя, большинство из них и осталось при Корпусе на долгие годы, а некоторые — и на всю жизнь.

Бурная и плодотворная жизнь Корпуса стала несколько обраться рутиной в начале 1780-х гг., когда Бецкой состарился и стал выпускать из рук нити управления. Он сам рапортовал Екатерине II, что уже не в силах в полной мере руководить Корпусом и заведению нужен новый достойный начальник. После некоторых сомнений императрица остановила свой выбор на иностранце — своем очень дальнем родственнике графе Фридрихе (в России — Федоре Федоровиче) Ангальте. Выбор оказался вполне удачным: граф Ангальт был человеком в высшей степени достойным, в своем роде уникальным.

По рождению граф Ангальт принадлежал к морганатической (то есть не имеющей прав на престолонаследие) ветви принцев Ангальт-Дассауских. Его отец, принц Вильгельм-Густав, променял герцогскую корону на право женитьбы по любви и в браке с низкородившей Иоганной-Софией Херре имел пятерых сыновей, из которых наш герой был четвертым. Отец графа Ангальта был награжден за свою жертву удивительным

семейным счастьем: светлая любовь, царившая в его доме, вошла в легенды, ей завидовали владельцы дома Европы. Граф Фридрих Ангальт вырос в этой прекрасной семье и вынес из нее самое дорогое, что может быть у человека в жизни: воспоминания о счастливейшем детстве, безупречное чувство долга и способность любить.

Для сыновей пусть и отрекшегося, но исконного немецкого принца не могло быть в XVIII в. иной достойной карьеры, кроме военной (тем более что их дед — принц Леопольд Ангальт-Дассау — был одним из лучших полководцев армии прусского короля Фридриха II Великого). Все пять братьев Ангальт по достижении 16 лет вступали в прусскую армию, где начинали путь с нижних чинов и без всяких привилегий честно выслуживали офицерские звания. Храбрость — неизменное продолжение чувства долга — была органически присуща всем Ангальтам: они не кланялись пулям. Три старших брата графа Фридриха погибли в различных войнах, он сам получил первую боевую рану в неполных 17 лет. Граф Ангальт 30 лет служил прусскому королю и дослужился до чина генерал-майора. Его великолепные нравственные качества, глубокий ум и исключительно доброе сердце прославились далеко за границами Пруссии и стали известны Екатерине II, и она пригласила графа на российскую службу. Ангальт согласился, но поставил условие, коего ни прежде, ни после не ставил ни один заметный иностранец, вступающий в российскую службу: он просил принять его в России, но не определять к должности и не назначать никакого жалования в течение трех лет, которые Ангальт желал посвятить непрерывному путешествию по России, чтобы изучить свое новое отечество и освоить русский язык. Екатерина удовлетворила условие Ангальта и пригласила его в свою свиту во время знаменитого путешествия на юг России. Ангальт долго сопровождал императрицу, но затем оставил высочайший поезд и отправился странствовать один, взяв с собой лишь камердинера.

В непрерывном путешествии Ангальт провел, как и планировал, 3 года, изъездив Россию от Оренбурга до Смоленска, от Киева до Архангельска и Тобольска. В начале путешествия ему было 57 лет — возраст, в то время почитавшийся уже преклонным, когда уважающий себя русский барин отходил от дел и с комфортом поселялся в своем имении. Но Ангальт не думал о возрасте: он приехал служить России. Служить плохо он не

умел, а служить как следует стране, которую не знаешь толком, не считал возможным. Пожилой и далеко не богатырского здоровья, граф Ангальт за 3 года узнал Россию так, как знали ее немногие русские, и сумел освоить язык. Хотя от акцента он, конечно, не избавился, но до конца дней говорил только по-русски (кроме встреч с иностранцами и проверки знаний кадетов в иностранных языках). Писать Ангальт вынужден был все-таки по-немецки, но читал по-русски свободно и до последнего дня своей жизни упражнялся в этом, непременно прочитывая пять страниц русского текста ежедневно.

В 1786 г., день в день через 3 года с момента своего въезда в Россию, граф Ангальт появился в Петербурге и рапортовал Екатерине II, что с завтрашнего дня готов приступить к исполнению должности, «какую сочтет возможным возложить на меня Всемиловейшая Государыня». Должность была определена Ангальту еще в 1783 г. — он получил чин генерал-поручика и назначение генерал-директором Кадетского корпуса. С этого дня в истории Корпуса открылась страница, которую называют «Ангальтовой эпохой» и совершенно справедливо считают золотым веком Кадетского корпуса.

Ангальт был холост и одинок (ни один из братьев Ангальт не женился: все они говорили, что после того совершенства, каким была их мать, они не в силах отыскать себе спутницу жизни), единственным его родственником был младший брат, граф Альбрехт, живший в Пруссии. После отъезда графа Фридриха в Россию братья больше никогда не виделись, но до конца дней состояли в удивительно теплой переписке. Все величие своей души, всю свою горячую и плодотворную любовь граф Ангальт отдал Кадетскому корпусу и кадетам, которых нелицемерно считал своими родными детьми, и они платили ему тем же, искренне почитая генерал-директора отцом.

Изучая время директорства графа Ангальта в Кадетском корпусе, поначалу испытываешь недоумение. Все отзывы об этом времени исполнены восхищения, но никаких крупных реформ, нововведений и свершений обнаружить не удастся. И лишь со временем, все глубже погружаясь в атмосферу ангальтовского Корпуса, начинаешь понимать: величие Ангальта и его вклад в историю Корпуса как раз и состояли не в крупных свершениях, а в мелочах, тех бесценных мелочах, которые на самом деле составляют счастье и несчастье человеческой жиз-

ни. Бецким за 20 лет было создано совершенное тело Кадетского корпуса. Ангальт смог вдохнуть в это тело душу. Он сумел принести в жизнь Корпуса любовь, создать в нем атмосферу удивительного душевного комфорта, добра и настоящей семейственности. Как ему это удалось — до конца мы никогда не узнаем: о душевном труде человека, направленном на благо ближнего, не в силах сохранить память ни один исторический источник.

Впрочем, были и административные мероприятия, прошедшие, как и все, что делал граф Ангальт, мягко, почти незаметно.

Все началось с того, что с назначением Ангальта генерал-директором прекратил свое существование Совет Корпуса. Никаких законодательных актов об упразднении Совета не было — он просто перестал собираться*. Все управление перешло исключительно в руки графа Ангальта, который с этого времени один стал целиком ответственен перед императрицей за все, что происходит в Корпусе.

Вслед затем Ангальт, опять же мягко, но весьма решительно покончил с жесткой изоляцией кадетов в стенах Корпуса. Уже в 1786 г. им были разрешены свидания с родственниками по субботам и воскресеньям без ограничения времени. Те, чьи родители или близкие жили в Петербурге, могли теперь по воскресеньям отлучаться домой, а те, чьи родители жили в провинции и приезжали в столицу лишь на время, пользовались едва ли не большей привилегией. Иногородние родители могли

Ф.Ф. Ангальт

* Отсутствие акта об упразднении Совета, возможно, объясняется тем, что в уставе Корпуса неоднократно и в самых возвышенных выражениях объявлялось, что устав и все его положения даны «на вечные времена». Екатерине II было неловко, даже невозможно законодательно отменять то, что она сама установила «навечно», и потому в обычной для этой императрицы манере на бумаге решили оставить декларированную «вечность», а на деле — поступать так, как требует неумолимое время.

теперь либо забирать ребенка из Корпуса на срок до недели, либо сами поселиться на территории Корпуса (для чего была заведена специальная гостиница), наблюдая за учебой сына и вместе с ним коротая свободное время. Чуть позднее в Корпусе появилось и нечто подобное каникулам, хотя законодательно это никак не оформлялось: на 10 дней в Рождество и Пасху и на 4 недели летом (с конца июня до начала августа) кадетов, которых приезжали забрать родители или родственники, отпускали домой, а для прочих отменяли занятия и устраивали всевозможные развлечения.

Общение с родной семьей граф Ангальт считал величайшим благом жизни ребенка и даже искусственно это поощрял. Родители, давно не навещавшие сына, могли получить письмо генерал-директора с приглашением в Петербург, а если у них были финансовые трудности, то и денежное пособие на проезд и проживание в столице (никто, кроме личного секретаря графа Ангальта, не знал, что пособие выдается не из скудного корпусного бюджета, а из личных средств генерал-директора). Но и общение с миром, от которого так старательно оберегал кадетов Бецкой, граф Ангальт не считал для них вредным. Отнюдь не превращая Корпус в проходной двор, он открыл его двери для публики. Библиотека и музей Корпуса были открыты для свободного посещения*. По выходным и праздникам открывался для всех желающих корпусной сад. В Корпусе по-прежнему существовал театр, он также стал открытым, причем теперь не только играли пьесы, поставленные самими кадетами, но и приглашали профессиональные труппы, а кроме того, стали часто давать музыкальные концерты и представления. Граф Ангальт стремился к тому, чтобы жизнь Корпуса была занимательной. При нем Корпус стал любимым местом посещения публики в дни каруселей (костюмированных инсценировок рыцарских турниров), маскарадов, праздников и балов, а также публичных экзаменов, которые тоже завершались праздником и балом.

Граф Ангальт не только пустил публику внутрь Корпуса, он стал впервые после 20-летнего затворничества выводить воспитанников за стены «кадетского монастыря». Группы старших

* Библиотека в директорство Ангальта была умножена и стала одной из крупнейших в России. Самым существенным ее пополнением было книжное собрание коменданта города Данцига генерала Еггерса в 7 тысяч томов; помимо этого постоянно велась закупка книг по всей Европе.

кадетов, во главе с генерал-директором стали непременно участниками придворных торжеств и увеселений. Кадетов всех возрастов периодически водили на различные экскурсии по примечательным местам Петербурга. Зимой, когда на льду Невы устраивались катальные горы и народное гулянье, граф Ангальт не останавливался перед тем, чтобы отпустить кадетов повеселиться, ничуть не страшась «дурного влияния» самой разношерстной, по преимуществу простонародной, толпы, которую привлекали катальные горы. Наконец, любимым местом кадетов стал остров Голодай. На этом острове, отделенном от Васильевского (где располагался Корпус) узкой рекой Смоленкой, еще в 1772 г. было отведено место для упражнений старших кадетов в топографической съемке (даже Бецкой был вынужден признать, что заниматься этим в корпусном саду невозможно). Теперь с наступлением лета кадеты добрую треть времени проводили на Голодае (ныне части Петербурга, застроенной предприятиями и современными жилыми домами, а тогда — плоской луговине с живописными рощами и отдельными крестьянскими дворами). Там играли, гуляли, устраивали пикники и праздники, проводили уроки под открытым небом. Там же с июня по сентябрь купались. Граф Ангальт обладал добрейшим сердцем, но о здоровье кадетов пекся не меньше предшественников. Закалку водой он считал первым средством укрепления здоровья, а умение плавать — обязательным для военного. Купаться в омывающую острова Васильевский и Голодай реку Малую Неву кадетов водили ежедневно до начала октября, не делая скидки и для малышей 1-го возраста. Кадеты 2-го возраста должны были уметь переплывать узкую Смоленку, а 3-го — Малую Неву туда и обратно, что при всегда холодной невисской воде и быстром течении было совсем не легким делом. Иногда купания заканчивались трагедией: с 1786 по 1794 г. утонуло 11 кадетов. Ангальт о погибших глубоко, непритворно скорбел, но купаний не прекращал.

Вообще, хотя граф Ангальт был искренне любящим отцом для кадетов, но он был и истинным солдатом: военное обучение в Корпусе в его время было приведено в порядок и на очень хорошем уровне. С 1788 г. он даже ввел практическое обучение кадетов ружейной и артиллерийской стрельбе (все на том же Голодае), чего никогда не делалось ни до, ни после. На строевых занятиях приказывал использовать ружья с заостренными

штыками и отточенные шпаги — кадетов следовало приучать к ответственному обращению с оружием; кроме того, солдат армии Фридриха Великого, граф Ангальт просто органически не выносил содержания оружия не в порядке.

Поставить военное обучение без железной воинской дисциплины невозможно, и граф Ангальт сумел насадить эту дисциплину: она в военных вопросах была и раньше, но столь разумного, тактичного и вместе с тем строгого уровня, как при Ангальте, не достигала никогда.

В общении с кадетами граф был бескрайне добр и прост. Стоило ему появиться в коридорах или во дворе Корпуса (а он обходил весь Корпус дважды в день, да и в остальное время почти всегда был доступен), как он оказывался буквально облеплен кадетами. Ангальт не жалел ласк: на его объятие, поцелуй, доброе слово мог напроситься всякий, кто оказывался возле генерал-директора*. К графу можно было прийти в слезах и пожаловаться на мальчишеское горе — в утешении никогда и никому не было отказа. Можно было прискакать на одной ноге в порыве детского счастья — и граф разделял радость так искренне, что, казалось, сам сейчас пустится скакать на одной ноге. Но если дело касалось «службы» — собственно военного обучения и связанных с ним обязанностей, — между генерал-директором и кадетами не могло существовать никаких отношений, кроме предусмотренных воинским уставом. «Дорогие дети мои! — говорил граф в 1789 г. кадетам 4-го возраста, впервые построенным для строевого занятия. — Вы как были и останетесь для меня дорогими детьми, а я как был и останусь любящим отцом вашим, сколько живу. Но нынче вы встали в строй и запомните, пока пользуетесь таким счастьем великим: сейчас я для вас генерал-поручик, вы для меня — кадеты, а все мы солдаты Матушки Императрицы, и доколе мы в строю, есть у нас одна заповедь: Устав Воинский да умереть за Ее Величество».

До Ангальта некоторые иностранные наблюдатели склонны были считать Кадетский корпус сугубо гражданским учебным заведением, замечая, что офицеры в нем есть, но «отношения их с кадетами подобны сношениям профессоров со студентами,

* Старших кадетов, которых граф ласкал и целовал так же искренне, как и малышей, это нередко изрядно смущало, а кое-кто позволял себе посмеиваться над «слащавостью» генерал-директора.

а не воинским». При Ангальте все встало на свои места: вне «службы» от офицеров требовалось столь же сердечное отношение к кадетам, каким умел дарить их генерал-директор, но в строю существовала дисциплина и ничего кроме нее.

Бецкой славился умением находить для службы в Корпусе достойных людей, но граф Ангальт превзошел его в этом бесценном искусстве. Он действовал по принципу «лучше меньше, да лучше» (кстати, эта поговорка вошла в русский язык именно благодаря графу Ангальту): не стеснялся увольнять негодных и никогда не брал абы кого, лишь бы заполнить вакантную должность. «Лучше два хороших воспитателя будут у меня опекать сотню кадет, чем как положено брать на сотню пятерых дурных людей», — как всегда несколько тяжеловесно по форме, но верно по содержанию высказывался Ангальт. При Ангальте перестали соблюдать трех- и шестилетние сроки работы в Корпусе, вернее, они соблюдались для тех, кто хотел уйти, те же, кто желал остаться в Корпусе, продолжали работать в нем столько, сколько могли. Стало несколько легче служить воспитателям — их избавили от необходимости спать вместе с кадетами, каждому дали квартиру на территории Корпуса и позволили иметь семью. Квартиры получали в Корпусе и офицеры, и учителя. Ангальт сознательно стремился создать в стенах Корпуса как можно больше очагов семейного уюта. При нем стало обычным (и оставалось многие годы), чтобы воспитатели, офицеры и учителя приглашали кадетов в гости к себе на квартиру — на семейные праздники, а то и просто на ужин или на вечер.

Вроде бы мы говорим о мелочах: семейные вечера, встречи с родными, «сюсюканье» и «умиление» директора над кадетами, праздники, экскурсии, — но все это как раз и были те мелочи, которые сделали правление Ангальта эпохой в жизни Корпуса, создали в нем ту неповторимую атмосферу, блаженную память о которой кадеты хранили до могилы, а молва сохранила более чем на столетие.

Из всех заслуг графа Ангальта более всего известны те методы, с помощью которых он распространял среди кадетов знания и нравственные принципы. Таких методов Ангальт действительно изобрел целый арсенал, и в комплексе они оказались весьма действенны. Необходимым условием формирования достойной личности Ангальт считал чтение. В Корпусе была библиотека, и кадеты ею пользовались, но мальчишки всегда

остаются мальчишками, найти среди них тех, кто среди множества жизненно важных дел, занимающих каждую минуту досуга, может систематически находить время для посещения библиотеки, во все времена было сложно. Ангальт с пониманием относился к детским слабостям и решил: если кадет не идет в библиотеку, библиотека идет к кадету. И по приказу генерал-директора Корпус был наводнен книгами, их расставляли везде: в классах, рекреационных залах, коридорах, спальнях, даже столовых. Ставили, конечно, не все подряд, а по строгому отбору генерал-директора, преимущественно книжки с картинками или такие, у которых довольно прочесть одну страницу, чтобы увлечься и дочитать до конца. Сколько книг при этом пропадало и портилось, директора совершенно не интересовало — он не смущался расходами на книги, и если не хватало корпусных средств, то пускал в дело свои собственные. «Один кадет будет смотреть, другой кадет будет листать, третий кадет прочитает, и это хорошо, потому что в библиотеке и этот один из трех не прочтет», пояснял Ангальт. И своего он добился: кадеты его времени читали, читали много и усваивали привычку читать на всю жизнь.

Помимо книг, по всему Корпусу и прежде всего там, где кадеты проводили больше всего времени — в классах, рекреационных залах и коридорах, расставлялись модели, приборы, живописные полотна, скульптура, редкостное оружие, глобусы и географические карты из корпусных собраний. Все стало доступно — все можно было трогать руками, запускать, разбирать, исследовать. Естественно, в неловких, а то и шаловливых мальчишеских руках вещи (а многие из них стоили весьма недешево) часто страдали, иногда даже приходили в полную негодность, что приводило в ужас корпусного казначея. «Это ничего, — отвечал Ангальт. — Лучше хорошую вещь сломают дети и получают от этого хотя бы удовольствие, а больше — пользу, пусть и малую, чем эта хорошая вещь будет служить завтраком для мышей или, того хуже, стоять в кладовке до следующего пожара. Все имеющее начало имеет и конец, и пусть вещи находят свой конец, когда приносят пользу для детей».

Совершенно в духе Ангальта в Корпусе были устроены места для его «просветительского» общения с учениками и их практических опытов постижения и выражения философских, научных и «иных» истин.

Опишем для наглядности рекреационную залу 4-го и 5-го военных возрастов. Вход в нее шел через двойную дверь, на первой из них красовалась надпись: «Obeir, pour apprendre a commander» («Повиноваться, чтобы править другими»), на второй можно было прочесть: «Que l'oisiveté vous soit inconnue» («Пусть праздность будет неведома вам»). Сама зала была уставлена разнообразными предметами, которые свидетельствовали о творческом подходе к обучению и воспитанию кадетов, направленном на осознанное восприятие достижений человеческого разума и основ морали. Обращало на себя внимание обилие бюстов полководцев, политических деятелей, мыслителей. Здесь были скульптурные изображения Александра Великого, Ромула, Сципиона, Ганнибала, Тита, Траяна, Юлия Цезаря, Демосфена, Цицерона, Руссо, Вольтера, а также русских правителей от Рюрика до Екатерины II. На 22 столах были разложены книги, альманахи, журналы, газеты, словари, глобусы, математические таблицы, большой географический атлас, масляные краски, шахматные доски. В книжных шкафах стояли справочники и Большой энциклопедический словарь, таблицы по грамматике иностранных языков, всеобщей истории, каталоги книг по мореплаванию и военному делу. Отдельный корпус учебных материалов представляли астрономические и географические карты, атласы и планы. Среди них — разных масштабов черно-белые и иллюминированные «чертежи» Молдавии, Валахии, Петербурга, Москвы, Вены, Стокгольма, Копенгагена, Белграда, многих европейских государств, России в целом и отдельных ее губерний, Африки, Азии, путей сообщений (Волго-Балтийского, Балтийское море — Черное море, Балтика — Каспий, Ладожского канала), таблица Солнечной и планетной систем Коперника, а также несколько неожиданный в этом перечне «План сражения при Ларге 7 июля 1770 г.» работы кадета Глинки. Наглядности при усвоении учебного материала кадетов Ангальт придавал исключительное значение.

Кроме всего перечисленного в зале стояли 16 черных досок, на четырех из них кадеты военных возрастов по старшинству писали в стихах и прозе различные афоризмы и высказывания на французском, немецком и русском языках, а также решения математических задач, и так в течение недели. Каждое воскресенье один из кадетов зачитывал с кафедры все написанное, и этот материал заносился в специальную книгу; через год

заводился новый том. Правда, кадеты были не единственными ораторами, им предшествовал секретарь, озвучивавший «ведомость» разбитым стаканам, тарелкам, графинам, вообще всякой испорченной утвари, а затем знакомивший собравшихся в зале воспитанников всех возрастов с содержанием указов корпусного руководства.

Другие доски служили для шарад, каламбуров, логарифмов, хронограмм, записи показаний барометра, различных метеоданных. На них представляли и эмблемы, графические изображения которых сопровождалась лаконичными комментариями-девизами, большинство из этих композиций были заимствованы из голландских и французских работ по символике. В их число входили: кираса («Героя бремению, для труса бесполезна»); крепость, окруженная водой («Она на меня нападает, но и сохраняет»); мальчик, взбирающийся на фруктовое дерево («Ничего без труда»); книга и шпага («Одна меня ведет, другая защищает»); разорванное знамя («Чем больше перенес я невзгод, тем больше мне почета»); куб («Какой стороной меня ни поверни, всегда стою твердо»); зажигательное стекло («Воспламеняюсь я небесным лишь огнем»); зеркало («Я говорю лишь истину одну»); компас со стрелкой («Я никогда не поступаю иначе»); закрытая книга («Мое достоинство скрыто внутри»); храм («Добродетели и славе»); горящая граната («Огонь, во мне заключенный, послужит к моему возвышению»); луна («Я получаю свет и отдаю его»); стул («Я бесполезен тому, кто не желает отдыхать»).

В зале выставлялись также и рисунки по фортификации (чертежи крепостей Браилов, Очаков, Хотин, Гирсово), архитектуре, артиллерии, механике, планы самого Корпуса, крестьянских домов, кораблей, изображения флагов государств, камня для Медного всадника. И на досках, и на стенах были развешены таблицы с выдержками из басен Лафонтена и Сумарокова, с «Письмом одного офицера, бывшего кадета, к кадетам настоящим», на одной был даже зафиксирован вес груза, который носит кирасирская лошадь. Имелось несколько эстампов и картин: портрет первого русского солдата, «Соловецкий монастырь», формы обмундирования русской армии, «Чесменский бой», «Земледелец, обрабатывающий землю».

Стены и простенки этого любопытного зала покрывали кадетские философские афоризмы, зарисовки, изречения, прит-

чи, отдельные факты из мировой истории — в общем различные по форме и тематике надписи. Об этом можно судить хотя бы по нескольким образчикам:

«Рабочий скот тот лучше, который сильней, людей же превосходство состоит в правом сообразовании нравов»; «Добродетель есть первая наука»; «Путешествующий без наук подобен птице без крыльев»; «Когда вами овладевает гнев, разум покидает вас»; «Скрывать недостатки других и разглашать их добродетели — это качество честного человека, это средство любить себя»; «Военному человеку нет ничего необходимее, как послушание к своему начальнику»; «Нет ничего драгоценнее, чем верный друг»; из Аристотеля: «Глупый от умного так же рознится, как мертвый от живого»; «Крез, царь Мидийской, был очень богатый князь»; «Король Арагонский Альфонс называл некоторого богатого человека, не знающего вольные науки и не просвещавшего разум свой»; «Султан без правосудия подобен цветку, не поливаемому водою».

В кадетских записях упоминаются или действуют Александр Македонский, Дарий, Диоген, Лафонтен, Сократ, Мария Стюарт, Людовик XI, Катон, Юлий Цезарь, Платон, принц Конде, Генрих IV и многие другие. Встречались и редкие кадетские вирши, вроде «Непостоянства счастья». Но превалировала дидактика — наставления, поучения; очевидно, здесь не обошлось без влияния Ангальта, который помещал в зале и свои изречения.

Все это беллетристическое и стихотворное «богатство» (на французском, немецком и русском языках), равно как и описание самой залы, составило содержание книги с пышным названием «La Salle de récréation, ou La suite et le second volume de la muraille parlante, ou Tableau de ce qui se trouve dans la salle de récréation du 4 et 5 ages du Corps Impérial des Cadets Gentilshommes» (SPb., 1791). Текст предварял рисунок, изображающий две руки, стягивающие узел, здесь же помещено и пожелание Ангальта: «Настанет день, мои милые дети, когда вы оставите этот дом, но я льщу себя надеждою, что ваше удаление отсюда еще более укрепит ту связь, ту любовь, ту признательность, которой вы обязаны этому заведению». Кадеты получали это издание по окончании курса.

Педагогические опыты Ангальт проводил не только в «кадетском доме», но и за его пределами. Как явствует из приведенного титула книги, в Корпусе существовала и «Говорящая

стена», или «La muraille parlante». Речь действительно идет о каменной стене, отделявшей сад от его «старой» половины, которую использовали для практических занятий фрунтом и фортификацией, и ставшей корпусным плацем. Эта стена превратилась в одну большую учебную доску, на ней хронологические ленты всемирной и российской истории, физические формулы и многое другое причудливо сочетались с афоризмами и наставлениями, почерпнутыми из самых разных источников — от Библии и античных писателей до указов Екатерины II, речей и произведений современников, а также с кадетскими изречениями на разных языках, в основном на французском; немало было и сентенций самого Ангальта. Словом, «Говорящая стена» представляла собой парафраз на тему оформления рекреационной зоны. То, что сегодня знакомо каждому школьнику в виде украшающих стены школьных классов наглядных пособий, в ту пору было удивительным новаторством, опережающим свой век.

Изучая оформление этого архитектурно-строительного элемента, окруженного деревьями корпусного сада, можно было узнать, например, что «Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам»; «Света без тени не бывает»; «Беда глупости сосед»; «Праздность есть мать скуки и многих пороков».

Можно было изучить системы Птолемея и Коперника, ознакомиться с размером Земли, расстояниями планет от Солнца. Кадеты еще в младших классах запоминали, что картофель был привезен из Америки в Европу Ф. Драке в 1586 г., книгопечатание изобретено Гутенбергом в 1440 г., обмундирование введено Людовиком XIV, штык изобретен в Байонне и стал использоваться с 1670 г., а железный шомпол впервые появился в войсках герцога Ангальтского в 1711 г.

На стене красовались тексты вроде: «Сукно: выделкой сукна отличаются испанцы и англичане», «Табак: это растение возделывают в Америке»; различные изображения, например, карманных часов с девизом «Спокойствие снаружи, движение внутри» или «ящика Пандоры» в сопровождении сентенции «Одушевляй сердца, воспламеняй стремленья и хоть обманом, только дай нам истинное наслаждение», математических, физических и геральдических фигур.

Детище Ангальта категорически не устраивало Ф. Клингера, считавшего, что русские — варвары и кадеты не исключение, и

просветительские идеи с ними никак не соизмерявшего (хотя как раз среди воспитанников Корпуса было немало тех же немцев). Он приказал закрасить стену, что и было выполнено, однако не очень добросовестно. По крайней мере, следы кадетской «мудрости» были видны на ней еще долго, их можно было распознать еще в 1850-е гг.

В кадетские анналы вошел случай с кадетом Лазевичем, когда стену использовали для своеобразной демонстрации протеста. Лазевич отличался почти примерным поведением и хорошей успеваемостью, однако это не смутило дежурного офицера Кропотова, который за показавшуюся ему серьезной провинность приказал высечь кадета. В ответ на стене появилась надпись «Кропотов — подлец», выполненная буквами немногим менее 3 метров, сложенными из пучков травы, и находились они довольно высоко. Надпись была видна издали и едва ли не отовсюду. Не без труда, при участии нескольких корпусных служителей, ее удалось убрать, но попытки выявить инициаторов и исполнителей этой акции успеха не принесли. В итоге Лазевича перевели в Дворянский полк.

Еще в благословенные для Корпуса времена Ангальта настенное творчество, точнее, 346 изречений, перекочевало в книгу, также выпущенную при его непосредственном участии: «La muraille parlante ou Tableau de ce qu'on a écrit et dessiné sur la muraille du Corps Impérial des Cadets Gentilshommes» (1790). Она также вручалась выпускникам Корпуса, несколько измененное издание выходило в свет и позже, как в Петербурге, так и в Москве.

Будучи большим рационалистом в делах, Ангальт оставался искренним идеалистом в душе, и воспитание кадетов в его годы велось в столь же идеалистическом духе, что и прежде. «Вот вы плачете, а зачем плачете? — утешал он кадетов. — Мы же солдаты Матушки Императрицы и умрем за нее. Вот какая радость, вот какие мы счастливые! Зачем же вы огорчаетесь малым пустяком?» «Сии мужи, — указывая на бюсты античных героев, говорил он старшим кадетам накануне выпуска, — прославлены великим умом и совершенными для народов. Но истинная слава не им подлежит, хотя и они достойны, а тем, кто, когда сии творили, полагал живот свой за Отечество. И нам с вами не сделают скульптуры, а нам и не надо. Мы служим Императрице и умрем на службе, а какая награда бывает выше?» И кадеты Ангальта умели жить и умирать за императрицу.

В 1789 г. из Корпуса состоялся экстренный выпуск офицеров. Россия вела две войны: с Турцией на юге и со Швецией совсем поблизости от Петербурга, на побережье Финского залива. Война со Швецией была неожиданной и тяжелой: все силы давно отвлекал юг, и войска для отпора шведам приходилось собирать по принципу «с миру по нитке». Особенно нуждался в пополнениях Балтийский флот — главное средство противостоянии Швеции. Моряков и так было мало, а в 1789 г. все лучшие силы были привлечены в юный Черноморский флот, сражавшийся с турками. В этой связи пришлось пойти на беспрецедентную меру: выпустить часть старших кадетов Сухопутного корпуса во флот.

Всего к выпуску было определено 50 человек. Прощаясь с ними, граф Ангальт со слезами говорил такую речь: «Прощайте, дети мои, прощайте, милые дети! Во время мира живите, как добрые кадеты, во время войны — как храбрые воины. Приблизьтесь ко мне, примите в последний раз отеческий мой поцелуй... (Здесь действительно произошло столпотворение, и граф перецеловал всех юных офицеров, из которых ни один не смог сдержать слез. — *Авт.*) Еще несколько слов: помните, друзья мои, прошу вас, помните всегда, что наиболее надлежит страшиться и убегать четырех неприятелей. Без сомнения, вы понимаете, что говорю о неприятелях нравственных, и уверен, что противу неприятелей политических вы выставите грудь с важностью и неустрашимостью. Неприятели же нравственные, могущие встретиться на пути вашей жизни, суть: вино, азартные игры, леность и гнуснейший и отвратительнейший из всех пороков, рождающий стыд и беспорядок между родными и в обществе благородных людей — ложь. Сверх сего, не забывайте никогда, прошу вас, не забывайте признательности, каковою должны вы Императрице. Благоговейте к храму вашего воспитания. Да будут первым побуждением и первым началом всех ваших поступков: честность и доброе имя. Прощайте!»

Выпускники Корпуса были определены в гребной флот. Через год, после нескольких сражений, когда, казалось, победа уже в руках России, русский гребной флот увлекся преследованием шведов, в самой невыгодной позиции атаковал их и потерпел сокрушительное поражение (так называемое Второе Роченсальмское сражение; русский флот лишился 55 судов, 3000 человек погибшими и 600 пленными). Из 50 выпускников Корпуса в Ро-

ченсальмском сражении участвовали 38. Из них погибли 22. На галере «Морж», где состояли два бывших кадета, была сбита мачта, сломан руль и все весла по правому борту. Офицеры приказали оставшимся в живых солдатам и гребцам перейти на подошедшее на помощь судно, передали туда же флаг, а сами остались на галере и вели огонь по шведам из носового орудия, прикрывая отход, пока их галера не была подбита и потоплена. Бывший кадет поручик Страхов своим телом закрыл командира во время абордажного боя и умер от трех пушечных ран в упор. Его одноклассник подпоручик Лазарев, умирая от ранения в голову, успел только сказать: «Передайте Федору Федоровичу (Ангальту. — Авт.), он прав. Какое счастье!..»

Известия о гибели воспитанников едва не погубили самого графа Ангальта: он едва сумел оправиться от страшного нервного потрясения и несколько дней на его глазах постоянно были слезы. Но через месяц после трагедии, когда пришло время выпуска 68 одноклассников погибших, покидавших Корпус в запланированный срок, граф Ангальт говорил им: «Как горько мне поминать товарищей ваших, так рано погибших! Но и как радостно мне, потому что нет лучше жребия их — умереть за нашу Императрицу. Знаю, и вы такие же, и, прощаясь с вами, прошу об одном — такими и останьтесь, потому что лучше нельзя быть человеку».

Граф Ангальт управлял Корпусом в благодатное время. В 1782 г. (еще до его прихода) состоялся первый выпуск по правилам Бецкого, в 1785-м — второй. Следующие выпуски проходили уже при Ангальте. Третий — в 1787 г. (на год раньше срока в связи с началом войны с Турцией), четвертым был знаменательный выпуск 1789—1790 гг., пятый выпуск состоялся в 1793 г.

В следующем, 1794 г. Ангальт скончался. Впервые в истории Корпуса генерал-директор умер на своем посту, и впервые Корпус охватила непритворная и глубокая скорбь. Сложно себе представить, как это возможно в заведении, где живут и учатся шесть сотен мальчишек, но, по отзывам современников, несколько недель в Корпусе не было слышно смеха, не видно было улыбок. Корпус действительно лишился любящего отца — первого в своей истории начальника, который отдавал своему делу не только труды, но и любовь, душевные силы — всего себя до конца. Даже те, кто подтрунивал над «сюсюканьем» и

поцелуями Ангальта, над его забавным акцентом, прощаясь с генерал-директором, плакали навзрыд.

Удивительно, какие параллели бывают в человеческих судьбах. Ангальт не женился потому, что его мать была для него совершенством и на свете нельзя было найти подобной ей женщины. И в дни прощания с Ангальтом всем в Корпусе казалось, что с ним уходит эпоха, что второго такого директора у Корпуса не будет никогда, а значит, и сам Корпус неизбежно станет другим. Граф слишком высоко поднял планку, довел Корпус действительно до совершенства, прежде всего — с точки зрения нравственной, с точки зрения психологического комфорта для всех, кто воспитывался и служил в Корпусе. Чтобы сохранить этот удивительный дух, мало было честности, усердия, искусности и желания, нужен был особый талант, — талант, который редко дается людям. Ангальт оставил по себе долгую память; ежедневные обходы Корпуса, доброе и внимательное отношение к кадетам, ласки, речение не только об учении и воспитании, но и о досуге кадетов и их душевном комфорте — все это многие последующие начальники Корпуса переняли у него. Но второго такого отца Корпус больше не знал до конца своей истории.

Чувство, с которым провожали Ангальта, оправдалось: с ним ушла эпоха, и Корпус ждали новые повороты судьбы. На место Ангальта был назначен человек тоже уникальный, но совсем с другой стороны — генерал-директором корпуса стал генерал-поручик Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Назначая его, императрица Екатерина II выразила желание «подтянуть» Корпус. Времена изменились — во Франции со всей бесчеловечной жестокостью бушевала революция, и ее ужасы заставляли людей, а прежде всего правителей государств, смотреть на мир иначе. Та самая Франция, которая дала Европе просветителей, трактовала о свободе, справедливости и разуме в общественных отношениях, теперь, когда на смену словам пришло дело, превратилась в раздираемую гражданской войной, залитую кровью террора страну, грозившую распространить революционный кошмар далеко за свои границы. Свобода ума, упражнения в изящной словесности — с этого все начиналось — закончились бунтом черни, властью толпы и гильотиной. И страны Европы начали бояться свободы слова и мысли — прологом для слишком страшных событий они послужили во Франции.

А Кадетский корпус времен Бецкого и особенно Ангальта учил этой свободе, и учил прекрасно. Из Корпуса выходили офицеры, беззаветно преданные престолу, но вместе с тем — личности кристально честные, не умевшие лгать, зато умевшие думать и привыкшие прямо выражать свои мысли. Преданность бывших кадетов Екатерине II была неоднократно доказана, но французская революция оказалась слишком сильным потрясением, заставившим Европу усомниться буквально во всем. И, несколько вульгаризируя действительность, можно сказать, что наказ Екатерины новому генерал-директору Кадетского корпуса звучал так: «Преданность сохранить, свободомыслие — отставить». «Рассадник великих людей», «райский сад», созданный на основе идей просветителя Руссо (личности весьма популярной среди французских революционеров), был больше не нужен императрице — теперь ей более по сердцу был знаменитый Берлинский кадетский корпус, готовивший образцовых офицеров, не обременяющих головы никакими мыслями, кроме связанных со службой.

Осторожный Кутузов взялся за дело очень аккуратно и не стал сразу все «гнуть и ломать». Однако уже с первых лет его правления в жизни Корпуса — сначала только внешней — начались перемены. Уже в 1794 г. отказались от приема раз в 3 года и, как прежде, начали набирать кадетов ежегодно. В 1794 и 1795 гг. выпуска из Корпуса еще не было. Но состоявшийся в 1796 г. выпуск — шестой по правилам Бецкого — стал и последним: со следующего, 1797 г. кадетов начали выпускать каждый год.

И в том же 1797 г. произошло событие, ставшее этапным в жизни Кадетского корпуса и уже окончательно завершившее эпоху «рассадника великих людей»...

Глава III «Подтянуть!..»

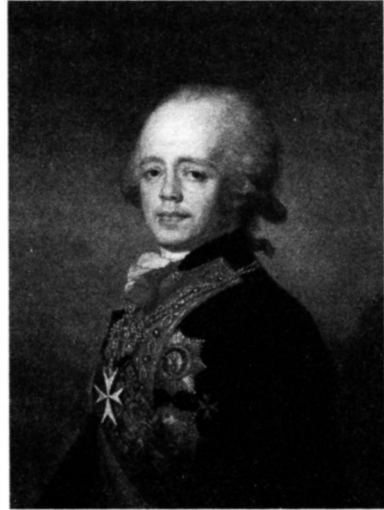
6 ноября 1797 г. на 68-м году жизни и 35-м году правления скончалась императрица Екатерина II. На престол взошел ее сын — 42-летний император Павел Петрович. В истории России началась совсем другая эпоха.

Самой страшной болезнью страны к концу правления Екатерины II была распущенность, распущенность во всем: от нравов до государственных финансов, от частного быта до устройства армии, от дипломатических отношений до работы государственных учреждений. Эта распущенность настолько близко подвела Россию к черте государственного краха, что в последние годы даже сама Екатерина начала осознавать происходящее и пытаться что-то исправить. Но решать накопившиеся проблемы пришлось уже ее сыну.

Павел Петрович прекрасно отдавал себе отчет в том, кто его враг, и противопоставил ему единственно возможное средство — дисциплину. Павел идеализировал отца, императора Петра III, которого лишился восьми лет от роду и почти не знал, и многое у него унаследовал, в частности порывистый, холерический темперамент, только еще более развившийся за долгие годы холодных отношений с матерью и непростого положения наследника престола в придворной среде.

Вступив на трон, Павел сразу же, резко и круто, принялся наводить порядок во всех сферах российской жизни, насаждая повсюду жесткую дисциплину. Примером для этого служила армия, которую Павел любил страстно и из которой вынес убеждение о том, что дисциплина внешняя (соблюдение установленных правил общения, личного и коллективного поведения, форма одежды, строгое чинопочитание и слепое повиновение младших старшим) неотделима от дисциплины внутренней и является лучшим средством ее воспитания. Верное в первой

части, положение это ошибочно во второй: внутренне дисциплинированный человек дисциплинирован и внешне, но внешняя дисциплина должна являться органичным следствием дисциплины внутренней. Воспитать внутреннюю дисциплину через насаждение внешней можно лишь частично, и успех здесь реален только при наличии целого комплекса мер, условий и достаточно долгого времени. Если же чрезмерно жесткие требования внешней дисциплины не сопровождаются другими составляющими, то они вызывают обратный, угнетающий эффект: люди оказываются в состоянии глубокого морального конфликта и за внешним подчинением скрывают недовольствие тем, кто требует дисциплины, и вольно или невольно начинают жаждать избавления от него.

Император Павел I

Жесткие требования к соблюдению внешней дисциплины погубили в свое время Петра III, они же привели к гибели и его сына. Павел не сделал выводов из печальной судьбы отца, да и не мог сделать, потому что плохо помнил обстоятельства его недолгого царствования. Впрочем, если бы и помнил, это вряд ли его остановило бы. Обладая прямым и горячим характером, Павел не умел отказываться от своих искренних убеждений, даже если следование им грозило опасностью. Царствование Павла стало временем повсеместного стремительного насаждения дисциплины, и прежде всего именно внешней.

Любимое детище Павла, армия, естественно, была первым из государственных институтов, которым занялся император, и наведение здесь четкого порядка с насаждением строгой воинской дисциплины стало одной из главных его задач. Павел отлично понимал, что сердце армии — это офицеры, в конечном итоге именно от них зависит, какой станет армия. Потому и на подготовку офицеров Павел обратил самое пристальное внимание.

С первых дней воцарения Павла для Сухопутного шляхетского кадетского корпуса началась новая жизнь, тем более что

М.И. Голенищев-Кутузов

генерал-директором Корпуса был М.И. Голенищев-Кутузов. Этот человек заслуженно считается национальным героем, и его образ в общественном сознании неизбежно «лакируется»: вместо исторической правды о победителе Наполеона нам представляется идеализированная фигура былинного героя — воплощения всех добродетелей. Голенищев-Кутузов был великолепный, глубоко прагматичный и холодно-расчетливый полководец. Именно эти качества вкупе со столь же холодной жестокостью стали залогом

всех его побед. В военном деле он опередил свой век и стал первым полководцем, который научился вести войну на истребление, добиваясь побед не разгромом неприятеля в сражениях, а методичным уничтожением его армии в ходе всей кампании, для каковой цели Голенищев-Кутузов не стеснялся в применении любых средств.

В жизни Голенищев-Кутузов был человеком столь же хитрым и расчетливым, как на войне. Непревзойденный мастер интриги, он как никто ловко умел оказаться в нужное время в нужном месте, сказать и сделать именно то, что желал услышать или получить власть имущий. Никто не знал его истинного лица — всегда ровный и тактичный внешне, но никогда не забывающий о своей выгоде. Голенищев-Кутузов получил прозвище «хитрая лиса» за много лет до того, как Наполеон стал называть его «старым лисом».

Во времена правления Екатерины II Голенищев-Кутузов, в отличие от подавляющего большинства придворных и военных, никогда не позволял себе пренебрегать Павлом. Напротив, он старательно выказывал наследнику знаки почтительного внимания и непременно навещал его всегда, когда имел к тому возможность, чем заслужил доверие и расположение. Воцарение Павла застало Кутузова у руля Кадетского корпуса, на который император, озабоченный оздоровлением офицерского состава армии, обратил особенное внимание. С точки зрения личной

карьеры, о которой Кутузов заботился неустанно, момент был решающий, успешное преобразование Корпуса согласно планам Павла сулило Кутузову самые блестящие перспективы в будущем. И Кутузов воспользовался случаем: он стал таким старательным, деятельным и успешным преобразователем Корпуса, лучше которого Павел не мог пожелать.

Биографы Павла Петровича нередко говорят, что в своей политике Павел был последователем отца. Это неверно, Павел был последователем Петра III в любви к дисциплине, стремлении заставить работать и жить честно всю Россию — от придворного вельможи до мелкого провинциального чиновника, но в политике шел совершенно иными путями, нежели отец. Это самым ярким образом проявилось и на примере Кадетского корпуса.

Петр III стремился превратить Корпус в универсальное учебное заведение для обязательного образования дворян. Павел смотрел на Корпус совершенно иначе. Универсальная школа, «рассадник великих людей», «храм всеобщего учения» — все это было ему совершенно не нужно. Павлу нужны были дисциплинированные молодые офицеры для армии, и Корпус должен был превратиться в школу их подготовки. Каждый должен заниматься своим, четко очерченным делом — вот основополагающий принцип служебной дисциплины, исповедовавшийся Павлом Петровичем. Разбрасываться, делать десять дел сразу, стремиться к нескольким целям одновременно — все это химеры, заранее обрекающие на неудачу и приводящие к ненавистной распущенности. Кадетский корпус — военная школа, его задача — готовить офицеров, и ничего больше.

Царствование Павла Петровича удивительно тем, что когда самого императора постигла мученическая кончина, его начинания не умерли вместе с ним (как случилось с делами Петра III). Напротив. Хотя Павел царствовал недолго, неполных четыре с половиной года; хотя сановный Петербург не терпел императора и жаждал избавления от него самого и его нововведений; хотя наследовавший Павлу сын, император Александр I, объявил, всходя на престол: «При мне все будет, как при бабке» — и создал видимость возвращения екатерининских порядков, — несмотря на это, все основные начинания Павла оказались глубоко жизнеспособны. В течение более чем полувека, до воцарения императора Александра II, Россия была в основном такой, какой ее создавал Павел Петрович, а его сыновья Александр I и

Николай I не на словах, а на деле оказались во всем верными продолжателями дела отца.

Что касается Кадетского корпуса, то коренные павловские реформы до конца, то есть более ста лет, определяли его дальнейшее существование. При Павле завершился первый период истории Корпуса, который задумывался, создавался и развивался как универсальное училище, призванное давать воспитание и образование, в равной степени пригодные для военной и гражданской службы. С царствования Павла начинается второй период истории Корпуса, когда он стал сугубо военным учебным заведением и давал воспитание и образование только в рамках, необходимых для поступления на военную службу.

При Павле произошла еще одна принципиальная перемена: Сухопутный шляхетный кадетский корпус навсегда утратил свою оригинальность. До Павла он был исключительным учебным заведением: жил по своим собственным законам, не подчинялся никому, кроме царствующих монархов, сам определял учебные программы, воспитательные методы и средства. Корпус был не похож ни на одно другое учебное заведение (даже на действовавшие одновременно с ним Морской и Артиллерийский кадетские корпуса), его образ формировался благодаря творческой работе его начальников, учителей и офицеров, был уникален и неповторим. И кроме того, над Корпусом продолжал витать дух «рыцарской академии», сообщенный еще Ягужинским и Минихом, развитый Петром III, Шуваловым и Бецким, дух первейшего и главного российского учебного заведения для дворян.

Идея исключительности в военном деле была нетерпима для Павла. Не свободное творчество, а строгая уставная дисциплина, не своеобразие, а безусловное подчинение общим правилам в рамках единого воинского организма — вот что должно, по мысли Павла, определять жизнь любого подразделения армии, а Корпус рассматривался императором как одно из таких подразделений.

Преобразования Корпуса Павел I начал с лозунга: все будет так, как было при отце*. Но от давно прошедшего царствования

* Чрезвычайно интересный способ неявно осудить предыдущее правление: новый монарх объявляет, что будет править так же, как его предшественник, но не непосредственный, а через поколение. Поданным обещана новая, луч-

Петра III Павел унаследовал, да и то не в полной мере, только внешнюю форму организации Корпуса.

16 января 1797 г. последовало первое из распоряжений Павла по Кадетскому корпусу, изменившее его структуру. Упразднилось деление на возрасты. Все кадеты старше 10 лет были расписаны в пять рот — гренадерскую и четыре мушкетерских. Кадеты младше 10 лет образовали Малолетнее отделение, устройство которого ничем не отличалось от прежнего младшего возраста. Однако впредь принимать в Корпус детей младше 12 лет запрещалось: Малолетнее отделение должно было вырастить тех воспитанников, которые в нем уже находились, а затем прекратить свое существование.

Роты представляли собой строевые и дисциплинарные подразделения. Отбирали в них не по возрасту, а исключительно по росту. Таким образом, 13-летний кадет-акселерат мог оказаться в одном строю с 20-летними гренадерами; в свою очередь 20-летний кандидат на выпуск, если он был низкорослым, вполне мог попасть в 4-ю роту с мальчишками 11–12 лет. Пребывая в Корпусе годами, кадеты, как положено детям, росли, а потому то и дело переводились из роты в роту. Переводы не всегда могли быть поступательными. Так, например, учившийся в 1800-х гг. кадет фон Хамм сперва попал в 4-ю роту, но в 13 лет вдруг так вытянулся, что его перевели в 1-ю, а еще через 3 месяца (фон Хамму уже исполнилось 14 лет) — в гренадерскую. На этом рост фон Хамма прекратился. В 15 лет его вернули в 1-ю роту (в гренадерской набралось кадетов выше его ростом больше положенного по штату), в 17 лет — во 2-ю. Этот случай далеко не частность, так происходило со многими.

В итоге гренадерская рота состояла в основном из старших воспитанников, в 1-й и 2-й царил совершенный возрастной разнород, но 1-я рота в среднем все-таки была чуть постарше, и, наконец, в 3-ю и 4-ю роты входили главным образом мальчишки до 14 лет.

шая жизнь, подобная той, что была до воцарения предшественника (которую подданные, естественно, уже плохо помнили и чаще всего идеализировали). Впервые такую фразу произнесла Анна Иоанновна: «При мне будет все, как при покойном дядюшке [Петре Великом]». «При мне будет все, как при батюшке», — объявляла по воцарении Елизавета Петровна. «Теперь все будет, как при покойной государыне [Елизавете]», — декларировала захватившая престол Екатерина II. «Все будет, как при отце [Петре III]», — провозглашал Павел Петрович, и, наконец, его сын Александр I после гибели родителя торжественно заявил: «При мне будет все, как при бабке [Екатерине II]».

Кадеты одной роты вместе занимались строем, спали в одной спальне, резвились в одной рекреационной зале и подчинялись воспитательной и дисциплинарной власти одного начальника — ротного командира, учились же в совершенно разных группах.

Кутузов разделил программу Корпуса на три класса. В первом классе занимались кадеты младше 14 лет, во втором — 15–17 лет, в третьем — с 17 лет до выпуска. Таким образом, в спальне, на отдыхе, в столовой и в строю кадет жил в роте; на занятиях, во время самостоятельной подготовки уроков, на экзаменах и в выпуске — в классе. Эта двойственность кадетской корпоративности теоретически обеспечивала кадетам широкий круг общения с товарищами, но практически корпорацией была, конечно, рота. И последствием того, что кадеты выпускались из Корпуса не по ротам, а по классам, стала интересная особенность: теснейшим образом связанные узами товарищества в самом Корпусе, кадеты «разлетались» друг от друга после выпуска. Ничего подобного знаменитому «лицейскому братству», воспетому А.С. Пушкиным, или «курсовым кружкам» Московского университета — товариществу выпускников-одногодок, связывавшему людей всю жизнь, Корпус до середины XIX в. не породил.

Изменились и условия набора новичков. Вместо приема раз в 3 года восстановили ежегодный прием на вакансии. Но что еще важнее — кадетам закрывали путь на гражданскую службу. Гражданское учебное отделение Корпуса было ликвидировано, преподаватели уволены, обучение каким-либо предметам, кроме входящих в общеобразовательную и военную программу, прекращено. Выпуск кадетов разрешен только в армию, за единственным исключением: тех, кто по выпуску признан пригодным к строевой службе, разрешалось определять к гражданским делам.

Корпусу стремительно сообщался воинский дух. Всех воспитанников, кроме Малолетнего отделения, одели в военную форму. Надзиратели-иностранцы («аббаты») были уволены. Постепенно покидали Корпус и гражданские воспитатели. Теперь за воспитанием кадетов надзирали ротные офицеры.

Каждой кадетской роте таких офицеров по штату полагалось трое: командир (в чине капитана) и два младших офицера (поручик или подпоручик). При этом с комплектацией мест младших офицеров Корпус испытывал постоянные затрудне-

ния. Поручики и подпоручики, в основном еще молодые, честолюбивые люди, неохотно шли служить в Корпус и при первой возможности искали случая перевестись в другое место. Служба в Корпусе не предоставляла возможностей для карьерного роста, жалование было скромным (тем более что Павел ликвидировал преимущество корпусных офицеров над армейскими в один чин, и теперь офицеры Корпуса получали столько же, сколько их армейские коллеги), недостаточным для спокойной жизни в дорогом Петербурге, служба — обременительной и непонятной. По всем этим причинам младших офицеров в Корпусе постоянно не хватало, они часто менялись и на жизнь кадетов оказывали мало влияния. Действительными вершителями кадетских судеб были командиры рот — капитаны. Их роль, прежде сводившаяся к строевому обучению и нравоучительным беседам о воинском долге, теперь выросла многократно. Тем более что в руки им вновь дали старинное воспитательное средство — розгу.

В предыдущей главе мы довольно много говорили о странном юридическом казусе: формально всякий дворянин от рождения обретал одну из важнейших дворянских свобод — свободу от телесных наказаний, но свято соблюдаемая в отношении взрослых, свобода эта, до прихода к управлению Корпусом И.И. Бецкого, совершенно не распространялась на кадет. Восстановление розги в корпусном обиходе тоже прошло юридически безупречно. Никакого законодательного акта о введении розги не было. Более того, формально не были отменены ни «Пункты...» 1765 г., ни устав 1766 г., в которых запрещение телесных наказаний узаконивала подпись монарха. Тем не менее розга вернулась, вернулась сама собой, как ответ на требования времени. С 1797 г. корпусная казна стала отпускать деньги на закупку березовых прутьев, в Корпусе были отведены места для их хранения, в умывальных комнатах поставлены специальные лавки, а отставные солдаты, служившие уборщиками и водоносами в умывальнях и отхожих местах, были обременены новой обязанностью — приводить в исполнение телесные наказания*.

* Выбор для исполнения наказаний именно уборщиков был отнюдь не случаен и соответствовал армейским правилам: в каждом полку того времени существовала специальная должность — профос, обязанностью которого было наблюдать за санитарным обеспечением полка и осуществлять исполнение арестов и телесных наказаний.

Назначать телесные наказания имели право только ротные офицеры, по своему усмотрению или по представлению учителей и иных служителей Корпуса. Назначивший наказание офицер должен был при нем и присутствовать, что сообщало власти офицеров в этой области несколько зловещий оттенок и привело, правда, не при Павле, а позже, к появлению типа «офицера-секуна», любителя порки, назначавшего ее по малейшему поводу, а то и без повода, не столько ради воспитательных соображений, сколько для собственного удовольствия.

Нужно, однако, отметить, что хотя розги и были восстановлены, при Кутузове и следующих директорах Корпуса павловского времени телесные наказания применялись редко. Дух Бецкого и Ангальта еще не до конца покинул Корпус, и подвергать сечению считалось возможным только уж совершенно выдающихся нарушителей корпусных правил — главным образом тех, кто совершил подлость или осмелился повести себя откровенно грубо.

Постепенно в общественном сознании сформировалось оправдание применения розги к кадетам: кадет является военным и состоит в нижних чинах, а нижние чины в армии подвергали телесным наказаниям самым активным образом. Но солдат наказывали не только телесно — их еще и сажали под арест. Эта практика тоже вошла в обиход Кадетского корпуса. В мрачном недостроенном здании, называвшемся «Жедепом»*, было оборудовано несколько камер, куда провинившихся кадетов помещали на срок от одних до пяти суток. Но равнять кадетский арест с тюрьмой нельзя. Камеры были вполне пристойно обставлены: обычная кадетская кровать с тюфяком, стол, стул и небольшой сундучок, — имели окна, хорошо освещались, ежедневно убирались, проветривались и отапливались. В камерах арестанты проводили только день, а вечером, после того как подавалась команда ко сну, их отводили спать в ротные спальни. Утром арестантов будили до подъема и снова вели в камеры.

* «Жедепом» — от франц. *jeu de raime* (буквально: «место для игры в мяч»). Здание начали возводить во времена Анны Иоанновны для размещения там всего Корпуса. В недостроенном виде оно оставалось довольно долго, вплоть до 1793 г.; в здании играли в мяч, а со временем там устроили корпусную тюрьму — «Жедепом». Согласно корпусной мифологии, содержание арестантов было суровым: их подвергали жестоким наказаниям, вплоть до пыток.

Вторая кадетская «гогофа» располагалась рядом с лютеранской церковью.

Арестованным разрешалось брать с собой книги, перья, чернила и бумагу, другие личные вещи. Дважды в день их выводили на прогулку в специальный небольшой сад, по первому требованию выпускали в уборную, подавали воду или приводили врача. Нередко арестованных выводили и на уроки, в классе их усаживали за отдельную парту, а рядом сидел солдат, следивший, чтобы кадет не разговаривал с товарищами, и сразу по окончании занятия провожавший его в камеру.

Арест делился на простой и строгий. Под простым арестом кадеты получали еду как обычно, правда, без пирогов, сладкого и горячих напитков. Содержавшимся под строгим арестом в день выдавали только полтора фунта черного хлеба и воду. «Строгим» арестантам запрещали носить мундиры и головные уборы, они оставались в рубашках, поверх которых разрешали накидывать солдатскую шинель. Наконец, находящихся под строгим арестом не отпускали на уроки и выводили на прогулку только раз в день, после того как завершалась прогулка простых арестованных.

Конечно, арест был тяжелым наказанием, особенно для младших кадетов, но не настолько, чтобы его серьезно боялись. Находились даже любители ареста, причем предпочитавшие строгий арест простому. Разгадка проста: арест позволял безнаказанно лодырничать несколько дней, голода же арестанты не боялись, потому что по строгим правилам кадетского товарищества о них заботились: за обедом или ужином свободные кадеты воровали из столовой пироги или котлеты, и ночью, когда арестант возвращался спать в роту, его ждало обильное угощение.

Как и розги, арест при Кутузове и его ближайших преемниках применялся очень редко. Вообще подробное описание наказаний следовало бы привести ниже, когда речь пойдет о временах императора Александра I, когда и арест, и порка стали обыденностью. Но мы сочли необходимым рассказать о наказаниях именно здесь, потому что сам факт их введения, во-первых, ярко ознаменовал новое направление развития Корпуса и введение в нем строгой, почти солдатской дисциплины, а во-вторых, заложил первый камень в основание тех новых внутрикорпусных отношений (прежде всего между кадетами и начальством), которые развились в ближайшие 10 лет и три четверти века определяли жизнь воспитателей и воспитанников.

Преобразование учебного и воспитательного процесса в Корпусе Кутузов начал еще при Екатерине, но при Павле развил в полную меру и привел к сложившейся системе. Суть реформы обрисована в речи, с которой Кутузов обратился к кадетам в день официального вступления в должность генерал-директора Корпуса. Прием им Корпуса, конечно, сопровождала подобающая церемония. Все учащиеся и служащие Корпуса собрались в Большой зале. Кадеты стояли парадом. Кутузов вышел перед строем. Навстречу выступил кадет (в будущем известный писатель С.Н. Глинка), назначенный произнести речь, в которой, кроме прочего, было сказано: «Ваше превосходительство! В лице графа Ангальта мы лишились нашего нежного отца, но мы надеемся, что и вы с отеческим чувством примете нас к своему сердцу...» В ответ Кутузов окинул строй грозным взглядом и сказал: «Граф Ангальт обходился с вами как с детьми, а я буду обходиться с вами как с солдатами». На кадетов эти слова произвели гнетущее впечатление.

Основа основ воинского обучения того времени — строевые занятия — были введены для всех рот (3-я и 4-я роты занимались строем раз или два в неделю, 1-я и 2-я — трижды в неделю, гренадерская рота — не меньше трех раз в неделю, а иногда и чаще, вплоть до шести раз, то есть каждый день кроме воскресенья).

Из учебных программ последовательно исключались «излишние» гражданские науки: хронология, мифология, учтивство, гражданская архитектура*, бухгалтерия, красноречие, философия, гражданское право, канцелярия и художества. Прекращено было и обучение латинскому языку. Напротив, преподавание предметов военных или потенциально полезных военному человеку расширялось. Был переработан и углублен курс географии, причем особое внимание уделено расширению топографической части и практическому обучению съемке планов на местности. Преподавание современных иностранных языков — французского и немецкого — расширено. Естественная история, ранее изучавшаяся нерегулярно и «в самых основах», сделана обязательным курсом. В курсе истории сокращен отдел античности, но расширен современный (то есть XVIII в.), осо-

* Предмет, ничего общего не имеющий с возведением зданий, его близкий аналог — «Основы государства и права», преподаваемые в современных школах.

бое внимание уделялось военной истории. Курс военной архитектуры переработан и разделен на несколько предметов: изучение уставов (здесь от кадетов без поблажек требовали совершенства, к концу обучения они должны были уметь без ошибок пересказать своими словами любую главу или пункт устава, а отличные оценки получал тот, кто знал их наизусть* и мог дословно цитировать по памяти, прибавляя свои комментарии и пояснения), артиллерия, фортификация (в последней основное внимание отведено не строительству и методике осады капитальных крепостей, как раньше, а возведению полевых укреплений, их боевой роли, методам атаки и обороны), «строение воинское» (устройство армии, виды и рода оружия, специфика их применения, штаты воинских частей, порядок управления войск, аудитория — основы военной системы поддержания дисциплины, суда и следствия), основы устройства иностранных армий и маневр (прикладной предмет, связанный с организацией походов, маршей, расположения в лагерях и на квартирах). Кроме того, лично Кутузовым был разработан и читался для старших кадетов курс тактики — принципиально новый предмет, которому еще не обучали ни в одном кадетском корпусе Европы: основы ведения боя, маневра и, в меньшей степени, войны в целом. Курс Кутузова читался с богатым иллюстративным материалом: для каждой лекции вычерчивались в малом масштабе большие карты. Эту работу выполнял адъютант Кутузова — капитан К.Ф. Толь, сам недавний выпускник Корпуса и будущий генерал-квартирмейстер русской армии в 1812 г. Новизна и практическая польза кутузовского курса были осознаны Павлом Петровичем, именным повелением лекции Кутузова были сделаны открытыми: вместе с кадетами их приходили

* Несколько странное для современного человека, в XVIII — начале XIX в. такое требование представлялось совершенно естественным. Заучивание наизусть инструктивных текстов (которые были относительно невелики по объему) считалось нормальной и полезной практикой. В армии это применялось повсеместно, и не только к офицерам, но и к солдатам. Знаменитая работа фельдмаршала А.В. Суворова «Наука побеждать» представляет собой как раз инструкцию, которую каждый должен был знать наизусть. Вторую часть «Науки побеждать», предназначенную для солдат, в подчиненных Суворову полках каждый день дважды, на утренней и вечерней поверке, произносили хором от начала до конца, причем в память солдат текст вбивался настолько прочно, что еще в 1880-х гг. столетние суворовские ветераны помнили и могли произнести его дословно.

слушать все офицеры петербургского гарнизона. Правда, история не сохранила сведений о том, что на кутузовских лекциях залы переполнялись вольнослушателями. Но, зная методичный и расчетливый ум Кутузова, его гениальное понимание стратегии, можно предположить, что курс тактики был действительно выдающимся для своего времени.

За воинскими науками не была забыта и воинская практика: курс верховой езды был расширен, ей обучались теперь с 15 лет, и обучались серьезно, без твердой посадки в седле кадет не мог сдать выпускного экзамена. Не забыли и фехтование, причем «для подачи кадетам нелицемерного понятия настоящей опасности сего дела» гренадеры старшего возраста занимались с настоящими заточенными шпагами, правда, в защитных нагрудниках и масках. К фехтованию на шпагах были добавлены занятия по штыковому бою. Серьезное внимание по-прежнему уделялось танцам, причем предмет этот без всякого лицемерия считался военным, как развивающий координацию движений, реакцию, гибкость, чувство ритма и умение действовать согласно с движениями партнера и группы. Единственным из практических воинских искусств, которому кадетов не обучали, оставалась стрельба. Считалось, что офицеру стрелять незачем: в строю он все равно не носит ружья, в бою должен не стрелять, а командовать подчиненными. Учить солдат стрелять офицеру тоже не приходилось — этим занимался унтер-офицер. Поэтому, как и в екатерининские времена, кадеты продолжали выходить из Корпуса «не нюхавшими пороху»*.

Качество преподавания при Кутузове оставалось высоким: еще работали набранные Ангальтом учителя, а привлеченные Кутузовым к преподаванию молодые военные принадлежали к образованнейшей части русского офицерства (многие из них сами были выпускниками Корпуса времен Бецкого и Ангальта). Моральный дух в Корпусе павловского времени оставался здоровым, порядки — не чрезмерно суровыми. Усиление дисциплины и увлечение воинскими науками сопровождалось целым

* Выражение «не нюхал пороху» в буквальном смысле означает «ни разу не стрелял из ружья». Конструкция кремневого ружья была устроена так, что в момент выстрела из замковой части ружья прямо возле лица приложившегося к прикладу стрелка вырывался клуб порохового дыма. Уже после двух-трех выстрелов щека стрелка оказывалась закопченной до черноты, а в носу и гортани сильно чувствовались характерные запах и привкус пороховой гари.

рядом приятных для кадетов послаблений. Кутузов окончательно снял ограничения на общение с родными: теперь кадетам разрешалось посещать в любое время (кроме занятий), с середины субботы до вечера воскресенья все кадеты, имевшие родственников или знакомых в Петербурге, получали увольнение из Корпуса, причем они имели право не только сами провести время в кругу семьи, но и пригласить с собой товарищей по роте. Кутузовым впервые со времен Бецкого были введены и каникулы — кадетам разрешалось уезжать домой трижды в год: на Пасху, Рождество и в августе (после окончания лагерного сбора). Обыкновенно каникулы длились около двух недель. Оставшиеся в Корпусе в это время не занимались, и начальство, сколько могло, старалось обеспечить их развлечениями. Кадетам разрешено было держать в Корпусе личные вещи и даже продукты. Разрешили иметь и собственные деньги, но хранить их полагалось у ротного командира, а если кадет хотел что-нибудь купить, то он подавал записку ротному, и тот или сам делал покупку, или посылал за ней корпусного служителя. Эта практика в скором времени привела к злоупотреблениям: многие ротные командиры не гнушались, покупая что-нибудь для кадетов, называть им завышенную цену, а разницу класть в собственный карман. Позже, в 1810-х гг., эта постыдная практика вошла в обыкновение и много повредила как качеству корпусных офицеров, так и отношениям между офицерами и кадетами.

Единственное, что строго контролировалось, — это книги. Когда кадет приносил из отпуска книгу, он должен был предъявить ее ротному командиру, который имел право тут же ее отобрать, если находил «вредной» для юношества. За хранение в Корпусе недозволенных книг карали очень сурово — сказались боязнь «опасного чтения», распространившаяся после французской революции: нарушителю полагалось от 50 до 100 розог (в зависимости от возраста и «вредности» книги) и пять суток строгого ареста.

Воспоминания кадетов о Кутузове и временах его директорства рисуют нам весьма характерный образ. В отличие от предшественника, Ангальта, Кутузов держался от кадетов на изрядном отдалении, видели его нечасто, хотя генерал-директор проводил в Корпусе большую часть времени и тщательно разбирал все корпусные дела. «Кутузов жил невидимкою, — вспоминал Глинка, — он жил в стенах Корпуса, но не с нами». Впрочем,

когда Кутузов оказывался среди кадетов (причем он явно предпочитал младших старшим), то он являлся вполне в духе Ангальта — добрым, ласковым и заботливым отцом-командиром. Как и при Ангальте, кадеты в такие минуты окружали директора, напрашивались на разговор и ласку, в которых Кутузов не бывал скуп. К чести Кутузова надо сказать, что, умея при нужде быть лицемером, с кадетами он себе лицемерить никогда не позволял. Мягкое и тактичное отношение к воспитанникам было естественной нормой, его Кутузов требовал и добивался от офицеров и воспитателей. Укрепление воинской дисциплины искупалось внимательным отношением к кадетам. «Кадет должен знать, что и как он обязан, почему обязан и чем будет наказан, если обязанность преступит, — писал сам Кутузов. — Требовать же обязанностей достоин лишь тот, кто требует их ради блага подчиненных и трудится так, что подчиненный то благо, пользу и нелицемерное о себе попечение каждый день наглядно лицезреет и явственно на себе испытывает».

Все хорошее недолговечно. В декабре 1797 г. М.И. Голенищев-Кутузов, так много сделавший для Корпуса, получил новое назначение. Незадолго до этого состоялся последний при Кутузове выпуск кадетов в офицеры. Трогательные обстоятельства этого выпуска волею судьбы стали символическим прощанием Кутузова с Корпусом и в полной мере явили отношение генерал-директора к Корпусу и кадетам. Воспитанные Ангальтом, вкусившие непривычной строевой муштры, старшие кадеты, не в пример младшим, относились к Кутузову весьма прохладно. Кутузов, в свою очередь, держал дистанцию, полагая, что готовящиеся к выпуску в офицеры — не дети, которых можно ласкать и баловать, и с генерал-поручиком должны держаться так, как того требует воинская дисциплина. Но когда срок обучения закончился и кадетам пришла пора покинуть Корпус, Кутузов позволил себе ласку и баловство, тронувшие выпускников до слез. Добрая половина кадетов происходила из бедных дворянских семей, а введенный Павлом Петровичем мундир был дорог. Кутузов приказал ночью снять мерки со спящих кадетов и за свой счет тайно сшить им полную офицерскую форму, которую потом прислали в Корпус будто бы от родственников выпускников. Самые необеспеченные, помимо формы, получили еще белье и серебряные ложки. Конечно, тайна не сохранилась, кадеты скоро узнали, кто «построил» для них мундиры.

В день выпуска, когда новопроизведенные офицеры выстроились в своих новых мундирах, Кутузов вышел перед строем и произнес речь, которую один из мемуаристов передал так: «Господа, вы не полюбили меня за то, что я сказал вам, что буду обходиться с вами как с солдатами. Но знаете ли вы, что такое солдат? Я получил и чины, и ленты, и раны; но лучшею наградою почитаю то, когда обо мне говорят: он настоящий русский солдат. Господа! Где бы вы ни были, вы всегда найдете во мне человека, искренне желающего вам счастья, и который совершенно награжден за любовь к вам вашею славою, вашею честью, вашею любовью к Отечеству». Память и об этой речи, и о последовавшей затем сцене прощания, когда юные офицеры, сломав строй, окружили Кутузова и, рыдая (в буквальном смысле слова), благодарили его за науку и заботу, осталась в памяти бывших кадетов на всю жизнь*.

С уходом Кутузова начала меняться структура управления Корпусом. Должность генерал-директора исчезла (формально ее не упразднили, но генерал-директоров более не назначали). Возглавивший Корпус генерал граф И.Е. Ферзен назывался уже просто директором, и это название так и сохранилось за фактическим руководителем Корпуса до конца его существования.

При Ферзене, отличном военном, победителе и пленителе главного и талантливейшего из вождей Польского восстания 1794 г. Тадеуша Костюшко, Корпус жил по заведенным Кутузовым правилам, разве что сам директор был педантичнее и суше предшественника. Единственной особенностью правления Ферзена были посещения военных церемоний и строевых занятий гвардии. Такие посещения Ферзен организовал для кадетов всех рот и сделал систематическими, испросив на то специальное разрешение императора. Солдат до мозга костей, Ферзен считал, что вид безупречного строя гвардейских полков обучит кадетов гораздо большему, чем муштра на плацу корпуса. И он

* Кстати, прагматичный Кутузов умел впоследствии использовать благодарность бывших воспитанников к своей и их пользе: в разное время при его штабе служили до сорока выпускников 1796–1797 гг. А всего за эти 2 года были выпущены 206 человек, то есть под началом Кутузова впоследствии служил каждый пятый. Кутузов не отказывал бывшим воспитанникам в протекции, служа при нем, те быстро двигались в чинах, что, конечно, способствовало только укреплению искренней преданности прежних кадетов своему начальнику.

не ошибся — парады и вахтпарады* производили сильное впечатление и впервые в жизни Корпуса поселили среди кадетов искреннее увлечение строем, тягу к соревнованию в строевой выучке. Да и какой мальчишка в какие времена останется равнодушным при виде военного парада!

Ферзен оставался директором чуть больше месяца, уже 27 января 1798 г. его перевели на новую должность. С этого времени началась чехарда: вплоть до 1801 г. руководители сменялись один за другим. Преемником Ферзена должен был стать второй сын императора — великий князь Константин Павлович. Однако Павел считал, что начальствовать над одним только Кадетским корпусом для царского сына слишком легкое и недостаточно весомое поручение.

Должность Константина Павловича получила название «главноначальствующий над кадетскими корпусами», то есть его ведению были поручены все существовавшие на тот момент кадетские корпуса, кроме Морского: Сухопутный, Артиллерийский, Шкловский, корпус пажей и Императорский военно-сиротский дом. Еще юноша (Константину Павловичу не исполнилось и двадцати лет), с одной стороны, редкостно добросердечный, скромный человек и ревностный военный, с другой — порывистая, крайне вспыльчивая (вплоть до грубости и истерики) и впечатлительная до наивности натура, Константин Павлович взялся было за порученное ему дело, да не успел его освоить, как разгорелась война в Италии, маститый фельдмаршал А.В. Суворов возглавил соединенную русско-австрийскую армию, и Константин, помимо всего прочего обладавший совершенно неколебимой храбростью, с позволения отца умчался волонтером в войска старого героя. Пока главноначальствующий над кадетскими корпусами получал уроки мужества в Италии и Швейцарии, Сухопутным кадетским корпусом управлял исполняющий должность (то есть временный) директор генерал-майор Андреевский.

Пробыв во главе Корпуса более года — до 22 марта 1799 г., Андреевский никакой памяти по себе не оставил. Корпус по-прежнему жил кутузовскими порядками.

* Вахтпарад, в отличие от просто парада, представлял собой не особую праздничную церемонию, а ежедневный развод караулов. Хотя в павловское время по зрелищности и сложности строевых приемов вахтпарад иной раз превосходил самые пышные праздничные парады.

Андреевского сменил генерал-лейтенант* Матвей Иванович Ламсдорф, личность весьма многообещающая. Блестяще образованный, безукоризненно честный, храбро и много воевавший, обладавший несомненным педагогическим даром, научным мышлением и исключительным тактом, Ламсдорф энергично взялся за дела Корпуса, несколько запущенные при Андреевском, и быстро привел их в совершенный порядок. Перенимая у предшественников все лучшее, Ламсдорф в полной мере придерживался кутузовской системы, сохранил нововведение Ферзена — походы кадетов на военные церемонии, восстановил кое-что из практики Ангальта — концерты в Корпусе, соревнования кадетов «в науках» и «в сочинительствах», пополнил произведения батальной живописи музей Корпуса. От себя Ламсдорф добавил детальнейшую проработку учебных программ и приглашение в Корпус действительно хороших учителей. Не находя среди существующих учебников книг, подходящих по качеству для детей и юношества, Ламсдорф задался целью создать учебники по всем предметам в самом Корпусе. Каждый преподаватель, ведущий свой курс, за 2 года должен был составить учебник, еще 2 года «апробировать» его на кадетях, а затем представить «совету профессоров и офицеров» для утверждения и публикации. Сам Ламсдорф взял на себя написание учебников по артиллерии и фортификации.

Круг преподаваемых предметов Ламсдорф намеревался расширить, обращая главное внимание на прикладные сферы знаний, полезные офицеру. Он восстановил преподавание рисования, пригласив для этого учителей из Академии художеств, причем настаивал на том, чтобы главным образом приучать кадетов к рисованию ландшафтов с натуры — умение, крайне полезное офицеру для развития топографического глазомера и составления планов. В скором времени предполагалось ввести в Корпусе черчение, основы механики и баллистики, перестроить программу по химии, завести регулярные маневры, практические стрельбы, причем не только из ружей, но и из пушек, преподавать кадетам основы оружейного дела и водить их для практики на Сестрорецкий оружейный завод. Список запланированных и начатых Ламсдорфом дел можно продолжать еще долго.

* Так с 1798 г. стал называться прежний чин генерал-поручика.

В директорство Ламсдорфа в судьбе Корпуса произошло еще одно принципиально важное событие, хотя на первый взгляд оно может показаться и незначительным. 10 марта 1800 г. Корпус вместо прежнего названия — Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус получил новое — 1-й Кадетский корпус. Изменение имени — это гораздо больше, чем простая перемена слов, это знак новых принципов существования, нового статуса и значения. Переименование Корпуса символически завершало его преобразование в соответствии с замыслами императора Павла.

Дело в том, что Павел в своем стремлении к порядку и единообразию вплотную подошел к созданию единой системы военного образования. Император не оставлял мысли о том, что офицерский корпус должен пополняться только людьми, получившими военное образование в специальных училищах. Вместе с тем он сознавал, что при масштабах России и размерах ее армии готовить всех офицеров в одном учебном заведении невозможно. Два петербургских кадетских корпуса (Сухопутный

Английская набережная с Васильевского острова.

Б. Патерсен, 1799 г.

Слева — здание бывшего 1-го Кадетского корпуса

и Артиллерийский) давали меньше чем $1/5$ часть всех офицеров. Следовательно, количество кадетских корпусов в перспективе необходимо было увеличить.

До Павла каждое учебное заведение в России жило своей собственной жизнью. Это императора не устраивало. Он желал, чтобы кадетские корпуса стали единообразны, как армейские полки. В них должны были быть одинаковые принципы устройства, одинаковые, согласованные по времени учебные программы и правила воспитания, чтобы кадет, если ему придется быть переведенным из одного Корпуса в другой, мог в новом Корпусе найти все то же самое, что и в старом.

Для этой цели Павел и установил должность главноначальствующего всеми кадетскими корпусами. Предполагалось, что великий князь Константин Павлович сможет уподобить их друг другу, привести в соответствие учебные программы, а затем, когда придет время создавать новые корпуса, сможет обеспечить их организацию по образу и подобию уже существующих.

Отражением этого процесса и стало переименование Сухопутного корпуса. Из названия Корпуса были исключены три определяющих слова. Во-первых, слово «императорский», указывавшее на непосредственное подчинение монарху без всяких передаточных звеньев: теперь Корпус подчинялся не прямо императору, а главноначальствующему над кадетскими корпусами, при котором со временем должна была возникнуть соответствующая канцелярия, входящая в структуру органов военного управления и подчиненная Военной коллегии. Во-вторых, слово «сухопутный», которое уже стало архаизмом: когда Корпус создавался, предполагалось, что в России будет только два подобных заведения: Сухопутный корпус, готовящий офицеров для армии, и Морской, работающий для флота. Теперь, на пороге XIX в., сухопутный корпус был уже не один (помимо Шляхетного существовал Артиллерийский корпус и Кадетский корпус в городе Шклов), а в будущем их должно было стать еще больше. Если следовать бюрократической логике, то в название каждого пришлось бы вносить слово «сухопутный», что представлялось явным излишеством.

И, наконец, из названия Корпуса исключалось слово «шляхетный», что было, пожалуй, самым примечательным обстоятельством. От самого своего основания Корпус рассматривался правительством, создателями и руководителями в первую

очередь не как заведение для обучения офицеров, а как школа воспитания *дворян**.

Дворянство в России существовало как социальный класс, но в начале XVIII в. оно еще не сложилось как сообщество с особой культурой. Кодекс дворянской чести, комплекс сословных жизненных представлений, обыкновенная воспитанность и культура повседневного поведения — все эти составляющие, являвшиеся неперменным признаком дворянина в Европе, России были неизвестны. А потому воспитание дворянина стало первостепенной задачей, которую и решало создание Корпуса. Настоящий дворянин сможет быть и достойным офицером, и хорошим чиновником, и, даже оставив службу, неизбежно окажется полезен стране и обществу. Слово «шляхетный» в названии Корпуса не столько указывало на сословную принадлежность кадетов, сколько подразумевало, что его главной задачей является воспитание настоящего дворянина; если позволителен каламбур, можно сказать, что Корпус должен был «делать дворян из дворян», то есть из дворянина по происхождению создавать дворянина по нравственной сущности.

Император Павел смотрел на вещи иначе: вопросы дворянского воспитания его мало занимали, ему были нужны только дисциплинированные и подготовленные офицеры для армии. Военное воспитание и обучение — вот что теперь требовалось от Корпуса, а потому возвышенные цели «создания нового человека», «воспитания истого дворянина», «рыцарской академии» отодвигались на задний план, и знаком того, что отныне Корпус — только и исключительно военно-учебное заведение, стал отказ от слова «шляхетный».

Вместо трех первых пышных слов в название Корпуса было добавлено скромное числовое обозначение — первый. Другой петербургский кадетский корпус, прежде называвшийся Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус, тоже был переименован и превратился во 2-й кадетский. Корпуса, которые предполагалось создать в будущем, получили бы соответствующие порядковые номера: третий, четвертый, пятый и т. д.

Этот проект не состоялся. В дальнейшем корпуса называли по городам, в которых они находились, и только в Петербурге

* До середины XVIII в. слова «дворянин» и «шляхтич» были в русском языке синонимами.

и Москве, где их было не по одному, существовала нумерация. Причем если московские корпуса всегда назывались «1-й Московский» и «2-й Московский», то петербургские обычно именовались «1-й Кадетский корпус» и «2-й Кадетский корпус», в чем сказывался известный петербургский снобизм: настоящие кадетские корпуса могут быть только в столице, почему и территориальное определение в названии употреблять не за чем: сказано просто «кадетский», значит — петербургский. С другой стороны, этим подчеркивалось, что петербургские корпуса являются старейшими в России и номера в их названии — не порядковые числительные, а указание на качественные обстоятельства, на то, что они действительно первые среди всех российских кадетских корпусов — и по времени возникновения, и по качеству.

Итак, перемена названия Корпуса ярчайшим образом отражала происходившие в нем преобразования: вместо оригинального и неповторимого рассадника знаний и благородства он должен был превратиться в офицерское училище, похожее на прочие так же, как солдаты в строю.

И все-таки хоть 1-й Кадетский корпус и выравнивался по ранжиру с другими корпусами, он оставался первым, и это ко многому обязывало. Руководить распространением кадетских корпусов в России должен был их главноначальствующий, великий князь Константин Павлович. Но поскольку деятельность главноначальствующего чисто административная, при нем должен был состоять человек, который ведал бы педагогической частью, составлял и внедрял те самые единые учебные программы, о которых мечтал император Павел.

Таким человеком стал директор 1-го Кадетского корпуса М.И. Ламсдорф. Соответственно, возглавляемый им Корпус обрел особое значение: именно здесь должны были служить лучшие офицеры и преподаватели, создаваться и испытываться учебные курсы, которые потом надлежало распространить на все остальные корпуса, здесь предполагалось писать и издавать учебники, наконец, именно сюда в качестве особого поощрения предполагалось переводить в последние два года обучения лучших из лучших кадетов других корпусов. Таким образом, 1-й Кадетский корпус наперекор всему сохранял исключительность: он становился образцом для подражания, превзойти который было просто невозможно.

В свете описанных событий активная деятельность Ламсдорфа становится еще более понятной. Он не только искренне пытался довести до совершенства организацию Корпуса, он готовился к работе во всероссийском масштабе. Для Корпуса это оборачивалось большим благом: Ламсдорф, с одной стороны, устанавливал строгий и ясный порядок, с другой — вносил в жизнь Корпуса разнообразие, вводя новые предметы и занятия, ставя перед преподавателями и кадетами новые задачи. Последним по времени нововведением Ламсдорфа была разработка и введение в действие нового графика занятий.

С тех пор как Корпус начал отступать от правил устава 1766 г., становилось все менее ясно, сколько лет кадетам надлежит воспитываться в Корпусе, как долго учиться в каждом из классов и как строить учебный день. Кутузов считал, что в этих вопросах жесткая регламентация не нужна, день следует строить исходя из обстоятельств, а переводить кадетов из класса в класс и выпускать по мере успеваемости. Ламсдорф подошел к проблеме иначе и предложил четкую систему.

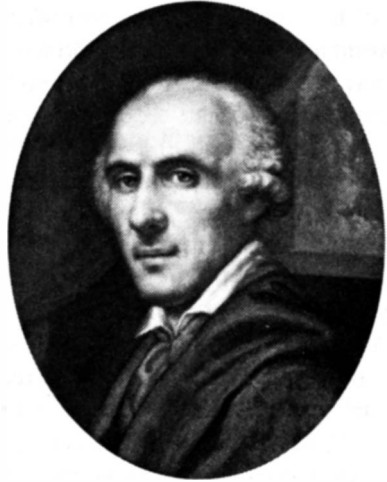
Учиться в Корпусе теперь полагалось 7 лет, таким образом, поступая в 12 лет, кадеты выпускались офицерами в 19. Срок обучения мог быть продлен до 9 лет (если кадет неудовлетворительно сдавал ежегодные экзамены, его могли оставить на второй год). Но подобная мера применялась лишь дважды, если кто-нибудь заслуживал оставления на второй год в третий раз, его полагалось исключать из Корпуса.

Учебные программы теперь верстались погодно: для каждого из 7 классов устанавливались определенный набор предметов и определенные объемы преподавания каждого предмета.

Наконец, учебный день Ламсдорф построил четко и логично: утром после завтрака — час на подготовку уроков, потом два полуторачасовых занятия; обед, небольшой отдых, «движение» (то есть час занятий строем, гимнастикой, танцами, фехтованием или верховой ездой), час на подготовку уроков и затем еще два полуторачасовых занятия. Для кадетов до 15 лет, которых Ламсдорф не считал способными выдерживать полуторачасовые занятия, продолжительность урока была установлена в 1 час с получасовыми переменами (у остальных перерывов между занятиями не было).

Итак, Ламсдорф успел сделать много, но не все начинания ему было суждено завершить. 16 ноября 1800 г., через год с не-

большим после назначения, Ламсдорфа неожиданно вызвал император и объявил, что поручает генералу воспитание своих младших сыновей — великих князей Николая и Михаила Павловичей. Естественно, такое назначение не могло сочетаться с какой-либо другой должностью, и Ламсдорф передал Корпус новому директору — генералу от инфантерии* князю Платону Александровичу Зубову.

П.А. Зубов

Тридцатитрехлетний князь Зубов обязан был своим возвышением фавору у Екатерины II. Удивительно красивый, почти женственный юноша стал последним любовником состарившейся императрицы, нежно именовавшей его «любимой дитятей». За неполных 7 лет (с 1789 по 1796 г.) Зубов сделал головокружительную карьеру: худородный бедный дворянин по рождению, он от секунд-ротмистра* поднялся до генерал-аншефа, был возведен в графское и княжеское достоинство, назначен на целый ряд высших государственных должностей, награжден всеми российскими орденами (кроме ордена Святого Георгия), получил громадные имения (до 20 тысяч душ крепостных), несколько дворцов, домов и замков и бесчисленные подарки (большой частью деньги и драгоценности, общая стоимость которых неизвестна, но составляла гигантскую сумму, исчисляемую сотнями тысяч рублей). Человек глубоко безнравственный, жадный, глупый, наглый, грубый, спесивый, властолюбивый и бесчестный, ни к каким настоящим делам Зубов способен не был. Единственное, что он умел — это доверяться дельным помощникам, приписывая потом себе их заслуги, да запускать руку в казну. Последним делом, пользуясь высокими должностями, Зубов занимался весьма усердно и приумножил

* С 1798 г. прежний чин генерал-аншефа сменил чин генерала от инфантерии, от кавалерии или от артиллерии — в зависимости от рода войск.

** Кавалерийский чин младше капитана, но старше поручика.

свое и без того колоссальное состояние настолько, что многочисленное потомство князей и графов Зубовых счастливо жило на его капиталы вплоть до 1917 г. К концу жизни (он умер в возрасте 55 лет в 1822 г.) Зубов превратился в глубокого старика и являл собой тип фанатичного скряги, который многократно описан в художественной литературе (в русской самыми яркими являются «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина и Плюшкин из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя), но выглядел настолько гротескным, что трудно поверить, будто такое возможно в жизни. Отойдя от всех дел в 1814 г., Зубов поселился в одном из своих имений в Польше, занялся подрядами, торговлей, ростовщичеством, контрабандой, барышничеством, причем во всех этих и многих других областях имел неизменный финансовый успех, за 8 лет утроив свой капитал. В то же время сам ходил в обносках, а часто и босиком, морил голодом жену, детей и домашних, скупился на лишнее полено дров, не выезжал из дому иначе, как в чужом экипаже (своих лошадей не держал, и если не находилось чужого выезда — ходил пешком), не позволял зажигать свет с наступлением темноты (чтобы не тратиться на свечи и лучину), до желудочных колик наедался за чужим столом (чтобы подольше не есть дома), воровал медяки из кружки для церковных пожертвований, запрещал пускать к рожающей жене повивальную бабку (чтобы не пришлось ей платить) и спал, лежа с заряженными пистолетами в руках, поперек железной двери в подвал, где хранились драгоценности и деньги.

Естественно, Корпусу такой человек ничего, кроме вреда, принести не мог. Понимал это и император Павел Петрович, который дал ему эту должность только потому, что куда-то Зубова определить было надо, а в Корпусе он мог напортить меньше, чем где-либо еще. Да и в Корпусе для него скоро нашли новое место, еще более почетное, но уже никак влиять на дела не позволяющее: директором Зубов стал в ноябре 1800 г., а уже в феврале 1801-го был переведен на впервые учрежденный пост *шефа* Корпуса. В этом звании Зубов пребывал до самой кончины и в жизни Корпуса примечателен лишь тем, что ни разу за время своего директорства и шефства Корпус не посетил, равным счетом ничего для него не сделал и, как кажется, сам едва ли помнил, что он шеф и директор.

Должность *шефа* была введена Павлом не только для того, чтобы куда-нибудь «сплавить» Зубова. Корпус во всем уподоб-

лялся армии, а там институт шефства был широко распространен: при Павле шефа имел каждый полк. Шеф занимал несколько странное положение: в принципе именно он (а не командир полка) считался главным ответчиком за полк перед государем. Шеф мог командовать полком, и все его распоряжения имели в полку абсолютную власть. Но, с другой стороны, он состоял вне полка, не получал жалованья за исполнение своих обязанностей, а главное — мог совершенно не вмешиваться в жизнь полка, даже ни разу в полку не появиться, и все равно оставаться шефом. Обычно шефами назначались генералы, облеченные другими высокими военными полномочиями. Случалось, что ради «своего» полка генерал забывал все другие обязанности, входил во все мелочи его быта, тратил на полк собственные средства и совершенно оттеснял от управления командира полка. Но немало было и тех, кто считал шефство не более чем почетным званием и совершенно никак с подшефным полком не связывался, разве что принимал поздравления от офицеров в день своих именин и полкового праздника.

В случае с кадетскими корпусами предполагалось, что высокочинные и влиятельные шефы смогут оказывать поддержку и финансовую помощь своим подшефным, если те в ней станут нуждаться, но в непосредственное управление активно вмешиваться не будут. С точки зрения невмешательства Зубов был идеальным шефом, 1-й Кадетский корпус его совершенно не интересовал. Но по этой же самой причине ждать от него какой-нибудь поддержки, а тем более денег, никак не приходилось.

Вместо Зубова должность директора 1-го Кадетского корпуса занял генерал-майор Фридрих (Федор Иванович) Клингер. С этим именем связан очередной особый этап истории Корпуса, назначение же его состоялось меньше чем за три недели до гибели императора Павла, таким образом, директорство Клингера, продолжавшееся почти 20 лет и ставшее самым длинным в корпусных анналах, относится уже ко времени Александра I. Поэтому здесь мы на время прервем нашу хронику и подведем итог истории Корпуса в эпоху императора Павла Петровича.

* * *

Царствование Павла пришлось на рубеж двух веков — XVIII и XIX, рубежным оно стало и в жизни Кадетского корпуса. Предшествовала ему эпоха «рыцарской академии», уникального

общеобразовательного заведения, имевшего задачей выпускать людей не только образованных, но прежде всего высоконравственных. В следующую эпоху Корпус вошел как узкопрофильное военно-учебное заведение, назначенное выпускать офицеров в армию, одно из лучших в России, но все-таки не более чем первое в ряду равных.

Принципы организации воспитания и учебы в Корпусе павловского времени выработаны М.И. Голенищевым-Кутузовым, усовершенствованы и сведены в систему М.И. Ламсдорфом. Программы и качество обучения были таковы, что, хотя гражданское образование, высоко поставленное в прежний период, кадеты теперь не получали, военные и связанные с ними предметы, а также иностранные языки преподавались широко и для своего времени на весьма достойном уровне.

Вредила Корпусу частая смена директоров, а когда талантливые личности уступали место посредственности, корпусной механизм начинал расшатываться на глазах. Три-четыре месяца дурного управления — и новому дельному директору приходилось тратить немало времени и сил на поправление дел.

Как и в прежнее царствование, Корпус продолжал пользоваться личным вниманием императора. Павел Петрович, хотя и не очень часто, но посещал Корпус, причем, в отличие от Екатерины II, визиты которой заранее объявлялись и тщательно готовились, Павел имел обыкновение приезжать неожиданно. Возможность внезапного появления монарха, известного своей придирчивостью к малейшим упущениям, была хорошим стимулом для поддержания порядка в Корпусе. Кажется, за все время Павел остался недоволен лишь однажды, в апреле 1799 г. Тогда строгий выговор получили командир гренадерской роты и директор Корпуса. При высочайшем посещении обнаружилось, что кадеты гренадерской роты посреди дня сидели без дела в корпусном дворе, были дурно одеты и грызли орехи, второй взвод той же роты не в такт выполнял ружейные приемы, а суп, поданный за обедом, оказался холодным и «отвратного вкуса».

Чаще визиты царя проходили вполне успешно, хотя были весьма обстоятельными и носили характер самой придирчивой инспекции. Благодаря мемуарам и другим источникам мы можем воссоздать обстоятельства визита, состоявшегося в 1798 г. Павел Петрович приехал в четвертом часу в простой коляске

с одним кучером и лейб-гусаром и через отдельный вход прямо вошел в Малолетнее отделение. У малышей как раз заканчивался урок. Император, сделав знак учительнице не приветствовать его и продолжать, уселся за свободную парту и просидел до конца занятия. Когда урок кончился, император повел себя настолько приветливо и просто, что смутившиеся поначалу младшие кадеты окружили его, стали смеяться, а потом и вовсе разошлись, начали шуметь и резвиться, причем Павел с искренним удовольствием возился с ними. Вдруг, прямо посреди возни, он подхватил на руки кадета Яшина, посадил на стол, разул и, «увидя на ногах совершенную чистоту и опрятность», поблагодарил начальницу отделения Буксгевден за добросовестность в исполнении долга, после чего продолжал игру, пока не пришло время полдничать. Вместе с кадетами государь прошел в столовую, уселся за один стол с малышами и съел две булки, запивая их водой (из-за этого два кадета остались без полдника — булки выдавались по счету, а на гостей за полдником никак не рассчитывали). После еды государь простился с малышами и приказал начальнице отделения провести его по помещению. Осматривал Павел все и крайне внимательно: переворочил несколько постелей, чтобы проверить чистоту белья; не погнушался заглянуть в уборную; достав из кармана белый платок, несколько раз проводил им по полу и подоконникам, проверяя, чисто ли все вымыто; осмотрел лазарет (в котором больных не оказалось), прачечную, все классы и, нигде не найдя недостатков, вновь благодарил госпожу Буксгевден, которой на следующий день был прислан золотой перстень.

Затем император отправился в старшие роты. Там уже слышали, что Павел Петрович в Корпусе, и засуетились. Но император перехитрил и кадетов, и начальство, прошел ходом для прислуги и оказался на кухне. Время было между обедом и ужином: первый уже кончился, ко второму только начинали готовиться. Павел потребовал подать оставшиеся после обеда объедки, попробовал, осмотрел приготовленные для ужина продукты, заставил поваров показать, чисты ли у них руки, заглянул к судомойкам и проверил чистоту посуды. Из кухни император прямо направился в спальни (а ждали его в классах и во дворе), по пути встретил кадета 4-й роты Алексеева и, остановив, велел раздеться донага. Осмотрев мальчика и его вещи, нашел все чистым и здоровым, поблагодарил Алексеева, назвал «молодцом»

и, потрепав по голове, поцеловал в маковку. При входе в спальню на глаза императору попался истопник, Павел его остановил, осмотрел и велел показывать спальни. Все было чисто, аккуратно и в наличии. Наконец, весть о том, что царь в спальнях, облетела Корпус, явилось начальство, Павел приветствовал его благосклонно, позволил отвести себя в классы, затем на плац, где 1-я рота произвела под его команду учение с ружьями. Всем виденным император остался доволен, позволил кадетам 1-й роты окружить себя, с полчаса говорил с ними, всех поблагодарил и наконец уехал, причем запретил провожать себя и оказывать какие-либо почести.

Сцены посещения Корпуса Павлом Петровичем запомнились кадетам ярко и на всю жизнь. В целом Корпус при Павле развивался хотя и в новом направлении, но плодотворно. И потому особенно удивительна гримаса судьбы: последнее распоряжение, которое сделал Павел в отношении одного из своих любимых детищ, назначение директором Клингера, сыграло в судьбе Корпуса роковую роль и привело к долгим годам упадка...

* * *

11 марта 1801 г. император Павел Петрович был убит заговорщиками, и на престол взшел его сын — император Александр I Павлович. Время его правления стало для России временем великой славы... и глубокого упадка. Александр I был удивительной личностью. Он в равной мере походил на своего отца и на свою бабу. От Павла он унаследовал педантичность, любовь к внешнему порядку, дисциплине и крайне отрицательное отношение к свободе мысли и действий подчиненных, от Екатерины II — увлечение эфемерными идеями, гигантоманию, цинизм, двуличие и патологическое стремление производить хорошее впечатление. Прозвище Северный Сфинкс, которое император получил еще при жизни, как нельзя лучше отвечало натуре Александра I: его всегда приятное лицо было непроницаемо, никто и никогда не мог проникнуть в его мысли и побуждения.

Взойдя на трон, Александр I объявил, что «при нем все будет, как при бабке», и, точно так же, как Екатерина II в первые годы правления, создал видимость предоставления подданным широких свобод, активной государственной деятельности, обещающей в скором времени еще большие свободы и внутреннее

процветание. С 1805 г. Александр I вступил в борьбу с Францией, и теперь им владела одна мысль — вознестись выше Наполеона, низвергнуть его и заслужить славу освободителя народов. Цели своей он добился к 1814 г.: русская армия освободила от Наполеона половину Европы, во главе союзных войск вступила в Париж и низвергла «корсиканское чудовище». По выражению А.С. Пушкина, «русский царь стал царем царей», теперь Александр определял судьбы континента и устраивал их таким образом, чтобы, как он мечтал, «в Европе навечно воцарились мир, любовь и согласие». Но могущество и основанное на нем право распоряжаться чужими судьбами вызывали только одно ответное чувство — ненависть. Лишь Пруссия считала Россию и русских друзьями, для всех остальных стран Александр I стал новым тираном, а Россия — «мировым жандармом». Император остро ощущал это и испытывал глубочайший моральный кризис: он достиг могущества, но оно не дало ему того, чего он желал всей силой сердца — всеобщей любви и восхищения. Горькое разочарование окрасило последнее десятилетие его правления, когда главные усилия императора направлялись на консервацию внутренних российских порядков, давно и настоятельно требовавших перемен. Мистицизм и извращенная религиозность Александра I в последние годы только больше отрывали его от жизни, страх перед революцией заставлял душировать любую свободную мысль, к чему бы она ни относилась. Александр I совершил многое, но все его инициативы были либо мертворожденными, либо мертвящими.

До тех пор пока Александра I не увлекла борьба с Наполеоном, жизнь в Петербурге была ключом, сюда стремилось все лучшее, что было в России, здесь задумывались и почти начинали воплощаться реформы, потрясающие смелостью и новизной. Но с тех пор как взгляды императора обратились на Европу, когда он стал надолго, иногда на годы, покидать столицу, Петербург начал постепенно замирать, скучнеть и все более обретать вид того унылого, чопорного и холодного казарменно-чиновного города, каким он нам хорошо известен по художественной литературе, посвященной 1820—1830-м гг. Потрясающие мир события проходили за сотни и тысячи верст от столицы, там кипела жизнь, там вершились судьбы, а в далекий город на Неве от всего этого доносились лишь слабые отголоски.

То, что происходило с Петербургом, совершенно точно отражалось на жизни Кадетского корпуса. Она и прежде складывалась по-разному, но всегда была бурной, активной, всегда на глазах монархов, всегда в центре России. При Александре I Корпус впервые вошел в пору унылого рутинного бытия, долгой, однообразной повседневности. Когда-то он был одним из главных центров российского просвещения, теперь же стал соответствовать отведенной ему роли одной из многих подобных школ для подготовки офицеров.

Быт Корпуса при Александре I определялся многими факторами, но важнейшим из них была личность директора. А с директором Корпусу не повезло. С февраля 1801 г. по октябрь 1820 г. им руководил Ф.И. Клингер.

Клингер родился и вырос в Германии, и хотя в России он провел более тридцати лет, российского подданства не принял и на старости лет уехал умирать в родной Франкфурт-на-Майне. Россия всегда оставалась для Клингера чужой, русских он не понимал и не любил, причем настолько, что неоднократно в разговорах и в письмах делил человечество на «людей» и «русских».

При всем том Клингер ни в коей мере не был посредственностью, тупым нытиком, напротив — это был человек большого таланта. В немецкой литературе Клингер занимает место рядом с первейшими классиками. Близкий друг Гёте, он явился основателем целого литературного направления (прежде всего — в поэзии), получившего название «Буря и натиск» («Sturm und Drang»). Именно так называлась драма, написанная Клингером в 1777 г. и потрясшая его современников; она и в наши дни считается одним из выдающихся произведений немецкой литературы.

Клингер был прекрасно образован. Он окончил курс юриспруденции в Гессенском университете, был широко начитан, развил разум и познания знакомством с многими замечательными людьми Европы 1770-х гг. (прежде всего все с тем же Гёте, с которым в 1774–1776 гг. был неразлучен). Сочинительству Клингер стал предаваться еще в студенческие годы, но настоящий расцвет его творчества пришелся на середину 1770-х гг. Он писал много и талантливо: пьесы в стихах и прозе, романы в духе идей Просвещения, лирические стихотворения. Комедии, шуточные повести, любовная лирика Клингера не выходят за

рамки просто хорошей литературы, но его драмы, трагедии, реалистические и философские романы, отдельные стихотворения исполнены сильнейшей страсти и энергии, поражают глубиной мысли, трезвостью взгляда, бесстрашной правдивостью и твердостью убеждений.

Страсть, энергию и бесстрашие Клингера изливал не только на бумаге. В 1777 г. он поступил на военную службу в австрийскую армию. Но самые громкие победы одерживала в то время армия русская, и Клингер, жажд

Ф.И. Клингер

вавший настоящих испытаний и славы, перешел на российскую службу. Он воевал с турками и поляками, и воевал храбро, заслугами добывал чины. Судьба привела его к петербургскому двору и познакомила с Павлом Петровичем. Клингер получил придворный чин гофмейстера и стал одним из ближайших друзей наследника престола, неотлучно сопровождал его во время зарубежных путешествий.

Близость к наследнику, а затем и императору открывала Клингеру блестящие перспективы, но он не гнался за карьерой, довольствовался генерал-майорским чином и отказывался от должностей. Дороже всего ему было творчество, но литературный дар его с середины 1790-х гг. стал угасать. До начала XIX в. Клингер писал по-прежнему много (естественно, по-немецки и публиковался в Германии), но произведения его пользовались все меньшим успехом. С начала 1800-х гг. из-под его пера выходило все меньше и меньше произведений. Он работал бесконечно, писал и переписывал, искал формы, сюжеты... Но действительность была безжалостна: время творческого расцвета Клингера миновало, после 1807 г. он только переиздавал свои старые произведения.

Образованность, талант, достойные нравственные качества Клингера определили выбор Павла I, ему казалось, что такой человек сможет стать хорошим воспитателем юношества. Убеждение это разделяли и Александр I, и многие достойные

россияне. В 1801 г. Клиндер получил должность директора 1-го Кадетского корпуса. В следующем, 1802 г. к ней прибавилась должность директора недавно созданного Пажеского корпуса, а в 1803 г. — звание попечителя Дерптского учебного округа и Дерптского университета. Все эти посты Клиндер сохранял до тех пор, пока не истосковался в России настолько, что в 1820 г. испросил отставки и уехал на родину.

Над Клиндером как директором Корпуса формально стояли два начальника: шеф 1-го Кадетского корпуса князь П.А. Зубов и еще выше — главноначальствующий над кадетскими корпусами великий князь Константин Павлович. Однако Зубов о кадетах и не вспоминал, а Константин Павлович до окончания наполеоновских войн не имел для того времени и возможности, а после, живя в Варшаве, не мог деятельно влиять на жизнь Корпуса, хотя весьма ею интересовался. Тем более к тому времени Клиндер управлял 1-м корпусом почти 15 лет и считался непреерекаемым педагогическим авторитетом. Личного внимания монарха Корпус в царствование Александра I тоже лишился. В отличие от своих предшественников и последователей, Александр I не посещал Корпуса, кроме двух или трех официальных случаев, и совершенно не интересовался кадетскими делами. Таким образом, власти и надзора над Клиндером фактически не было, и он мог делать все, что заблагорассудится.

Педагогическое кредо Клингера лучше всего выражалось его любимой поговоркой: «Русских надо менее учить, а более бить». Он пришел в Корпус не вдруг — до назначения директором состоял инспектором классов при М.И. Ламсдорфе. Однако Клиндер не разделял широких взглядов своего предшественника, не обладал его энергией и кругозором. Истый немец, образцовый офицер, Клиндер имел один идеал — дисциплину. И именно за активное неприятие дисциплины, с которым Клиндер близко познакомился, служа в екатерининской армии, он прежде всего не терпел русских. Назначая руководить Корпусом директора Ламсдорфа и инспектора классов Клингера, Павел дал им наказ «подтянуть» кадетов. Ламсдорф, к дисциплине очень требовательный, был вместе с тем чутким педагогом, и при нем насаждение дисциплины производилось разумно, тактично и с пользой. Клиндер смотрел на вещи проще. «Долг солдата — стоять прямо, не рассуждать и поворачиваться по команде» (одна из любимых его фраз), «Русские стоят развалясь,

рассуждают по всякому поводу и поворачиваться по команде не любят — значит надо их „подтянуть“, а подтягивающихся вяло — заставить с помощью самого надежного и проверенного средства — розги». Вот и вся задача директора Кадетского корпуса. И Клингер взялся за дело, насаждая в Корпусе внешнюю дисциплину и не заботясь ни о чем более.

В организации Корпуса при Клингере не произошло никаких изменений. Корпус по-прежнему состоял из пяти рот и Малолетнего отделения. Первые годы царствования Александра I обещали Корпусу новый расцвет и новую блестящую роль. По инициативе шефа Корпуса князя П.А. Зубова (выдавшего за свою идею проект, составленный генерал-майором Бегичевым) была затеяна капитальная реформа военного образования. Предполагалось завести в разных городах России около двадцати губернских военных училищ, где дворянские дети от 10–12 до 14–16 лет должны были получать начальное обучение, а затем лучших из них и годных к военной службе предполагалось переводить в Петербург, в 1-й или 2-й Кадетский корпус для подготовки к офицерскому званию. Таким образом, Корпус должен был превратиться в высшую офицерскую школу, куда поступали бы юноши 14–16 лет по 400–430 человек в год. Штат Корпуса предполагалось увеличить до 1600–1800 человек, содержание — до одного миллиона рублей в год.

Из гигантского проекта воплощены в жизнь были крупницы, причем 1-го корпуса это почти не коснулось. Количество кадетов в Корпусе одно время, правда, существенно выросло: в 1806 и 1807 г. поступили примерно по 150 человек, в 1808 г. — 278, в 1809 г. — 291 (рекорд с года основания Корпуса, не превзойденный до середины XIX в.). К началу 1810 г. в Корпусе числились 1047 воспитанников. Но рост числа поступивших в кадеты объяснялся вовсе не успехами образовательного дела, а тем, что Россия вела многочисленные войны (прежде всего с Францией, кроме того — с Персией, Турцией и Швецией) и военная романтика захватывала мальчишек, а перспективность военной карьеры — их родителей. В 1809 г. завершилась война со Швецией, возможность новой войны с Францией (с которой Россия в 1807 г. заключила договор о мире и союзе) казалась невероятной, на турецком и персидском фронтах наступило затишье, и интерес к поступлению в Корпус сразу упал: в 1810 г. поступили 96 человек, в 1811-м — всего 63. Летом 1812 г. вспыхнула

Отечественная война, и вновь Корпус наполнился новыми учениками: если за первую половину года, пока война еще не началась, поступили только 7 кадетов, то за вторую — 101. Война продолжалась — и в 1813 г. Корпус принял уже 152 человека, а в следующем, победоносном 1814 г. — 281. 1815 г. принес мир, и тут же количество новичков упало до 122, в 1816 г. — до 107. В последующие годы количество поступающих стабилизировалось и колебалось между 100—170 человеками, за исключением отдельных лет, когда оно резко падало по объективным причинам: например, в 1831 г. в связи с эпидемией холеры в Петербурге Корпус пополнился только 36 кадетами.

Штат Корпуса сохранялся согласно установлению 1797 г. — 600 воспитанников. На них отпускалось ежегодно 225 207 рублей 36 копеек. После 1805 г. деньги стали стремительно обесцениваться, а количество кадетов росло и к 1810 г. превысило штатное немногим менее чем вдвое. Корпус катастрофически нуждался в деньгах, их не хватало на самые необходимые нужды, но государству было не до кадетов, а казна, обремененная непомерными военными расходами, даже штатную сумму выделяла с трудом — с задержками и часто не полностью. Только когда завершились войны, в 1816 г. правительство смогло обратить внимание на отчаянные призывы корпусного начальства.

В 1816 г. состоялась первая и единственная перемена в формальной организации Корпуса за время царствования Александра I. Штат Корпуса (переполненного в тот момент кадетами) вырос до 1000 человек, которые по-прежнему разделялись на Малолетнее отделение и 5 рот (гренадерскую, 3 мушкетерских и резервную), а содержание Корпуса было увеличено почти втрое — до 600 тысяч рублей в год. Но деньги к тому времени обесценились настолько, что 600 тысяч рублей* в 1816 г. по покупательной способности составляли меньше, чем 200 тысяч в 1797 г. Таким образом, в 1816 г. грозящее гибелью нищенство отступило от дверей Корпуса, но до конца царствования Александра I, как и во второй четверти XIX в. при Николае I, Корпус оставался очень беден и вынужден был постоянно экономить на всем.

* В первый и последний раз в истории Корпуса бюджет был выделен по форме, о целесообразности которой хлопотал еще И.И. Шувалов: Корпус получал округленную сумму — 600 тысяч и некоторую свободу в ее расходовании. И прежде, и после того бюджет Корпуса рассчитывался по статьям с точностью до четверти копейки.

В отношении учебы и внутреннего распорядка Корпус в целом продолжал придерживаться правил, заведенных М.И. Кутузовым и М.И. Ламсдорфом, но качество преподавания постоянно падало. В учителя на нищенскую зарплату и в холодную клингеровскую атмосферу в основном шли люди случайные и посредственные. Вовсе из внимания учебный процесс Клингер все-таки не выпускал и ниже определенного уровня ему падать не позволял. Он всегда лично присутствовал на экзаменах, где не отбывал номер, а деятельно интересовался знаниями кадетов. Директор не знал русского языка и не мог контролировать русских преподавателей, однако он нашел простой выход: стал нанимать как можно больше иностранцев и поручать им вести свои предметы по-немецки и по-французски. Метод этот если и не приводил к существенному улучшению преподавания предметов, то, по крайней мере, способствовал укреплению знаний иностранных языков, каковые среди кадетов клингеровского времени оставались по-прежнему совершенными. При всем том специфические предметы вроде тактики, устройства иностранных армий или маневра были упразднены, расширенные и методически проработанные программы Ламсдорфа сданы в архив, составление при Корпусе собственных учебников остановлено. Вообще широкая образованность для офицера за благо не признавалась — это был уже взгляд не одного Клингера, а самого императора Александра I, а следовательно — господствующий в армии и обществе. Офицер должен был свободно говорить по-французски и желательно по-немецки: официальная переписка в то время велась большей частью по-французски, и при хорошем владении этим языком офицер мог обойтись без знания родной речи (как ни дико это звучит, в первой половине XIX в. офицер, с трудом пишущий по-русски, а то и вовсе не знающий русской грамоты, не вызывал удивления и вполне полноценно существовал в современной ему среде). Владение иностранными языками, некоторые начальные знания, безупречная строевая выправка и органически впитанное подчинение дисциплине — вот что требовалось от идеального офицера, и в подаче именно такого образования Клингер видел главную свою задачу.

Впрочем, и из программы собственно военного образования при Клингере был исключен пункт, во все времена почитавшийся одним из важнейших: с 1812 г. Кадетский корпус прекратил

выходить в летние лагеря. Во время лагерного сбора, продолжавшегося 4—5 недель (с конца июня до начала августа), кадеты поселялись в палатках и жили жизнью настоящего воинского подразделения — с дневальствами, караулами, приборками и, конечно, строевыми занятиями. Учебы во время лагеря не было, зато строй — каждый день, кроме воскресений. В екатерининские времена, как уже было сказано, лагерь устраивался прямо на территории Корпуса — на специально заведенном для этого лугу. Такое расположение лагерей — когда кадеты играли в походную службу в нескольких десятках метров от своих спален и классов — отдавало, конечно, анекдотичностью. Но тем не менее даже Бецкой не нашел возможным отказаться от лагеря, без которого военное образование полагалось просто невозможным. Желая улучшить сие последнее, император Павел Петрович приказал прекратить «игрушечные» лагеря в самом Корпусе, и с 1798 по 1811 г. кадеты проводили лагерный сбор под Петергофом, вместе с полками гвардии и петербургского гарнизона. Там уже была нешуточная служба — на глазах императора, великих князей и больших генералов приходилось строем заниматься серьезно, с походными условиями познакомиться по-настоящему. В 1812 г. все российские полки были обращены на борьбу с Наполеоном, в Петербурге войск не осталось, и кадеты в лагерь не вышли. Следовало бы вернуться по крайней мере к лагерям на корпусном лугу, но Клингер рад был избавиться от лишней заботы: нет лагерей, и не надо. В 1815 г. гвардия вернулась в Петербург, с 1816 г. лагеря для войск восстановились. Но Клингер похлопотал — и Кадетский корпус в лагерь вызывать не стали. После экзаменов (в середине июня) кадетов отпускали по домам, и директор Корпуса мог провести лето в столь ценимых им тишине и покое.

Библиотека Корпуса из-за недостатка денег с 1805 по 1818 г. не обновлялась. Ради сохранения книг Клингер приказал ограничить их выдачу, после 1808 г. — не выдавать никаких книг, кроме учебников, кадетам младше 14 лет, а с 1812 г. — вообще не выдавать книг кадетам, разве только самым старшим по письменному разрешению ротного командира и в том случае, если требуемая книга «не вызывает опасения порчи по своему состоянию». Если не хватало денег на книги, то нечего говорить, что их не было и для пополнения коллекций произведений искусства, моделей, физических приборов, содержания са-

дов. С 1802 г. Клингер приказывает «удалить от доступа кадетов приборы и ценности, под опасением порчи пребывающие». Залы и коридоры Корпуса постепенно пустели, а в 1808 г. было и вовсе приказано «всякие достопамятности, картины, статуи, приборы, модели и прочее ценность составляющее» собрать по всему Корпусу, поместить в музей, а музей запереть и пускать в него кадетов не чаще, чем раз в год; строим, при «одном офицере или надзирателе на каждых десять кадетов», причем за прикосновение к любой музейной вещи руками виновному немедленно выдавать 50 розог.

К 1806 г. знаменитая «говорящая стена», устроенная Ангальтом, обветшала: штукатурка растрескалась, краска сползла. Один из офицеров Корпуса предложил план реставрации стены с сохранением на ней надписей, но это требовало времени и денег. Клингер велел просто заново оштукатурить стену, а на краску не тратиться. Ангальтовы надписи погибли, те из них, что находились в корпусных помещениях, были покрашены еще ранее. Корпусной сад зарос, и, хотя он по-прежнему был открыт для публичного посещения, «почтенная публика» перестала в него заходить. В середине 1800-х гг. под кустами сада начали устраиваться на ночлег бродяги, и в 1810 г. это привело к трагедии: два 13-летних кадета были избиты до увечий, изранены ножами и ограблены, их в буквальном смысле раздели донага, сняв даже нательные кресты, — только случайность спасла несчастных от смерти (дело было в ноябре, когда лежал снег). Один из отставных солдат, служивший в Корпусе истопником, напился, ему сделалось дурно, и, опасаясь быть застигнутым в таком виде начальством, он отправился переждать приступ рвоты в заросли сада, где в буквальном смысле слова споткнулся о бесчувственные тела кадетов. После этого случая Клингер приказал вырубить кусты и поросль, запереть сад для посторонних, а кадетов в него после наступления темноты не пускать под страхом неизменных розог.

Сад опустел, и теперь его посетителями были лишь козы, которых содержали некоторые жители Васильевского острова: методист Клингер вычитал, что козы совершенно подчистую истребляют кустарниковую растительность везде, куда могут дотянуться, и решил, что лучшего средства для очищения сада от травы и опасных кустов нельзя придумать. План вполне себя оправдал, козы исправно (и совершенно бесплатно!) чистили

корпусной сад, и их примерная служба настолько расположила Клингера к этим представителям копытных, что он распорядился завести несколько коз на задних дворах Корпуса, принялся выпивать по утрам два стакана парного козьего молока и в 1819 г. выпустил в Германии небольшую брошюру, где научно излагал несомненную пользу сего напитка для укрепления здоровья и доказывал, что активное употребление козьего молока и сделанного из него сыра стало одним из главных условий успехов древнегреческой цивилизации.

В годы, когда по всей Европе и в разных концах России гремели войны, когда армия открывала широчайшее поприще для славы, а нужды Отечества требовали жизни его сыновей, найти для Корпуса качественных офицеров стало почти невозможно. И раньше в корпусные офицеры шли неохотно. Теперь же все достойные, все честолюбивые, все честные и благородные — все были в армии. Для нужд Корпуса можно было использовать или инвалидов и пожилых людей, или лиц в лучшем случае бесцветных, которые при любых обстоятельствах делают то, что им указано, а в худшем — подлых трусов, которые в войне не видели ничего иного, кроме опасности получить пулю в лоб или дизентерию в брюхо, а потому предпочитали пересидеть опасную пору в далеком и спокойном Петербурге. Клингера моральные качества интересовали мало, ему нужно было, чтобы офицеры одевались по форме, хорошо вели строевые занятия и умели применять главное средство насаждения вожденной дисциплины — розгу. В такой ситуации ничто не могло помешать проникновению в Корпус таких людей, которых к воспитанию юношества нельзя было подпускать на пушечный выстрел. Они и проникли.

Падение качества офицерского состава началось в середине 1800-х гг., до тех пор основу составляли люди, отобранные Кутузовым и Ламсдорфом, в большинстве своем или достойные, или просто честные. Не удивительно, что, когда начались войны, все они стали добиваться перевода в строй, постепенно были туда переведены и служили с честью (многие погибли или были изувечены). К началу 1810-х гг. офицеров, о которых кадеты могли сказать доброе слово, было уже очень немного, а к концу клингеро-вского правления ситуация стала катастрофической: достойных и порядочных людей среди офицеров Корпуса не осталось почти вовсе. Теперь любовью воспитанников

пользовался тот, кто не слишком жестоко порол и умел улыбаться, большего кадеты не смели требовать. Потому что Клингер, сам всегда мрачный и никогда не улыбающийся, требовал каменных лиц и от офицеров, полагая сие непременным условием успеха дисциплины. Смеха и улыбок директор терпеть не мог и не только кадетов за них наказывал, но и офицеров официально отчитывал (впрочем, Клингер не выносил не только смеха, но и вообще яркого проявления эмоций: за «кричание» на кадетов офицер мог поплатиться не меньше, чем за улыбку). Постепенно офицеров «клингеровского» типа в Корпусе набралось немало: непроницаемые, каменные лица, холодные сердца и неотвратимая суровость. Горько думать о детях и подростках, порученных их воспитанию!

Символом, сутью, идеалом и самой характерной чертой Кадетского корпуса при Клингере стала розга. Никогда прежде ее не применяли с такой страстью, с такой любовью и жестокостью. Приговаривали кадетов к порке ротные офицеры, и, зная качество последних при Клингере, можно понять, что пощадить от них кадетам ждать не приходилось. Характерно, что сам Клингер распоряжений о телесных наказаниях никогда не отдавал, от строевого обучения кадетов, где царили ротные офицеры и сечение назначалось всего активнее, совершенно устранился и даже в официальных случаях парадом Корпуса не командовал. Вместе с тем чуть ли не единственной беседой, которой Клингер удостаивал кадетов (с которыми вообще-то почти не общался и старался даже не встречаться), был диалог примерно следующего содержания: «Вам розги дали?» — «Так точно, ваше превосходительство, дали!» — «Крепко дали?» — «Так точно, крепко!» — «Хорошо».

При таком подходе директора понятно, что пороли в Корпусе постоянно, и изречение одного из ротных командиров, человека в целом характеризуемого как довольно мягкого, рисует корпусные нравы исчерпывающе. Когда кадеты поинтересовались, почему офицер предписал их товарищу суровую порку за совершенно пустяковый проступок, тот с искренним изумлением ответил: «Помилуйте, господа! Стыдно дать гренадеру меньше пятидесяти розог!»

Пятьдесят розог для гренадера и правда были легким взысканием. Розги нормировались по ротам (не по возрасту). В 3-й и 4-й ротах разрешалось назначать от 10 до 25 ударов. Это считалось

пустяком, хотя находились офицеры (особенно прославились капитаны Михаэль и Аргамаков), которые так «выдрессировали» производивших порку отставных солдат, что и двадцатью пятью ударами умели запороть кадета до того, что, весь в крови, он попадал из умывальной комнаты прямо в лазарет. В остальных ротах полагалось давать не меньше 25 ударов, а верхней границы, в сущности, не было. Нередко встречаются упоминания о 100 розгах, иногда и о 200.

Все же заметим, что рассказы о том, как кадетов запарывали до увечий и даже до смерти, являются безусловными легендами. Каждый случай смерти кадета в Корпусе являлся событием чрезвычайным, порождал громадную переписку, целый ряд осмотров тела, взыскания и долгие последствия. Поэтому мы совершенно точно знаем, что умирали кадеты редко (за 25 лет царствования Александра I через корпус прошло до 2500 кадетов, из них умерло чуть больше 200, примерно один из двенадцати, что даже меньше, чем в XVIII в., когда умирал в среднем один из девяти-десяти), и умирали почти исключительно от тяжелых болезней, а в редких остальных случаях — от бытовых травм или по неосторожности*.

Физическому здоровью кадетов розги не вредили. Но здоровью моральному, конечно, наносили непоправимый вред. Одно из самых горьких свидетельств этому находим в воспоминаниях знаменитого писателя Ф.В. Булгарина, учившегося в Корпусе в клингеровские времена. Однажды он на «отлично» сдал экзамен, сам присутствовавший на испытании Клингер похвалил кадета, удивился, почему у него плохие текущие отметки, и остался за это недоволен учителями. После экзамена командир гренадерской роты, в которой состоял тогда Булгарин, полковник Пурпур (сын директора павловских времен), не обронив ни слова, за руку отвел ликовавшего кадета в умывальную комнату, где «так выпорол розгами, что меня полумертвого отнесли в госпиталь!» Мальчик болел месяц «и от раздражения нервов едва не сошел с ума». Страшная память о несправедливой порке

* Самый трагикомический случай произошел в 1813 г. Кадетов кормили плохо, и по ночам они иной раз совершали воровские набеги на кухню. Во время одного из таких набегов 15-летний кадет в темноте свалился вниз головой в бочку с мукой и задохнулся. Его напарник, стараясь помочь товарищу, повалил бочку, но так неудачно, что сам упал и был бочкой придавлен: она раздавила юноше грудную клетку, и он скончался спустя несколько дней.

и жестокости офицера сохранилась у Булгарина на всю жизнь, так что «года через четыре по выходе моем из корпуса, встретив в обществе человека, похожего лицом на Пурпура, я вдруг почувствовал кружение головы и спазматический припадок».

Травма, нанесенная чувствительной душе Булгарина, конечно, печальна, но еще печальнее то, что атмосфера Корпуса времен Александра I коверкала и более стойкие натуры. Нравы кадетов в это время жестоко и непоправимо испортились. «Доброй семейственности», «единства кадетов и воспитателей», даже их видимости, в Корпусе не осталось в помине. На смену им пришли постоянный конфликт, молчаливое, но упорное противостояние кадетов начальству. А следствием стало то, что все обыкновенные сложности замкнутых детских коллективов: тирания старших младшими, сильных слабыми, подчинение индивидуальности коллективному давлению, — ранее старательно и искусно сдерживавшиеся, теперь развились и приобрели крайние, гипертрофированные формы.

Кадет и офицер, учитель стали теперь врагами; то, что отдельные лица, главным образом учителя, пользовались любовью кадетов, дела не меняло, исключения лишь усугубляли правило: видя, что начальник все-таки может быть человеком, кадеты только больше ожесточались против тех, кто человеком быть не хотел. Обычные для детских коллективов формы противостояния воспитателю, подкрепленные тесной товарищеской спайкой кадетов, расцветали буйным цветом. «Ошикивание» и «освистывание» учителей, когда весь класс начинал вдруг издавать душераздирающие звуки, срывавшие урок, или «мычание», когда все кадеты целый урок «мычали» не открывая рта, стали обычным делом, и редкий учитель ни разу им не подвергался. Мелкие пакости, например «кошачьи концерты» (пробраться ночью под окна офицерской квартиры и там визжать и шуметь, лишая наставника сна) или тайная порча вещей (чаще всего — пробраться в прачечную и там измять, изрезать, порвать начальственное белье), устраивались постоянно и в случае успеха сулили славу и восхищение товарищей злоумышленников. Приводило это и к гадкой жестокости: кадеты не гнушались выдрать гриву или повредить ногу офицерской лошади. А предметом особенных издевательств служили собаки Клингера — страстный собачник, он всегда держал несколько псов, и если те появлялись в поле зрения кадетов, а начальства рядом не

оказывалось, то бедных животных терзали безжалостно: доходило до сломанных лап, кровавых ран и выбитых глаз. Кормили кадетов плохо, и иной раз (опять же, если поблизости не было офицеров) несъедобные пироги или котлеты летели в головы поваров и экономов, а щи разливались по полу столовой.

Издеваться над офицерами было опаснее — тут незамедлительно следовали розги, а были те, кто мог, не моргнув глазом, перепороть всю роту. Но и против офицеров нашлись свои методы: кривляться за спиной командира, швырнуть ему что-нибудь в спину из-за угла, незаметно выпачкать чернилами мундир, воткнуть гвоздь в стул. Случалась и совсем изобретательная месть. В 1818 г. гренадерская рота по общему сговору на глазах грозного и всемогущего графа А.А. Аракчеева так медленно и неумело выполнила строевое учение, что разразился скандал: Клингер получил выговор, командир роты сел под арест, а потом был с позором изгнан из Корпуса. За свое торжество гренадерская рота, правда, тоже жестоко поплатилась — были и розги, и аресты, и изнуряющая муштра на плацу, а главное — на место уволенного был, естественно, назначен другой офицер, еще более рьяный строевик и любитель сечения, чем его предшественник.

В условиях постоянного противостояния начальству корпоративное товарищество кадетов, естественно, развилось до наивысшей степени. Наушничество стало невозможным, осмелившихся донести начальству на товарищей в буквальном смысле слова «истребляли»: систематически били, грабили, унижали и неизбежно доводили до отчисления из Корпуса. Здесь кадеты были безжалостны: права на ошибку не признавалось, шанса исправиться не давали. Довольно было оступиться однажды, и кадетская жизнь «фискала» была кончена. Надо отметить, что как бы ни были плохи корпусные офицеры времен Александра I, они все-таки были детьми своего века и своего сословия: доноительство даже ими признавалось за невыносимую подлость, и осуждение его кадетами офицеры если не поддерживали, то по крайней мере молчаливо одобряли.

Столь же жестко действовало правило «сговора». Если сообществом кадетов принималось какое-то решение, то не исполнить его было невозможно. Если решали врать, то врали все — кто не умел врать, должен был молчать, пусть даже под розгами и арестом. Если решали что-то сделать, пусть даже и гадость,

то делали все, и не одобрявшие замысла в том числе. Если общим приговором давали кому-нибудь поручение, его необходимо было выполнить, чего бы это ни стоило. Именно в те годы родилась знаменитая кадетская «эстафета» (позже называвшаяся еще «телеграфом»). Всем корпусом кадеты собирались редко, регулярно — только за построением перед едой, что усложняло сообщение между ротами. И потому, если рождалось какое-нибудь решение, которое нужно было сообщить всему Корпусу, это можно было сделать только во время общего построения. Решения подобного рода принимались, конечно, в старшей, гренадерской роте. И когда весь Корпус выстраивался, правофланговый гренадер быстро, в краткой и четкой форме шептал решение на ухо товарищу слева, тот передавал следующему, и так в считанные мгновения сообщение облетало всех. Не послушаться приказания, переданного по «эстафете», было совершенно невозможно, это представлялось чем-то вроде святотатственного потрясения основ, невиданным и невероятным преступлением, хуже даже доноса. Какое наказание ждало слушников «эстафеты», нам неизвестно, видимо, потому, что таковых просто не находилось.

Жестокое пресс корпусной дисциплины и розог порождал ответную грубость во всем — в речи, в поступках, в нравах. Уже в середине 1810-х гг. среди кадетов считалось недостойным оправдываться. Слезы, мольбы о прощении еще можно было простить воспитанникам младших рот, но за оправдания товарища окружали насмешками и презрением. Назначили наказание — иди и терпи, а виноват — не виноват, какая разница?! Развилось и грубое молодечество: считалось достойным молча переносить самые жестокие розги, лежать под ними неподвижно, так, чтобы тебя не приходилось держать или привязывать к лавке, вставать после наказания с улыбкой. Кадеты похвалялись рубцами от розог, перепачканным кровью бельем. Конечно, вести себя так могли немногие, но кто мог, пользовался у товарищей уважением и автоматически становился лидером.

Столь же грубо относились и к учебе. Учиться хорошо считалось позором, преступлением перед товариществом, стремлением «выставиться» перед начальством. Становиться беспробудным неучем, не вылезающим из-под розог, было необязательно (хотя это и вызывало восхищение), но если кто-то начинал систематически выделяться в учебе, то кадетская

среда немедленно заставляла его понизиться до признаваемого пристойным уровня — балансирования на грани неудовлетворительной оценки. Кто не соглашался, обрекал себя на самую тяжелую жизнь.

Как ни странно, разгильдяйство приветствовалось только в учебе, в строю же, напротив, ценились выправка и молодцеватость, в форме — аккуратность и педантизм. Таков был дух времени: суть военного дела для Александра I исчерпывалась строем и формой (иному его не научило и целое десятилетие наполеоновских войн), а кадеты стремились стать хорошими военными. Слабый, нерасторопный кадет, который терялся в строю и не умел толком «отбивать темпы», подвергался постоянным унижениям и издевательствам. Товарищи не просто презирали его за слабость, но и тиранили за то, что от нерадивости одного страдали все: строевые приемы проверялись не индивидуально, а в общем строю, где и оценки были коллективными. Рота могла идеально выполнить строевой прием, но довольно было одному сбиться с ритма — и все сто двадцать его товарищей получали неудовлетворительную оценку.

Как мы уже говорили, в ротах кадеты были перемешаны по возрасту, разница между воспитанниками в одной роте могла достигать шести, в редких случаях — даже восьми лет. Естественно, в такой ситуации возникала тирания младших старшими, причем она была двоякой: внутри роты старшие по возрасту и времени поступления в роту царили над младшими, а в масштабах Корпуса гренадерская рота царила над всеми, 1-я — над всеми, кроме гренадерской, 2-я — над 3-й и 4-й. Две последние, где числились в основном воспитанники одного возраста, четкой иерархии между собой установить не могли, между ними шла постоянная борьба за первенство, доходившая до форменных драк «стенка на стенку». Однажды в 1820 г. в таком выяснении отношений между 3-й и 4-й ротами должны были принять участие по 40 человек с каждой стороны. Драться решили ночью, в запертом и запущенном корпусном саду. Но случилось так, что пробиравшиеся к месту драки кадеты были перехвачены, и на следующий день все 80 человек поголовно перепороты. Драка не состоялась, но 4-я рота на время завоевала лидерство благодаря розгам: кадеты этой роты держались на порке лучше, большинство не пришлось привязывать к лавкам, все встали сами, а плакали и кричали толь-

ко человек пять-шесть. Напомним, что речь мы ведем о мальчишках 12—13 лет, а дали им по 25 розог «жестоко» — все были высечены до крови.

Справедливости ради нужно отметить, что тирания была не единственной формой отношений старших и младших. Довольно широко, особенно внутри рот, было развито «заступничество», когда старший кадет принимал под покровительство младшего и своим авторитетом, а если надо, то и кулаками, защищал его от нападок. «Заступник» обычно нес ответственность за проступки подопечного перед товарищами, а также обучал его принципам кадетского товарищества.

Тиранство старших имело определенные границы. До подобия современной «дедовщины», когда старшие издеваются над младшими без причины и меры, оно, конечно, не доходило. Кроме того, существовали разные способы избавиться от гнета старших: у кадетов выработались определенные правила чести, которые соблюдались строго. Если младший выносил власть старшего стойко, покорно, но без подобострастия, жалоб и страха, с достоинством, то вскоре приобретал уважение и освобождался от гнета. Существовал и более быстрый способ: тирана можно было вызвать на поединок, коим являлась простая драка до первой крови, происходившая непременно в окружении товарищей, выступавших судьями и свидетелями дуэли. Конечно, 12—13-летние мальчишки редко решались на сражение с 18—20-летними гренадерами, но иногда отчаянные головы находились даже среди самых маленьких. Победить в поединке им, конечно, было никак невозможно, но когда малыш выходил на «старика», ценился уже не результат, а отвага. Если младший решался на дуэль и держался достойно, то есть действительно дрался и не просил пощады, то даже поражение становилось его победой: храбрость и стойкость кадеты ценить умели и такого задиру от тиранства освобождали с почетом. Был и другой выход: правила кадетского кодекса чести разрешали младшему драться не самому, а выставить за себя защитника. Как добывался защитник, не имело значения — его можно было даже просто нанять (за деньги, сладости, какие-нибудь услуги и т. п.); не имел значения и возраст, например, если 12-летний кадет вызвал на поединок 15-летнего и вместо себя выставил 20-летнего верзилу, то никаких поблажек 15-летнему не делалось — он должен был драться в любом случае.

Право вызова на поединок было обставлено целым рядом условностей. Вызывать можно было либо сверстника, либо старшего, вызывать младшего не допускалось (его, при желании, можно было просто поколотить без церемоний). Получивший вызов сверстник мог отказаться, но старший такого права не имел — он был обязан или драться, или сразу признать свое поражение. Вызов объявлялся не прямо, а через посредство секундантов (как минимум двух), каковые выбирали момент для объявления вызова таким образом, чтобы при этом обязательно присутствовали не меньше пяти-десяти товарищей вызываемого по роте. Вызванный также назначал секундантов, после чего, совершенно как при настоящей дуэли, секунданты обеих сторон назначали встречу, на которой договаривались о времени, месте и условиях поединка. Начальство поединки, конечно, не одобряло, а потому дуэли приобретали среди кадетов особую привлекательность и их участники почти всегда становились героями.

Кодекс кадетской чести знал еще один непростительный поступок — воровство. Но здесь существовали свои тонкости. Категорически не допускалась и жесточайше преследовалась кража личных вещей у товарищей. Однако кражи корпусного имущества — библиотечных книг, канцелярских мелочей, белья и одежды — напротив, одобрялись и служили признаком молодечества. И совершенно особняком стояла кража еды. Красть провизию из корпусной кухни и кладовых — это было, что называется, святое дело. Отнять провизию не возбранялось и у товарища. Прямое воровство, однако, не допускалось, равно как и грабеж. Уже позже, в 1840-е гг., завелось обыкновение, когда старшие приказывали младшим приносить из дому сладости и отдавать им, но и тут наличествовал некоторый такт: сладости приносились специально для старших. Личную еду кадета, и казенную, выданную в столовой, и домашнюю, можно было присвоить только в результате замысловатой махинации: выиграть в какую-нибудь игру, подловить на слове, обмануть, спровоцировать всплеск эмоций. В подобном выманивании лакомств у товарищей кадеты проявляли удивительную изобретательность.

Раз уж мы заговорили о еде, то посмотрим, как кадетов кормили, причем захватим период сразу трех царствований — Павла Петровича, Александра I и Николая I, потому что существенных

перемен в кадетском столе за это время не происходило. В Корпусе существовали две столовые залы: одна для гренадерской и 1-й роты, вторая — для всех остальных. Кухня была общая. (Особняком стояли Малолетнее отделение и лазарет, имевшие собственные кухни и столовые.)

В каждой зале в два ряда стояли накрытые скатертями столы (на 12 человек каждый) и скамьи. За каждый стол садился один кадетский унтер-офицер, раздававший кушанье и наблюдавший за порядком. В столовой для старших салфетки полагались всем, во второй — только унтер-офицерам. Салфетки менялись ежедневно, а скатерти — дважды в неделю. Приборы были грубоватой работы и дешевые. Кадетам давали фаянсовые тарелки и стаканы, серебряные ложки, серебряные ножи и вилки с деревянными или костяными черенками. На каждом столе всегда стояли графин с водой или квасом и овальная деревянная хлебница зеленого цвета.

Столовую посещали в обед и ужин. Утром кадетам раздавали по булке. Ели булки на ходу, кто хотел пить — шел в умывальную комнату, где всегда стоял специальный ушат с питьевой водой и при нем ковшик. Съев свои булки, кадеты шли на занятия, а вернувшись, находили в спальне на подушках по полуфунтовому (200 г) ломтю ржаного хлеба с солью (интересно, что хотя относительно качества пищи воспоминания кадетов расходятся, в одном все мемуаристы согласны: хлеб в корпусной пекарне всегда пекли удивительно вкусный). В 2 часа дня кадетов вели на обед, состоявший, как считалось в то время, из трех блюд, которые сегодня мы скорее обозначили бы как два. Первым блюдом всегда был суп — щи (свежие, кислые, ленивые) или крупяной (перловый, гороховый, манный, рисовый или овсяный). Вторым блюдом считалось жаркое — кусок жареного мяса или птицы. Одновременно подавалось и третье блюдо, которое мы сегодня скорее назвали бы гарниром ко второму, — картошка (чаще всего пюре, реже — целая) или каша (более чем в половине случаев — гречневая, а также перловая, пшенная, гороховая, чечевичная, овсяная, рисовая). Кашу обязательно заправляли сливочным маслом. Пили за обедом воду или квас. В 7 часов подавался ужин — последняя трапеза, почти всегда картошка или каша, заправленные подсолнечным маслом.

Среды, пятницы, последние недели Великого и Рождественского постов были постными — в эти дни вместо мяса давали

рыбу (чаще всего корюшку или другую дешевую рыбу из Невы — плотву, окуня, щуку), а кашу и картошку приправляли льняным или конопляным маслом.

К обеду часто, но не каждый день, а к ужину изредка помимо всего прочего давали пироги — с мясом, рыбой, грибами или кашей. По воскресеньям и праздникам после обеда выдавалось «сладкое» — незамысловатые пирожные из заварного или слоеного теста с заварным кремом, но чаще брусничным вареньем, слоеные пирожки с тем же вареньем, пышки или хворост. Кроме того, «мясную порцию» по воскресеньям и праздникам старались сделать повкуснее: в эти дни кадетам доставались гуся, утки или куропатки. На Пасху кадеты обязательно получали куличи, пасху и по два-три вареных яйца.

Щи, каша и картошка подавались в фаянсовых супницах и мисках, по одной на стол. Мясо и рыба выдавались нормированными кусками — по одному на кадета. По счету отпускались булки, пироги и сладкое. Черный хлеб за обедом и ужином всегда лежал на столе без ограничений.

Мясная порция кадета составляла полфунта (200 г) в день. Однако это был не чистый вес жаркого, а вес сырого мяса с костями, хрящами и жилами, причем из этой же нормы выделялось мясо для супа в скоромные дни. Рыбы в постные дни полагалось по три четверти фунта (300 г) на человека.

Все описанное выше было общим правилом, соблюдавшимся в Корпусе постоянно в течение более чем полувека. Но это не значит, что разные времена не приносили своих особенностей. На количество и качество кадетской пищи влияли три главных составляющих: личность корпусного эконома, состояние финансов и мода. В конце XVIII в. идеальной системой физического воспитания юношества считалась английская. Повинуясь этой системе, Бецкой ввел в кадетский рацион знаменитый гибер-суп — холодную и очень жидкую овсяную кашу на воде, которую можно было есть ложкой, а можно и пить. Кадетов, которые гибер-суп откровенно не любили, продолжали им пичкать до середины 1800-х гг. Правда, доставался он не всем, а только 3-й и 4-й ротам и только по утрам — эти две роты до 1806 г. водили в столовую по утрам — пить гибер-суп и есть булки. В 1806-м гибер-суп из кадетского рациона окончательно исчез, и младшие роты по утрам в столовую ходить перестали — утренние булки они, как и другие кадеты, ели на ходу.

Другой английский обычай переняли в 1797 г.: за обедом кадетам стали давать по стакану портера — крепкого и густого темного пива. По воскресеньям и праздникам портер полагалось заменять рюмкой мадеры. Новшество продержалось недолго, уже к 1801 г. от него не осталось следа, причем причиной его отмены послужили не медицинские соображения, а скудость корпусной казны: она и квасом обеспечивала кадет не без труда, а импортные портер и мадера были ей совсем не по силам. Память о недолго существовавшем обеденном портере сохранилась, однако, надолго — кадеты помнили об этом даже в 1850-х гг.

Третьим веянием моды были горячие напитки. В первые 30 лет XIX в. корпусное начальство время от времени делало попытки поить кадетов чаем или кофе, но попытки терпели крах все по тем же финансовым причинам. Причем еще больше, чем расходы на чай и кофе, по казне Корпуса ударили расходы на сахар: когда подавали чай или кофе, сахар, естественно, выставлялся на столы, а кадеты были обычными детьми и сладкое видели редко. Поэтому сколько ни выстави сахару, он оказывался к концу обеда или ужина выбран весь подчистую. Из-за сахара между кадетами возникали стычки. И начальство отказалось от «чайно-кофейных» идей.

В постоянный кадетский рацион горячий напиток вошел только в 1840-х гг., и им стал традиционный российский сбитень — растворенный в кипятке мед, приправленный пряностями. Сбитень давали дважды в неделю по постным дням — в среду и пятницу, считая, что он возместит отсутствие в такие дни мяса. И действительно, кадеты сбитень любили, так что постные дни ожидали с нетерпением.

Периодически в рационе кадетов появлялись и другие продукты. В начале 1800-х гг., в 1820-х и 1850-х часто давали молоко. Нередко появлялось на столах сливочное масло, изредка — вареные яйца. Особыми лакомствами кадетов не баловали. Считалось, что пища в Корпусе «простая, но здоровая», и, пожалуй, с этим утверждением можно согласиться. Желудки у кадетов были здоровыми, и даже эпидемия холеры 1830—1831 гг. в Корпусе не проявилась.

Тощие финансы Корпуса оказывали на кадетский рацион самое прямое влияние. До 1816 г., как и в XVIII в., кормить кадета полагалось на 18 копеек в день — весьма почтенная сумма

для 1732 г., когда она была впервые установлена, ко второй половине 1800-х гг. превратившаяся в ничтожный минимум. Напомним, что в 1800 — 1810-х гг. Корпус был переполнен кадетами чуть ли не вдвое против штата, а содержание часто выдавалось казной с задержками, а то и не полностью. Корпусному начальству приходилось отчаянно экономить и всячески изворачиваться, чтобы прокормить кадетов. Клингеровские времена прославились плохим качеством и скромным количеством пищи, но, будем справедливы, сам Клингер тут был не виноват. Трижды — в 1807, 1812 и 1815 гг., когда эконом являлся к директору с докладом, что в казне Корпуса денег нет и кормить кадетов на следующей неделе нечем, Клингер прибегал к последнему средству: открывал свой кошелек и выдавал для нужд кухни собственные деньги (причем обратно их получать даже не пытался), суммы весьма существенные для генерал-майора с 3000 рублей годового жалованья — по 200 — 250 рублей каждый раз.

Из-за нищеты при Клингере пришлось вводить порции: на стол давались только одна супница щей и только один «котелок» каши или картошки. Кадетам хватало по полной тарелке, но только по одной. Голодать в эпоху порций кадетам не приходилось, но и наесться до отвала тоже. Впрочем, кадеты, как и все мальчишки, о финансовых сложностях Корпуса и прочих объективных причинах не желали думать: именно в 1800 — 1810-х гг. чаще всего случались «бунты» в столовой с разливанием супа и швырянием пирожками, а также и грабительские набеги на кухню. Самый громкий набег состоялся в ночь на Чистый Четверг 1815 г. — пробравшиеся на кухню кадеты съели поставленное там тесто для пасхальных куличей, которые должны были быть испечены утром, и иные лакомства, заготовленные к праздничному столу.

Во времена Бецкого, Ангальта и Кутузова качество пищи ниже определенного уровня никогда не опускалось, потому что целый ряд служителей Корпуса — надзиратели и ротные офицеры — обязаны были есть вместе с кадетами за одними и теми же столами. Сам Ангальт нередко обедал и ужинал вместе с кадетами, во времена Кутузова и Ламсдорфа есть с кадетами были обязаны дежурные офицеры. Такой способ контроля был весьма действенным.

Клингер в столовую и на кухню не заглядывал никогда. Корпусные офицеры в его время тоже навещали столовые редко и

неохотно. Правда, многие из них формально могли получать кадетскую еду — офицер либо столовался в Корпусе (в этом случае к кадетским обеду и ужину добавляли еще одно блюдо), либо получал вместо провизии небольшую прибавку к жалованью. Холостые офицеры, жившие при Корпусе, обычно пользовались корпусной кухней — обеды и ужины доставлялись в судках к ним на квартиру. Но нередко повара особо готовили для офицеров не только дополнительное блюдо, но и весь обед — во избежание лишних неприятностей.

Впрочем, была и другая причина тому, что Клиндер, а затем и его преемник — генерал-майор М.С. Перский не посещали кухню. Столом кадетов безраздельно заведовал эконо, а экономом Корпуса со времен Кутузова более сорока лет являлся А.И. Бобров — личность замечательная и пользовавшаяся полным доверием директоров. Пока Бобров следил за кадетским столом, директор мог быть уверен — все, что можно сделать для кадетов, будет сделано самым наилучшим образом.

Бобров стал литературным героем — ему посвятили строки К.Ф. Рылеев, Н.С. Лесков и еще несколько менее примечательных поэтов и писателей. В молодости он служил в армии, воевал с турками, дослужился до бригадирского чина и стал лично известен Кутузову, пригласившему Боброва в Корпус, которому долго не везло с экономами после смерти в 1790 г. легендарного И.И. Сойкина, заправлявшего корпусным хозяйством при Бецком и Ангальте. Маленький, толстенный, всегда насупленный, невероятно неряшливый ворчун, Бобров все сорок лет проходил в одном и том же мундире екатерининских времен, и когда скончался, то его пришлось хоронить за казенный счет. Всю силу своей души он отдал кадетам, которых ласково именовал «мошенниками».

Это был человек невероятной доброты и заботливости. Кадетов он любил до обожания, и они, в холоде клиндеровской поры живо откликавшиеся на любое теплое чувство, отвечали Боброву тем же. Он никогда не покидал Корпуса, день и ночь хлопотал по хозяйству, баловал и ласкал «мошенников» как мог. От Кутузова Бобров унаследовал привычку делать подарки выпускникам Корпуса из бедных семей — белье и серебряные ложки. Таких выпускников случалось каждый год по несколько десятков, и на подарки им уходило все жалованье эконома. Во времена, когда Боброву приходилось кормить кадетов скупо и

невкусно, он страдал физически; если в его лысую голову швырялись пирожками, не жаловался начальству, но, напротив, когда вспышка детской проказы проходила, кадеты шли к Боброву извиняться, а тот рыдал и винил во всем только себя.

В тяжелом для финансов Корпуса 1813 г. Бобров заложил все свое имущество, истратил деньги на кадетов, всего лишился и пять лет спал в своей квартире на сломанной кадетской кровати и негодном тюфяке, пока несколько состоятельных выпускников Корпуса не подарили ему приличную обстановку. Как только в 1816 г. финансовые проблемы немного отступили, Бобров немедленно уничтожил порции супа и каши, каждый стал получать сколько захочет.

На особом попечении Боброва находились больные и наказанные. Первым при Боброве не было отказа ни в чем, даже если они требовали тонкие вина или редкостные медикаменты. Вторых Бобров окружал опекой и самым трогательным утешением. Попавший под розги мог быть уверен, что где-нибудь его отыщет эконо́м, ворчливо приласкает и сунет какую-нибудь сладость. Посаженные на хлеб и воду арестанты знали наверняка — если товарищи не смогут стянуть пирогов и доставить «страдальцам», то уж Бобров в любом случае накормит и утешит.

В ведении Боброва находилась не только кухня, но и баня, прачечные, уборка, отопление, все финансы Корпуса, множество других забот. Со всем этим он справлялся так хорошо, как только можно было при имевшихся условиях и средствах. Зная о качествах Боброва, мы можем уверенно заключить, что в хозяйственном отношении в пору его экономства для кадетов делался максимум возможного, и если Корпус чего-то недодавал, то только по внешним причинам.

Бобров скончался в 1839 г. Преемниками его до конца царствования Николая I были люди бесцветные и в большинстве своем нечистые на руку.

* * *

В 1820 г. 67-летний Кли́нгер подал в отставку, и директором был назначен состоявший с 1819 г. инспектором классов 44-летний генерал-майор Михаил Степанович Перский, «коренной кадет» — выпускник ангальтовских времен, воспитывавшийся в Корпусе с четырехлетнего возраста. Человек это был высокодостойный, оставивший по себе добрую память. Однако преж-

де чем говорить о директорстве Перского, мы должны коснуться некоторых обстоятельств формальной истории Корпуса второй половины 1810-х — начала 1820-х гг.

Когда отгремели наполеоновские и другие войны, сотрясавшие Россию с начала XIX в. до 1814 г., когда судьбы послевоенной Европы были устроены и Александр I, двор и армия возвратились в Отечество, правительство снова смогло обратиться к внутренним делам, в том числе — к военному образованию и Кадетскому корпусу. Застой, к которому привело Корпус управление Клингера, стал уже настолько ощутим, что сам император пожелал «улучшить и подтянуть» Корпус. Клингера по-прежнему окружали почетом, но в жизни Корпуса начали происходить перемены.

Все началось с утверждения в 1816 г. нового штата. Теперь в Корпусе полагалось содержать 1000 кадет, разделенных на 5 рот (гренадерскую, 3 мушкетерских и резервную) и Малолетнее отделение. Бюджет Корпуса увеличили до 600 тысяч рублей в год. Особые привилегии при поступлении в Корпус получили дети погибших офицеров — таких после пятнадцати лет непрерывных войн в России было немало.

Неудовлетворенность императора работой Клингера привела к созданию новой начальственной должности в системе военного образования. Формально над Клингером стояли шеф Корпуса князь Зубов, но он в 1814 г. совершенно устранился от любых дел, и главноначальствующий над кадетскими корпусами великий князь Константин Павлович, но его управлению была поручена присоединенная к России Польша, он безвыездно жил в Варшаве и был чрезвычайно обременен делами. Таким образом, обе начальственные фигуры оставались совершенно декоративными, а потому появилась третья, действующая.

В ноябре 1819 г. Александр I учредил должность главного директора кадетских корпусов и всех прочих существовавших в России заведений для подготовки офицеров. Формально главный директор подчинялся главноначальствующему над кадетскими корпусами, но фактически был совершенно самостоятелен. Назначен был на эту должность герой наполеоновских войн генерал от инфантерии граф Петр Петрович Коновницын, перед тем 3 года занимавший пост военного министра. Коновницын был личностью сильной и примечательной во многих отношениях: человек широкого и аналитического ума, блестящий

П.П. Коновницын

военный, фантастически работоспособный труженик (его рабочий день составлял обыкновенно 18 часов: в полдень часовой перерыв на обед, ночью — пять часов сна, остальное время в делах и с такой интенсивностью, которой не могли выдерживать даже молодые генеральские адъютанты — за один рабочий день генерала адъютанты при нем сменялись трижды), методист и вместе с тем чуткая, пронизательная и творческая натура, он, помимо всех прочих достоинств, обладал педагогическим даром и широкой по-

пулярностью. Возглавляя Военное министерство, он находился в очень тяжелом, стесненном положении, а потому сам просил о переводе на должность, пусть даже и низшую, на которой ему будет позволено действовать самостоятельно и полезно.

С приходом Коновницына к руководству кадетскими корпусами в последних (в том числе и 1-м Кадетском) сразу повеяло свежим воздухом. Один из учившихся в ту пору кадетов даже написал в мемуарах, что «в корпусе все переродилось и переменялось к лучшему, словно бы возвратились времена незабвенного директора Екатерининского века графа Ангальта». Это, конечно, преувеличение — сразу все не переродилось, но перемены начались и пошли по нарастающей.

Коновницын, который в 1812 г. занимал должность дежурного генерала при Кутузове (то есть одновременно начальника штаба и правителя канцелярии главнокомандующего), фактически являясь его первым помощником, как никто другой знал, что успех любого дела, тем более — в военной среде, зависит прежде всего от того, кому дело поручено. И Коновницын как мало кто другой умел отбирать нужных людей. Именно он определил в 1-й корпус М.С. Перского, позаботился, чтобы тот занял должность инспектора классов и пользовался широкой свободой действия. По протекции Коновницына в Корпус было принято несколько достойных офицеров (к сожалению, надолго они не задержались и через 2–4 года все ушли на повыше-

ние или в отставку), а также начато обновление и пополнение состава учителей (здесь были крупные удачи: в Корпус попало несколько отменных преподавателей, работавших затем с кадетами по 10–25 лет).

Символический знак начала перемен Корпус получил еще немного раньше, в 1818 г., когда впервые с павловских времен на него было обращено непосредственное внимание императора. При Екатерине II и Павле Петровиче на Царицыном лугу поставили несколько памятников замечательнейшим полководцам конца XVIII в., в том числе фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. Александр I был страстным любителем парадов (для каковых Царицын луг и предназначался), размеры гвардии при нем много выросли, и памятники стали мешать проведению военных церемоний. Тогда император распорядился перенести памятники и для обелиска Румянцева выбрал особое место. Считалось, что П.А. Румянцев учился в Корпусе, а потому обелиск решено было перенести на Васильевский остров и поставить на берегу Невы, на площади между зданиями Академии художеств и Кадетского корпуса. Перенос памятника и его открытие на новом месте были обставлены с большой пышностью. Площадь перед Корпусом, где стоял теперь обелиск, получила название Румянцевской, и Александр I высказал

Румянцевский обелиск. Современное фото

пожелание, чтобы важнейшие церемонии Корпуса проходили именно здесь, перед памятником самому знаменитому полководцу из числа выпускников Корпуса.

Характерно, что заботы о переносе памятника были возложены на военного министра — Коновницына, непосредственным исполнителем тот назначил Перского, на параде в честь открытия обелиска присутствовали император и его брат Николай Павлович, собралась половина военного и чиновного Петербурга, весь Корпус в парадном строю и все его офицеры кроме... директора Клингера. Не вынося строя и шума, тот отказался от присутствия на церемонии, сославшись на болезнь. Сцена получилась символической: вместе собрались инициатор перемен — Александр I, будущие исполнители — Коновницын и Перский, а «хранитель старины» — Клингер — отошел в тень.

Заметим здесь, что Клингер в последние годы своего директорства вообще практически отошел от дел Корпуса. Он почти не покидал квартиры: облаченный в колпак и халат, просиживал целые дни в вольтеровском кресле, обложенный бумагами, рукописями и перьями, тут же ел, тут же выслушивал доклады дежурных офицеров и унтер-офицеров, причем с его уст обычно не слетало ни слова: кивок головой означал разрешение начать доклад, еще один — что доклад принят, одобрен и докладчик может быть свободен. Даже учебная часть, ранее пользовавшаяся хоть каким-то вниманием директора, теперь была им заброшена, поэтому, когда инспектором классов назначили М.С. Перского, она безраздельно оказалась в его руках, и он деятельно взялся за ее улучшение.

Первым делом М.С. Перский отменил телесные наказания за неуспехи в учебе. Теперь розги грозили только тому, кто получил оценку в 0 баллов на ежегодном экзамене, а 0 (из возможных 12) ставили только тому, кто в буквальном смысле не мог сказать ни слова.

12-балльная шкала отметок тоже была нововведением Перского, равно как и вообще новая четкая система контроля знаний. Впервые с основания Корпуса Перским было введено понятие учебного года, который продолжался с начала сентября (возвращение кадетов с летних каникул) до начала июня (выход в лагерь). Год делился на два «полугода», границей служили рождественские каникулы. Первый полугод, в свою очередь, делился на два «отдела» (по 2 месяца каждый), второй — на три.

В течение каждого отдела ученики, отвечая на уроках, получали отметки. В конце трети из всех оценок, полученных учеником в отдел, высчитывалось среднеарифметическое, рассматривавшееся как «отдельная» оценка. Если ученик в течение отдела получил только три или меньше текущие оценки, то этого считалось недостаточно для отдельной отметки, и ему устраивалось дополнительное испытание по предмету. В конце полугодия из отдельных оценок выводилась средняя, и если в конце первого полугодия она составляла 4 балла или меньше (что считалось неудовлетворительным), то ученику приходилось остаться в Корпусе на рождественские каникулы и в конце их сдавать специальный «испытательный» экзамен. В конце года кадеты сдавали годовые экзамены по всем предметам, изучавшимся в течение года, причем те, кто получил по 12 баллов в первом и втором полугодии, от экзамена освобождались. Отметки на экзамене выставлялись вне зависимости от полугодических оценок. Если кадет получал на экзамене 9 баллов и выше, то он переводился в следующий класс вне зависимости от полугодических оценок. Если результат экзаменов составлял от 5 до 8 баллов, то вопрос о переводе на следующий курс решался в зависимости от соотношения экзаменационной и полугодических оценок (для чего была выработана специальная шкала). Если экзамен был сдан на 4 и ниже, то полугодические оценки приобретали высокое значение: когда они обе были больше 9, то ученик переводился в следующий класс, когда ниже — то оставался на второй год или даже переводился классом ниже. В целом система экзаменационных и периодических (полугодических и отдельных) оценок была довольно сложной, но вместе с тем и полезной — она позволяла отдать справедливость тому, кто хорошо учился в течение года, но вдруг провалился на экзамене, и давала шанс тому, кто плохо учился в течение года, но смог собраться к экзамену.

Примечательно в системе оценок Перского было то, что неудовлетворительно учившихся кадетов не только оставляли на второй год, но иногда переводили через несколько классов. Теоретически плохо учившийся 18–20-летний гренадер из 1-го (старшего) класса мог быть переведен даже в 7-й (младший), к мальчишкам 12 лет. Изредка это происходило и в действительности, что вызывало нарекания на систему Перского: оказавшиеся в младших классах «старички» обычно уходили из Корпуса, не вступая в военную службу, и казенные деньги, потраченные на

подготовку офицера, пропадали впустую. Однако Перский продолжал придерживаться своей системы, эффективно стимулировавшей кадетов к учебе и в основе своей (12-бальная шкала оценок, учет полугодовых и экзаменационных оценок) просуществовавшей до конца истории Корпуса.

Помимо новой системы контроля знаний Перский создал и новую организацию учебного процесса. Учебный курс был разделен на 7 классов (7-й — младший, 1-й — старший), программа каждого класса была рассчитана на один учебный год, только в 1-м следовало пребывать 2 или 3 года. По классам кадеты распределялись в зависимости от возраста (по-прежнему относительно к делению по ротам), но помимо возраста учитывался и уровень знаний. Если кадет был хорошо подготовлен до поступления в Корпус или быстро делал успехи, то он мог быть переведен в класс старшей, чем тот, в котором учились его одноклассники (и бывали случаи, когда в одном классе с 18–20-летними оказывались 13–14-летние вундеркинды).

Будучи глубоко образованным человеком, Перский считал своим долгом досконально знать любой предмет, преподающийся в Корпусе, и долг этот безукоризненно исполнял. Знания эти ему были необходимы потому, что Перский в своей новой организации учебной деятельности не ограничился общими мерами введения новых систем оценок, классов и составлением программ — еще большее внимание он уделял качеству преподавания. Для этой цели Перский ежедневно обходил Корпус во время классных занятий — когда два, когда четыре раза в день — и непременно посещал уроки (при двухразовом обходе — половину уроков, ведущихся в этот день, а при четырехразовом — все без исключения уроки). Для этих посещений был заведен специальный порядок — они проводились так, чтобы совершенно не мешать ходу урока. Приветствовать директора и обращаться на него внимание ни учителю, ни кадетам не разрешалось. Во время урока (всегда неожиданно) тихо открывалась дверь, Перский входил и садился на свободное место (обычно специально оставляемое на одной из парт рядом с дверью), сидел некоторое время (никогда не меньше 10 минут), не говоря ни слова, не вмешиваясь в ход урока, не делая никаких письменных заметок, затем неожиданно тихо вставал и уходил. Бессловесное поведение директора не должно было создавать впечатление того, что он отбывает номер. Перский обладал чутким вни-

манием и великолепной памятью. Если он замечал хоть какое-нибудь упущение, то учитель в тот же день приглашался после уроков к нему на квартиру, где директор имел с ним частную, но весьма серьезную беседу. При таком ежедневном, профессиональном и неизбежном контроле преподавать плохо учителей Корпуса не было никакой возможности, а если таковые преподаватели находились, то Перский, не церемонясь, выставлял их из Корпуса.

Не довольствуясь обходами, по окончании уроков Перский, опять же ежедневно, без всяких исключений, приказывал подавать себе все классные журналы, где фиксировались оценки кадетов и краткие сведения о проведенных уроках, и досконально изучал их. Таким образом, от внимания директора не могли ускользнуть не только работа учителей, но и успехи кадетов — стоило кому-нибудь из воспитанников начать регулярно получать плохие оценки, и он чувствовал себя неуютно, зная, что Перскому это известно.

Став директором, Перский сохранил за собой пост инспектора классов, и до самой своей смерти в 1832 г. продолжал исполнять обе должности в неизменном соответствии с заведенным им порядком. Внешность Перского была весьма колоритна: среднего, ближе к высокому, роста, плотный, очень приятной и чрезвычайно представительной наружности, он всегда был безупречнейшим образом одет в строгом соответствии с формой. Всегда при шпаге, всегда со шляпой, которую в помещениях, как того требовали правила, он нес в левой руке, а на улице неизменно надевал. Впрочем, на улице Перский оказывался редко. Во времена Бецкого и Ангальта он 16 лет рос в Корпусе, не выходя за его пределы. Эти стены стали ему родными, и теперь, став директором, Перский не покидал их *никогда*. Он не имел семьи, не ездил ни в гости, ни в театр, ни в присутственные места. Рассказывают, что когда однажды Перского из окон увидел идущим по улице вдоль здания Корпуса, весть молнией облетела всех кадетов, и те толпами бросились к окнам, чтобы увидеть казавшееся им невероятным зрелище: «Михаил Степанович прошел по улице!»

Передвижения Перского по Корпусу подчинялись заведенному им же порядку, которого директор строго придерживался с тем, чтобы при необходимости любой кадет или служитель Корпуса мог найти его в любую минуту. За полчаса до подъема

кадетов директор, облаченный в полную форму, выходил из своей квартиры и первый раз обходил Корпус. Затем, когда кадеты ели утренние булочки, Перский возвращался в квартиру, выпивал чашку кофе с такой же булочкой, как у кадетов, а потом в кабинете принимал ежедневный доклад дежурных офицера и унтер-офицера. Во все продолжение учебных занятий Перский обходил классы, а когда кадеты шли на обед, возвращался в свою квартиру и тоже обедал (еду ему приносили из корпусной кухни). После обеда директор отправлялся в канцелярию и там работал с бумагами, пока не начинались вечерние занятия. Все время уроков Перский снова ходил по классам, затем возвращался в квартиру, ужинал, принимал вызванных им учителей и офицеров, работал с журналами. В 8 часов вечера директор являлся в канцелярию, отдавал распоряжения на будущий день, подписывал бумаги, принимал эконома с докладом. Через полчаса после отбоя он вновь обходил Корпус, обязательно заглядывая в кадетские спальни, и потом возвращался в квартиру, дверь которой запиралась до утра (впрочем, при первой необходимости Перский покидал квартиру в любое время ночи, на сборы ему требовалось ровно 15 минут: даже если генерал спал, через четверть часа он выходил из квартиры вымытый, выбритый и в полной форме). Вся прислугу Перского составлял один отставной солдат Андреев: он сопровождал генерала во время обходов Корпуса, открывая перед ним двери, и вообще, если Перский куда-то шел, Андреев всегда был рядом. Он же носил директору еду из кухни, а пока генерал занимался на квартире или в канцелярии, заботился о его мундире, прибирался и занимался другими хозяйственными делами.

Кроме Андреева при Перском состоял один адъютант; пока директор обходил Корпус, адъютант непременно находился в канцелярии, всегда зная, где в данную минуту директор, если кто-то в Перском срочно нуждался, он обращался к адъютанту, и тот немедленно направлял его к директору. Другой прислуги или помощников М.С. Перский не имел.

Жил Перский крайне скромно: в его квартире посторонние допускались только в кабинет, что было дальше — никто не знал, но среди кадетов ходили легенды, будто квартира столь по-спартански скромна, что генерал считает неприличным показывать ее посторонним. Все необходимое для жизни Перский получал наравне с кадетами: ел ту же пищу, мылся тем же мы-

лом, спал на тех же простынях. За пределами Корпуса Перский ничего не покупал, кроме мундирных вещей и бритв, ради приобретения которых денщик Андреев три раза в год покидал стены Корпуса, в которых был таким же добровольным затворником, как и его господин.

Перский отличался редкостным самообладанием. Он всегда держался одинаково и с малышом из Малолетнего отделения, и с государем императором, и с кадетом любого возраста, и с корпусной прачкой. Всегда спокойный, всегда в высшей степени представительный, достойный, внимательный и доброжелательный. Поколебать ровное настроение Перского было невозможно. Его открытое лицо было или приятным, или привлекательно улыбающимся. Заставить его нахмуриться, разозлиться или, напротив, безудержно расхохотаться никогда и никому не удалось.

Единственная ситуация, в которой Перский позволял себе чуть-чуть поиграть мимикой, это когда он подвергал кадетов наказанию. Наказание директор признавал только одно: поставив перед собой провинившегося кадета (причем для этого тактично находился такой момент, чтобы встреча произошла как будто случайно и вдали от товарищей виноватого), чуть сдвинуть брови, ткнуть его пальцем в грудь или в лоб и ровным, чуть гнусавым голосом отчитать. Обычно отчитка сводилась всего к нескольким словам: «Господин такой-то. Вы совершили то-то и то-то. Я с прискорбием вынужден убедиться, что вы дурной кадет!» Иногда, если вина была очевидна и совершена не так давно, чтобы выветриться из мальчишеской головы, отчитка и вовсе сводилась к сдвинутым бровям, тычку пальцем и словам «Ду-у-урной (именно так, с растянутой «у») кадет!» Но если обстоятельства были серьезными, то простоять под тычками директорского пальца можно было и полчаса, и больше. Эффективность такого наказания была непревзойденной. «Ду-у-урного кадета» воспитанники Корпуса боялись больше розог, подвергнуться директорскому выговору считалось страшной катастрофой, нередко вызывавшей тяжелую моральную травму, слезы и горячее желание «стать хорошим», чтобы «утешить Михаила Степановича». Одобрения Перского тоже были скупы — улыбка, поглаживание по голове, короткие, сказанные ровным и приятным голосом слова: «Отменно!», «Хорошо!», «Вы, сударь, меня порадовали!» — но стоили они дорого, на сердце кадетов

оставляли глубокий след, а главное — поступали неизменно и вовремя. Сделавший доброе дело, отличившийся кадет никогда не оставался без награды директорским вниманием, причем здесь Перский обычно подгадывал так, чтобы приласкать достойного в присутствии товарищей.

Тонкий педагог и человек великой души, воспитанный в екатерининские времена, Перский не выносил телесных наказаний и грубости. Отменить розги он не мог, но употребление их свел к предельному минимуму. Пороть разрешалось только за строй. Наказание по-прежнему назначали ротные офицеры, но им самим присутствовать при сечении было строго запрещено. Наказания были облегчены и нормированы не по ротам, как прежде, а по возрасту: кадеты младше 14 лет могли получить от 5 до 15 ударов, с 14 до 16 — от 10 до 30, старше 16 лет — от 15 до 50. Розги за дисциплинарные нарушения тоже теоретически допускались, но на практике почти всегда заменялись арестом.

Но еще более, чем розог, Перский не выносил грубости. Если он заставлял офицера кричащим на кадетов или до него доходили сведения о склонности офицера или учителя к эмоциональным вспышкам, а тем более — брани, виновному немедленно следовало приглашение в тот же день посетить директорскую квартиру. Если беседа с глазу на глаз не помогала, то Перский не останавливался перед тем, чтобы добиться отчисления офицера. «Я могу смириться с тем, что вы не находите возможным отказаться от розог, готов даже допустить, что в розгах может отыскаться какая-то необходимость или польза. Но оскорблять кадетов отвратительно, и я вам такой гадости никогда не позволю!» Эти слова, сказанные Перским одному неводержанному на язык офицеру, лучшим образом рисуют воспитательное кредо директора, которого он придерживался очень жестко. Результаты воззрений Перского и насажденного им порядка лучше всего рисуют воспоминания одного из кадетов: «Пороть-то нас пороли, и иной раз изрядно. Но было и хорошее, чего теперь нет. Души нашей не трогали и умели так с нами обращаться, что ни разу за все мои годы в Корпусе не почувствовал я себя от начальства обижен».

Процедуру назначения розг Перский усложнил. Раньше ротный офицер в любое время мог взять кадета, отвести в умывальную комнату и там приказать выпороть так, как пожелает. Теперь, если офицер во время строевого занятия находил, что

кадет достоин телесного наказания, то он должен был заполнить специальный «билет», где описать вину и рекомендуемое наказание. С билетом кадет прежде всего отправлялся к корпусному доктору, который имел право наказание отменить или уменьшить (правда, должен был подробно описать в билете, какие медицинские показатели служат тому причиной), а затем в канцелярию Корпуса, к дежурному офицеру, тот тоже имел право отменить или уменьшить наказание. Дежурный офицер делал пометку в специальной штрафной книге и, если наказание все-таки должно было состояться, отводил виноватого в умывальную, где объявлял служителям, сколько дать ударов, а затем немедленно удалялся — ни офицеры, ни другие кадеты присутствовать при порке не имели права. Какой бы серьезной ни была вина, но если кадет приговаривался к наказанию первый раз за учебный год, то ему можно было назначить только минимально допустимое для его возраста число ударов (5, 10 или 15). Во второй раз число ударов можно было увеличить на пять, в третий — еще на пять и так далее.

Ограничение телесных наказаний и формальности при их назначении значительно уменьшили применение сечения, но вовсе не истребили — в 1820-х гг. в умах существовало совершенно неколебимое убеждение, что учить строю без розог невозможно в принципе. По этой причине, а может быть, и потому, что воспитанному в ключе идей Бецкого и Ангальта Перскому была вообще неприятна строевая муштра, директор совершенно устранился от строевых занятий. Строй он знал прекрасно, в официальных случаях, на церемониях и парадах, всегда сам командовал Корпусом и выполнял это в высшей степени импозантно. Но на строевых занятиях Перский никогда не бывал, в вопросы обучения строю не вмешивался, полностью предоставив эту область заботам ротных офицеров, из которых образовал для строевых дел специальный совет, работой коего руководил старший корпусной офицер*.

Забываясь о развитии знаний кадетов и расширении их кругозора, Перский с 1821 г. снова открыл библиотеку. Однако двадцатилетие клингеровского правления и общий дух времени сделали свое дело: читали кадеты мало и неохотно. Кроме того,

* Один из ротных командиров — полковник или подполковник, дольше других состоящий в своем чине.

конец царствования Александра I был временем сильнейших гонений на свободу печати, огромное количество книг признавалось «неблагонадежным». Перскому пришлось провести полную ревизию библиотеки, для чего были вызваны опытные цензоры, в итоге $\frac{2}{3}$ библиотечных фондов были признаны «неподходящими» для юношества и закрыты для кадетов. Остались доступными учебники, научные работы и безобидная беллетристика довольно низкого качества.

Во времена учебы Перского в Корпусе процветала словесность: кадеты издавали журналы, много пробовали себя в стихах и в прозе. Можно было ожидать, что Перский попытается возродить интерес кадетов к литературному творчеству. Но время было другое. Сочинительство, занятия литературой вызвали крайнее подозрение правительства, и даже самые лояльные проправительственные писатели были власти неприятны. Перский чувствовал дух времени и против общего порядка вещей не шел. Существовало предание, что в 1820—1840-х гг. кадету, написавшему что-нибудь в прозе, полагалось 25 розог, а в стихах — 50. Это, конечно, выдумка, никакой шкалы наказаний за сочинительство не существовало, но кадеты не писали, и руководство Корпуса было этим довольно.

Большим успехом, чем библиотека, у кадетов пользовался музей, который в том же 1821 г. был открыт для постоянного свободного посещения (кадеты могли приходиться туда сами или с учителями и офицерами в любое время, кроме часов сна, классных и строевых занятий), причем приборы и модели было не только разрешено трогать руками (за что раньше пороли), но это даже поощрялось. Ряд приборов вернули из музея в классы, в коридорах и помещениях Корпуса вновь появились батальные картины и портреты. Заботился Перский и о познавательных экскурсиях кадетов за пределы Корпуса. Хотя и нечасто — раз в год, а то и реже, — но кадетов водили в Императорский Эрмитаж и Музей Академии художеств.

Изучая фигуру Перского, мы вполне можем предположить, что этот человек мог сделать для Корпуса еще больше. Но работу Перского сдерживали — и сдерживали сильно — два определяющих обстоятельства: деньги и дух времени. В финансовом отношении Корпус при Перском продолжал постоянно балансировать на грани бедности: денег хватало, но только на самые насущные нужды, не более. Перский старался отбирать

хороших учителей, но нанять не мог — слишком мало было предоставляемое Корпусом жалование. Он искал хороших офицеров, но и тут был ограничен; хотя с 1810 г. корпусные офицеры были пожалованы старшинством в один чин перед армейскими (то есть поручик Корпуса получал жалование как капитан армии), хотя в Корпусе был упразднен чин майора и служащие там офицеры производились из капитанов прямо в подполковники, все равно жалование оставалось слишком низким, чтобы удержать людей, да и карьерная перспектива не привлекала: достичь подполковничьего чина можно было относительно быстро, но подняться выше — почти невозможно. Поэтому и качество офицерского состава при Перском хотя заметно улучшилось, но до блестящего доведено не было.

Корпус знал людей, беззаветно преданных кадетам и готовых служить им самоотверженно, не считаясь с жалованием и карьерой, — самого Перского, эконома Боброва, выдающегося учителя Закона Божьего отца Михаила, доктора Зеленского, нескольких учителей. Но такие люди составляли меньшинство. От лиц вредных, жестоких, недостойных Перский Корпус освободил, но с большим количеством посредственных служителей вынужден был мириться — заменить их было нечем. Те же финансовые обстоятельства не позволяли директору существенно улучшить рацион кадетов, условия их содержания, предоставить воспитанникам больше возможностей для развития и увлечений.

Дух времени оказывал на Корпус еще более сильное сдерживающее влияние. Мы уже говорили выше, что Перский розог не терпел, но уничтожить их не мог. То же касалось и развития образования: здесь инициативы Перского упирались в порог правительственного представления о том, что военному много знать не нужно, да и вообще — излишнее умственное развитие приводит к вольнодумию, а потому вредно.

В первые годы директорства Перского его предприятия находили поддержку главного директора кадетских корпусов — генерала П.П. Коновницына, протекции которого Перский был обязан своим появлением в Корпусе. Коновницын скончался в 1822 г., его место занял генерал от кавалерии Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, заметно себя на этой должности не проявивший. Однако в конце 1825 г. скончался император Александр I, престол занял его брат, и события, сопровождавшие его

воцарение, привели к появлению над Корпусом и его директором начальника, при котором пришлось сдерживать многие добрые начинания.

* * *

Трагические обстоятельства воцарения Николая I хорошо известны. Император Александр I не имел сыновей. Престол должен был перейти к его брату, Константину, но тот загодя отрекся от короны, и наследником был сделан третий сын Павла Петровича — Николай. Александр окружил свое завещание глубокой тайной — о нем не знал даже Николай, и понадобился почти целый месяц переписки между Таганрогом (где умер Александр I), Петербургом (где находился Николай), Варшавой (где находился Константин) и Москвой (где хранилось завещание), чтобы разобраться, кому быть новым императором. Ситуацией междоусобия решили воспользоваться заговорщики, вошедшие в историю как декабристы. Желая установить в России на словах республиканское правление, а на деле — власть военной хунты (с правительством, посты в котором загодя были расписаны между заговорщиками), они попытались прибегнуть к военному перевороту.

14 декабря 1825 г., в день присяги Николаю I, заговорщики обманом (утверждая, что истинный наследник Константин и он желает сократить срок службы и увеличить жалованье солдат, чему противится узурпирующий трон Николай) взбунтовали 1-й батальон Лейб-гвардии Московского полка, Гвардейский морской экипаж (состоявший из 4 рот) и две роты Лейб-гвардии Гренадерского полка. Предполагалось, что бунт удастся поднять в большинстве гвардейских полков, войска окружат резиденцию Николая I — Зимний дворец, где император будет вынужден подписать конституцию. План сразу провалился: обмануть удалось меньше $\frac{1}{20}$ от общей численности гвардии. С такими силами окружать Зимний дворец декабристы не осмелились, они вывели солдат на расположенную неподалеку Сенатскую площадь, построили и повели себя в высшей степени подло: поняв, что дело проиграно, продолжали часами держать солдат в строю, дожидаясь, пока верные долгу войска не будут вынуждены применить силу. Правительство пыталось разрешить дело миром. Солдат уговаривали, но когда они заколебались от пламенных речей горячо любимого войсками героя

1812 г. генерала графа М.А. Милорадовича, декабрист Каховский выстрелил ему в спину из пистолета, а князь Одоевский добил раненого генерала штыком. Когда Лейб-гвардии Конный полк атаковал бунтующие войска — при этом конногвардейцы не обнажали оружия и следовали приказу не наезжать конями на людей, — заговорщики приказали солдатам стрелять боевыми патронами. Уже под вечер император Николай I решился на крайность — по бунтующим был дан залп картечи из четырех орудий. Мятеж немедленно завершился: несколько десятков солдат, поплатившись за подлость заговорщиков жизнью, были убиты, остальные бросились бежать.

Сенатская площадь расположена на берегу Невы, прямо напротив зданий Кадетского корпуса, из окон которого происходившее было видно как на ладони. Когда заговорили пушки, многие солдаты-бунтовщики побежали по льду замерзшей Невы, пересекли реку и оказались перед воротами Корпуса. Около тридцати раненых дальше двигаться не могли и вошли в Корпус.

В однообразной жизни Корпуса бунт стал чрезвычайно занимательным событием, вызвавшим горячий мальчишеский интерес. Что именно происходит на другом берегу Невы, кадеты толком не знали, они видели оживление, ряды войск, наконец, услышали гром пушек, а потом в воротах Корпуса появились раненые. Естественно, кадеты толпами кинулись к раненым и окружили их самой горячей заботой: перевязали, уложили на свои кровати, напоили, за ужином не стали есть пирогов, украли их из столовой и накормили страдальцев. О том, что они обихаживают бунтовщиков, кадеты не знали, а если бы и знали, это их вряд ли бы остановило: понятия воинской чести Перский воспитал в них великолепно, и для кадетов и выпускников Корпуса раненый враг переставал быть врагом. Ночью солдаты были увезены под арест, а кадеты несколько дней упивались приключением и соприкосновением с чем-то, напоминавшим «настоящую войну».

Кончилось все, однако, большими неприятностями. Вскоре в Корпус приехал Николай I и перед строем высказал неудовольствие действиями кадетов. Смелые ответы Перского несколько смягчили ситуацию (Николай: Здесь дух нехороший. — Перский: Военный, ваше величество. Николай: Отсюда Муравьев и Рылеев. — Перский: Отсюда Румянцев, Репнин, Дибич, все

фельдмаршалы, и отсюда граф Толь. Николай: Они бунтовщиков кормили. — Перский: Они так воспитаны — биться с неприятелем без пощады, но раненых привечать как братьев), но полностью недовольства императора не сняли. Николай отдал очередное распоряжение «подтянуть» Корпус (правда, оно в равной мере касалось не только 1-го, но вообще всех кадетских корпусов) и для этого определил человека — 14 декабря 1826 г. вместо Голенищева-Кутузова главным директором кадетских корпусов был назначен генерал-адъютант Николай Иванович Демидов.

Демидов был человек неприятный. До 1824 г. он служил в строю, но ловко умел избегать опасностей: произведенный в генералы уже в 1803 г., он за все 15 военных лет начала XIX в. ухитрился принять участие только в сравнительно неопасной войне со Швецией 1808–1809 гг., на которой осмотрительно выбирал места подальше от сражений и боевых порядков, зато умел выхлопотать себе максимум возможных наград (ордена Святого Георгия и Святого Владимира 3-й степени). С 1824 г. Демидов состоял «для поручений» при Николае — инспектировал военные поселения, заседал в разных комиссиях, ведал строительством церквей военного ведомства.

В жизни Демидов был фанатично набожен и суеверен, отличался редким ханжеством, склонностью к слащавому брюзжанию. Говорили, что если дорогу его коляски перебежала кошка или переходил священник, то он возвращался домой и не выезжал до следующего дня. Если ночью слышал вой собаки — бросался в ближайшую церковь, требовал ее открыть и молился до наступления утра. Если ему случалось оказаться рядом с женщиной, декольте которой не было прикрыто вуалью, весь следующий день постился и каялся. Впрочем, эти слухи могут быть и утрированы — современники не любили Демидова и, конечно, сплетничая о нем, передавали гадости и преумножали их. Но любить Демидова было и не за что.

Демидов одним из первых разгадал главную слабость Николая I — любовь к хорошим вестям. Николай был человек эмоциональный, если он узнавал нечто плохое, то неподдельно и глубоко расстраивался, иногда злился и начинал деятельно работать, чтобы исправить положение. Но хорошие вести радовали сердце императора. Поскольку сам он был безукоризненно честен, то и своих ближайших соратников считал такими же

честными, а потому приносимым ими хорошим вестям верил безоговорочно. Те, кто умел пользоваться этой слабостью Николая I, докладывали императору только хорошее (пусть для этого приходилось искажать действительность, а то и откровенно лгать), приобретали его доверие, а следовательно — должности, чины и награды. Демидов неизменно посылал Николаю рапорты, рисующие положение дел в порученной ему области как безусловно блестящее. За это он пользовался полным расположением и доверием императора.

Демидов в 53 года выглядел и держался стариком. Когда он являлся в Корпус и становился перед строем рядом с директором, то казалось, что это люди разных поколений: Перский, которому было уже почти 50, выглядел лет на двадцать моложе. Демидов называл кадет «детушками», дарил им конфеты, писал книжки о пользе нравственности и бесплатно раздавал их каждому воспитаннику (потом заставлял выучивать наизусть), читал им морали о добродетели послушания и пользе учтивости, вообще старательно разыгрывал образ «добротого дедушки». Но кадеты «дедушку» ярко ненавидели, и слащавые манеры не могли их обмануть. В отношении подчиненных Демидов был холодно жесток и бездушен.

Работу в должности главного директора кадетских корпусов в отношении 1-го корпуса Демидов начал с того, что в соответствии с монаршим указанием решил его «подтянуть». Явившись в Корпус под Рождество 1826 г., он потребовал подать ему журналы с отметками кадетов 17 лет и старше за «полугод», и тех из них, у кого отметки окажутся неудовлетворительными, отчислить из Корпуса и немедленно выпустить в армию унтер-офицерами. Распоряжение повергло Перского и весь присутствовавший Совет Корпуса (куда входили Перский, старшие офицеры и учителя) в шок. Перский попытался в обычной своей тактичной, но железно доказательной манере возразить, но Демидов объявил, что он приказывает и обсуждению его приказы не подлежат. Тогда Перский демонстративно распустил Совет, заметив, что Корпус — структура военная, приказы тут выполняются безукоризненно и собирать Совет для их объявления незачем — достаточно сообщить приказ директору.

Требование Демидова о массовом выпуске неудачников унтер-офицерами не имело прецедента. В XVIII в. плохих учеников выпускали унтер-офицерами, но это была не разовая акция,

а постоянно текущий процесс, попадали под выпуск унтер-офицером те, кто, просидев в Корпусе много лет, не выучились в буквальном смысле слова ничему. Таких всегда оказывалось немного, да и положение унтер-офицера-дворянина в армии XVIII в. было вполне сносным: устраивались обычно в полк, где офицерами состояли родственники или знакомые, служба особенно не обременяла, и через несколько лет можно было рассчитывать на производство в офицерский чин. Со времен Екатерины II унтер-офицерами не выпускали, считалось, что эта служба дворянина недостойна; сыграло и свою роль принятие Манифеста о вольности дворянства; напомним, дворянин теперь имел право в любое время выйти в отставку, так что если кадета выпускали унтер-офицером, то он, как правило, сразу уходил со службы. Правительство знало об этом, а потому совсем уж негодных кадетов не выпускало унтер-офицерами, а попросту выгоняло из Корпуса, прописывая в паспортах, что они не годны ни к какой службе.

В XIX в. ситуация в корне изменилась. В офицеры из унтер-офицеров теперь практически не производили, даже дворян. Унтер-офицер, независимо от происхождения, должен был прослужить как минимум 10 лет. И служба была одинаково тяжелой, к какому бы сословию он ни принадлежал. Поэтому Демидов, выгоняя из Корпуса плохих учеников (причем по результатам полугода, когда отметки были промежуточные и многие могли еще их поправить ко времени экзаменов), подвергал их наказанию более суровому, чем испытали некоторые заговорщики-декабристы, — 10 беспросветным годам унтер-офицерской службы невесть в каком полку (выбирать не позволялось). Ужас расправы Демидова потряс Корпус. Никакие розги и аресты клингеровских времен не внушали кадетам такого страха и отвращения. Тем более что исключение из Корпуса неудачников (а Демидов велел исключить не только тех, кто имел неудовлетворительные отметки, от 0 до 4, но и тех, у кого средний балл за полгода составил 5 или 6, всего 27 человек) было обставлено унижительной церемонией. В назначенный день в фехтовальной зале Корпуса свалили кучу солдатских шинелей, а снаружи выстроилась вереница саней. Несчастных ввели строем, зачитали приказ об исключении, заставили снять кадетские мундиры, одеть шинели и солдатские бескозырки. Затем им объявили, кто в какой полк назначен. К каждому был при-

ставлен жандарм, который с обнаженной саблей выводил своего кадета во двор и садился с ним в сани, куда уже был погружен сундучок кадета. Сани немедленно уезжали. Отчисленные кадеты не успели даже написать писем родным.

Вскоре Демидов, уже показавший кнут, решил дать и пряник. Под Новый год он приехал знакомиться с Корпусом. Кадетов выстроили в Большой зале, главный директор в сопровождении Перского вышел перед строем и, сладко улыбаясь, проговорил: «Здравствуйте, детушки!» Кадеты молчали. Для современного человека вроде бы ничего существенного, но для военных XIX в. ситуация катастрофическая: высокий начальник здоровается со строем, и тот ему не отвечает. Это была не шалость, не пустяк, это было преступление против устава и дисциплины, самый настоящий бунт, заслуживающий жестокого наказания. Положение спасла только мудрая находчивость Перского. Видя, что кадеты молчат, директор громко обратился к Демидову: «Ваше превосходительство, они вам не отвечают, потому что не приучены к обращению не по уставу. Но если вы обратитесь к ним, как к кадетам, то они непременно ответят вам, как положено». Авторитет Перского среди кадетов был настолько высок, что его скрытый приказ отвечать был понятен даже малышам. Когда Демидов сказал: «Здравствуйте, кадеты!», Корпус, как и полагалось, в один голос грянул: «Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!» Довольный Демидов расплылся в улыбках, долго расписывал, как он любит кадетов, а затем велел раздать им конфет. Кадеты их взяли, но по «эстафете» передали приказ, что с ними делать. Когда церемония кончилась, Корпус до последнего младшего кадета вереницами потянулся в уборные, где подаренные Демидовым лакомства нашли печальный конец. Подобное обращение с подарками главного директора (а раздавал конфеты Демидов затем довольно часто) вошло в правило.

Заслуживший у кадетов прозвища «душегуба», «кровопийцы», «свиньи», «гадюки» и «старого пердуна», Демидов, особенно в 1827—1829 гг., довольно активно вмешивался в жизнь Корпуса. По его требованию еще раз ревизовали библиотеку, после чего кадетам перестали выдавать даже невинную беллетристику — только учебники и научные работы. Проглядев однажды штрафные книги, Демидов в присутствии многих офицеров сказал Перскому: «Что-то, батенька, у вас тут как-то

мяченько. Вот я давеча во 2-м корпусе был, так там и по двуста розгов назначают запросто. Надо б вам, душа моя, того, построже, — и, обращаясь к офицерам, добавил: — Господа, уж вы, пожалуйста, утешьте меня, старика, постарайтесь!» (Перский после отъезда главного директора сумел, однако, удержать офицеров от стремления строго следовать начальственным указаниям.) Увидев на некоторых картинах, висевших в коридорах Корпуса, полуобнаженные тела, Демидов приказал эти полотна убрать как «безнравственные». Не обладая никаким образованием, он пытался вмешиваться в образование, причем придерживался здесь единственного принципа: поменьше наук и уроков, побольше строя. На возражения по поводу сокращения учебных программ как-то возразил: «Помилуйте, пустое! Вот я ничему не учен и книжек не читаю, а извольте видеть — службу честно и аксельбант* ношу!» Если бы Перский был склонен к двуличию, то, являя главному директору внешнее почтение, мог бы относительно свободно действовать за его спиной. Но директор Корпуса был человеком безупречной чести, лицемерить не умел, и дисциплина для него была нерушимым законом: приказания начальника должны исполняться, какими бы они ни были. За исключением случая с розгами, Перский всегда действовал прямо, если возражал, то возражал в глаза, подчас добивался своего, но полностью нейтрализовать вредное влияние Демидова не мог. Количество строевых занятий пришлось увеличить за счет некоторых уроков, Корпус лишился нескольких хороших учителей. А брошюры Демидова с поучениями о нравственности кадетам пришлось учить наизусть и отвечать на экзаменах.

Впрочем, мертвящее влияние Демидова удалось в какой-то степени нейтрализовать благодаря вниманию, которое оказывал Корпусу император Николай I. Уже вскоре после воцарения Николай выразил неудовольствие тем, что в воинское обучение кадетов не входит такая важная часть, как лагерный сбор. И в июне 1826 г., после окончания годовых экзаменов, Корпус, впервые после 1811 г., выступил в лагерь. С этого времени и до конца истории Корпуса лагерь стали обязательным ежегодным событием.

* Аксельбант (наплечный витой шнур) — знак различия адъютантов; Демидов, указывая на аксельбант, имел в виду свое генерал-адъютантское звание.

В 1826 г. лагеря располагались в Красном Селе, а затем, до конца царствования Николая I, в Петергофе или в отдельные годы (1831, 1847, 1852) в Царском Селе. Путь в лагеря всегда давался кадетам тяжело (обратно окрепшие за полтора месяца непрерывных упражнений на открытом воздухе кадеты возвращались намного бодрее), тем более что в середине июня и погода частенько не баловала: поход приходилось иной раз совершать под холодным дождем, иной раз — в зной, в густой пыли, толстым слоем покрывавшей воспитанников Корпуса с ног до головы. Выступление в лагеря всегда обставлялось церемонией, а с 1832 г. церемония обрела устоявшийся характер: начиналось все построением и молебном в корпусном дворе, затем кадеты шли на Царицын луг, где в присутствии императора проходил парад всех военно-учебных заведений, прямо с которого колонны кадетов и отправлялись в лагерь. Путь всегда составлял полтора-два дня, ночь кадеты проводили в какой-нибудь деревне, в сараях, а если погода была хорошей и ночи теплыми — то и под открытым небом.

Лагерь 1-го корпуса располагался в одном комплексе с лагерями других кадетских корпусов неподалеку от лагерей полков гвардии и Санкт-Петербургского гарнизона. В лагерях жизнь кадетов совершенно менялась. Науки, учеба — все уступало место военному делу. Жили кадеты в палатках, несли караульную службу и с утра до вечера занимались строем и «пригонкой амуниции» (перешивкой и подладкой мундира, ремней, сапог, киверов, ранцев таким образом, чтобы они идеально сидели по фигуре). Лагеря обыкновенно продолжались с середины июня (в 1826 г. с 18-го числа) и заканчивались в последние дни июля или первые дни августа. Финальным аккордом лагерной жизни были маневры и большой парад, на котором кадетские корпуса представлялись императору вместе с гвардией.

Лагеря, и кадетские, и гвардейские, были любимым развлечением императора, Николай I принимал постоянное и деятельное участие в их жизни. Высочайшего визита можно было ждать в любую минуту — и официального, с вызовом караула, смотром строя, учений и хозяйства, и инспекторского, когда царь являлся неожиданно (в том числе ночью) и вдруг требовал поднять Корпус по тревоге, и «неформального», когда Николай приезжал просто повидаться, а иногда и поиграть с кадетами. Жизнь в постоянном ожидании императора была особенно

напряженной и интересной — концентрации нельзя было терять ни на минуту, потому что неурядиц Николай никогда не упускал из внимания и строго взыскивал за них не с кадетов, а с офицеров.

Лагерный быт многим отличался от корпусного, и для кадетов лагеря в целом были временем приятным. В лагере кадеты размещались по обычным солдатским палаткам, примерно по 10 человек в каждой. Палатки шились из парусины, они хорошо защищали от солнца и мелкого дождя, но когда ударял ливень или, что нередко бывает переменчивым петербургским летом, на несколько дней заряжал непрерывный дождь, парусина промокала, и кадетам приходилось знакомиться с сырыми постелями, промокшей одеждой и прочими подобными неприятностями.

В центре палатки возвышался подпиравший крышу шест, на который в строгом порядке вешали амуницию. Полы в палатках были глинобитные, вдоль стен шли высокие и широкие завалинки, тоже глинобитные, на них стелили доски, и получались кадетские нары. Каждый кадет имел тюфяк и одеяло (белья не полагалось), в головах специально оставляли место для личных вещей. Ружья хранились у входа в палатку составленными в козлы. Все заботы о своей форме, оружии и вещах кадеты в лагере несли сами — служители, чистившие им сапоги и платье в Корпусе, в лагеря не допускались.

Палатки ставились в четыре линии — по числу рот Корпуса — вокруг стоявшей на возвышении штабной палатки, в которой находились дежурные офицеры, караул, и возле нее на специальной стойке, всегда охраняемое часовым, находилось корпусное знамя. Порядок во всем лагере поддерживался образцовый. Позади линии палаток находились умывальники и, под навесами на столбах, кухня и столовая. Кормили в лагере лучше, чем в Корпусе. Во-первых, из тех соображений, что занятые постоянными физическими упражнениями кадеты успевали сильнее проголодаться, и кормить их нужно было как следует; во-вторых, опасались визита императора или кого-нибудь из больших генералов, которые обычно посещали кухню и пробовали кадетскую еду, а то и вовсе садились есть с кадетами. Меню и распорядок кадетского питания оставались в целом те же, что и в Корпусе, но количество и качество пищи повышались.

По утрам ежедневно давали сбитень и не по одной, а по две-три булки, а иногда булки давались и без ограничений. Да-

вали также и черный хлеб или сухари, но не для того, чтобы есть, а чтобы прихватить с собой и в перерывах между занятиями было чем подкрепиться. На обед подавались щи, мясо и каша. Но мяса давали больше, чем в Корпусе — по $\frac{2}{3}$ фунта (примерно 265 г), а то и без ограничений. Кроме того, большие куски хорошего мяса попадались и в щак (в лагере весом мясной порции считался только вес жаркого, мясо для супа не учитывалось). Поставка мяса тяжким грузом ложилась на плечи корпусного эконома. В прочее время мясо кадеты получали исправно, но качество его было средним, говядину обычно ели старую, птицу «худую»: покупать мясо высшего качества не позволяла корпусной бюджет. Бобров в пору своего экономства пускался в сложнейшие операции, чтобы в лагере обеспечить «мошенников», как он называл кадетов, мясом хорошего качества и в избытке, ведь никаких дополнительных денежных сумм на это казна не отпускала. Случалось, что Бобров еще ранней весной — в марте, а то и в конце февраля — закупал поросят, телят и ягнят и за небольшую плату помещал их на откорм у крестьян, живших поблизости от кадетских лагерей. Несколько лет подряд по инициативе Боброва неподалеку от лагеря заводились специальные птичники, где для кадетов растили кур, уток и гусей.

В качестве обеденного питья подавался квас, кроме того, ушат с квасом обязательно стоял в каждой кадетской палатке, делалось это из гигиенических соображений, чтобы кадеты не пили сырой воды. Постоянно находившиеся на жаре, в пыли, в движении, кадеты пили много, и бедному эконому приходилось решать непосильные задачи, где и как раздобыть по 150–180 ведер (1 ведро — примерно 16 л) квасу в день.

На ужин подавались каша или картошка, обязательно со сливочным маслом, часто — со сметаной, а то и с мясом. Для питья — снова сбитень и квас.

Обычных в Корпусе пирогов в лагере не подавали, зато вместо них во время любой трапезы без ограничений выдавался черный хлеб и часто появлялись «зелень» — струганая редька с солью и растительным маслом, огурцы, репа — свежая с маслом или печеная (последнюю кадеты особенно любили и считали за лакомство), свежий зеленый горох в стручках, лук — головками или резаный с солью и уксусом, морковка или капустные кочерыжки. По воскресеньям в качестве лакомства бывали обязательно кисель (чаще всего клюквенный), хворост

и пышки с вареньем. Иногда эконому удавалось раздобыть свежие ягоды — малину, смородину или крыжовник, причем подавали их с молоком или, если повезет, со сливками, и это считалось лакомством получше пончиков. Если в июле поспевали ранние яблоки — знаменитый петербургский сорт «белый налив»*, — то в лагере начиналась настоящая яблочная вакханалия (это было характерно только для 1-го Кадетского корпуса): яблоки без ограничений давали за завтраком, обедом и ужином, часто корзины с яблоками расставлялись по территории лагеря и в кадетских палатках.

В столовой кадеты рассаживались «артельками» по 10 человек за стол. Каждому давали деревянную ложку и глиняный стакан. На артельку ставилась миска со щами или кашей, откуда все хлебали вместе. Как только миска пустела, ее вновь наполняли, причем следили за этим так внимательно, что как бы голодны кадеты ни были, как бы жадно и долго ни ели, они все равно не могли опустошить мисок, и в тех непременно что-то оставалось, когда кадеты вставали из-за стола. Хлеб подавался на деревянных досках, мясо — тоже на досках, либо аккуратно разложенное по порциям, либо «наваленное кучей» — это значило, что сегодня мясо можно брать без ограничений. Постные дни в лагере не соблюдались, так что мясо подавалось ежедневно. Порционные блюда — ягоды, кисель и тому подобное — раздавали в оловянных тарелках, по одной на кадета. Квас и сбитень приносили в глиняных кувшинах.

Умывание в лагере — а мыться приходилось часто, не только по утрам и вечерам, но и после занятий, на которых бывало пыльно, а в дождь и грязно — было поставлено спартански. За линией столовых были прямо под открытым небом расставлены столы с мылом, кувшинами холодной колодезной воды и полотенцами. Утром кадеты должны были обязательно мыться до пояса, вечером — окатываться водой целиком, мыть с мылом лицо, руки и ноги.

* Сегодня этот сорт выродился, а в XVIII—XIX вв. яблоки «белый налив» были очень крупными — с кулак взрослого мужчины, сочными и медвяно сладкими. Спелые яблоки были почти прозрачными: сквозь кожицу и мякоть просвечивали семена. В обычное лето «белый налив» поспевал к середине июля, в холодное — к рубежу июля-августа. Спелые яблоки держались на деревьях около трех недель. Правда, как и сегодня, эти яблоки не переносили хранения — собранные с деревьев, они портились через 3–4 дня.

Бани в лагерях не было. Иногда корпусное начальство умудрялось все-таки сводить кадет помыться горячей водой, но происходило это не каждый год и всего один-два раза за весь сбор: отыскать бани, через которые можно было пропустить почти тысячу мальчишек, в пригородах Петербурга было непосильной задачей.

Несколько неудобно было обставлено дело с естественными надобностями. Санитария в лагерях, где собирались тысячи кадетов и солдат, соблюдалась строжайше. За «исполнение нужды» вне отведенных мест карали без всякой пощады и розгами (часто перед строем) и посылкой на самые грязные работы. Удобства для кадетов делились на «большие» и «малые». «Малые» были устроены позади линии умывальных столов на изрядном удалении (так что если кадет выскакивал по нужде из палатки, то ему приходилось бежать метров за 200), а «большие» еще дальше, так что на визит туда уходило немало времени. Содержалось все это хозяйство в образцовом порядке, здесь даже казна не жалела средств, обильно закупаая сено, известь и прочие средства уборки и нейтрализации запахов. С последними было немало хлопот: если часто объезжавший лагерь император или кто-нибудь из больших генералов попадал в волну нежелательного аромата, кара следовала незамедлительно и беспощадно.

День в лагере строился просто. Подъем — в 5.00 утра, час на умывание, оправку и обмундировку. В 6.00 — построение, молитва и сбитень с булками. С 7.00 до полудня — занятия, перемежавшиеся получасовыми перерывами. В полдень — молитва, обед и час на отдых. С 13.30 до 18.00 — занятия. В 18.00 — молитва и ужин, потом — свободное время. С 20.00 желающие могли ложиться спать, с 21.00 соблюдалась «тишина», в 22.00 давали отбой. В субботу занятия продолжались только до обеда. В воскресенье кадетов поднимали в 8.00 и после завтрака и обмундировки к 10.00 вели в церковь. После службы — улучшенный воскресный обед и свобода до вечера.

Главное место среди занятий занимали строй и подгонка амуниции. Строевые занятия велись индивидуально (для тех, кто в этом нуждался), взводами (по 25—40 человек), ротами и, наконец, батальоном, то есть всем Корпусом. Кроме строя кадеты младшего возраста занимались разными военными играми, а также «беседами». Старшие и средние кадеты впервые от

основания Корпуса практиковались в стрельбе (правда, только по три боевых патрона на каждого за весь лагерный сбор), топографической съемке, ориентировании на местности. Самой тяжелой была вторая половина сбора, когда приходилось тренировать строй всем батальоном, готовиться к параду и заниматься маневрами. Маневры представляли собой имитацию настоящих боевых походов — кадеты с полной выкладкой и оружием маршировали многие версты походной колонной, обычно по плохим дорогам, форсируя заросли, речки и болотца. Останавливаясь на привал, разворачивали дозорную цепь и выставляли все полевые караулы. Во время похода вдруг могли получить команду развернуть боевой порядок — ротные колонны со стрелковой цепью и резервом. Маневр обычно продолжался один день (а всего их за лагерный сбор бывало три-четыре), но ближе к концу лагерей мог длиться и два, и три дня. Во время маневра кухня за кадетами не следовала — они, как положено солдатам, питались квасом, хлебом и ржаными сухарями, которые несли с собой. (Правда, иногда удавалось и полакомиться: в местах расположения лагерей было немало дач, и дачники, всегда расположенные к кадетам, нередко приходили к ним на привалах, принося разные лакомства.)

Особое место в лагерном быте занимала тренировка действий по тревоге. Тревога могла быть подана в любое время дня и ночи. Кадетам полагалось немедленно облачиться в полный походный мундир с амуницией и оружием и выстроиться по ротам на «передней линейке» — дорожке, тянувшейся вдоль всего лагеря перед палатками. Сделать все это нужно было как можно быстрее, буквально в считанные минуты. Передняя линейка тянулась вдоль всего лагерного расположения всех кадетских корпусов, так что кадетам было прекрасно видно, с какой скоростью строятся по тревоге их товарищи из других корпусов. Это порождало горячее соперничество между корпусами: старались выстроиться быстрее и четче, экипироваться лучше, чем соседи. Соперничество мудро поддерживалось начальством. Когда однажды 1-й корпус опередил соседей, собравшись буквально в пять минут, император Николай I долго хвалил его, а проезжая затем мимо строя 2-го корпуса, только махнул рукой и мимоходом, но так, что было слышно доброй половине кадетов, обронил: «Первый быстрее...» Нечего и говорить, что всю следующую неделю кадеты 2-го корпуса отчаянно тренирова-

лись выполнять тревогу, причем часто — сами, без вмешательства офицеров. Когда вновь была подана тревога и 2-й корпус собрался в несколько минут, император широко улыбнулся и объявил: «Молодцы! Теперь вижу, что настоящий первый — Второй!» Естественно, эти слова тут же были доведены до сведения кадетов 1-го корпуса, и там над выполнением тревоги началась еще более горячая работа.

В лагерях многое становилось с ног на голову. Хотя здесь главным занятием был строй, который в Корпусе был главным источником кадетских неприятностей с розгами, наказывали, тем более телесно, в лагере значительно меньше, чем в Корпусе. Причиной служило и то, что здоровая соревновательность, увлечение и необычная обстановка являлись более действенными стимулами к усердным занятиям, чем розги, и то, что в лагере присутствовал директор Перский, горячий противник розог, и, наконец, то, что лагерь находились под постоянным присмотром императора, который розги в военном обучении считал необходимым злом, но усиленное употребление их отнюдь не поддерживал. Если Николай I заставал где-нибудь порку, то офицерам предстоял долгий и неприятный разговор: приходилось во всех подробностях объяснять царю, за какую провинность кадет отправлен под розги, причем высочайший вывод чаще всего бывал таков: «Что же, наказание назначено справедливо. Но если кадет доведен до розог, то это столько же его собственная вина, как и вина его воспитателя. Господа, я вами недоволен!» Выражение высочайшего неудовольствия офицеру в то время было страшнее ареста и даже суда, так что доводить себя до императорского выговора офицеры весьма опасались. По всем этим причинам кадетов пороли мало, предпочитая «ставить под ружье», то есть назначать дополнительные строевые занятия, или же заключать в карцер — специально оборудованный сарай, куда разрешалось брать с собой книги, перья и бумагу, и пребывание в котором большинство кадетов рассматривало как приятный отдых от напряженной лагерной работы.

Помимо всего прочего лагерь доставляли маленькие, но очень ценные радости. Приятно разнообразили лагерный быт купания (обычно в Финском заливе), прогулки по императорским паркам Петергофа и Стрельны. К услугам тех кадетов, у кого водились деньги (иметь их в лагере запрещалось, как и в Корпусе, но начальство смотрело на нарушения сквозь пальцы),

были маркитанты с целыми корзинами сладостей и лакомств (на дне корзин для старших кадетов могли найтись и «контрабандные» товары: табак, бутылки со сладким вином или пивом). Полакомиться и вообще приятно провести время можно было на ближайших к лагерям дачах — петербургская дачная публика приветливо относилась к кадетам и с удовольствием их принимала. Старшим кадетам удавалось тут повстречаться со сверстницами, что нередко становилось причиной горячих вспышек первой юношеской страсти. Для младших кадетов особенно были приятны приглашения в гости к императорской семье — приглашения, надо сказать, весьма частые. Раз, иногда два, а случалось и три раза в неделю по несколько кадет из каждого военно-учебного заведения к шести часам вечера отправлялись в сопровождении двух офицеров в Александрию или иную императорскую резиденцию. Офицеры усаживались за стол у ворот сада, куда им приносили чай, кофе, вино и закуски, и оставались ждать возвращения воспитанников, а те гуляли у дворца. Государыня присылала им «множество подносов со сладостями и фруктами». Появлялся и сам император, играл с кадетами в лапту или «заставлял, стоя на лужайке, свалить Его; не мало бились за этим кадеты, но количество брало свое, Государя валили, и тут кто держал Его за руки, кто за ноги. Сгоряча доставалось Государю — и мундиру, и не слишком частым волосам

*Императрица
Александра Феодоровна*

Его. Когда Николай Павлович совсем исчезал под восторженно орущей кучей-малой, раздавалась Его команда: „Смирно!“, и все моментально выстраивались. Государь вставал смеясь, оправлял мундир, говорил что-нибудь вроде: „Ну, молодцы! Ладно же. Другой раз так легко меня не возьмете!..“, потом командовал „Вольно!“, и веселое гуляние в саду продолжалось».

Чрезвычайно нравилась кадетам другая забава — взбегать на мраморную Золотую горку, один из знаменитых фонтанов Петергофского парка. По команде начи-

нался «штурм» крутой и скользкой горки, по которой от бьющих со всех сторон фонтанов текла вода. Побеждал тот, кто первым достигал верха, где сидела императрица. Не всякому удавалось преодолеть этот путь, но зато победитель, мокрый до нитки, получал из рук государыни приз — часы, кольцо или иную довольно ценную безделушку. Случалось, что призы доставались не одному, а нескольким победителям, а иногда и всем участникам «штурма». Бывали и другие, не менее веселые и вольные забавы.

Император Николай I

Император Николай I уделял внимание всем кадетским корпусам, но к 1-му относился особенно по-отечески. Знаком царского расположения служило то, что с 1826 по 1834 г. в состав воспитанников Корпуса номинально входил старший сын Николая I и наследник престола великий князь Александр Николаевич. Конечно, он не жил в Корпусе и вместе с кадетами систематически не учился. Но когда он — с отцом или без него — появлялся в Корпусе, то всегда занимал место среди кадетов и держался наравне с ними.

Первое появление Александра Николаевича в Корпусе произошло в 1826 г., в день первого выступления в лагерь после 15-летнего перерыва. Наследнику в ту пору было всего 8 лет от роду. Выступление в лагерь было вообще обставлено весьма торжественно. С рассвета Корпус наполнился суетой сборов. К 9.00 все было готово, Корпус выстроился во дворе. Приехал государь с семьей и небольшой свитой. После приветствий он спросил разрешения Перского, а потом поставил в строй стрелкового взвода гренадерской роты наследника, облаченного в полный мундир лейб-гвардии Павловского полка, с походным снаряжением и оружием. Затем корпусной священник отслужил краткий молебен, окропил корпусное знамя и кадетов святой водой и сказал им краткое напутственное слово, после чего Корпус по команде строем, во главе с императором и директором, следовавшими верхом, выступил в поход. Путь до

Красного Села, где располагался лагерь в 1826 г., составлял около 30 верст, и кадеты проделали его за полтора дня. Александр Николаевич, несмотря на свой юный возраст, отшагал в строю в первый день 17 верст, до деревни Кузьминой, причем на привале, когда кадеты отдыхали, по воле Николая I был поставлен в караул у корпусного знамени. У деревни Кузьминой, где для кадетов было приготовлено небольшое угощение от царя, Николай простился с кадетами и, забрав сына, уехал в Петергоф.

Великий князь Александр Николаевич чаще всего присоединялся к кадетам именно в лагерях. В 1827—1834 гг. он появлялся в лагерном кадетском расположении (с отцом, с обоими родителями или только с воспитателем) почти каждую неделю, нередко проводил с кадетами целые дни, ел за кадетским столом, участвовал в занятиях, маневрах и играх. Среди кадетов у наследника завелись друзья, с которыми он даже отваживался на шалости (в 1829 г. 11-летний Александр с тремя сверстниками сбежал из лагерного расположения и совершил набег на ближайший сад с редкостно вкусной малиной). В течение учебного года Александр тоже посещал Корпус, правда, не чаще, чем раз в месяц, и обычно ненадолго. Но когда в Корпусе происходили какие-нибудь церемонии, то присутствовала, как правило, вся высочайшая семья, причем император с императрицей занимали почетные места, а наследник в кадетском мундире был среди кадетов, участвовал во всех их затеях и ел за кадетским столом.

Помещение старшего сына в кадетскую среду было не последним знаком внимания Николая I. 15 июня 1831 г. скончался великий князь Константин Павлович — номинальный главный директор кадетских корпусов в течение более чем 30 лет. Шеф Корпуса князь П.А. Зубов умер еще задолго перед тем, в 1822 г. Таким образом, Корпус остался без номинальных почетных начальников и без традиционного формального главенства кого-то из членов императорской фамилии. 25 июня 1831 г. Николай I принял звание шефа 1-го кадетского корпуса на себя. Теперь, после 35-летнего перерыва (со времени смерти Екатерины II), Корпус снова мог называться Императорским.

Страстный любитель четкого порядка, Николай I стал первым российским государем, который сумел осуществить кодификацию права, то есть сведение вместе большинства существовавших на тот момент законодательных актов (отправной точкой послужило Соборное Уложение 1649 г.), их сравнение и

приведение в соответствие между собой. Задача это была гигантская и тяжелая — в свое время к ней безуспешно пытались подступиться и Петр Великий, и Екатерина II. В результате кодификационных работ, проведенных Николаем I, значительное количество законодательных актов были признаны устаревшими и отменены, нашлось немало противоречащих друг другу указов. Для систематизации законодательства многие акты были переписаны заново, в соответствии с требованиями времени.

Законодательная база Кадетского корпуса к воцарению Николая I была крайне неопределенной. Формально продолжал действовать сочиненный еще Бецким устав 1766 г., который уже много десятилетий как не исполнялся. Вторым актом был штат 1816 г., рассчитанный на 1000 человек, — штат, слишком большой для Корпуса: его помещений и сил на такое количество воспитанников не хватало, да и количество желающих вступить в Корпус не позволяло заполнить все вакансии. Все вопросы жизни Корпуса регулировались приказами его директора, а часто — и вовсе без письменного формального основания, в силу обычаев.

Николай терпеть такой ситуации не желал, началась работа по составлению новых четких законодательных оснований для устройства Корпуса, определяющая роль в которой принадлежала М.С. Перскому. Она завершилась в 1830 г. — 20 апреля император утвердил «Устав о военно-учебных заведениях 2-го класса».

Этот устав формально завершил начатый еще при Павле Петровиче процесс превращения 1-го корпуса из оригинального дворянского училища в военно-учебное заведение, абсолютно аналогичное другим кадетским корпусам. Теперь все кадетские корпуса России были отнесены к военно-учебным заведениям 2-го класса и для всех единым уставом были введены подробно расписанные правила существования.

При составлении устава образцом служил 1-й корпус, директор которого собственноручно написал более 2/3 текста, так что во внутренней жизни Корпуса после принятия устава изменилось немного. Существенные новшества были следующие. Во-первых, кадетам теперь открывался путь для поступления офицерами в гвардию (ранее кадетов выпускали только в армию). Во-вторых, была введена четкая шкала зависимости выпуска от учебных успехов. Теперь по результатам «полугодных»

и экзаменационных оценок кадеты-выпускники вносились в специальный «выпускной список», где располагались по порядку своих достижений. Первые в списке получали при выпуске более высокий чин (поручика) и право выбирать место службы из всего многообразия предлагавшихся в тот год вакансий. Находившиеся в середине списка получали чин подпоручика и выбирали место службы из того, что осталось. А попавшие «в подвал» — в конец списка — могли быть выпущены, смотря по успехам, подпоручиком, а то и унтер-офицером, и выбора им не предоставлялось — начальство расписывало их на оставшиеся вакансии по своему усмотрению. «Списки» стали важной частью жизни не только кадетской, но и офицерской. Между собой выпускники Корпуса признавали «старшинство по списку», то есть если несколько кадетов были выпущены в один год и получили одинаковые чины, то тот из них, кто располагался в списке выше других, принимался другими как старший, приказания которого обязательны к исполнению.

Устав обстоятельно описывал структуру учебной части. Он подтверждал заведенное Перским деление на учебные года, классы, порядок контроля знаний. Но сверх этого вводилось еще деление классов на степени. Суть была проста и полезна: один класс, в который прежде входило до 100 человек, теперь делился на 3 или более «степеней». Кадеты распределялись по степеням сообразно своим успехам и способностям к наукам. В 1-ю степень попадали самые способные — им преподавали предмет в более широких рамках, с них больше и спрашивали. Во 2-ю степень отбирали посредственных — от них требовалось успевание в рамках стандартной программы. В 3-й степени оказывались ленивые и неспособные — им преподавался и от них требовался предельный минимум, зато уж этот минимум должен был быть усвоен накрепко. Система степеней была в целом весьма здоровой. Степени расписывались отдельно по каждому предмету, так что кадеты получали возможность больше заниматься предметами, к которым они были способны, и лишь в минимальных объемах учиться тем наукам, которые были им не по нраву.

Новым уставом увеличивался надзор за кадетами. Воспитание, полученное Перским во времена Бецкого, когда кадеты и днем, и ночью находились под присмотром воспитателей, наложило свой отпечаток. Теперь в каждой роте полагалось иметь

трех офицеров, поочередно назначаемых дежурными на сутки. Дежурный офицер не имел права отлучаться от роты в течение всего дня (кроме часов кадетских игр) и ночью «отдыхать лежа, не снимая мундира», в специальной комнате, из которой всегда открытая дверь вела в кадетскую спальню. Уставом увеличивалась роль инспекторов классов — им теперь вменялось в обязанность обязательно посещать каждый день все уроки, ведущиеся в Корпусе (как мы помним, этот метод тоже позаимствован из личной практики Перского).

Устав вводил новые требования к материальному обеспечению кадетов и устанавливал новую, более высокую сумму годового содержания кадета.

На основе нового устава был составлен и новый штат Корпуса, утвержденный 21 октября все того же 1830 г. По этому штату в Корпусе полагалось содержать 600 кадетов. На них выделялось 436 486 рублей 55 копеек в год — меньше в целом на Корпус, чем по штату 1816 г. (600 тысяч рублей), но из расчета на одного кадета получалось значительно больше: по штату 1816 г. на одного кадета в год приходилась 600 рублей, 1830-го — 727 рублей 48 копеек.

С принятием новых устава и штата завершилась история Малолетнего отделения. Оно было упразднено, дети 10 лет и старше определены в кадеты, а малыши — в специально для этой цели открытый Александровский царскосельский малолетний кадетский корпус. В 1-й корпус теперь разрешалось принимать детей в возрасте 10 — 12 лет, причем предпочтение отдавалось именно 12-летним.

Организация Корпуса претерпела еще одно довольно важное изменение: введение неранжированной роты (всего рот по-прежнему было пять, включая гренадерскую и три мушкетерских). Раньше всех кадетов вне зависимости от возраста распределяли в роты по росту, нередко в одной роте оказывались воспитанники совершенно разного возраста (например, 12-летние среди 15—16-летних, 14-летние среди 18—20-летних), младшим приходилось нелегко и от тирании старших, и от высоких для них требований строевой выучки. Теперь в неранжированную роту определяли всех кадетов до 14 лет (14-летних и старших по-прежнему расписывали в гренадерскую и мушкетерские роты по росту), и, таким образом, младшие оказывались вместе, что помогало им и в строевом обучении, и в быту.

Принятие нового устава сопровождалось и усовершенствованием системы управления кадетскими корпусами. Тирания главного директора кадетских корпусов Н.И. Демидова завершилась. 21 мая 1830 г. при Военном министерстве был создан Совет по военно-учебным заведениям. Его председателем стал генерал от инфантерии граф Петр Андреевич Толстой. Н.И. Демидов в состав Совета вошел, но никакой роли там уже не играл (тем более что он старел, болел и в 1833 г. умер; на его место был назначен генерал-адъютант Сухозанет, а в 1836 г. должность главного директора кадетских корпусов вовсе упразднили), чего нельзя сказать о директоре 1-го корпуса М.С. Перском, который пользовался в Совете заслуженным уважением и влиял на его решения. Из уважения к 1-му корпусу как базе, на которой был создан новый устав, и к Перскому, как мы говорили выше, никогда не покидавшему территории Корпуса (за исключением выхода в лагерь), Совет по военно-учебным заведениям проводил свои заседания в 1-м корпусе, в том самом Ореховом кабинете Меншиковского дворца, где заседал Совет Корпуса во времена Бецкого.

Председатель Совета — граф Толстой — был личностью сильной. Он известен как реакционер и консерватор. Что такое «реакционер» применительно к графу Толстому, мы объяснить затрудняемся, а вот консерватором он действительно был. Состояние России при Николае I было не блестящим, но выгодно отличалось от многих предшествующих царствований, а главное, при Николае I обнаружились и начали со все большей мощью работать механизмы будущего прогресса — развитие частного капитала (в том числе банковского), промышленности (в том числе акционерной), крупной оптовой торговли, строительство дорог (водных, шоссейных и железных), заведение телеграфа, распространение образования, стремительное вознесение на высочайшие вершины российской науки и искусства (напомним, что только в литературе время Николая I — это время расцвета творчества А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя, формирования талантов Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского). П.А. Толстой видел сложившуюся ситуацию, оценивал ее как благополучную и позитивно развивающуюся, а потому был глубочайше убежден, что искусственное внесение в нее каких-то новшеств, прежде всего перемен в политическом строе и порядке управления, пагубно и сулит

тяжкие беды. И всю силу своей могучей натуры граф Толстой полагал на то, чтобы охранить Россию, и сохранить ее такой, как она есть.

Консервативные взгляды графа Толстого вполне сказались на порученном его управлению деле военного образования. В 1830-е гг. русская армия находилась в своем расцвете. Еще не забылся триумф 1812–1814 гг. После 1814 г. армия более 10 лет жила в мире, но на начало царствования Николая I пришлось три тяжелых испытания: войны с Персией 1826–1828 гг., с Турцией 1826–1829 гг. и с Польшей 1830–1831 гг. Оказалось, что за долгие годы мира армия ничуть не утратила ни мощи, ни выучки — все три войны она выдержала с честью и завершила блестящими победами, достигнутыми умеренной ценой. Следовательно, размышляя граф Толстой, российская военная система в целом и уклад военного образования в частности совершенны и заслуживают только одного — бережного сохранения и поддержания в существующем цветущем состоянии.

Руководимый графом Толстым Совет по военно-учебным заведениям сосредоточил свою деятельность на том, чтобы добиться точного соблюдения устава 1830 г., совершенствовать по мере возможности материальное обеспечение кадетских корпусов и решать множество мелких вопросов, постоянно возникающих в любом живом деле. В 1831 г. структура управления военным образованием была окончательно выстроена. Младший брат императора великий князь Михаил Павлович был назначен начальником всех военно-учебных заведений. Занятый многими другими делами, великий князь к новому посту относился ответственно, но много времени посвящать ему не мог. Он предпочитал выступать больше инспектором, чем руководителем — в любое, самое неурочное время неожиданно-негаданно являлся в порученные ему заведения, не стеснялся обойти все — от уборных до

*Великий князь
Михаил Павлович*

кухонь, беспорядка никому не прощал (для директоров и офицеров внезапные визиты Михаила Павловича были даже страшнее императорских). В учебных и других общих делах Михаил Павлович доверялся подчиненному ему Совету, принципы работы которого вполне одобрял. Эти консервативные принципы поначалу давали неплохие результаты, но с течением лет, как часто случается, здоровый консерватизм превратился в рутину, а затем в тормоз естественного развития. Последнее случилось, в частности, потому, что душа и первый ум Совета — М.С. Перский — недолго пробыл в его составе.

В 1832 г. 1-й Кадетский корпус оказался в центре внимания если не всей России, то, по крайней мере, всей ее столицы. В этом году он отмечал свое 100-летие. Празднование юбилея было пышным и продолжительным. Замечательный военный историк того времени, выпускник Корпуса Александр Васильевич Висковатов, написал его первую научную историю — труд, не потерявший значения до наших дней и неоднократно использованный в работе над данной книгой. Корпус получил значительные ассигнования на поправку и ремонт зданий. Собственно торжества проходили в дни, когда веком ранее был подписан указ Анны Иоанновны об основании Корпуса — в конце июля. Кульминацией праздника стал большой парад, на котором император Николай I собственноручно прикрепил к знамени Корпуса юбилейные андреевские ленты*.

Радостное оживление владело Корпусом еще долго после праздников, возможно, оно сохранилось бы на годы, но осенью 1832 г. Корпус постигла тяжкая утрата — скончался его директор генерал-лейтенант Михаил Степанович Перский. Он покинул мир, как легендарный древнеримский стоик. Однажды поздним ноябрьским вечером Перский вызвал к себе на квартиру старшего полковника Корпуса. Удивленный неурочным вызовом (обычно в это время Перский уже спал) полковник застал директора в кабинете, как обычно, облаченного в полную форму, выбритого, причесанного, при шпаге, со шляпой под мышкой и привычным достойным и приятным выражением на лице. Извинившись за поздний вызов, Перский сказал примерно следую-

* Ленты высшей награды Российской империи — ордена Святого апостола Андрея Первозванного — со времен Николая I жаловались на знамена частей, отмечающих 100-летние юбилеи своего существования.

щее: «Иван Андреевич! Я, к сожалению, несколько устал. Прошу Вас принять Корпус и завтра поутру обо всем распорядиться». Заспанный полковник удивился — Перский ни разу за всю свою службу в Корпусе не показал даже признака усталости, ни единого дня не пропустил по болезни, — но счел просьбу Перского вполне естественной. А явившись «поутру обо всем распорядиться», он нашел Перского мертвым. После старшего полковника Михаил Степанович принял корпусного священника, исповедался, причастился и попросил оставить его одного. Сняв шагу и шляпу, отдал их денщику Андрееву, велел застелить чистой простыней диван в кабинете (чтобы легче было перекладывать тело в гроб), лег, вытянулся и скончался. На столе директора нашли два написанных в ту же ночь безупречным почерком документа: распоряжение о похоронах (Перский просил предельно сократить церемонии и не привлекать к ним кадетов, для которых это может оказаться слишком тяжелым испытанием) и завещание — одинокий, не имевший семьи, всю жизнь отдавший кадетам М.С. Перский завещал свое имущество (кроме 1000 рублей и нескольких безделушек, оставленных верному денщику Андрееву) родному Корпусу.

Распоряжение Перского не привлекать к его похоронам кадетов едва не вызвало бунт — роты со слезами молили командиров разрешить им «проводить Михаила Степановича». В результате младших кадетов допустили только на панихиду в корпусной церкви, но гренадерская и 1-я роты в полном парадном мундире с ружьями в строю сопровождали гроб любимого директора до самого кладбища.

На место М.С. Перского директором Корпуса был назначен генерал-лейтенант Павел Павлович Годейн (Годейн, или, искаженно, Годен). Его первое появление перед строем кадетов непритворно шокировало. Генерал вышел в расстегнутом сюртуке, туфлях, с ермолкой на голове и длинной дымящейся трубкой в руке. Невнимательно выслушал доклад и вместо приветствия, похлопывая себя по основательному животу, распорядился: «Из каждого класса по два человека!» По два человека из каждого класса тут же отправились под розги, и для Корпуса началась совершенно новая жизнь.

Годейн был человек ничтожный и низкий. Естественно, кадеты сравнивали его с Перским, и результаты были неутешительными. Годейн был распущенным неряхой — сюртук, туфли

и ермолка служили его постоянным костюмом, белье часто оказывалось несвежим. Перский всегда был рядом с кадетами, они видели его по нескольку раз в день обязательно — Годаин обходил Корпус четыре-пять раз в год и в остальное время кадетам старался не показываться. Перский трудился день и ночь — Годаин труда не выносил. Строевую часть он вверил старшему офицеру Корпуса — полковнику Вишневному, которому выхлопотал назначение командиром батальона Корпуса, позволявшее самому Годаину на совершенно законном основании не командовать корпусным строем нигде и никогда. Учебная часть была доверена инспектору классов Люзину, его кадеты за лизоблюдство перед начальством прозывали Лизиним или уж вовсе непристойно — Ж...полизом, а за пристрастие к пьянству (инспектор бывал навеселе в любое время дня и ночи) — Зюзиним или просто Зюзей. Как сей тип руководил учебным процессом, надеемся, читатели смогут заключить и без нашей помощи. Перский был пристально внимателен к кадетам — Годаин их не замечал, а когда замечал, то был груб, холоден, жесток и заносчив. Перский был бессемейный бессребреник: его семьей был Корпус, а всего его имущества, оставленного Корпусу после смерти (наличные деньги и проданные вещи), оказалось на 4327 рублей 29 копеек. Годаин был добрый семьянин, гурман, любитель жизненных удовольствий и заботливый папаша, ни в чем не отказывавший сыну, служившему в лейб-гвардии Гусарском полку*. Естественно, корпусной бюджет в такой ситуации вызвал пристальный интерес директора, не брезговавшего запустить туда руку. Пока был жив эконоом Бобров, сделать это было непросто, тем более что Боброва лично знали, искренне уважали и всегда навещали, посещая Корпус, император и великий князь Михаил Павлович, которым добрейший Бобров, видя, что обирают его ненаглядных «мошенников», мог и пожаловаться. Но когда старик Бобров умер, Годаин назначил

* Офицеры гвардии должны были самостоятельно обеспечивать себя формой, лошадьми, квартирой, провизией, всеми прочими надобностями, сверх того делать весомые взносы в общую офицерскую кассу, часто тратиться на своих солдат, покупая для них не предусмотренные казанным содержанием, но необходимые вещи (бритвы, одеяла и т. п.). Офицерское жалование не покрывало и четверти таких расходов, так что в гвардии могли служить только люди состоятельные. Гусарский же полк всегда считался самым дорогим, и офицерами там могли быть только по-настоящему богатые люди.

на его место подходящего человека, и без того тощий корпусной бюджет похудел еще более.

Но самым неприятным было то, что Перский не терпел телесных наказаний — Годаин же страстно их обожал, лично присутствовал при наказаниях и получал от этого искреннее удовольствие. Привыкший за годы правления Перского к редкому, справедливому и тактичному применению розог, Корпус сначала растерялся: сечь стали за все, без малейшего разбора, часто и вовсе ни за что. Годаин ввел обычай, которого кадеты не знали даже при адепте розог Клингере, — унижительное сечение на глазах товарищей. Теперь провинившихся не уводили в умывальную комнату, а пороли прямо на месте — в классах, перед строем, в рекреационных залах, в спальнях... Для порки Годаин обычно заставлял кадетов раздеваться догола, и подчас целый урок уходил на производство наказаний: «Начнут урок, позовут кого-нибудь отвечать, он „поплывет“ — назначат пороть. Пока принесут розги, пока он разденется, пока выпорют, пока потом опять оденется — половина урока прошла. Продолжат там, где прервались — с ответов. Второй отвечающий спотыкнется — его пороть, вся церемония с начала, да так и урок пройдет». При Годаине вошли в оборот «круговые» порки, когда секли разом человек по десять, по половине класса, целый класс или целый взвод. Секли жестоко — 100 розог вновь стали обычным делом, 200 — не частым, но не вызывающим никакого удивления. Гренадерам приходилось выдерживать и 300 ударов, и 400.

Отношение Годаина к кадетам и средствам их воспитания ярко рисуют сохранившиеся мемуарные зарисовки. Однажды директор пожелал просмотреть классный журнал и в неранжированной роте у 12-летнего ученика увидел сплошь отличные оценки едва не за целый год. «Ишь, каков ты молодец (обращение к кадетам на «ты» впервые было введено Годаиным, прежде оно было немислимо. — *Авт.*). Учишься хорошо?» Кадет ответил утвердительно. «Так, поди, и розог не пробовал?» Снова утвердительный ответ. «Ай-яй-яй!.. Ну-ка, вот этому умнику сей же час штучек сто!»

В другой раз дежурный офицер докладывает генералу: «Такой-то кадет умер». — «А! Под арест его!» — «Он умер, ваше превосходительство!» — «Ну так высечь, высечь!» — «Не прикажете ли похоронить? Он скончался». — «А! Похоронить, похоронить!»

Наконец, третий анекдот касается визита Николая I. Обходя, по обыкновению, Корпус, император спросил директора, что сегодня кадеты получают на обед. Смущенный Годеин (заметим, большой гастроном за собственным столом) доложил: «Сегодня у меня суп-пюре, форель, рябчики и пломбир». Царь, лучше директора знавший кадетский стол, очень одобрил такое меню, но и пожелал пройти в столовую. Увидев щи и кашу, он любопытствовал: «А где же рябчики? Улетели?» — «Я думал... я думал»... — замылся Годеин. — «Да, ты думал, что я не загляну и на слово тебе поверю», — государь рассмеялся и, уходя из столовой, приказал директору к ужину поставить кадетам рябчиков и пломбиру за счет генерала.

Визитов Николая I и Михаила Павловича Годеин откровенно боялся. Чтобы уберечься от совсем уж неожиданной ревизии (а однажды Михаил Павлович, явившись в 11 часов утра, застал директора мирно почивающим на квартире, за что генералу жестоко влетело и был назначен штраф в три месячных жалованья), он приказал учредить постоянный пост на мосту, которым Васильевский остров сообщался с Сенатской площадью (и по которому приезжали в Корпус жившие на другом берегу Невы царь и его брат). Стояли на посту, конечно, кадеты: один — у въезда на мост с левого берега Невы, другой — посередине моста, третий — у съезда на Васильевский остров, прямо против главных ворот Корпуса, четвертый — за воротами, пятый — у дверей, ведущих в здание, где располагалась директорская квартира. Как только показывался император или Михаил Павлович, дежурные кадеты (называвшиеся «махальными») принимались размахивать платками. По эстафете весть мигом доходила до директора, и тот сломя голову бросался встречать высокого гостя.

Жестокость и грубость Годеина скоро перестали вызывать удивление кадетов. Добронравие, с таким трудом насажденное Перским, стремительно разваливалось. Возвращалась кадетская грубость, возвращалось противостояние начальству, возвращался характерный для клингеровских времен постоянный непримиримый конфликт кадетов и воспитателей. Чем чаще и резче свистели розги, тем меньше кадеты учились, тем больше распускались и тем больше горели желанием отомстить. Самый колоритный случай мести самому Годеину один из мемуаристов описывает так. Однажды, когда кадеты были в лагерях, их при-

вели в Ропшу, где они разбили бивак в дворцовом парке. Ночью шел дождь, все грелись у костров. Под покровом темноты юнкер Артиллерийского училища Артюхов и кадет 1-го корпуса Покотиллов с разных сторон по очереди отдавали команды и приказания, очень хорошо подражая голосу императора, и Годеин половину ночи, совершенно растерянный, бегал под дождем в направлении то одного, то другого голоса. Озорников начальство так и не вычислило.

Как уже случалось раньше, скверный начальник стал причиной ухода из Корпуса целой плеяды хороших офицеров и учителей, набранных достойным предшественником. На их место пришли люди посредственные, вполне соответствовавшие своему директору, иногда даже в нечистоплотности. В правление Годеина среди ротных офицеров Корпуса утвердилась отвратительная практика брать с родителей кадетов деньги «на чай». Как мы помним, кормили в Корпусе сытно, но однообразно, а с 1839 г. (после смерти эконома Боброва), когда директор более не стеснялся запускать руку в корпусную казну, еда стала скверной и количество ее уменьшилось (снова ввели порции). Кадетам разрешалось приносить из дому еду, но хранить ее было негде, и домашние лакомства обычно съедались на следующий же день. Дабы подкреплять силы кадетов, с 1838 г. в ротах было разрешено завести самовары, а ротным командирам иметь небольшие кассы «чайных» денег, из которых ежедневно покупались чай, сахар, булки, колбаса и другие лакомства. «Чай» был не общей привилегией кадетов — деньги в «чайную» кассу давали родители воспитанников, и пользоваться удовольствием «пить чай» мог только тот, чьи родители сочли возможным «побаловать» сына таким образом. На деле же кадеты практически не видели ни чаю, ни булок с колбасой: офицеры присваивали «чайные» деньги в обмен на некоторые потачки тем, чьи родители эти деньги давали (меньше розог, меньше требовательности на уроках и занятиях, чаще и проще увольнение и т. п.). Были среди офицеров и такие, кто провоцировал родителей на «чайные деньги». Встречаясь с родителями кадета, офицер мог прямо сказать: «Что-то ваш сын выглядит дурно. Ему надо чай пить...» А если родители не понимали намека, то в следующие выходные их сын вместо увольнения домой мог оказаться в лазарете после жестокой порки. Конечно, не все офицеры занимались «чайным» взяточничеством, так, например,

в ротах, которыми командовал капитан (затем подполковник) П.А. Озеров, из кадетских денег не пропадала ни одна копейка, чай был каждый вечер, и не только для счастливиц со щедрыми родителями, а для всех. На этом настоял сам Озеров, «чайные» деньги тратились на всех поровну, а если родительских взносов не хватало, то Озеров пополнял кассу из своего кармана. Но пример Озерова был нехарактерен — большинство ротных командиров «чайным» взяточничеством промышляло без зазрения совести.

Участились взыскания к корпусным офицерам. В 1835 г. великий князь Михаил Павлович арестовал двоих за пребывание на строевых занятиях одетыми не по форме — случай из ряда вон выходящий, в прежние времена офицеры, считавшие себя примером для кадетов, форму, подражая Перскому, соблюдали с тончайшим педантизмом. В течение 1837 г. корпусные офицеры за всякие упущения по службе подвергались арестам пять раз. А в 1841 г. в Корпусе разразился настоящий скандал (правда, по воле Николая I огласки ему не дали, но последствия были суровые): один из учителей в течение урока шесть раз выпорол одного и того же 12-летнего кадета, назначив ему в общей сложности 540 ударов.

Кадет, вызванный к доске, не мог ответить уроку. Во времена Годеина за это обычно пороли и отправляли на место. Теперь же учитель решил воспользоваться новым педагогическим приемом. Со скамьи для порки кадет был возвращен к доске, и ему учитель приказал снова отвечать тот же урок. Ответа, естественно, не последовало, и опять была назначена порка, и так шесть раз подряд. После четвертой порки кадету было запрещено одеваться и сказано отвечать у доски голым: «Ведь все равно тебя сейчас снова сечь». На пятой порке учитель счел, что производящий порку служитель слишком нежничает, и сам взялся за розги. Несчастного кадета довели до тяжелой потери крови и истерического припадка.

Случай настолько перешел всякие границы, что корпусной доктор, к которому кадет попал после истязания, подал письменный рапорт Михаилу Павловичу. Великий князь явился в Корпус в тот же день, произвел подробное следствие и рапортовал императору. Высочайшим распоряжением учитель был отдан под суд, обвинен в истязании, на год посажен в крепость, а затем сдан в солдаты и отправлен на Кавказ (где спустя не-

сколько лет умер). Дежурный офицер неранжированной роты, который должен был присутствовать на уроке, но вместо этого находился «неведомо где», арестован на месяц, понижен на два чина (до подпоручика) и сослан на Кавказ. Инспектор классов Люзин лишен должности и выгнан из Корпуса, командир неранжированной роты и директор Корпуса Годеин оштрафованы и получили высочайшие выговоры. Последствия могли быть более строгими, но подвергшийся истязанию кадет выжил, оправился, впоследствии благополучно окончил Корпус, 30 лет служил с честью и в чине полковника геройски погиб перед своим полком во время турецкой войны 1877—1878 гг.

Описанный случай является исключительным. Ничего подобного ни прежде, ни после Корпус не знал. Кадетов пороли, и пороли много, но определенных рамок при этом не переступали. В систематическое истязание, низкое издевательство (ведь описанный случай происходил на глазах всего класса) телесные наказания не превращались. Тем не менее то, что подобный случай имел место на девятом году правления Годеина, показательно: Корпусом управлял такой директор, который допустил появление среди учителей истерика и садиста, дал ему проявить свои наклонности и создал такую систему управления, в которой даже этот случай мог сойти на нет, если бы не возмущение доктора.

Мы не знаем, действительно ли это так, но, по всей видимости, данный случай повлиял на отношение Николая I к Годеину — в начале 1842 г. он был уволен с должности директора Корпуса, а на его место назначен генерал-лейтенант барон А.И. Шлиппенбах. Шлиппенбах был потомком знаменитого шведского генерала времен Северной войны. Впрочем, ничего шведского, кроме звучной фамилии и наследственного титула, в нем не осталось. Шлиппенбах учился в 1-м корпусе во времена Клингера, 17 лет от роду был выпущен в памятном 1812-м, с юношеским задором и патриотической горячкой бросился в горнило наполеоновских войн, и к 1814 г. четырежды раненный (дважды в голову) 19-летний юноша был уже капитаном и вступал с русской армией в побежденный Париж. Полученные в молодости раны оставили след на всю жизнь — Шлиппенбах хромал на одну ногу и ходил с палкой, а впоследствии (уже по уходе с должности директора Корпуса) сказались ранения в голову: в 54 года Шлиппенбах начал страдать умственным

расстройством и кончил дни печально — в нервном припадке, случившемся за утренним туалетом, перерезал себе бритвой горло. Впрочем, к моменту назначения директором Шлиппенбах был еще вполне нормальным и дееспособным 47-летним мужчиной. Всю жизнь он провел в строю, достойно и по-юношески запальчиво воевал с турками в 1828 — 1829-м и поляками в 1831 г. При этом обликом и манерами Шлиппенбах вовсе не походил на строевого генерала николаевского времени, а напоминал классического «добротного барина». Сухости, властности, педантизма в нем не было вовсе. Он не знал (или, по крайней мере, делал вид, что не знает) никаких языков, кроме русского, был улыбчив, несколько суетлив, добродушен, болтлив, постоянно сыпал присказками и лапидарными прибаутками.

С появлением Шлиппенбаха Корпус, угнетенный правлением Годеина, несколько воспрянул духом. В учебные дела Шлиппенбах особенно не вмешивался, строевым обучением кадетов, и без того стоявшим на высоком уровне, интересовался, но новшества не вводил. Зато он внес здоровую струю в быт Корпуса и отношения воспитанников с начальством. Будучи честным человеком, Шлиппенбах прекратил финансовые злоупотребления и отыскал Корпусу нового достойного эконома — Иоганна Рахтеля, личность столь анекдотично соответствующую расхожему образу бережливого немца-педанта, считающего каждый грош, что бедному эконому, честно трудившемуся для блага кадетов и Корпуса день и ночь, приходилось выдерживать немало насмешек. Материальная сторона содержания Корпуса, сколько возможно, была улучшена.

Что же касается моральной стороны, то здесь Шлиппенбах прекратил годеинскую вакханалию розог и всячески старался внести в отношения между кадетами «человечность» и справедливость. В отличие от Годеина, Шлиппенбах все время был среди кадетов, почти всех их знал по именам, помнил и способности, и пристрастия, и наклонности каждого. Он был щедр на доброту и ласку, добиться его поцелуя не стоило особого труда. Правда, кадеты, огрубевшие за прошедшие годы, над поцелуями и сюсюканьем Шлиппенбаха за глаза посмеивались, некоторые даже прозвали его «бабой», но в младших возрастах он скоро стал популярен. Вовсе порку Шлиппенбах не истребил, да и не хотел истреблять. Сам воспитанный при Клингере, когда пороли много и со вкусом, он считал розгу необходимым инстру-

ментом воспитания юношества, но применять его старался умеренно и с толком. Телесные наказания при нем назначали редко и за дело. Неранжированная рота была от них освобождена вовсе (кроме проявлений грубости и подлости), назначать больше 50 ударов даже для гренадеров запрещалось. Скамьи для порки вновь вернули в умывальные комнаты, наказания опять стали проводиться негласно. Кадеты из других корпусов, переводившиеся в 1-й корпус во времена Шлиппенбаха, удивлялись, как мало и мягко здесь пользуются розгами.

У некоторых мемуаристов Шлиппенбах заслужил неместные отзывы, но дело здесь не в жестокости директора, а в его своеобразном взгляде на образование. Из всех образовательных приемов ближе всего сердцу Шлиппенбаха была введенная еще Перским система учебных степеней, когда кадеты делились сообразно способностям к предмету. Захиревшая при Годаине система степеней при Шлиппенбахе получила активное развитие. Он ввел множество элементов соревновательности между кадетами из разных степеней, всячески поощрял тех, кто добивался перехода из низшей степени в высшую. Кадеты же высших степеней пользовались его особым вниманием и... чаще сталкивались с наказаниями. Принципом Шлиппенбаха было «кому много дано — с того много и спросится». Тупоголовый кадет, безвылазно сидевший в низшей степени, но усердно зубривший полагавшийся ему минимум, мог всегда рассчитывать на расположение и поцелуй директора. Но развитый и способный мальчик, попавший в высшую степень, права на лень не имел. Даже если он на голову превосходил менее способных товарищей и имел хорошие оценки, Шлиппенбах, довольно тонко понимавший детские души и по собственному корпусному прошлому хорошо знакомый с разными кадетскими уловками, всегда чувствовал, если кто-то ленился и добивался меньшего, чем мог бы. Таких ждали наказания и розги, причем директор, к вящему раздражению наказанных, обычно присутствовал лично и произносил назидательные речи вроде следующих: «Ты мальчик со способностями! Балл получил хороший, а должен получить лучший балл, надо высечь...»; «А ну, Лёвушка, пойдика сюда, надо тебя высечь, плохо учился! Мальчик со способностями; другого прощу — тебя не могу; люблю — любя, секу!»

Чего Шлиппенбах искренне не переносил, так это унижения младших кадетов старшими и «чайного» взяточничества

ротных офицеров. С последним Шлиппенбах боролся просто: давать деньги «на чай» для кадетов он запретил, а если родители хотели подкормить сына, то им было разрешено каждый день присылать в Корпус еду и лакомства.

С тиранством бороться было сложнее. Сам Шлиппенбах попал в Корпус 10-летним и, будучи мягкосердечным по натуре, сразу «поставить» себя среди сверстников он не смог, поэтому пришлось терпеть и побои, и издевательства — сначала однокашников, изрядно мучавших новичка, а потом, когда высокорослый Шлиппенбах попал в роты со старшими, и «стариков». Особенно памятна была Шлиппенбаху чистка сапог старших кадетов — за этим занятием он провел в детстве немало ночных часов, а потому, став директором, сапоги всех кадетов приказывал держать под замком и чистить их специальным служителям. Чтобы оградить новичков от обычных при попадании в детский коллектив неприятностей, Шлиппенбах окружал их особым вниманием и даже ввел специальную систему покровительства. Хорошо зная своих воспитанников, он выбирал среди уже освоившихся в Корпусе мальчишек тех, кто отличался добрым нравом и пользовался авторитетом среди однокашников, и «поручал» им новичков. «Поручение» сопровождалось церемонией. Новеньких директор сам приводил в роту, представлял товарищам, а потом вызывал из строя «старичков» и торжественно объявлял: «Вот, Петенька, ты мальчик добрый и кадет хороший. Тебе Володю поручаю. Пока он освоится, смотри за ним, как за братом, и во всем помогай. Обидят его — тебя накажу, будет он плох — с тебя спросится, будет хорош — тебе и награда. Ну уж меня не подведи!» Не довольствуясь одним «поручением», Шлиппенбах часто навещался в неранжированную роту, когда там были новенькие, тихонько заглядывал в спальни после отбоя. И, надо сказать, в целом своего добился. За честь заслужить «поручение» новичка кадеты между собой соперничали, «порученных», в общем, опекали достойно.

Воспоминания кадетов других времен нередко рисуют довольно неприятные картины первых дней новичков в Корпусе. Среди младших со временем сложился даже ритуал так называемых щипков. Новичка, впервые оказавшегося среди кадетов, окружали и начинали засыпать вопросами: кто он, что он, откуда и т. д. Вопросов становилось все больше, круг потихоньку смыкался, и новичка начинали понемногу толкать и щипать.

Сперва почти незаметные, тычки и щипки постепенно становились чаще, ощутимее и больнее. Здесь могло быть две правильные линии поведения. Первая — ответить на щипки решительно: кинуться драться с кем-нибудь из щипавших. Новичка в этом случае хорошенько колотили все вместе, но на том посвящение и заканчивалось — задира считался вошедшим в круг кадетов и достойным уважения. Можно было и не драться, а просто стойко сносить щипки — продолжать отвечать на вопросы и держаться спокойно, в лучшем случае, слегка отталкиваясь. Такому кадету приходилось потом еще потерпеть, но в целом первый экзамен товарищества он сдавал. Ошибкой было смутиться и растеряться — такого защипывали до слез и потом еще долго травили. Ну а если новичок ударялся в рыдания, молил о пощаде или кидался жаловаться к начальству, то он проваливал испытание щипками с треском: такому уже не давали жизни, ему долгими месяцами, иногда годами приходилось преодолевать положение изгоя, а были и те, кого после неудачных щипков вообще выживали из Корпуса.

Шлиппенбах, знакомый со щипками не на словах, боролся с подобным посвящением изо всех сил и в общем успешно — воспоминаний о щипках или подобных им процедурах новички времени директорства Шлиппенбаха не сохранили. Известен другой случай. В 1845 г. в Корпус поступил 12-летний кадет Макаров, который после первого же вечера явился с синяками и всю неделю то и дело дрался с товарищами. В субботу перед баней во взвод Макарова пришел директор, велел обнаженным кадетам построиться, осмотрел их и всех, у кого нашел синяки и ссадины (включая Макарова), велел тут же выпороть. Обычное в таких случаях директорское назидание звучало примерно следующим образом: «Я о том, отчего вы Макарова Мишу бьете, не знаю и знать не хочу. Может, он и сам виноват, а может, и вы виноваты. Но драться товарищам друг с дружкой стыдно, я того терпеть не стану. Сейчас драчунов высеку, а коли вы и дальше подружиться не захотите, буду по субботам всех пороть, так-то!» Пороть всех по субботам не пришлось — с Макаровым больше не дрались.

С баней был связан еще один ритуал посвящения, которому часто подвергали старшие кадеты 2-й и 3-й рот тех, кто переводился к ним из неранжированной роты. В общем, это был аналог щипков, но в более грубой и жесткой форме. В предбаннике,

когда новичок раздевался донага, его окружали и начинали «шлепать» старыми, уже сбитыми до прутьев вениками (по существу — розгами), мокрыми мочалками или свернутыми в жгут полотенцами. Сперва шлепали почти в шутку, потом все сильнее и сильнее, и могли довести дело до тяжелого избиения, так что новичка в конце концов приходилось на руках тащить в мыльную и отливать холодной водой. Как и при щипках, здесь нужно было или драться, или стойко и молча терпеть. Не знаем, приходилось ли Шлиппенбаху сталкиваться с баннным испытанием в кадетской юности, но заметим, что за поведением кадетов в бане он установил строгий надзор: во все время мытья и в мыльной, и в предбаннике обязательно должны были присутствовать один из ротных офицеров и три-пять низших служителей.

В культурном развитии кадетов Шлиппенбах сделал не так много, но во времена Годейна и того не делалось. Он снова открыл для воспитанников библиотеку и музей (запертые при Годейне). Кроме того, будучи страстным любителем военной музыки, Шлиппенбах стал каждую неделю водить по 40 — 50 кадетов на выступления или репетиции оркестров гвардейских полков. Кадеты частенько посмеивались во время этих выходов, потому что директор при звуках музыки совершенно терял самообладание: «Лил слезы, топал ногами, весь жил в музыке и совершенно ничего вокруг не видел». Но тем не менее «музыкальные экскурсии» были приятным развлечением в однообразной кадетской жизни. Тем более что на обратном пути расстроганный музыкой директор частенько угощал кадетов пряниками, квасом и другими уличными лакомствами.

Иногда сверх меры запальчивый, Шлиппенбах в 1846 г. потратил весьма ощутимую сумму из собственных средств на пополнение корпусной библиотеки и вскоре оказался в стесненных материальных условиях. Раздумывая, как бы поправить дела, он вместе с несколькими приятелями замыслил прибыльное дело: внедрить в Петербурге неизвестный дотоле общественный транспорт. Единственным средством передвижения по столице (кроме собственного выезда) от начала ее существования служили извозчики — удовольствие в XIX в. не очень дешевое и не всегда удобное. Шлиппенбах затеял завести в Петербурге омнибусы — большие общественные кареты, следующие по определенному маршруту. Проект был составлен громадный: компания собиралась открыть тридцать маршрутов, по которым

должны были курсировать 120 карет. Первый маршрут предполагалось проложить по Невскому проспекту — от Александроневской лавры, по всей главной перспективе столицы до Адмиралтейства, далее на Сенатскую площадь, по мосту через Неву с конечной остановкой на Румянцевской площади перед 1-м Кадетским корпусом.

Шлиппенбах с товарищами развил бурную деятельность, стал добиваться официального разрешения и тем навлек на себя неудовольствие Николая I. В то время офицеру, да и вообще дворянину, заниматься коммерцией считалось в высшей степени неприличным. Тем более когда речь заходила о столь низменном деле, как извозный промысел. Император тактично предупредил директора Корпуса, тот предупреждению не внял и однажды, занятый делами «омнибусной компании», отсутствовал в Корпусе, когда туда, как всегда неожиданно, явился Николай. Император никак не проявил неудовольствия. Корпусные дела были в порядке, кадеты встретили царя восторженно. Николай посмотрел вечернее учение гренадерской роты, присутствовал на кадетском ужине, после которого в рекреационной зале затеял обычные игры с младшими кадетами, — игры искренние и бесшабашно веселые, о которых сами кадеты на всю жизнь сохраняли самые добрые воспоминания. В зимние вечера в 1840-х гг. любимой игрой были «ворота»: император становился широко расставив ноги, — он был высок ростом, — а младшие кадеты старались стрелой проскользнуть между ног царя так, чтобы Николай не успел их хлопнуть рукой. Случалось, что в разгар такой игры императора валили с ног случайно, а иногда и не совсем случайно, и дело кончалось кучей-малой.

Порезвившись и обласкав кадетов, Николай уехал, а на следующий день Шлиппенбах был отстранен от должности директора и назначен членом Совета по делам военно-учебных заведений. На место Шлиппенбаха пришел полковник (вскоре получивший чин генерал-майора) О.С. Лихонин.

В отличие от своего предшественника, Лихонин был типичный генерал николаевского времени — образцовый военный, сухой и чопорный, педант, строгий с подчиненными, холодный с младшими, официально-выдержанный с начальством. Время Лихонина осталось в памяти Корпуса как «холодное»: Корпус новый директор во всех отношениях содержал в образцовом

порядке, но никакой сердечности, никакой живости он не признавал. Официальные отношения, идеальный порядок, буквальное следование уставу до последней запятой — вот к чему Лихонин стремился всей душой и что считал венцом своей деятельности. Как в былые времена Перский, Лихонин не отлучался из Корпуса и обходил его ежедневно два-четыре раза в день, бывая почти на каждом уроке и занятии. Интересно, что если кадеты времен Перского его постоянное присутствие ценили и ставили ему в заслугу, то воспитанники лихонинской поры обходы директора порицали, высмеивали и считали одним из самых тягостных обстоятельств своей кадетской жизни. Это, впрочем, понятно. Обходы Лихонина были обходами знающего, искренне заинтересованного и неумолимо строгого командира. Недостатки и упущения он замечал как никто, и наказания виновным (как кадетам, так и сотрудникам Корпуса, от офицеров и учителей до хозяйственных служителей) следовали незамедлительно, строго и с железной неотвратимостью. Поэтому обходов боялись (заметим, не только кадеты), а их неизбежная механическая регулярность заставляла тех, кто имел на это причины, жить в постоянном страхе, всех же остальных — быть все время подтянуто-безупречными, потому что никаких поблажек от директора никому никогда не было. «Меня никто здесь не любит, — говорил Лихонин. — И правильно! Не должны любить. Я поставлен здесь не для обожания, а для содержания Корпуса в порядке. И преступать порядок никому не позволю!»

Розги при Лихонине вновь вошли в оборот, но тут не было ничего подобного жестокому безобразию клингеровских или годеиновских времен. Секли строго, но исключительно за дело и в размерах, определенных соответствующими расписаниями. Совершая какую-нибудь проказу или преступив корпусные порядки, кадет уже заранее знал, какое наказание рискует получить и что если он будет пойман, то ни прощение, ни поблажка невозможны ни при каких обстоятельствах.

Холодная методичность истого служачки Лихонина в некоторых вопросах принесла Корпусу больше пользы, чем добродушно-суетливая заботливость Шлиппенбаха. Мы говорили, как Шлиппенбах боролся с тиранством младших старшими. Должны теперь заметить, что если внутри неранжированной и младших рот Шлиппенбах имел некоторый успех, то со старикадетством — господством над младшими гренадерской, но в еще

большей степени — 1-й роты — Шлиппенбах ничего не смог сделать. Придя в Корпус, Лихонин, всю жизнь служивший в войсках и привыкший к здоровым, а часто и братским отношениям среди солдат, был поражен «грубостью нравов», выражавшейся как раз в тирании старших и пропагандирувавшемся ими образе поведения.

Здесь нужно пояснить, почему главным проводником этой грубости была 1-я рота (а не гренадерская, во всем остальном, безусловно, лидировавшая в Корпусе). Ответ прост: в гренадерской и 1-й ротах состояли воспитанники одного возраста, расписывавшиеся в роты отчасти по росту, но главным образом — по учебным и моральным качествам. Гренадерская рота считалась элитой, туда попадали лучшие. А 1-я рота, соответственно, становилась «болотом», откуда еле-еле завершившие учебный курс кадеты выходили прапорщиками, а то и унтер-офицерами в дальние гарнизонные части. Тирания старших получила в Корпусе еще одно название — «перворотство» и была самым неприятным и отталкивающим явлением корпусной жизни.

Кадета 1-й роты, как повествуют мемуаристы, можно было узнать по внешнему виду: ноги колесом, идет сильно стуча каблуками; обшлага на рукавах отвернуты, нижняя пуговица куртки расстегнута; смотрит на всех, особенно на начальство, зверем; если скажет что-нибудь, то непременно густым басом, хотя бы голос доходил до хрипоты; в кармане — тавлинка (в данном случае это был особенным образом сделанный из бумаги сверточек) с нюхательным табаком — «зеленчаком», которым часто заряжает свой нос; за голенищем сапога — трубка-носогрейка (позднее — папиросы). Все мысли перворота сосредоточены на еде: он идет или в кухню стащить пирог или булку, или в хлебную (по-кадетски — «тафельская*») украсть черного хлеба сколько может захватить; на все крики и нередко ругань повара или солдата, заведывающего хлебной, он не обращал ни малейшего внимания, спокойно унося съестное — «жратву». Перворотец не выносил никакого начальства и либо прятался от него, либо, если встреча была неизбежна, быстренько, прижимаясь к стене, проскакивал мимо. Любые замечания офицера перворотцы встречали грубостью. Спокойно воспринимали все

* От нем. *Tafel* — доска; «тафельская» — комната, где много досок, на которых режут хлеб.

наказания, под розгами мужественно молчали, не издавая ни звука, разве что рычали от боли и кусали себе руки.

Ноги колесом давались не от природы, а ценой целенаправленных усилий. Существовал такой верный способ изменить форму ног в бане: зажав между коленями металлический круглый таз с горячей водой, парить ноги веником; это постепенно искривляло кости ног.

Грубость первоходов была потрясающей: они могли в глаза нахамить любому корпусному офицеру, включая директора, могли плюнуть ему под ноги, даже толкнуть или ударить. Учителей и корпусных служителей старокадеты и вовсе не ставили в грош. Многие офицеры первоходов откровенно боялись и предпочитали не связываться с ними, особенно — не отдавать приказаний на глазах кадетов других рот, потому что в этом случае приказание могло быть не исполнено, и престиж офицера рушился на глазах всего Корпуса.

Способов бороться с первоходами не было никаких. Традиционные наказания — розги и аресты — на них никоим образом не действовали, напротив, чем больше первоход сидел в карцере, чем чаще и больше его пороли, тем большим уважением у товарищей он пользовался, тем выше поднимался в собственных глазах. Многие откровенно нарывались на наказания, специально для этого расхаживали в грязной, ободранной и кое-как одетой форме, не мылись, не причесывались, грубили, бездельничали, курили, появлялись нетрезвыми и совершали всевозможные выходки.

Главным объектом ненависти первоходов была учеба. Сами старокадеты вовсе не учились, причем им надлежало демонстрировать не только подчеркнутую лень, но и откровенную тупость. Но более того, первоходы жестоко преследовали тех, кто начинал показывать успехи в учебе. Даже малыш из неранжированной роты, начавший систематически получать хорошие оценки, мог вызвать внимание старокадетов: на первый раз дело обычно ограничивалось запугиванием и грубым устным внушением, но если это не помогало и кадет продолжал хорошо учиться, то следовало избивание, а затем и постоянная травля. Кадетам 2-й и 3-й рот, которых первоходы рассматривали как своих преемников, было еще тяжелее. Их преследовали и за хорошую учебу, и за недостаток грубости в отношении с офицерами и учителями, и за излишнюю аккуратность в одежде, и да-

же просто за веселое, беззаботное выражение лица. Не брезговали первороты и грабежом, самих их в увольнения не отпускали, поэтому они частенько наказывали младшим принести из отпуска съестного, лакомств, табаку, пива или вина. Добывать все это кадету приходилось за свой счет, а если он не приносил «наказанного», то следовала физическая расправа, причем дело могло дойти до тяжких увечий, после которых избитому кадету приходилось неделями лежать в лазарете.

Справедливости ради заметим, что не все кадеты 1-й роты были перворотцами. Перворотец — это не точное определение принадлежности к роте, но образ кадетской жизни. Были в 1-й роте и вполне нормальные кадеты, были и те, кто воевал с перворотами, умел защитить от них младших. Но таких было меньшинство — настоящие первороты составляли обычно половину, а то и больше от численности 1-й роты. С другой стороны, титул перворота мог заслужить и кадет, числившийся в другой роте. Среди гренадер первороты встречались очень редко. В не-ранжированной и 4-й ротах из-за юного возраста воспитанников перворотов тоже не было (хотя уже в 4-й роте иногда встречались те, кто пытался им подражать). А вот в 3-й и 2-й ротах они встречались, и некоторые из них, особенно прославившиеся безобразным поведением, получали торжественное посвящение от старших товарищей и с этого времени наравне с ними тиранили молодежь.

Жизнь перворотов управлялась определенным кодексом поведения, причем писаным. Каждый перворот имел при себе тетрадку, в которой этот кодекс был переписан от буквы до буквы. Кодекс излагался стихами, и от него сохранились лишь фрагменты, впрочем вполне показательные:

Придешь к столу, ты как свинья нажрись,
Побольше ешь, побольше пей,
И если туго — расстегнись,
А мало есть — отнюдь не смей!
Зато под розгами — ни слова,
Или кричи: «Не виноват!»,
А вставши, дай толчка* лихого,
Так истинный ты будешь хват!

* То есть пукни.

Перворотство не было исконно присуще Корпусу. Первые его ростки появились во времена Бецкого, во 2-м учебном разряде, заведенном в то время. А полноценно сформировалось и распространилось оно в мрачные времена директорства Клигера. При Перском старокадетство отошло в тень: вовсе истреблено оно не было, но приверженными ему оставались лишь единицы, действительно тупоголовые отщепенцы, не способные к учебе. Другие кадеты смотрели на них с неприязнью и презрением. Зато при Годеине перворотство расцвело буйным цветом, и теперь уже настоящий переворот в глазах младших был героем (хотя и не обязательно образцом для подражания). Шлиппенбах с ними ничего не мог сделать — его откровенно презирали, ему хамили, и добросердечный директор ограничился тем, что старался старокадетов не замечать и, по возможности, ограждать от них малышей.

Новый директор Лихонин перворотством был глубоко и неприятно поражен, даже потрясен. Но мириться с ним не собирался, а объявил грубости беспощадную войну, которую вскоре и выиграл. Впрочем, как нередко бывает на войне, первое сражение закончилось для Лихонина поражением. Решив противопоставить перворотству самые жестокие розги, директор взялся сам присутствовать при наказаниях, и дело кончилось скандалом: перворотов запарывали до потери сознания, а они лишь по-прежнему хамили, «давали толчка» и всячески продолжали унижать директора. Кроме того, однажды, когда целая группа перворотов оказалась после розог в лазарете (где совершенно благоденствовала, освобожденная от учебы, — пьянствовала, курила, объедалась, тиранила лазаретную прислугу и разворовывала имущество), туда наведалься царь, обнаружил, что лазарет «превращен в кабак», и Лихонину пришлось познаться с самым серьезным высочайшим неудовольствием.

Лихонина много (и заслуженно) упрекали в холодности, чопорности, сухости. Но в глупости упрекать его не приходится: только по-настоящему умный человек способен делать выводы из ошибок и, поняв бесперспективность одного пути к цели, найти другой путь, пусть даже в совершенно ином направлении. Поняв, что розги не помогут, Лихонин отказался от сечения (и не только в отношении перворотцев; вовсе розги не исчезли, но поролы при Лихонине даже меньше, чем при Шлиппенбахе, в сравнении с другими военно-учебными заведениями

того времени, можно сказать, что почти совсем не пороли) и принял простое и действенное решение: удалить первоуротцев из Корпуса поголовно. Судьба спешила содействовать доброму намерению директора. В 1848 г. Россия вмешалась в гражданскую войну в Австрии. Для нужд военных действий русской армии требовалось пополнение офицерами, и потому был объявлен ускоренный выпуск из кадетских корпусов. Не раздумывая долго, Лихонин немедленно определил к выпуску из 1-го корпуса всех первоуротцев до единого. Их учебные и дисциплинарные успехи, равно как и возраст (некоторым было по 15 лет), директора совершенно не интересовали — ему нужно было очистить Корпус от вредного элемента, и он это сделал, даже прибег к небольшой хитрости: слишком юным выпускникам были приписаны годы, совершенно негодным к производству в офицеры по своим успехам в учебе добавлены баллы.

Решительная мера Лихонина увенчалась полным успехом. За один месяц Корпус был полностью очищен от первоуротцев, и старокадетство прекратило свое существование, причем навсегда. По свидетельствам мемуаристов, учившихся в Корпусе в 1848—1849 гг., директор действительно выпустил всех: из почти двух сотен человек старокадетов в Корпусе удалось остаться только одному, который демонстративно устроил похороны первоуротства и публично сжег тетрадки с пресловутым «Кодексом первоуротца». Распространяемые прежде первоуротцами грубость, хамство, распушенность и презрение к учебе покинули Корпус раз и навсегда.

Впрочем, призрак первоуротства еще довольно долго витал над Корпусом и более всего пугал именно директора, справедливо полагававшего, что достаточно дать небольшую слабину, и это пагубное явление кадетской жизни возродится. Современники вспоминали: стоило Лихонину услышать, что кто-то из кадетов, расхаживая по Корпусу, начинает громко стучать каблуками, стоило заметить, что кто-то кривит ноги или с особенной жадностью налегает на пищу за кадетским столом, как директор приходил в величайшее волнение, брал кадета под личный надзор и начинал старательно наводить справки о его поведении. Директорство Лихонина продолжалось более 10 лет, но возрождения первоуротства он продолжал опасаться до конца своей службы в Корпусе, даже тогда, когда оно стало стираться из памяти кадетов и сотрудников. Впрочем, отдадим Лихонину

должное: перворотство было явлением гадким, и то, что этому директору удалось уничтожить его без остатка, следует признать безусловной заслугой.

Завершая рассказ о жизни Корпуса в царствование императора Николая I, мы должны еще коснуться лиц и учреждений, стоявших над Корпусом. Конечно, как и прежде, решающее влияние на жизнь Корпуса оказывала личность директора: кем бы ни были стоявшие над ним начальники, их влияние на Корпус и его дела было несравнимо ниже. Однако такие начальники назначались, и некоторые из них сыграли определенную роль в жизни Корпуса.

Напомним, что в 1830-х гг. над Корпусом, помимо директорской, было еще три власти:

1) шеф Корпуса — с 1831 г. им являлся лично император Николай I;

2) главный директор кадетских корпусов (1826 — 1833 гг. — генерал-адъютант Демидов, 1833 — 1836 гг. — генерал-адъютант Сухозанет 1-й) — в 1836 г. эта должность была сочтена излишней и упразднена;

3) главноначальствующий над кадетскими корпусами (до 1831 г. — великий князь Константин Павлович, 1831 — 1849 гг. — великий князь Михаил Павлович, с 1849 г. — наследник цесаревич великий князь Александр Николаевич).

Из трех властей самой действенной, конечно, была власть шефа Корпуса. Искренне любя Корпус, часто его посещая, щедро раздавая награды за порядок и наказания за неисправности, живо и квалифицированно вникая во все мелочи жизни Корпуса и кадетов, Николай I играл роль дамочлова меча, постоянно занесенного над головами директора и офицеров Корпуса, — меча, надо сказать, весьма полезного: ниже определенного (весьма высокого) уровня порядка Корпус опускаться не мог.

Власть главного директора кадетских корпусов была сильна только во второй половине 1820-х гг., в 1830-х эта должность превратилась в номинальную, почему и была вскоре упразднена.

Власть главноначальствующего над кадетскими корпусами никак не сказывалась на жизни Корпуса, пока ее занимал великий князь Константин Павлович. Однако, когда она перешла к его младшему брату — великому князю Михаилу Павловичу, дело в корне изменилось. Михаил Павлович — один из самых образцовых служак своего времени — к должности относился

ответственно, постоянно посещал Корпус с инспекциями (чаще всего неожиданными), а учитывая, что Михаил Павлович был методичный флегматик (в отличие от императора, несколько запальчивого и скорого как на гнев, так и на милость), что смутить или отвлечь его от дела было невозможно ни при каких обстоятельствах, инспекции главноначальствующего оказывали на жизнь Корпуса столь же полезное воздействие, если даже не более действенное, как и визиты самого императора.

В 1849 г. Михаил Павлович скончался, и его должность перешла к старшему сыну Николая I, наследнику российского престола великому князю Александру Николаевичу.

Назначение это (совпавшее с истреблением перворотства) имело и практическую, и символическую роль. Александр Николаевич, в детстве номинально числившийся среди кадетов 1-го корпуса, не раз его посещавший, участвовавший в строевых занятиях, учениях, походах, кадетских трапезах и играх, искренне относился к Корпусу как к «родной семье» и пекся о нем неустанно. Важно заметить и личные характеристики Александра Николаевича: он был не столь методичный и строгий служака, как его предшественник. Человек несколько романтического склада, обладавший органичной утонченной воспитанностью и редким чувством такта, Александр Николаевич сумел привнести в жизнь Корпуса качества, которых этому учреждению не доставало прежде — эlegantность, романтичность и деликатность. Благодаря его участию среди кадетов с начала 1850-х гг. начинается чтение беллетристической литературы, преимущественно рыцарской и приключенческой. Мечтательность и увлеченность, обычные для мальчишек, более не сдерживались, а во внутренних отношениях в Корпусе вновь установились (уже до конца истории Корпуса) нормы высококультурного поведения (обращение к воспитанникам исключительно на «вы», выдержка и безупречный такт во всех контактах),

Император Александр II

постепенно создавшие в Корпусе весьма комфортную нравственную атмосферу.

Искренне желая Корпусу добра и только добра, Александр Николаевич, став императором, пошел дальше, и в ходе одобренной им реформы военно-учебных заведений 1-й Кадетский корпус вступил в совершенно новую бурную стадию своего развития. Но это — особая глава истории Корпуса, она заслуживает и особой главы в нашей книге.

Глава IV

Годы перемен и забвенья

С воцарением Александра II в жизни Корпуса на первых порах существенных изменений не происходило. Примечательным событием, правда, стало празднование 125-летнего юбилея Корпуса в 1857 г. Отмечался он «по-семейному», без излишней помпезности, в целом довольно скромно: общество, военные прежде всего, горько переживало севастопольскую драму и было не до веселья.

Празднества распределялись на три дня — вначале театрализованная постановка, танцы, а затем бал. В одном из корпусных помещений устроили зрительный зал для представления «Пролога» в стихах, написанного Ф.Н. Глинкой. Основными участниками этого действия стали кадеты, одетые в исторические мундиры и повествовавшие о наиболее памятных событиях из прошлого, начиная со времени образования Корпуса. На сцене находились четыре «транспаранта» с вензелями Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I, а под ними были начертаны имена наиболее известных персон Корпуса: директоров, воспитателей, преподавателей и кадетов. Во время спектакля перед зрителями предстали также бюсты Александра II (в центре) и почивших в бозе Николая I и великого князя Михаила Павловича.

В завершение кадеты исполнили комедии — русскую, немецкую и французскую. Далее состоялся танцевальный дивертисмент, а закрывал юбилейные торжества бал, устроенный в Сборном зале. 17 февраля состоялось торжественное богослужение. Пожалуй, никто из участников и гостей празднеств и не думал, что через несколько лет о Корпусе будут говорить уже в прошедшем времени.

Военные преобразования как отголосок поражения в Крымской войне начались не сразу по ее окончании. Д.А. Милютин,

выдающийся военный и государственный деятель, подошел к этому вопросу вдумчиво, основательно, взвесив все возможные плюсы и минусы, разработав план и механизм реорганизации каждой отрасли непростого армейского хозяйства Российской империи. Не стала исключением и система военно-учебных заведений.

Собственно, изменения начали происходить еще при их руководителе генерале Я.И. Ростовцеве, который, как ему казалось, значительно усовершенствовал подготовку командного состава. По его инициативе офицерские классы Михайловского артиллерийского и Николаевского инженерного училищ трансформировались в академии, в губернских кадетских корпусах появились специальные классы, Дворянский полк и Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров превратились в Константиновское военное училище и Николаевское юнкерское училище соответственно. Однако эти локальные новации не удовлетворили военное руководство, и сменивший Ростовцева великий князь Михаил Николаевич организовал «опрос» сведущих людей относительно состояния военного образования и возможности его улучшения.

Последнее объяснялось также «внутренним брожением» и «беспорядками», имевшими место в кадетских корпусах, военных училищах и даже в Николаевской академии Генерального штаба. Не обошлось без происшествий и в 1-м Кадетском корпусе, воспитатели которого были замечены в посещении «тайного кружка», как значится в документах корпусной канцелярии, а также в распространении прокламаций. Правда, революционных настроений среди кадетов не наблюдалось, но выявленный факт все же настораживал. Своего мятежного Кропоткина, выпускавшего в Пажеской «обители» подпольную газету, в Корпусе не нашлось, но как знать — это могло быть делом времени, особенно если вспомнить периоды «либерализации» кадетских умов в его истории.

В феврале 1862 г. свое мнение по данному вопросу представил Д.А. Милютин, оформив его в качестве небольшой, но содержательной записки.

Военный министр сразу признал необходимость реформирования военно-учебных заведений, согласившись с тем, что они не соответствуют поставленным перед ними задачам, прежде всего в «распределении в государстве образования общего и

военного и что они даже не удовлетворяют собственному своему специальному назначению».

Симптомом неблагополучия может служить тот факт, что численность «своекоштных» учащихся с 1857 по 1860 г. снизилась вдвое: годовая плата в 200 рублей для многих родителей оказалась неподъемной. Что же касается кадетов, находящихся на казенном содержании, то, по словам Милютин, они пополняли в основном гвардию и специальные войска, тогда как в армии составляли меньшинство. Готовить же в кадетских корпусах офицеров линейных батальонов и внутренней стражи — роскошь непозволительная и неоправданная со многих точек зрения, прежде всего финансовой. Кроме того, некоторые выпускники поступали на гражданскую службу, и полученное военное образование «пропадало без всякой пользы».

Д.А. Милютин

Содержание кадетских корпусов обходилось казне недешево — 4 712 000 рублей серебром, обучение будущего офицера стоило 9538 рублей, а с учетом возможности скорой отставки эта цифра возрастала до 12—13 тысяч; данные суммы высчитывали, исходя из среднего числа офицеров за выпуск — 494 человека. Таким образом, считает Милютин, финансовые издержки не соответствовали реальным результатам.

Содержание кадетских корпусов обходилось казне недешево — 4 712 000 рублей серебром, обучение будущего офицера стоило 9538 рублей, а с учетом возможности скорой отставки эта цифра возрастала до 12—13 тысяч; данные суммы высчитывали, исходя из среднего числа офицеров за выпуск — 494 человека. Таким образом, считает Милютин, финансовые издержки не соответствовали реальным результатам.

Далее он отмечает, что, хотя по своему общеобразовательному уровню выпускники корпусов превосходят офицеров из юнкеров, в служебном отношении они сделались менее полезными, притом что раньше среди них были настоящие служаки. Получив разностороннее образование, бывшие кадеты в массе своей выносят из корпусов «самонадеянность, верхоглядство, а иногда самый ложный взгляд на действительную жизнь и отношения общественные. Что же касается до службы, то о ней они большей частью не имеют понятия» и сами нуждаются в дядьке.

Причинами неудовлетворительного состояния военно-учебных заведений министр видел несколько обстоятельств. В первую

очередь он отмечал, что легкий способ дать детям даровое воспитание отвлекал родителей от обязанности подумать, будет ли это воспитание соответствовать способностям детей или нет. Тем самым, по сути, устранялся выбор военной службы по призванию, и среди тех, кто поступал в кадетские корпуса, многие не представляли себя в будущем офицерами.

Далее Милютин отмечал, что срок обучения в кадетские корпусах 7–8 лет, но по его окончании выпускники не имеют понятия ни о службе, ни о солдате. Между тем приобрести военные знания можно за 2–3 года, поэтому остальное проводимое в корпусах время едва ли оправдано для подготовки офицеров.

В их нынешнем виде кадетские корпуса являют собой «заведения воспитательные, а не исключительно образовательные». Однако военное воспитание в раннем возрасте, приучение к дисциплине в период только формирования характера «наносит существенный ущерб нравственным качествам юноши». Воспитание, основанное на дисциплине, целесообразно в зрелом возрасте, «когда характер молодого человека успел самостоятельно развиться».

Кадетские корпуса стараются согласовать требования дисциплины с необходимыми для детства мягкостью и «кротостью обхождения», что, в общем, несовместимо. Кадеты не приучаются к «регулярному образу жизни», воздержанности «во всех потребностях», к перенесению лишений и физическому труду (в распоряжении Милютина были данные, что в 1860 г. на 8016 учащихся приходилось 6358 человек прислуги).

Мнение Милютина было однозначным: в нынешнем виде военно-учебные заведения требуют коренной реорганизации, а именно упразднения кадетских корпусов и замены их военными гимназиями, по существу гражданскими учебными заведениями, а также юнкерскими и военными училищами. В качестве первоначального «материала» для формирования офицеров военный министр называет юнкеров, а воспитание отроки и юноши получают дома и в гражданских учреждениях. После этого им предстоит сдать экзамен «гимназического уровня» и приступить к практическому знакомству с условиями и требованиями военной службы непосредственно в войсках. Приобретение знаний, необходимых для офицера, должно происходить в юнкерских училищах, по окончании которых юнкера сдают

выпускные экзамены и отправляются в строй младшими обер-офицерами.

К мнению военного министра присоединился министр народного просвещения А.В. Головин. Он также считал, что в кадетских корпусах общее образование приносится в жертву военному, дети обрекаются на военную службу, часто не имея к ней никакого призвания. Чтобы устранить эти издержки, Головин предлагал трансформировать кадетские корпуса в общеобразовательные учреждения, а суммы, предназначенные для их содержания, направить в распоряжение своего министерства.

С таким подходом согласны были далеко не все. Так, Н.Н. Мельницкой, признавая необходимость усовершенствования военно-учебных заведений, выступал против воспитания детей разных возрастов вместе, это, по его мнению, было недопустимо. Вместе с тем он предлагал закрыть в губернских кадетских корпусах специальные классы, сохранив их в корпусах столичных.

В 1-м Кадетском корпусе Мельницкой планировал учредить штат в 400 человек, число корпусных служителей, естественно, сокращалось, например, вместо 5 капитанов определялось 4, а старших поваров не 3, а 2 человека. В оставленные в Корпусе специальные классы переводились кадеты из губерний — по 50 человек от каждого Корпуса. Эти изменения, по мысли Мельницкого, сулили не только «оздоровление» учебно-воспитательного процесса, но и изрядную финансовую экономию.

Некоторые придерживались на этот счет консервативных взглядов, полагая оставить все как есть, может быть, с незначительными изменениями. Это были в основном представители генералитета (П.С. Ванновский, Н. Медем и др.), считавшие, что кадетские корпуса помогают сохранять монархический дух, внутренне присущий русскому дворянству и столь необходимый офицерам.

В конечном итоге возобладали «либеральная» позиция Милютина — Головина. Суть их реформы в отношении кадетских корпусов (за исключением Пажеского, Финляндского, Сибирского и Оренбургского) сводилась к превращению их специальных классов в военные училища, а общих — в военные гимназии.

В 1863 г. были открыты Павловское училище в Петербурге и Александровское в Москве. Через год Николаевское училище гвардейских юнкеров преобразовано было в одноименное кавалерийское училище.

Учреждались и юнкерские училища, которые в соответствии с положением 1868 г. призваны были «доставлять» нижним чинам регулярных войск и урядникам иррегулярных войск из дворянских и обер-офицерских детей необходимое для офицера «научное и строевое образование». Милютин считал юнкерские училища «будущностью армии» и придавал им очень большое значение.

В число учебных учреждений военного ведомства вошли и соименные корпусам гимназии, образованные из кадетских общих классов. В виде эксперимента эту реформу начали со 2-го Петербургского кадетского корпуса, с начала 1863/64 учебного года ставшего 2-й военной гимназией. Еще какое-то время она оставалась своеобразным полигоном для опытов Главного управления военно-учебных заведений: при ней были организованы двухгодичные педагогические курсы, предназначенные для подготовки учителей военных гимназий. Слушателями курсов могли стать только лица с университетским дипломом.

В 1864 г. пришлось расстаться со своей формой и славным именем «кадет» учащимся 1-го Петербургского, двух московских, Тульского и Орловского корпусов, а позже и всем остальным: к 1866 г. было открыто 12 военных гимназий. Кадетские корпуса, кроме Пажеского и Финляндского, были упразднены.

В ходе реформы появились и военные прогимназии — общеобразовательные заведения низшего разряда, куда поступали преимущественно дети офицеров, чиновников военного ведомства и лиц, имевших права вольноопределяющихся 1-го и 2-го разрядов (выпускники военных прогимназий, как правило, оказывались потом в юнкерских училищах).

Особое место в военной образовательной системе занимали специальные военные школы, готовившие топографов, техников-оружейников, фельдшеров, чертежников, пиротехников; действовала и Учительская семинария военного ведомства.

Реорганизация проходила непросто и неоднозначно, при том что о внешних проявлениях недовольства не могло быть и речи. В первую очередь это касалось, разумеется, кадетских корпусов, переживших наибольшую трансформацию. Для старейшего 1-го корпуса не было сделано никаких исключений, а 2-й корпус, всегда оспаривавший его старшинство, вообще превратился в едва ли не образцовую военную гимназию. В августе 1863 г. там упразднили роты, и все воспитанники были поделены на «воз-

раста», в свою очередь состоявшие из классов по 25–35 человек. Возрастов могло быть 3–4, но обязательными считались два — от 10 до 14 лет и от 14 до 17 лет. Каждый возраст располагался в своих изолированных помещениях и имел даже особые места для прогулок, не говоря о спальнях. Классы возглавляли воспитатели (с окладом 1200 рублей), на первых порах из числа военных, но позже ими становились и гражданские лица, нередко не имевшие высшего образования, но с определенным педагогическим опытом. В качестве помощника воспитателя определялся дядька, обычно из числа отставных нижних чинов. Ему поручалось следить за чистотой и порядком в помещениях, контролировать соблюдение гимназистами уставного внешнего вида, учить их мелкому ремонту одежды, производить своевременную смену белья, нести ночные дежурства и обо всех происшествиях в отделении докладывать воспитателю. Вообще в этот период жизнедеятельность военных гимназий не была регламентирована и носила во многом экспериментаторский характер. Соответствующее положение появилось только в 1866 г., и с течением времени туда вносились поправки и дополнения.

В столицах военные гимназии, как и кадетские корпуса, принимали детей потомственных дворян, в провинции туда могли поступить дети и недворянского происхождения. Гимназисты, в зависимости от условий своего «содержания», находились на положении «казеннокоштных», «своекоштных», стипендиатов различных учреждений и лиц, а также так называемых «приходящих», то есть посещавших занятия, но живших дома. Большинство гимназистов относилось к первой категории, во всяком случае в 1-й Петербургской гимназии их было более половины.

Во главе гимназии стоял директор в чине не ниже полковника (с окладом 4200 рублей), в качестве его первого помощника по учебной и воспитательной работе определялся инспектор классов (с окладом 2400 рублей). Преподавательский штат составляли учителя преимущественно гражданских гимназий, они вместе с воспитателями включались в педагогический комитет.

Срок обучения в гимназии до 1865 г. составлял 5 лет, затем 6 лет, и, наконец, в 1870 г. были открыты подготовительные классы, то есть учебный план увеличился еще на год.

Несмотря на то что военные гимназии относились к соответствующему ведомству, они развивались именно как общеобразовательные учреждения, гимназисты, правда, занимались

строем, гимнастикой, знакомились со «штатами», но уроки фехтования уже были факультативными, хотя и желательными, равно как и начальный курс топографии.

Распорядок дня гимназиста был четко расписан, однако в некоторых гимназиях позволялись известные отступления. Как правило, подъем производился в 7 часов (для старших отделений на полчаса раньше, чтобы не создавать толчею в туалетах и умывальных комнатах), далее гимназисты убрали кровати, умывались, «чистились», отправлялись на молитву, а после нее — на чай, который продолжался до 8 часов. Далее до 9 часов учащиеся повторяли пройденный материал и шли на занятия, проводившиеся до полудня. На завтрак отводилось полчаса, и с 12.30 до 14.00 — вновь классы. В течение часа гимназисты отдыхали и занимались гимнастикой, иногда фехтованием (учитывая рекомендации врачей, руководство гимназий старалось избегать вечерних «телесных» упражнений). С 15.15 до 16.00 учащиеся обедали и до 17.00 отдыхали. Вечерние занятия, «приготовление уроков» — с 17.00 до 19.00. Один час, до 20.00, уходил на игры и развлечения, далее приготовление к ужину и ужин — до 20.30. Отбой для младших отделений в 21.00, старших — в 22.00.

До 1869 г. единой учебной программы для военных гимназий практически не существовало. За основу брались, как правило, кадетские образцы, и гимназическое руководство на свой страх и риск старалось их адаптировать к требованиям военного ведомства.

Методом проб и ошибок предметы выстраивались в более или менее определенный порядок, в 1869—1870 гг. включавший: Закон Божий, русский и церковно-славянский языки, словесность, французский и немецкий языки, математику, политическую историю, географию всеобщую и русскую, физику и космографию, начальные понятия из естественной истории и физиологии, начертательные искусства (чистописание, рисование, геометрию).

Количество часов, выделяемых на изучение тех или иных наук, также периодически менялось. В этом отношении даже программа 1869—1870 гг. не была окончательной. Прошло еще некоторое время, прежде чем она приобрела относительно законченный вид и впоследствии, почти без изменений, стала основой учебного процесса возрожденных кадетских корпусов.

По сравнению с классическими гимназиями в военных больше внимания уделялось преподаванию физики и математических дисциплин, однако гуманитарный цикл был не столь насыщен.

Курс русского и церковно-славянского языков включал грамматический разбор текстов, синтаксис, орфографию, этимологию, изучение образцов словесности, церковно-славянскую грамматику, перевод Остромирова Евангелия на русский язык с указанием отличных от него форм и флексий.

На уроках словесности учащиеся знакомились с творчеством Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя. В качестве дополнительного материала предлагались первая часть «Илиады» и первые 6 сцен «Макбета».

Иностранные языки изучались в пределах основ грамматики, устного и письменного перевода несложных текстов на русский язык, чтения текстов учебников по различным предметам.

Математический цикл содержал арифметику (дроби и действия над ними), алгебру (до логарифмов), геометрию (планиметрия, стереометрия до конических сечений, тригонометрия).

В курс географии входили основы физической географии, общая география Европы и России — этнография, промышленность, сельское хозяйство и пр.

Гимназисты осваивали и космографию в пределах «Руководства космографии и физической географии» А. Малинина и К. Буренина.

Программа по истории включала русскую и всеобщую историю с XI до середины XIX в.

Наибольшие трудности учащиеся испытывали при освоении естественной истории, куда входили основы геологии, ботаника, зоология и пр. Автор этой программы, известный деятель педагогики К.К. Сент-Илер, несмотря на жалобы учителей и гимназистов, отстаивал предложенный вариант курса, полагая, что дело не в самом объеме информации, а в методике преподавания, в котором должны доминировать систематичность и равномерность распределения курса по классам.

Судя даже по перечню предметов, воспитанникам военных гимназий приходилось несладко. Для полноценного выполнения домашних заданий они корпели над учебниками многие часы. Один перечень их внушал если не страх, то трепет. Различных

пособий (и руководств) только по русскому языку насчитывалось 16. К ним относились изучаемые в младших классах «Детский мир» и «Русское слово», а также ставшие классическими «Грамматика» Антонова и «Этимология» Поливанова.

Обязательными для гимназистов были учебники и пособия по истории — Иловайского, Шульгина, Замысловского, по географии — Семенова, Смирнова и Белоха, физике и математике — Малинина, Буренина, Самашко, Краевича, естествознанию — Сент-Илера, Раевского, Дальтона, Оливера.

Неудивительно, что жалобы гимназистов на недомогание, головокружение, вялость и сонливость стали обычными явлениями. Врачи без труда определяли переутомление еще не окрепшего организма от слишком интенсивных занятий. Большинство преподавателей также осознавало перегруженность гимназической программы. Однако сокращать ее никто не собирался, более того, обсуждались планы введения новых дисциплин по образу и подобию как реальных училищ, так и классических гимназий. Чтобы выправить ситуацию, предлагалось во главу угла поставить принципы дидактического обучения, то есть систематичность и последовательность, доведение предмета до полного усвоения его учениками, поощрение активности и самостоятельности гимназистов. Это должно было усовершенствовать преподавание в целом и, естественно, облегчить для гимназистов «прохождение» предметов.

В младших классах стали давать курс «элементарных знаний» с тем, чтобы заложить основу для дальнейшего систематического изучения отдельных дисциплин. Вести эти занятия должен был один учитель, который по истечении определенного времени уведомлял педагогический комитет о том или ином ученике (данная информация учитывалась при распределении детей по отделениям).

В старших классах учителя стремились сочетать лекционную подачу материала с беседами, задавая вопросы по ходу занятий и выслушивая ответы тут же в классах, использовать как можно больше наглядных пособий. Это сокращало время на домашние задания, так как материал усваивался в основном на уроках. При этом, в отличие от кадетских корпусов, в гимназиях стремились избегать излишней опеки над учащимися, чрезмерной помощи: руководство хотело приучить гимназистов к самостоятельности как в учебе, так и в быту.

Домашние задания со временем стали распределять по классам: в 1-м — одно в день, во 2-м — два и т. д. В младших классах вместо экзаменов практиковали своеобразную проверку знаний в виде репетиций, состоявших из сочинений, контрольных работ, иногда устных ответов на вопросы по пройденному курсу. С 1867 г. репетиции проводились во всех классах, кроме выпускного. Такая форма проверки знаний действовала менее устрашающе, чем экзамены с билетами, комиссиями и прочими атрибутами, которые загодя заставляли учащегося биться гимназические сердца. Правда, с 1874 г. необходимо было сдавать вступительные, конкурсные экзамены, но они были далеки по своему содержанию и антуражу от «классических» образцов.

В военных гимназиях были установлены свои учебные нормы. С 1869 г. занятия начинались с 16 августа и заканчивались сначала 5, а позже 15 июня, зимние каникулы длились с 24 декабря по 7 января, а весенние — 9 дней, учебный год делился на полугодия. Продолжительность уроков составляла 60 минут, между 2-м и 3-м уроками делали большой перерыв, остальные перемены длились по 10 минут. На подготовку уроков отводилось 2,5 часа в день, 3 раза в неделю проводились занятия по строе и гимнастике. Эта дисциплина, равно как и фехтование, преподавалась в основном учителями, иногда их звали «мониторами», получавшими необходимую подготовку на специальных курсах при 2-й Петербургской военной гимназии, возглавляемых известным ученым, подвижником науки профессором П.Ф. Лесгафтом. Первоначально эти курсы планировалось организовать при 1-й военной гимназии, однако руководство военно-учебных заведений сочло необходимым подчиниться желанию Лесгафта и сохранить за 2-й гимназией неофициальный статус образовательного центра для учебных учреждений этого уровня.

В военных гимназиях использовалась 12-балльная шкала отметок: в 1-м классе высший балл — 7, в выпускном — 12.

В зависимости от успехов на итоговых экзаменах выпускники делились на 3 разряда: набравшие максимальный балл зачислялись в военные училища без экзаменов или переводились в специальные классы Пажеского корпуса (а также в младшие классы Артиллерийского и Инженерного училищ); добившиеся только удовлетворительного результата подвергались при поступлении «проверочному» испытанию, а те, кто не заслужил

даже и этого, могли отправляться домой или поступить в полк с правом получения чина после повторных испытаний.

Влияние идей выдающегося деятеля педагогики К.Д. Ушинского находило практическую реализацию в разработке методик ведения работ в образовательных учреждениях не только Министерства народного просвещения, но и военного ведомства. Между тем в военных гимназиях имелась своя специфика, связанная с труднопреодолимыми традициями кадетских корпусов, в частности «цуком», сложившимися за десятилетия понятиями о товариществе, корпоративном духе и пр. С одной стороны, учителя и воспитатели старались строить свои отношения с учащимися на доверии, доброжелательности, использовании индивидуального подхода к ученикам с учетом их личных особенностей, стараясь не прибегать к наказаниям. С другой, им противостояли гимназисты-переростки, бывшие кадеты, авторитет которых подчас был непререкаем. Идиллии в военных гимназиях никто не ожидал, однако опасность влияния этих оставшихся в классах носителей «кадетского духа» учитывалась не вполне.

Именно они своим примером и рассказами о «прошлом бытии» часто сводили на нет терпеливые усилия воспитателей. Зачастую этакий бывалый гимназист, небрежно одетый, как правило, плохо успевавший, прошедший горнило кадетской муштры и «цука», служил для малолеток примером более убедительным, чем истины, проповедуемые «гимназическими служителями». С последними эти «авторитеты» считались мало и открыто игнорировали их приказания. Дело нередко доходило и до откровенных оскорблений, а следовавшие за этим наказания дисциплины не укрепляли.

Ее показатели в первые годы проведения реформы военного образования впечатляли: например, с мая 1863 по май 1864 г. во 2-й Петербургской военной гимназии было совершено 1670 различных проступков. Чуть позже, уже в 1-й Петербургской гимназии, за такой же примерно срок произошло около 2000 случаев дисциплинарных нарушений.

Ставший директором Генерального штаба генерал-майор Е.К. Баумгартен оказался в непростом положении. Как человек военный и поборник дисциплины, он должен был решительно бороться с подобными явлениями и использовать все меры воздействия на нерадивых, вплоть до содержания в карцере и да-

же телесных наказаний, что он и делал. Однако вместе с тем он понимал, что для наведения порядка нужно время. Кадетам Корпуса трудно было свыкнуться с мыслью, что они, воспитанники старейшего военно-учебного заведения, первой «рыцарской академии», в одночасье могут превратиться в безликих гимназистов и переселятся из ставшего родным Меншиковского дворца на Петроградскую сторону. Была некоторая надежда, что с учетом значимости и роли Корпуса в системе военного образования, наконец его воспитанников приравняют к пажам, но этого не случилось. Учащиеся 2-го корпуса уже стали гимназистами, а в старых зданиях на Кадетской линии жили в тревожном и томительном ожидании, мысленно прощаясь со славным прошлым своей alma mater. Несколько человек из числа корпусных служителей уволилось, часть кадетов отказалась переходить в гимназию. Руководство Главного управления военно-учебных заведений данное обстоятельство не сильно беспокоило: желающих учиться в столице на казенном довольствии всегда было с избытком в провинции. Недостатка в воспитателях и учителях тоже не наблюдалось. Сложнее дело обстояло с кадетскими традициями, очень живучими. Приказами их было не упразднить, и оставалось только ждать, что они естественным образом угаснут, или сделать вид, что их попросту не существует. Тот факт, что занявшему василеостровские владения Павловскому военному училищу на основании приказа военного министра от 17 мая 1864 г. были переданы корпусные реликвии, в частности знамена, а также архив, а само училище стало формальным преемником Корпуса и получило название 1-го военного Павловского, означал, что старейший в России «кадетский дом» прекратил свое существование. Но его воспитанники, уже в другом качестве, старались сохранить и культивировать сложившиеся в нем стереотипы поведения и нравственные установки. С этим и пришлось столкнуться Баумгартену, возглавившему беспокойное кадетско-гимназическое хозяйство, числившееся под № 1.

Воспитатели не успели приступить к своим обязанностям, а некоторые гимназисты уже знакомились с «цуком». Для бывших кадетов мало что менялось: те же изолированные классы и дортуары, определенный распорядок дня, полувоенная дисциплина. Новички же, естественно, чувствовали себя на первых порах не в своей тарелке. Переезд и освоение новых помещений

затрудняли контроль учителей и воспитателей за «свежеиспеченными» гимназистами. Оказавшись в знакомой обстановке, но не обремененные уставной муштрой, вчерашние кадеты не стали менять и своих привычек, привнося в зарождавшуюся гимназическую атмосферу такие «догматы», как культ физической силы, необходимость подчиняться «старшим», круговая порука и пр. Наверное, в гимназии все это появилось бы само собой, в той или иной форме, но «кадетское» прошлое ускорило процесс.

В 1-й гимназии оказались, прямо скажем, далеко не лучшие представители кадетской «касты»: наиболее успешные были переведены в Павловское военное училище и стали «павлонами», как называли его воспитанников. Для некоторых кадетов гражданские установления военных гимназий оказались известным благом, поскольку они не имели особых склонностей к армейской службе. Для тех же, кто стремился в армию, но в училище не попал, пребывание в гимназии оказывалось пробой на психологическую выносливость, так как надо было набраться терпения и закончить курс этого не слишком почитаемого ими заведения, чтобы, по крайней мере, стать юнкером. На протяжении нескольких лет бывшим кадетам приходилось выполнять (или обходить) многочисленные гимназические правила. В них подробно регламентировалась жизнь учащихся как в пределах гимназии, так и вне ее. Это были, правда, не кадетские установления, но все же. Свои «Правила...» имелись также и у воспитателей.

Деятельность столичной 1-й военной гимназии вошла в русло примерно к середине 1870-х гг., однако память о кадетских временах не стерлась. Сам император в глубине души относился к ним с большей симпатией, в то же время не жалуя своим вниманием новоявленные образовательные центры — он их практически не посещал. Между тем рапорты и отчеты Баумгартена и сменившего его в 1876 г. генерал-майора П.И. Носовича свидетельствовали, что вверенная им гимназия мало чем отличалась от себе подобных: по основным показателям — успеваемости, дисциплине — она являлась крепким середняком, не выделяясь из общего ряда. Все основные предписания Главного управления были адаптированы и более-менее строго выполнялись. В гимназии числились 400 интернов и 98 экстернов, штат преподавателей и воспитателей был укомплектован пол-

ностью, на содержание гимназии в год отпускалось 169 917 рублей, сумма для учреждений этого типа изрядная (например, только бюджет Владимирской Киевской гимназии был больше и составлял 188 877 рублей, правда при наличии 577 человек учащихся).

Жизнь военного гимназиста отнюдь не ограничивалась уроками и работой с учебниками, возможностей реализовать себя в различных занятиях было предостаточно. Можно было вырезать и выжигать по дереву, делать переплеты, рисовать и лепить из глины, работать на токарном станке, кататься на коньках, играть в городки и пр. В 1-й гимназии как дань кадетскому прошлому культивировали «сценическое действие». Уровень, по сравнению с корпусными постановками, конечно, был не тот, однако в силу отпущенных талантов и возможностей гимназисты играли «Горе от ума», «Скупого рыцаря», переводные пьесы, театрализованные сюжеты из русской истории.

В этой же гимназии был устроен богатый живой уголок, постоянными обитателями которого были морские свинки, черепахи, ежи, кролики, белые мыши. Гимназисты не забывали ухаживать за цветами — их разных сортов было на удивление много для заведений такого типа. Это объяснялось частыми посещениями Ботанического сада, в основном именно оттуда в гимназию поступали семена и рассада с необходимыми рекомендациями и инструкциями.

Вообще во внеклассное время для учеников 1-й гимназии часто организовывались экскурсии в музеи, в том числе и на различные выставки, гимназисты посещали фабрики и заводы, совершали ознакомительные поездки по Неве. Изучение истории города было поставлено основательно благодаря также и богатой библиотеке, содержавшей иллюстрированные издания по архитектуре и быту Петербурга.

В этой гимназии большое внимание уделялось занятиям по топографии, черчению карт, проведению топосъемок в окрестностях города. Гимназистов учили ориентироваться на местности, пользоваться компасом и буссолью. В летних лагерях, где они проводили нередко по полтора месяца, полученные в классах навыки закреплялись практически, топографическая специализация была одной из «визитных карточек» 1-й военной гимназии.

То, что она находилась в столице, облегчало возможности ее контроля со стороны Главного управления. Правда, оснований

для опасений она не давала. Кадетское прошлое в гимназии забылось, равно как и в Павловском училище, изначально призванном «сохранить память о 1-м Кадетском корпусе как о рассаднике военного образования в Отечестве и предания, связанные с его именем, о доблестях военачальников и государственных людей, прошедших юность в этом заведении». Празднование 150-летнего юбилея Корпуса в 1882 г. прошло без участия гимназии и училища. В одной из петербургских гостиниц состоялся товарищеский обед, присутствовали 158 человек из числа бывших кадетов. Пили здравицы, вспоминая свое лихое «кадетство». Зачитали поздравительную телеграмму «своим одноклассникам», присланную великими князьями Николаем Николаевичем и Михаилом Николаевичем. Растроганные участники долго не расходились. В честь этого знаменательного юбилея учрежден был жетон: круглый щиток с золотым по краю ободком. На аверсе — на черной эмали кадетский погон, ниже — дата основания Корпуса: «1732», а в полукружьях помещались фамилия выпускника и год выпуска. На реверсе — на белой эмали корпусная эмблема в обрамлении лавровой и масличной ветвей, наверху дата «1732».

Глава V

И вновь кадеты

Недоверие, которое питал к военным гимназиям Александр II, несмотря на то что там были собраны едва ли не лучшие педагогические силы, опиравшиеся на передовые методики, унаследовал его преемник на престоле Александр III. 150-летний юбилей 1-го Кадетского корпуса словно подвел черту милютинскому периоду в истории военного образования. Новый военный министр, П.С. Ванновский, при полной поддержке монарха вознамерился на практике воскресить идеи генералов-оппозиционеров 60-х гг. Он считал, что доводы Милютина и его сторонников потеряли свою актуальность. Несмотря на очевидные успехи реформированной системы подготовки офицерского состава, Ванновский не переставал выступать за возрождение кадетских корпусов вместо «странных учебных заведений», имевших «бессмысленное название „военных гимназий“».

По его инициативе в работу включился и новый начальник Главного управления военно-учебных заведений генерал-лейтенант Н.А. Махотин. Им была составлена записка, в которой предлагалось переименовать гимназии в кадетские корпуса, в целом ничего при этом не меняя. Сам Ванновский в своем докладе на высочайшее имя, отдавая должное результатам деятельности предшественников, оценивал военные гимназии весьма противоречиво,

*Император
Александр III*

П.С. Ванновский

и его аргументы в пользу восстановления кадетских корпусов выглядели неубедительно. Тем не менее в июле 1882 г. участь гимназий все же была решена: их переименовали в кадетские корпуса, которые сохраняли статус общеобразовательных учреждений, получая при этом военную организацию.

Гражданские воспитатели были первыми жертвами затеянной «милитаризации»: вместо них все чаще стали появляться строевые офицеры. Решено было внести некоторые изменения и в учебную программу. Делалось это не в

одночасье, тем не менее принципиально улучшить ее не удалось. С одной стороны, планировалось сократить количество часов, отведенных на Закон Божий, с другой — имелись планы изъять аналитическую геометрию, а также «урезать часы на физику». В конечном итоге курс военных гимназий, как уже было сказано, в целом сохранился, но добавилось время на изучение отдельных дисциплин, в частности фехтования, топографии и строя.

В «Положении о кадетских корпусах» от 14 февраля 1886 г. декларировалось, что «кадетские корпуса имеют целью доставлять малолетним, предназначенным к военной службе в офицерском звании и преимущественно сыновьям заслуженных офицеров, общее образование и соответствующее их предназначению воспитание».

Практические же шаги по реализации статей этого документа делались раньше. В 1883–1884 гг. в корпусах учреждаются строевые роты из кадетов старших классов — 6, 7, а иногда и 5-го. Число остальных рот варьировалось. В 1-м корпусе их было 4 или 5. С 1885 г. в строевых ротах лучших по успеваемости и поведению кадетов стали производить в вице-фельдфебели (один на роту) и в вице-унтер-офицеры (12 в роту).

До появления соответствующего «Положения...» в кадетских корпусах установили 7-летний срок обучения. Условия

приема, согласно которым поступавших делили на интернов и экстернов, а также по «разрядам», приближались к тем, что были в военных гимназиях. Интерны, жившие в Корпусе постоянно и на его полном содержании, как и гимназисты, делились на казеннокоштных, своекоштных и стипендиатов учреждений или частных лиц (это стоило 250 рублей в год). Экстерны только посещали классы «за свой счет». За особую плату они могли завтракать за общим столом, а в летних лагерях имели «полный рацион», также отдельно за него доплачивая.

Право поступления в качестве интернов определялось принадлежностью к одному из 14 разрядов. К 1-му относились сыновья генералов, штаб- и обер-офицеров, классных чиновников «всякого» ведомства, убитых на войне или умерших от ран и контузий, на войне же полученных.

В 14-й разряд входили сыновья обер-офицеров и прослуживших не менее 10 лет в военном ведомстве священников.

Кандидаты в казеннокоштные кадеты (за исключением числившихся в первых четырех разрядах) при поступлении сдавали экзамены. Доступ к вступительным испытаниям также регулировался старшинством разрядов, в каждом из которых определялись наиболее способные.

Поступившие в корпус распределялись по классам в зависимости от возраста:

- 1-й класс — 10—12 лет;
- 2-й класс — 11—13 лет;
- 3-й класс — 12—14 лет;
- 4-й класс — 13—15 лет;
- 5-й класс — 14—16 лет;
- 6-й класс — 15—17 лет;
- 7-й класс — 16—18 лет.

Распорядок дня кадетов не многим отличался от того, что практиковался раньше в корпусах и военных гимназиях. В 1-м корпусе в конце 1880-х — начале 1890-х гг. подъем производился в 6.00 и полчаса отводилось на туалет и «помывку». Затем дежурный читал по таблице, вывешенной под образами, молитву, и отделения следовали на чай, где получали большую белую кружку этого напитка, три куса сахара и «среднюю» французскую булку. С 7.00 до 8.00 устраивались так называемые утренние занятия, которые посещали офицеры-воспитатели, проводившие осмотр внешнего вида учащихся. Особое внимание

уделялось чистоте и блеску сапог, тщательно «обрабатывавшихся» ваксой, а также пуговицам, натираемым толченым кирпичом на особой деревянной «гербовке».

В 8.15 кадеты выходили на обязательную 20-минутную прогулку, причем, невзирая на погоду, одетыми только в бушлат (мундир без золотого галуна на воротнике). С барабанным боем, означавшим окончание этой «процедуры», кадеты следовали на уроки, продолжавшиеся до 11.00 с 10-минутными перерывами.

От 11.00 до 11.30 кадеты завтракали в столовой, где столы располагались поротно: их занимали по заранее «проделанному расчету». Подавалась команда: «Горнист (барабанщик), на молитву» и хор исполнял «Очи всех на тя, Господи, уповают». После отбоя служители, одетые в белые куртки, подавали блюда раздатчикам, а те раскладывали еду по тарелкам.

Меню завтрака не отличалось разнообразием, как правило, это были макароны с котлетами, сосиски с пюре или бефстроганов, обязательные чай и черный хлеб. Провинившихся, как когда-то, ставили в столовой у «столбов», и они взирали на трапезу, не смея прикасаться к еде. После завтрака кадетов ждала получасовая прогулка на плацу, затем с 12.00 до 15.20 следовали двухчасовые занятия в классе и в течение часа — гимнастика или строевые экзерциции.

Занятия гимнастикой состояли из вольных упражнений, которые кадеты откровенно недолюбливали, и на снарядах — конь, брусья, шест, осваиваемые ими с увлечением. Гимнастический зал располагался по соседству со Сборным (его еще называли Ростовцевским, так как именно здесь заседала Комиссия по освобождению крестьян под руководством бывшего некогда воспитанника Корпуса Я.И. Ростовцева) и лазаретом.

С 16.00 в течение получаса — обед, на котором кадетам подавали также традиционные суп, жаркое и пирожное на десерт. С обеда расходились поротно. До 18.00 — свободное время. Далее до 20.00 — «приготовление уроков» по классам в присутствии воспитателей, в 20.30 — вечерний чай и в 21.00 — отбой. Включалось дежурное освещение, и всякие разговоры запрещались, нарушителей ждало 10–15-минутное стояние «на штраф» у комнаты дежурного.

Уклад кадетской жизни был достаточно консервативен и почти не менялся. Это не значит, что все в нем признавалось

продуманным и полезным для воспитанников, но в военной среде раз заведенные порядки остаются, как правило, надолго, если не навсегда. Их, правда, критиковали, и довольно жестко. В известном и популярном (не только в армии) «Педагогическом сборнике» было напечатано несколько очерков, авторы которых решительно выступали против бытовых анахронизмов, бессмысленных и несурзных.

«И сколько наказаний, окриков, увещаний и нравственных упреков они (кадеты. — Авт.) получают ежедневно, сколько недоедают и недосыпают за всякую оторванную костяшку, за недочищенные задки сапог или за грязную пуговицу. Но мало этого, воспитатель все эти проявления нечистоплотности и неряшливости попусту с воспитательными мерами заносит в свой подробнейший дневник, из которого затем путем выборок и подсчетов он почерпает необходимый материал для составления характеристики воспитанника. И воспитатель, вечно утомленный, вечно возбужденный и снующий из стороны в сторону, обремененный бесчисленным множеством самых разнообразных обязанностей и требований, начиная с осмотра кадетских ногтей на ногах и оканчивая наблюдениями совместно с кадетами небесных светил, каждый день недосыпая ночей, посвящает прежде всего „гению чистки и нафабривания“ — это общая картина тяжелого положения воспитателей и кадетов, их жертвенности во имя поддержания необходимого для будущего военного офицера внешнего вида».

А вот и конкретные примеры, в частности чистка пуговиц. Этому уделялось большое внимание, и кадеты за ненадлежащее их состояние получали взыскание. Чтобы избежать его, они вынуждены были идти на всякие ухищрения, поскольку возможностей, например, остаться без отпуска и так было предостаточно. На пуговицы одевались «гербовки» и нередко мундир терли прямо о стены. Очевидно, что такой метод чистки придавал пуговичным гербам, в частности орлам, «усталый, измученный» вид. Иногда такую операцию проделывали, не снимая с себя мундира. Надо ли говорить, что после такой «обработки» он сам требовал чистки от следов штукатурки.

Еще одной проблемой представлялись «костяшки» — неотъемлемый атрибут брюк повседневных, церковных, гимнастических. Требовалась их полная сохранность, но как об этом можно было серьезно говорить с учетом более чем подвижных

игр, беготни, шалостей, сопровождавших пребывание в Корпусе малолетних? Чистка сапог также была чревата тем, что часть ваксы оказывалась на мундире и руках.

Критике подвергалось наличие в кадетском рационе вечернего чая. Пили его перед сном, но так как он содержит теин, имеющий возбуждающий эффект, то едва ли можно считать такое чаепитие полезным для еще не окрепшего организма.

Нельзя сказать, что критику не воспринимали вовсе, но в основном в теории, на уровне частичного признания определенной правоты, не более. Главное, что ничего не предлагалось взамен. Чиновники Главного управления военно-учебных заведений всерьез эти проблемы не решали: апробированные десятилетиями требования к внешнему виду и способы их выполнить сохранялись вплоть до упразднения кадетских корпусов, а также почти неизменным оставался распорядок дня, в том числе и вечерний чай.

Возрождение Корпуса в 1882 г. отнюдь не означало немедленного переезда на Васильевский остров и возвращения своих реликвий. Как уже не раз бывало в его истории, ждать реальных результатов предписаний военного ведомства и даже высочайших указов приходилось месяцы, а то и годы. Корпус оставался на Петроградской стороне, постепенно адаптируясь к наступившим переменам. Худо-бедно учебный процесс продолжался, благо программа во многом оставалась прежней. С лета 1885 г. кадеты строевой роты и некоторые из младших возрастов, по разным причинам проводившие каникулы в городе, стали выезжать в лагерь. Преподавательский штат Корпуса в эти годы снова переживал период становления, поскольку часть учителей и воспитателей, ранее служивших в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии, в силу различных обстоятельств, иногда и против воли, сменили место работы. Кое-кто даже перешел в другое ведомство: не всем новые веяния пришлись по душе. Тем более что к кадетским корпусам, а к 1-му особенно, испытывал симпатию Александр III (его шеф, сам когда-то носивший кадетскую форму), известный своим крутым нравом. Посетив Корпус в январе 1884 г., он был крайне удивлен, узнав, что кадеты все еще не заняли свое историческое здание, которое между тем находилось не в лучшем состоянии и нуждалось в ремонте. Администрация Павловского училища не слишком заботилась о сохранении доставшегося ему архитектурного

наследства, которое ветшало буквально на глазах. За исключением косметических работ в интерьерах, прежде всего меншиковских, ничего не предпринималось. Да и заинтересованности в этом не было: училище готовилось к возвращению в свои пенаты на Петроградской стороне.

Но несмотря ни на что, в 1887 г. Корпус «в несколько приемов» вновь занял свою василеостровскую резиденцию. Этого события, вероятно, с нетерпением ждал и Александр III, говоривший: «Я не успокоился бы до тех пор, пока не перевел Корпус в его прежнее здание». В распоряжение руководства во главе с генерал-майором Верховским возвращались многочисленные корпусные раритеты, в том числе знамена, мундиры, оружие, живописные полотна и предметы прикладного искусства — все то, что отражало этапы исторического пути «рыцарской академии».

Переезд сам по себе не решал проблем обветшалости зданий и помещений. Военное руководство занималось реформированием всего армейского хозяйства и не обращало особого внимания на такие мелочи, как ремонт. 1 февраля 1888 г. Александр III вместе с императрицей Марией Федоровной вновь посетил Корпус. Император поздравил личный состав с новосельем, пообщался с кадетами и администрацией, осмотрел корпусные «покои» и выразил озабоченность состоянием ряда комнат, в первую очередь княжеских, «мемориальных». Для проведения ремонтных и реставрационных работ при совете Главного управления с участием корпусного архитектора М.А. Иванова была создана комиссия, в состав которой в разное время в качестве экспертов и консультантов входили известный зодчий А.А. Парланд, автор храма Спас на Крови на Екатерининском канале, и живописец М.П. Боткин, активно участвовавший в реставрации Благовещенского собора Московского Кремля. Было принято решение восстановить по возможности исторический

*Великий князь
Александр Александрович
в кадетской форме*

Бывшее Павловское училище. Фото 1888 г.

облик комнат Меншикова и его свояченицы Варвары Михайловны Арсеньевой. Однако это благое намерение не подкреплялось необходимыми в таких случаях архивными изысканиями или хотя бы изучением той информации, которая находится в корпусной библиотеке, «под рукой». Была надежда, что сведущий в истории здания М.А. Иванов сможет представить достоверные сведения об интерьерах петровского времени. В связи с этим был составлен весьма поверхностный план работ, многое вообще определялось по ходу дела.

Даже предварительная смета всего объема восстановительных мероприятий включала не одну тысячу рублей. Было известно, что выделить такие средства из военного бюджета будет весьма затруднительно, даже для инициативы самого императора. На получение средств для проведения условной первой очереди работ потребовалось более месяца. Тем временем в Ореховом кабинете и плитковых покоех реставрация уже началась. В первом случае основное внимание уделялось воссозданию панелей и сохранению живописного плафона. Восполнили утраченную резьбу на пилястрах, обновили позолоту капителей. Живописный слой плафона очистили хлебом, убрав более поздние наслоения, и укрепили «старинный вид» — этим непростым делом успешно занимался академик живописи М.Н. Васильев.

Из-за нехватки денег паркет в кабинете решено было не менять, что действительно требовалось сделать, а отремонтиро-

вать. А вот изразцовую печь пришлось не только разобрать и собрать заново, но и облицевать 120 новыми расписными изразцами, изготовленными по старинным лекалам взамен несохранившихся.

В кабинете также полностью поменяли оконные переплеты, причем они не соответствовали подлинным ни по своему виду, ни по конструктивному решению.

Не проще ситуация складывалась и в плитковых интерьерах. Основная проблема заключалась в воссоздании собственно изразцов, немалая часть которых была утрачена. Кроме того, основательно проржавели гвозди, крепившие потолочные изразцы. Утраты происходили и в ходе работ, когда мастера снимали старые плитки и очищали от раствора перед тем, как «посадить» на алебастр. Для полного воссоздания интерьерного ансамбля, в частности алькова Варвары Михайловны, потребовалось заказать в Голландии 5700 новых изразцов. А некоторое количество плиток — для печей — изготовили на месте и расписали масляными красками в стиле оригинальных изразцов. Печной «прибор» также приблизили к стилю XVIII в.

23 января 1892 г. император вместе с наследником, великим князем Николаем Александровичем, в очередной раз прибыл в Корпус и, естественно, в первую очередь заинтересовался результатами реставрационных работ. В целом он остался доволен увиденным, но посоветовал внести изменения в планировку покоев Арсеньевой — снять перегородки. Это сделали быстро. Император пообещал увеличить расходы на продолжение и завершение работ, но так как многое делалось на глазок, поступивших после его визита денег хватило ненадолго.

Между тем облик комнат постепенно менялся: пол был изготовлен по образцу и подобию паркетов петровского времени, в частности во дворцах Петергофа и Ораниенбаума, появились новые оконные переплеты, В вестибюле и на парадной лестнице «скульптурный мастер» Поль произвел расчистку лепного дизайна, были изготовлены такие же двери с наличниками, как в меншиковскую пору. Работы планировалось завершить в 1896 г., однако помешали многочисленные недоделки. Военное руководство сочло, что в общих чертах цель достигнута, и дало понять — на оставшиеся «мелочи» придется изыскивать средства из корпусного бюджета. Как всегда в таких случаях, завязалась переписка заинтересованных сторон, в результате

которой требуемая сумма все же была выделена, хоть и не полностью, и это позволило через год говорить о долгожданном окончании первой реставрации в стенах Меншиковского дворца.

Предполагалось, что не только архитектурное, но и мебельное убранство будет воссоздано едва ли не в первоначальном виде. Столов, стульев, кресел петровского времени сохранились считанные единицы, и почти все они находились в неудовлетворительном состоянии, поэтому было решено их отреставрировать и принять за образец при изготовлении недостающих. В целях экономии хотели обойтись собственными силами, но быстро выяснилось, что должной квалификации у корпусных мастеров и тех, к кому обращалось кадетское начальство, для такого тонкого дела не хватает. Пришлось прибегнуть к помощи дворцового ведомства, более того, из Зимнего дворца в Корпус доставили несколько стульев и полукресел, а также поставец и кровать. Денег, как часто бывает в подобных случаях, не хватило, но в общем и целом княжеские «чертоги» и «Варварины покои» приобрели стилизованный под петровское время облик.

Эти помещения, а также рекреационный, Елизаветинский, и церковный залы, 4 квартиры священнослужителей составили музейный комплекс.

Еще при Анне Иоанновне в Корпусе стала формироваться коллекция отдельных предметов, большей частью военного характера: мундиры, оружие, барабаны, трубы, попадались единичные «алюминированные» листы с изображением сражений, форм одежды, видами городов, некоторые вещи А.Д. Меншикова. Сохранялись физические и инженерные приборы, не только привозные, но и сделанные кадетами и корпусными мастерами. Экспонатами эти вещи пока не считались, поэтому учет им не велся. Они хранились в кладовых, часто в случайных местах. Ситуация не изменилась и при Елизавете, правда количественно корпусная коллекция неуклонно росла. Практика экспонирования «раритетов» появилась в екатерининское царствование по инициативе Бецкого и Ангальта (встречающийся в литературе год основания музея — 1789-й — весьма условен). В дальнейшем в церковном зале установили знамена, в рекреационном — портреты монархов и известных выпускников Корпуса. «Раритетное собрание» пополнялось и становилось более разнообразным. Назвать его музеем было еще нельзя, но, по крайней мере, можно было задуматься об устройении

такового. Тем более что Корпус был постоянно на виду, в нем состояли кадетами великие князья, ему дарили подарки августейшие особы. Были заведены списки имевшихся вещей: за ведение и хранение списков отвечали специально назначенные для этого унтера и обер-офицер.

Передача корпусных реликвий, а также архива в ведение Павловского училища привела к утратам, по возвращении Корпуса во дворец выявилась нехватка отдельных вещей, в частности нескольких гравюр, рисунков, образцов холодного оружия. Очевидно, что, являясь лишь формальными преемниками Корпуса, «павлоны» и к его наследству относились соответственно, во всяком случае связь с корпусным прошлым осознавалась ими не в достаточной мере. У училища пока не сложилось своих традиций, но и чужая история ему была не нужна. Может быть, что называется, стены обязывали, но и только.

В годы возрождения Корпуса «устройство» музеев отдельных воинских частей, особенно гвардейских, а также военно-учебных заведений постепенно становилось нередким явлением. Командование видело в этом, и вполне обоснованно, эффективную меру воспитания солдат, кадетов и юнкеров, должных проникнуться чувством сопричастности к прошлому своих полков, корпусов или училищ.

Кадеты, обитавшие в Меншиковском дворце, оказывались в выигрышном положении: помимо всего прочего они могли, не выходя за пределы своей *alma mater*, знакомиться с ее историей, культурой разных эпох, с прошлым российской столицы.

Занимавший несколько помещений, в том числе и мемориальных, музей был построен по хронологическому принципу — периодам царствования. Обязательными экспонатами каждого раздела являлись портрет монарха и соответствующие времени предметы обмундирования и снаряжения корпусных чинов; остальные раритеты отличались большим разнообразием.

Так, например, в первом разделе были выставлены гравюры петровской поры, в «екатерининской» экспозиции — часть «говорящей стены», портреты Бецкого и Ферзена, бюст А.В. Суворова, рисунки и образцы «изящных» работ, выполненных кадетами.

Историю Корпуса за 1800—1864 гг. представляли портреты, манекены в мундирах, рисунки форменной одежды, пирамиды с образцами оружия.

«Гимназический» период включал преимущественно портреты военных деятелей, имевших в разное время отношение к Корпусу, в основном его выпускников: подполковника Сухомлинова, полковников Куропаткина и Пузыревского, генералов Рихтера, Петрушевского, Ганецкого, Похитонова, Тутолмина и др.

Наконец, состояние Корпуса в последнее царствование помимо портретов, мундиров и оружия нашло отражение в фотографиях маневров; как подлинные раритеты экспонировались литавры конной роты времен Екатерины II. В собрании значились и серебряные барабаны лейб-кампании, пожалованные Корпусу в 1760 г. Всего в музее на 1909 г. насчитывалось 212 предметов, на 1917 г. — около 300.

Попадая в Корпус, малолетние кадеты едва ли не с самого начала знакомились с музеем. Небольшая, но содержательная экспозиция, представленная в интерьерах, помнивших всесильного Меншикова, Миниха, Петра III, екатерининских просветителей, героев «вечной памяти двенадцатого года», освободителей Балкан, производила впечатление на недорослей. А если к этому добавить и чтение очерков А.В. Висковатова и А.Н. Анто-

*А.А. Крутецкий
в кабинете Меншикова.
Фото 1924 г.*

нова, повествующих об истории «рыцарской академии», то можно предположить, что уж ее-то кадеты знали хорошо. Никакой зависти к пажам или «вошедшим в моду» юнкерам Николаевского кавалерийского училища, наоборот, старшинство 1-го корпуса перед остальными высшими военными школами было предметом гордости его кадетов и причиной чувства некоего превосходства над теми, кто носил другие кадетские или юнкерские погоны. Это входило в плоть и кровь василеостровских кадетов с самого начала и передавалось от поколения к поколению.

Ревнителем корпусной старины и последним хранителем-директором кадетского музейного

комплекса был офицер-воспитатель А.А. Крутецкий (1880—1958), человек во многом замечательный. Сын известного чиновника Главного управления военно-учебных заведений, выпускник Александровского кадетского корпуса и обладатель диплома Академии художеств, в 1904 г. Крутецкий был командирован в Корпус офицером-воспитателем, в этом качестве он окончил соответствующие курсы при Главном управлении и получил право обучать кадетов и юнкеров фехтованию, плаванию, гимнастике, «подвижным играм» и пр. Вместе с А.Н. Антоновым он работал над составлением каталогов и пополнением музейного собрания. В должности его хранителя Крутецкий встретил бурные события 1917 г. Судьбе было угодно столкнуть его с организатором и вдохновителем Октябрьского переворота В.И. Лениным, оказавшимся в Корпусе по случаю проведения там II съезда Советов. Спеша на очередное заседание, пролетарский вождь, не ориентируясь в помещениях Корпуса, случайно оказался в музейных помещениях и совершенно опешил от того, что там увидел. При этом он, по воспоминаниям Крутецкого, произнес ставшую потом известной фразу: «Ведь вот, рядом бывал в университете, а не знал, что под боком такая прелесть».

После известных реформ военного образования в 1917 г. Крутецкий становится воспитателем 1-й гимназии военного ведомства, где оказались также и некоторые его коллеги по Корпусу. Правда, уже в 1918 г. он вошел в состав Художественной комиссии по охране памятников искусства и старины при Комиссариате по просвещению РСФСР, которая, вероятно, не без его участия присвоила статус «охраняемых» музею Корпуса и прилегающим к нему помещениям. Дальнейшая работа Крутецкого во многом была связана именно с музейным делом. В 1925 г. он возглавил (на общественных началах) Музей военно-учебных заведений Ленинградского военного округа, созданный на основе полковых и корпусных музейных собраний старой России; подготовкой экспозиций Крутецкий занимался лично. Как часто бывало в те времена, кто-то заметил «нежелательный перекос» в подаче материала — наибольшее внимание уделялось деятельности дореволюционных полководцев, — и Крутецкий был сослан в Коми-Пермяцкий округ, где «назначен» работать... в местном Окружном музее. Результатом его трудов стали существенное «прибавление» музейной коллекции, обновление

экспозиций и, наконец, книга, посвященная деятельности архитектора А.Н. Воронихина, опубликованная в 1937 г. До этого, в 1934 г., Крутецкий с семьей перебрался в г. Боровичи Новгородской области, где стал преподавать рисование и черчение.

В начале 1941 г. он был арестован, получил 8 лет лагерей, но через два с половиной года досрочно освобожден из-за болезни глаз. В 1955 г. Крутецкого реабилитировали, а через 3 года он скончался.

Все это будет много позже, а пока музей, да и весь Корпус только становятся на ноги: почти двадцатилетняя «передышка» давала о себе знать.

Однако с гимназическим «гражданским» прошлым простились быстро. Все корпусные воспитатели в Корпусе в короткий срок уступили свое место офицерам. Они прикомандировывались из полков на двухлетнее испытание, а затем уже зачислялись в штат. Опыта работы с детьми и необходимых знаний у большинства из них не было, более того, «резоны» для поступления в корпуса нередко имели корыстный характер. В частности, учитывалась возможность обеспечить своим детям бесплатное образование, «выслужить» пенсию по сокращенному сроку в 25 лет, а не в 35, а также получить досрочно чин до подполковника включительно. Директор Корпуса генерал Верховский, известный педагог и человек мягкий, прекрасно понимал, что появление там «командированных» офицеров, многие из которых были лишены соответствующих способностей, едва ли улучшит воспитательную работу. Он мог рассчитывать только на особое положение своего учреждения, ведь его кадетами числились отпрыски царствующего дома. Эти надежды были напрасны — в Корпус на первых порах действительно попадали люди для «воспитания юношества» случайные. Но с течением времени корпусное руководство стало более тщательно подходить к подбору кадров, и воспитательная работа значительно улучшилась.

Военное руководство время от времени меняло и правила приема. Так, в ноябре 1887 г. были введены правила приема экстернов, ими теперь становились только те, кто мог рассчитывать на казенное содержание; таким образом, в корпуса получали доступ почти исключительно выходцы из военной среды. Позднее, в 1898 г., правила приема были изменены еще раз, они предусматривали четкое соответствие «казенных» вакан-

сий и количества претендентов, выбираемых по «разрядному» старшинству и по жребию, тем самым вступительные экзамены отменялись, и кадетом можно было стать по воле случая; с 1903 г. эти правила действуют постоянно.

Естественно, результатом стало снижение уровня подготовки и способностей поступавших. В Корпусе Верховского ситуация мало чем отличалась. Конечно, не все выглядело плохо, но успеваемость была хуже, чем в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии и некоторых других корпусах.

Директорат был недоволен и некоторыми преподавателями, переставшими соответствовать духу времени и состоянию наук, так как кое-то из них начинал свою карьеру еще в 1850-е гг. Верховский старался привлечь в Корпус людей знающих, рядом был университет, но времена приходящих профессоров остались далеко в прошлом. Ему с трудом удавалось избавиться от людей косных, смотревших на корпусные занятия как на опостылевшую работу, — проблема заключалась в том, где найти им полноценную замену. И хотя ситуация с кадровым вопросом постепенно менялась к лучшему, она еще очень долго внушала беспокойство. Правда, и в начале XX в. (по воспоминаниям одного из кадетов, А. Борщова) в постановке учебного дела имелись издержки. В частности, он говорил о преподавателе математики, действительном статском советнике П.И. Коробкине, который учил еще великих князей Николая и Георгия Александровичей, на занятиях дававшим крайне путаные объяснения. Не лучше выглядел и учитель словесности бывший семинарист Сретенский, «гнусавивший тексты» и постоянно пахнувший водкой. Уныло и неинтересно читал курс естественной истории Барташевич. Но все же большинство корпусных учителей были людьми увлекающимися и увлекавшими своих слушателей.

На лето кадеты строевой роты отправлялись в петергофские лагеря. В 6-м классе экзамены заканчивались в 20-х числах мая, в 7-м классе — 31 мая. После этого, как правило, в течение 7–10 дней на плацу Корпуса проводились строевые занятия с участием сводного батальона, куда помимо кадетов 1-го корпуса входили пажи, «александровцы» и «николаевцы», кадеты 2-го корпуса. «Маршировка» с ружьями проходила под музыку оркестров 1-го корпуса и Главного управления (музыкантов называли «песками» за их преклонный возраст, который, правда, не мешал им участвовать в многочисленных мероприятиях

общегородских и даже при дворе). Нередко оркестранты 1-го корпуса исполняли корпусной марш «Августейший кадет», сочиненный в 1909 г. учениками 7-го класса в честь цесаревича Алексея Николаевича.

После строевых занятий кадетов ждал 1–2-дневный отдых, затем сбор все на том же плацу, следование строем на Николаевскую набережную, откуда батальон на пароходах отправлялся в Петергоф. По прибытии он выстраивался в 2 шеренги вдоль канала, ведущего от моря к фонтану «Самсон», а затем церемониальным маршем следовал к своему лагерю.

За Верхним парком, на кадетском плацу, большом, вечно сыром поле, стояли бараки-казармы, для каждого учебного заведения свои. Пажам полагалось более комфортабельное жилище (правда, и это был барак, находившийся на правом фланге «строя лагерных жилищ»). Директорат 1-го корпуса офицерам, отправлявшимся в лагерь со строевой ротой, давал наказ не слишком усердствовать в учениях, однако и не превращать сборы в отдых. Было составлено специальное «Пособие для лагерных занятий кадет 1 роты», в нем определялись разделы, по которым кадеты должны получить необходимые знания и навыки, проверявшиеся затем на специальных «испытаниях»: прежде всего курс топографии, строевая подготовка, гимнастика, плавание и военные «теоретические» сведения. Последние касались истории и состояния российского императорского дома, общих понятий о воинской службе, присяге, знамени, дисциплине, наградах, устройстве войск, представлений о 3- и 4-линейных винтовках и уходе за ними, патронах и др.

Казалось, кадеты ничего не выигрывали от переезда в Петергоф, в одной из самых красивых царских резиденций, да еще летом сложно полностью сосредоточиться на усвоении серьезного и объемного материала. Однако, судя по описаниям жизни в лагере, которые оставил корпусной воспитатель Н. Доннер, на деле все выглядело не так сурово: «Должен сказать: и кадеты, и воспитатели чувствовали там себя словно в санатории. Кормили как на убой, очень вкусно и сытно. Утром я вел репетиционную работу, дабы ребятки не окончательно забыли, сколько будет дважды два и чему равен квадрат гипотенузы. Изредка устраивались строевые занятия и рассыпной строй, причем заключительная атака всегда производилась на дачу директора Корпуса. Остальное время кадеты, кроме дежурных,

были свободны: ходили купаться, гуляли, ездили на велосипедах, играли в крокет и в теннис с соседскими барышнями. Часто устраивались экскурсии по всем уголкам царственного Петергофа. Да и было там что посмотреть: дворцы, Монплеизр, охотничьи домики, прекрасные дачи, разбросанные на островках среди озер. Сколько красоты и величия, сколько искусства, сколько уюта вблизи жизни царской семьи. Вечером кадеты под командой воспитателей отправлялись в Нижний парк, на музыку. Играл прекрасный Придворный симфонический оркестр под управлением Гуго Варлиха. Съезжалось многочисленное элегантное общество. Бесперывный ряд экипажей медленно двигался вдоль аллей, окружавших эстраду. Часто приезжал и Государь с семьей. При входе в парк кадет распускали до конца музыкальной программы, и они могли проводить время по своему желанию: сидеть перед эстрадой и слушать музыку либо гулять со знакомыми барышнями. По окончании концерта все сходились у сборного пункта, — помню, у Шахматного каскада, — и отправлялись в лагерь, где после позднего ужина расходились по кроватям.

*Лагерные сборы кадетского Корпуса в Петергофе.
Фото 1900-х гг.*

Но разве можно спать в такую теплую ароматную ночь, когда душа полна звуками и обаянием встречи с Милочками и Тамарами?.. Из низкого окна легко выпрыгнуть на дорожку сада, а там близок Английский парк, где заранее условлена встреча... Дежурный воспитатель сквозь пальцы смотрел на такие ночные побег.

Раз в неделю приезжал офицер фехтовально-гимнастической школы и занимался с кадетами на плацу сокольской гимнастикой. Помню, однажды во время этих занятий подъехал большой открытый автомобиль с Государем и четырьмя прелестными, как майский цвет, великими княжнами в больших кружевных шляпах. Они долго любовались движениями стройных рядов мальчиков в белых гимнастёрках. Обошли все помещения лагеря и уехали, провожаемые восторженными криками кадет, долго бежавших за автомобилем».

Идиллическая картина в основном верна. Правда, проводились и топосъемки, и строевые занятия (в большем объеме, чем об этом говорит Доннер), но в целом пребывание в Петергофе заметно отличалось от корпусных будней.

Согласно приказу по Военному ведомству № 136 от 8 мая 1900 г., обязательный вывод в лагеря кадетов строевых рот отменялся (вплоть до времени, когда это будет целесообразно) и предписывалось отправлять их в отпуск на все лето. Между тем кадеты 1-го корпуса время от времени появлялись в Петергофе, ведя жизнь, не особенно стесненную ограничениями. Их ожидали экскурсии и ознакомительные поездки, например, был совершен вояж в Выборг и по Лифляндской губернии. В 1901 г. кадеты совершили увлекательное плавание по Волге, останавливаясь в овеянных преданьями старины городах и городках, а на следующий год отправились на 2 недели в Крым и совершили морской переход из Севастополя в Ялту на броненосце «Георгий Победоносец».

В 1897 г. опубликованы «Правила...» для кадетов 1-го корпуса, увольняемых в отпуск. Впоследствии туда вносились изменения, но они не меняли тональности документа. Он, кстати, в равной степени относился и к родителям, родственникам, близким знакомым, которые принимали на себя ответственность за кадета.

Уже в 1-м пункте «Правил...» предоставление кадету полной свободы признавалось вредным, а контроль за его книгами и кругом общения расценивался как необходимость. Корпусное

начальство должно было знать буквально все о местонахождении воспитанника, его передвижениях, адресах и пр. В правилах буквально «расписывались» каждый кадетский шаг в зависимости от ситуаций, а также действия родителей или опекунов.

Посещение церкви, театров, цирка — все регламентировалось. Особое внимание было уделено форме одежды. Например, при морозе ниже $-10\text{ }^{\circ}\text{C}$ кадетам полагалось надевать на голову башлык, а выше $-5\text{ }^{\circ}\text{C}$ — наушники. При ношении шинели в рукава, если башлык не был надет на голову, его концы продевались под погоны, завязывались на груди и прятались между 3-й и 4-й пуговицами. При температуре $+10\text{ }^{\circ}\text{C}$ и выше в тени шинель носилась внакидку. Кушак предписывалось надевать таким образом, чтобы его гайка покрывала нижнюю бортовую пуговицу.

В регламентации поведения кадета запреты все же доминировали. Он не имел права ездить по городу на велосипеде и верхом, курить, посещать публичные мероприятия, судебные заседания, массажные салоны, меблированные номера и гостиницы без разрешения директора Корпуса, оставаться в Зоологическом саду после 18.00 и в Летнем саду после 22.00 и т. д. Кадет не смел выставлять цепочку от часов, воротничок рубашки, носить кованые галуны, штрипки на брюках и галоши без разрешения, испрошенного старшим врачом у корпусного начальства, а также сапоги неуставной формы. Правда, временами ограничения смягчались, например, в 1901 г. учащимся корпусов было дано право носить усы (хотя они должны были в обязательном порядке брить бороду и бакенбарды). Разрешалось носить часы, а старшим классам — курить.

Кадеты составляли определенную касту в иерархии российского военного сообщества и обладали только им «назначенными» правами и обязанностями. Иногда в них вносились изменения, дополнения, редко — послабления, но в основе своей они представляли некую константу, как вообще многое, что связано с армией, и сопровождали бытие кадета в течение всего срока обучения.

В конце XIX и начале XX в. в жизни Корпуса и вообще военно-учебных заведений произошли определенные перемены. Что до первого, то его директором вместо Верховского был назначен полковник В.И. Покотило, будущий военный губернатор Ферганы и Наказной атаман Войска Донского. Он был призван

подтянуть дисциплину и покончить с либеральным духом предыдущего руководства. Казарменный «дух» стал все больше проникать в стены Корпуса. Никто, наверное, не мог назвать Покотило человеком жестоким и черствым, но применяемые им методы воспитания отличались не всегда оправданной суровостью: многое было построено на «крике» и страхе наказаний. Скажем, минута опоздания из отпуска приравнивалась к потерянному дню будущего отпуска, и если таких минут было несколько, то он заметно сокращался. За малейшие отступления от уставного внешнего вида, курение и прочее следовали серьезные взыскания. Надо отдать Покотило должное, просто так он не наказывал и не придирался, дисциплины стало больше, но с успеваемостью и образовательным уровнем кадетов дело обстояло много хуже — это была труднорешаемая проблема во всех кадетских корпусах.

В 1900 г. в Корпусе проходило чествование памяти А.В. Суворова, его бюст, находившийся в Сборном зале между портретами Петра I и Екатерины II, убрали цветами, у основания пьедестала расположили ядра, барабаны, литавры, модели старинных орудий. Офицеры в эти дни носили знаки времен Анны Иоанновны. Корпусные чины, кадеты, приглашенные лица читали доклады на темы, связанные с суворовскими походами. Вообще в Корпусе издавна стало традицией устраивать мероприятия, приуроченные к памятным событиям русского военного прошлого или истории отечественной культуры, в которых оставили заметный след его выпускники.

4 марта 1900 г. начальником Главного управления военно-учебных заведений становится великий князь Константин Константинович, до этого командовавший Преображенским полком. Его отец, великий князь Константин Николаевич, был известен своими либеральными взглядами и активной государственной деятельностью. Сам Константин Константинович, человек образованный, поэт и драматург, печатавшийся под инициалами «К. Р.», возглавлял Академию наук, а в 1899 г. председательствовал в Комиссии по празднованию 100-летнего юбилея А.С. Пушкина. Было очевидно, что он постарается либерализовать кадетские порядки. В своем известном приказе от 24 февраля 1901 г. он представил свое видение назначения высших военных школ, путей их развития и трансформации, отмечая недостатки, имевшиеся в этой сфере.

Великий князь считал, что «закрытое заведение обязано, по мере нравственного роста своих воспитанников, постепенно поднимать в сознании их человеческое достоинство и бережно уstrarять все то, что может унижить или оскорбить их достоинство. Только при этом условии воспитанники старших классов могут стать тем, чем они должны были быть — цветом и гордостью своих заведений, друзьями своих воспитателей и разумными направлениями общественного мнения всей массы воспитанников в добрую сторону».

*Великий князь
Константин
Константинович*

Обращаясь к системе воспитания, Константин Константинович решительно выступал против подчинения одним и тем же требованиям и «одинаковому надзору» кадетов старших и младших классов, которое он считал нецелесообразным.

Он обратил внимание и на низкую успеваемость учащихся, отметив у них «малограмотность», «дурное правописание и отсутствие элементарного навыка в письменном изложении мыслей», считая это самой слабой стороной преподавания в военных школах. Кроме того, он совершенно справедливо отметил, что «общеобразовательная ценность» отрывочных, бессистемно изложенных сведений, являвшихся интеллектуальным багажом кадетов и юнкеров, невелика и не способствует их развитию.

Константин Константинович серьезно относился к своему делу, регулярно посещал военные школы, и не только столичные, получая материал для размышлений и дальнейших практических действий. Местом его наиболее частых визитов был 1-й корпус, находившийся под одной крышей с Главным управлением. Присутствие великого князя на занятиях стало почти обычным делом. Он регулярно общался с кадетами, преподавателями, воспитателями, бывал на занятиях, на заседаниях педагогического комитета — в общем, был в курсе корпусной

жизни, многое подмечал, запоминал, проверял. Общению с личным составом Корпуса помогали его природное обаяние, мягкость и доброта, коммуникабельность, способность слушать и слышать. Он одинаково легко находил общий язык с офицерами, кадетами строевой роты, малолетками. Многие тянулись к нему, появлялось желание поделиться своими сокровенными мыслями и суждениями. Великий князь представлялся последней инстанцией, куда обиженные и «приговоренные», даже к отчислению, могли обратиться с реальной надеждой на изменение своей участи. Словом, военное образование курировал человек редких качеств, что можно считать большим везением.

Что же касается 1-го корпуса, то в том же 1900 г. туда зачисли сына великого князя — Иоанна Константиновича, который вместе со своим братом, князем Гавриилом Александровичем, кадетом 1-го Московского корпуса, два раза в неделю являлся на плац для участия в строевых занятиях. Неделю — с 18 по 24 марта — князь Иоанн Константинович провел в Корпусе как «полноценный» кадет, подчинясь принятым там правилам и режиму. И в дальнейшем он неоднократно бывал на корпусных

*Великий князь
Иоанн Константинович
в кадетской форме*

мероприятиях, уже в 1904 г. стал вице-унтер-офицером и назначен знаменщиком, а его заместителем определили кадета строевой роты Сергея Селезнева, награжденного за храбрость, проявленную в Русско-японской войне, Знаком отличия Военного ордена 4-й степени.

Князь Константин Константинович-младший пошел по стопам своего брата. В апреле 1901 г. ему были устроены проверочные испытания. В Мраморном дворце в присутствии комиссии, состоявшей из корпусных преподавателей и самого директора, кандидату в кадеты пришлось проявить свои знания, которые сочли вполне достаточными, после чего уже в Корпусе он также успешно сдал и вступительный экзамен.

Великий князь Константин Константинович радел о пополнении корпусного музея. Благодаря его стараниям в музей из Зимнего дворца привезли несколько образцов армейского обмундирования XIX в., а из библиотеки великого князя Константина Николаевича — альбом бывших кадетов.

Помимо представителей российского царствующего дома кадетами Корпуса числились и венценосные иностранцы. Например, в конце 1902 г. в 5-м классе начали учиться абиссинский принц Терье и его соотечественник Текле. В отличие от романовских отпрысков африканцы познали кадетскую жизнь во всех ее проявлениях, в том числе и пресловутый «цук». Его традиции отчасти сохранялись и в 1-й военной гимназии, однако с возрождением Корпуса они начали превращаться в доминанту взаимоотношений учащихся. По воспоминаниям бывшего кадета Ветлица, он столкнулся с этим едва ли не сразу по прибытии в класс. Новичок тут же стал объектом пристального внимания со стороны второклассников, которые потребовали, чтобы он почтил их присутствие вставанием. Ветлиц оказался не из робкого десятка, к тому же не по годам физически сильным и ловким. Обратившийся к нему с претензией второклассник получил достойный отпор и оказался на полу. Тогда присутствовавшие товарищи поверженного предложили новичку проследовать с ними в уборную, «культовое» место каждой роты, где он и был в назидание избит, не зло, но именно с целью преподать урок кадетских традиций и принципов корпоративности. Безусловно, этот «цук» не шел ни в какое сравнение с тем, что наблюдалось в Пажеском корпусе и особенно Николаевском кавалерийском училище, где он приобретал формы изощренных издевательств и унижений, однако великий князь Константин Константинович обратил на это самое серьезное внимание. При нем даже в «Николаевке» стали несколько больше ориентироваться на уставы, хотя изжить полностью пагубную традицию и ему было не под силу. По иронии жертвой «мягкого» кадетского «цука» оказался его сын — князь Иоанн Константинович. На Невском проспекте он был остановлен кадетами А. Лампе и Н. Абрамовичем, которые сделали ему замечание относительно формы одежды: башлык был завязан не «кадетским» бантом, а «по-пажески». Каково же было удивление этих ревнителей дисциплины, когда они узнали, что сделанное ими «внушение» адресовалось августейшему лицу. Инцидент не

повлек никаких последствий — фискалы и подлизы сразу становились изгоями и, как правило, неоднократно бывали биты.

Нечто подобное произошло с сыном одного из сенаторов, которого перевели из Николаевского корпуса. Вел он себя вызывающе, обещал в случае чего пожаловаться отцу, а тот дружил с военным министром Куропаткиным — при таком условии отчисление виновных из Корпуса было бы гарантировано. Однако угрозы и предупреждения не возымели действия, и его избили, устроив «темную». Это стало известно Куропаткину, и тот распорядился провести дознание, которое так и не выявило участников инцидента. Титулы или сановное положение родственников кадета в Корпусе не признавались.

«Цук» между тем процветал, равно как и культ физической силы и старшинства по возрастам — классам. Устраивать «темные» и «дюды» (болезненные удары по голове), отнимать у младших и даже одноклассников сладости, конфеты и печенье считалось в порядке вещей. Если кто из кадетов жаловался на такое обращение, «темной» или бойкота ему было не миновать. Воспитатели мало чем тут могли помочь, так как старшеклассники относились к ним пренебрежительно и, как правило, манкировали их замечания. Подобная модель отношений даже обосновывалась теоретически: якобы «цук» сплачивает кадетов, развивает чувство локтя, укрепляет дисциплину; конечно, издержки неизбежны, но «цук» — одна из основ кадетского бытия.

Проверке на прочность воспитанники подвергались и в играх, в частности «мячом» и «жгутами». В первом случае участникам забавы с силой бросали под колени резиновый мяч. Вторая игра заключалась в том, чтобы по возможности неожиданно и как можно хлеще ударить соседа намоченным полотенцем.

К корпусным играм относилась и лихая езда по перилам. Администрация с ней пыталась бороться, но как-то вяло. Кончилось все тем, что кадет Костевич, решив съехать по перилам, упал в пролет лестницы с 4-го этажа. После этого несчастья наказания за подобные передвижения в корпусном здании ужесточились. В старших классах считалось доблестью употребление спиртного, поскольку это категорически запрещалось и грозило отчислением, но, по сравнению с «Николаевкой», такие случаи были редки.

Кадетское содружество в 1-м корпусе чтит память своих предшественников и дорожило историей, репутацией и тради-

циями своей обители. В начале XX в. возобновились кадетские спектакли. В 1901 г. были поставлены гоголевская «Женитьба» и «Измаил» Бухарина. Состав исполнителей подбирался своеобразно: желавших принять участие в сценическом действе было много, поэтому записывали всех, но уже в ходе первых репетиций большинство отсеивали за «неспособность». Женские роли исполняли приглашенные «актрисы» из числа барышень-гимназисток. Подобный принцип формирования труппы вызывал понятные обиды, многие считали его несправедливым и субъективным, в отборочную комиссию обычно входили несколько офицеров, но в основном кадеты старших возрастов. «Отверженные» пытались своими силами воспроизвести на сцене как доморощенные пьесы, так и классический репертуар, но дальше первых «читок» текста дело не пошло.

В 1903 г. в Корпусе возродилось и издание собственного журнала; им стал «Наш листок». Правда, существовал он недолго и популярностью особой не пользовался, несмотря на то что вышло 15 номеров (в других военно-учебных заведениях статус собственных печатных органов был более весомым). Однако уже с ноября 1905 г. в Корпусе начали выпускать «Кадетский досуг», который по замыслам редакции (Е. Карамышев, Е. Крамаренко и др.) мог «открыть читателю новый мир юношеской поэзии и дать выход мыслям, сложившимся в Корпусе».

Действительно, поэзия занимала достаточное место в небольшом, страниц на 10–12, журнале. Авторами многих стихов были Е. Крамаренко, С. Захаров, Г. Нельсон-Гирст. Незамысловатые вирши, написанные преимущественно ямбом и хореем, подчинялись настроению и отчасти моде, преобладавшим в то время в обществе и поэзии, говорили о неразделенной любви, в них сквозил пессимизм, неверие в дружбу, предчувствие гибели, в известной мере апокалипсическое настроение. Были и такие, в которых делалась попытка докопаться до «смысла жизни», осознать религиозные таинства, постичь или оспорить некоторые философские воззрения. Стихи писали как старшеклассники, так и малолетки. Вот некоторые образчики кадетского поэтического творчества.

Как я хотел бы быть поэтом,
По золотым струнам бряцать
И с суетным греховным светом

На век все связи разорвать;
Уйти в пустыню и молиться
За близких, дальних и врагов
И духом Бога освятиться
Среди неведомых миров!
Воспел бы я Его величье,
Его о людях попеченье,
И сонма ангелов различье,
И жизни райской блеск теченья.

Л. М., 6-й класс

Рыбка, рыбка золотая,
Что так грустно ты стоишь?
Что все жабры ты сложила
И печально ты глядишь?
Или места тебе мало,
Или вспомнилась река,
Где резвилась ты, играя,
Иль задумалась слегка?

Ю. Петровский, 1-й класс

В номерах освещалась и корпусная жизнь, причем не простая хроника, а с обсуждением принципиальных и злободневных тем. Уже в декабрьском номере речь зашла об успеваемости и учебной программе, которую собирались видоизменить. В редакционной статье был сделан упор на изменение отношения кадетов к учебе, халатность и невнимательность. Домашнее задание выполняется спустя рукава и то крайне нерегулярно, на уроках материал усваивается плохо, и не всегда по вине преподавателя. У кадетов в головах «витают мысли», далекие от учебы, уроков и экзаменов. Отчасти это объяснялось войной с Японией, заставлявшей будущих офицеров следить за фронтовыми сводками в газетах, а не корпеть над учебниками. Сюда еще добавились и революционные события в Москве, и волнения в Петербурге — до уроков ли тут было. Кровавое воскресенье и бои на Пресне заслонили книжные премудрости. Однако корпусное руководство упорно призывало кадетов приналечь на учебу и в трудное для страны время перед лицом внешнего врага в лице японцев и внутреннего в лице «смутьянов» в городе и деревне своей настойчивостью

в постижении знаний и прилежанием оказать посильное содействие престолу.

В журнале затрагивался вопрос и о том, что кадеты читают мало серьезной литературы. Повести и романы М. Рида, Ф. Купера, А. Дюма всегда на руках, тогда как Достоевский или Тургенев пылятся на полках. Кадеты жаловались, что нечего читать, но в действительности книг было достаточно. Более того, библиотека пополнялась и теми изданиями, которые привозились из отпусков. Что же касается периодики, то список ее впечатлял. В Корпус по подписке поступали «Русский инвалид», «Слово», «Россия», «Новое время», «Разведчик», «Нива», «Естествознание и география», «Физико-математические науки», журнал общества «Ревнителее военных знаний» и пр. Редакция делала вывод, что у кадетов просто нет особого рвения к чтению. Невысокий спрос на «Кадетский досуг» отчасти подтверждал это.

Тем не менее редакция «Кадетского досуга» не опускала руки и продолжала формировать номер за номером. Все чаще стали печататься исторические очерки, касавшиеся различных областей знаний (аэронавтики, гальваноластики), событий времен смуты, правления первых Романовых, краткие биографии Шекспира, Гоголя, Толстого, Миниха, Кочубея и др. Были представлены и зарисовки по отдельным сюжетам из корпусного прошлого, почти в каждом номере публиковались кадетские рассказы.

Широко освещалась и деятельность кадетских сообществ, в частности «Кружка любителей военных знаний», на заседании которого зачитывались доклады по истории войн и вооруженных сил. Сообщения готовились как офицерами, так и кадетами, в основном старших возрастов. Отдельные рубрики представляли «Шалости алгебры», а также «Смесь и брызги». Для кадетского корпуса начала XX в. журнал был вполне типичным и удовлетворял в целом скромные информационные и интеллектуальные запросы воспитанников. Надо сказать, что издатели особым авторитетом в Корпусе не пользовались, и отношение к ним было, по их собственному признанию, «странным». Многие кадеты воспринимали их деятельность в лучшем случае как чудачество, а в худшем — никак. Директорат и преподавательский состав, наоборот, поддерживали это начинание, правда, больше на словах, считая, что редакционные статьи выражают

их «официальную» позицию. Вероятно, еще и поэтому особого желания поучаствовать в деятельности журнала, выходявшего до 1913 г. включительно, большинство кадетов не испытывало.

Иное дело спорт, которым многие занимались с удовольствием. Фехтование и гимнастику в Корпусе практиковали в обязательном порядке, тогда как лапта, городки, а зимой катание на коньках составляли часть кадетского досуга. В моде была французская борьба, турниры устраивались внутри класса, между классами, соревновались и роты. «Абсолютным чемпионом» Корпуса неизменно становился кадет из 7-го класса. Французский бокс — «сават», «шоссон» — был известен узкому кругу столичных ревнителей спорта, и кадеты о нем почти ничего не знали. Бокс английский был в чести, хотя техникой почти никто не владел. Главное — выйти на поединок, принять стойку, а дальше... просто кулачная драка, но по правилам. Они были несложными: не пользоваться кастетами, свинчатками или другими подручными предметами, не нарушать численность дерущихся, не жаловаться представителям администрации и пр. Защита кадетской чести проходила именно таким образом и требовала жестокого соблюдения этих неписаных законов.

Не обошли кадеты вниманием и поднятие тяжестей, сказалось влияние «Кружка любителей тяжелой атлетики», организованного доктором В.Ф. Краевским в 1885 г. И хотя собственно штангистов в Петербурге было немного, их выступления производили впечатление и побуждали юношей, кадетов в том числе, браться хотя бы за гири и качать мускулы.

Находились среди воспитанников Корпуса и велосипедисты, притом что мало кто имел собственные двухколесные машины, да и передвижение на них для кадетов было ограниченным. Но, рассказывая о своих велотурах или рассуждая с важным видом о преимуществах велосипедов тех или иных марок (которые рассказчик в глаза не видел), можно было заработать среди сверстников и репутацию бывалого гонщика.

Издавна в распоряжении Корпуса находилось несколько лодок и шлюпок. Нельзя сказать, что кадеты были опытными гребцами — до гардемарин Морского корпуса им и впрямь было далеко, однако в период навигации учащиеся, начиная с 4-го класса, совершали речные прогулки, постигая практические навыки «весельного дела». Ни о каких соревнованиях речь, разумеется, не шла.

Все большей популярностью в столице пользовался футбол, и кадеты не могли остаться в стороне от этой игры, тем более что именно на корпусном плацу 13 сентября 1898 г. состоялась встреча с участием первых российских футбольных команд: Санкт-Петербургского кружка любителей спорта и Санкт-Петербургского кружка любителей футбола, который и уступил со счетом 3:4.

В 1901 г. была учреждена городская футбольная лига, число команд неуклонно росло. Стал проводиться чемпионат и среди средних учебных заведений, где тон задавали 1-я и 2-я гимназии, Тенишевское училище, 1-е реальное училище. С этими «грандами» кадеты не играли и в чемпионате вообще не участвовали, однако встречи с «гражданскими», гимназией Видемана и реалистами 2-го училища заканчивались в их пользу соответственно 1:0 и 2:0.

Матчи с командами других корпусов почти всегда приносили победы обитателям Кадетской линии: 2-й корпус бывал бит многократно и с разным счетом (от 1:0 до 9:0), тогда как игры с Морским корпусом проходили в упорной борьбе и заканчивались в основном с разницей в мяч — 3:2, 1:0, 2:1.

В Корпусе культивировалась и верховая езда, благо имелся собственный манеж. Занятия были необязательными, но часть кадетов все же уверенно держалась в седле, не так, конечно, как николаевские юнкера, но достаточно неплохо для будущего пехотного офицера.

Парадоксально, что, изучив устройство огнестрельного оружия, кадеты даже строевой роты не имели практических навыков в обращении с ним. В петергофском лагере они упражнялись в стрельбе дробью из берданки, но это было далеко от того, что требовалось, например, для армейского подпоручика. Неоднократные обращения корпусного начальства к руководству военно-учебных заведений ни к чему не приводили, и кадеты по-прежнему были лишены возможности «почувствовать» настоящие винтовки или револьверы.

Вообще весь корпусной уклад был направлен на то, чтобы воспитать если не атлетов, то людей выносливых и крепких. Спали кадеты на железных кроватях, на которых лежали деревянные щиты и тонкие матрасы, питались по режиму, достаточно разнообразно и калорийно, физических упражнений им хватало, спортом занимались с удовольствием. Получив такую

подготовку, большинство выпускников легко адаптировалось к армейской службе.

В начале XX в. жизнь Корпуса наладилась окончательно. В январе 1905 г. его возглавил генерал-майор Ф.А. Григорьев, вскоре с легкой руки кадетов превратившийся в дядю Пупу. Это был человек многих человеческих добродетелей, хорошо сознававший сложность и важность своей миссии. В отличие от Покотило, он был очень осторожен в вопросах педагогики и не принимал решений сгоряча. Как правило, директорскому вердикту предшествовали долгие консультации с воспитателями и ротными командирами. Григорьев предпочитал наказаниям терпеливые разъяснения, а иногда и неожиданные психологические приемы. К примеру, Покотило долго и безуспешно боролся с курением: кадеты лишались отпусков, сидели в карцере и пр. Григорьев же перед кадетским строем объявил, что сам курит с 13 лет и знает, как трудно избавиться от этой привычки. Поэтому он разрешает курить учащимся 6-го и 7-го классов с условием, что они будут хранить табак и папиросы только в отведенных для этого местах. Эффект превзошел все ожидания: к концу года 20% кадетов бросило курить, сославшись на то, что это занятие стало не очень «интересным».

Григорьев многое мог простить, но не ложь: врунов сурово карали. Если провинившийся не изворачивался, а честно признавался, то наказание было вдвое мягче. Новый директор вообще наказывал крайне редко: иногда сокращал продолжительность отпусков, сбавлял баллы за поведение, на 1–2 часа сажал в карцер.

Григорьеву решительно не нравилась унылая обстановка в Корпусе, и он захотел сделать изменения в интерьерах. На это требовались дополнительные финансы, не предусмотренные корпусным бюджетом. Директор решил увеличить число «своекоштных», в результате чего численность личного состава возросла с 550 до 800 человек, и это дало известный приток средств. На них произвели покраску и обновление лазарета, ротной залы 1-й роты, коридоров и дортуаров, а также Сборного зала. По чертежам специально приглашенного художника были выполнены мебель и массивные дубовые двери, установлены люстры времен Екатерины II. Кроме того, закуплены готовые столы и стулья, несколько шахматных столиков, приобретены картины, светильники, рояль, устроен террариум, уста-

новлены 2 аквариума с разноцветной подсветкой. Одним словом, Корпус преобразался на глазах.

Это было весьма своевременно, так как приближался 1907 г., празднование 175-летнего юбилея Корпуса собирались отметить с особым размахом, тем более что полуторавековой пришелся на 1882 г., когда Корпус пребывал в статусе военной гимназии.

В октябре 1906 г. сформировалась комиссия по разработке сценария праздника. Предполагалось распределить его на 3 дня, которые будут насыщены различными мероприятиями с участием большого числа людей.

Главная роль в запланированных действиях, естественно, отводилась кадетам. К торжествам готовились основательно. Исторические мундиры были заказаны в известной мастерской Лейферта, парики — в мастерской Императорских театров. Руководил репетициями и давал уроки декламации артист Александринского театра Ю.М. Юрьев.

На юбилейный парад собирались вынести 5 старых знамен и штандарт конной роты. Знаменщиками были определены вице-унтер-офицеры Борщев, Михайлов, Евдокимов, Радкевич, Хвостов и Васильев.

С середины января два раза в неделю все роты отправлялись в манеж Павловского училища, где проходила подготовка к юбилейному параду; приемы со знаменами отрабатывались в корпусном музее (там они хранились в стеклянном шкафу, а последнее, «николаевское» знамя — в церкви, в особой стойке рядом с хоругвями).

11 февраля в присутствии великого князя Константина Константиновича состоялась генеральная репетиция представления, на которой было роздано 1200 пригласительных билетов. Руководитель военно-учебных заведений остался довольным увиденным, хотя и сделал ряд замечаний.

Приготовление к празднику включали и создание совершенно новых интерьеров в некоторых классных комнатах. Под руководством штабс-капитана А. Крутецкого в одной из комнат был устроен сад в скалистой местности с клумбами гиацинтов, прудом с золотыми рыбками, елями и соснами. Другая представляла подобие русского терема, декорированного резными колоннами, росписями и портретными медальонами русских правителей, Рюриковичей и Романовых.

Зимний сад. Рекреационная зала 3-й роты. Фото 1907 г.

Русский терем. Рекреационная зала 4-й роты. Фото 1907 г.

«Египетская» комната. Фото 1907 г.

Помещение «для высочайших особ» оформили в египетском стиле. На стенах были изображены сцены из истории Древнего Египта, а колонны покрыты рисунками и иероглифами. Все это дополнялось огромными панно и соответствующими драпировками и мебелью.

Юбилей приближался, а вместе с ним нарастало и волнение. Нервничали все — от директора до швейцара. Вице-фельдфебели и вице-унтер-офицеры не давали рядовым кадетам расслабиться, постоянно делая им внушения и стараясь «держать в тонусе». От этого учащихся лихорадило еще больше.

15 февраля в Сборном зале состоялся молебен по всем усопшим монархам и кадетам.

На следующий день, в 9 часов утра, с участием корпусного духовенства и хора певчих в Петропавловском соборе была отслужена панихида по императрице Анне Иоанновне. На ее гробницу возложили венок из живых цветов и пальмовых ветвей, перевитых черной и красной лентами. На первой имелась надпись: «Своей Державной основательнице, 1732 г.», на второй: «Первый кадетский корпус, 1907 г.». В соборе присутствовали 2 старших класса и офицеры. В 11.00 состоялся обед, а в полдень все четыре роты (1-я с ружьями) были построены на набережной лицом к церковному подъезду, через четверть часа последовал вынос знамен и штандарта, а затем в сопровождении оркестра роты направились к Царскосельскому вокзалу. Погрузка проходила споро и организовано, знаменщики со своими реликвиями заняли отдельный вагон. По прибытии, в 16.00, состоялась репетиция парада в присутствии великого князя Константина Константиновича, которая почти не вызвала замечаний. На ночлег кадеты разместились в казармах лейб-гвардии Гусарского полка; спать пришлось на сене, прикрывшись шинелями.

17 февраля в 11.00 в манеже состоялся парад: на левом фланге выстроились в шеренге кадеты в исторических мундирах, на правом — хор музыкантов, далее — горнисты и барабанщики. В кадетском строю находились князья Константин, Олег и Игорь Константиновичи. Парадом командовал Ф.А. Григорьев.

Николай II прибыл в сопровождении великих князей Михаила Александровича и Сергея Михайловича, в Царской ложе разместились императрицы Мария Федоровна и Александра

Федоровна с цесаревичем Алексеем, а также великая княгиня Елизавета Маврикиевна с княжной Татьяной Константиновной, сам великий князь Константин Константинович был на правом фланге.

Император, одетый в мундир лейб-гвардии 1-го Его Величества стрелкового батальона, обошел строй и поздравил кадетов с праздником. Затем он вышел на середину манежа, где перед Царской ложей установили аналой и молебельный столик, у которых стояли духовенство и кадеты-певчие, а также находились знамена. Все обнажили головы, и начался молебен, потом прозвучало «Многие лета и вечная память императорам, императрицам и бывшим кадетам, на поле брани за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших». Протопресвитер военного и морского духовенства о. Желобовский обошел кадетский строй, окропляя стоявших святой водой, а император следовал вдоль строя с наследником на руках. Затем роты прошли церемониальным маршем, по завершении которого кадеты в исторических мундирах пообщались с государем, живо интересовались деталями их формы и амуниции.

После этого, встав перед строем 1-й и 2-й рот, он обратился к кадетам со следующими словами: «В течение 175 лет существования своего Первый Кадетский корпус дал много сотен честных, верных и преданных слуг Престолу и России, и во все войны многие из бывших кадет Первого корпуса сложили свои головы за славу родины и верность Царям.

Я уверен, что святые заветы, существовавшие с самого начала корпуса, останутся незабываемыми и среди будущих его питомцев.

Для того чтобы восстановить утраченное, когда Шефом корпуса был Мой прадед Император Николай I, Я принимаю на себя Шефство над Первым кадетским корпусом и желаю, чтобы Моя рота, в память Моего прадеда, отныне носила на погонах вензель Императора Николая I .

Уверен, что и сыну Моему вы послужите так же верно, как служили предкам Моим отцы, деды и прадеды ваши».

Пафос и торжественность речи соответствовали моменту. В ответ прозвучала команда Григорьева: «Слушай на караул», и вскоре раздалось громогласное кадетское «ура».

К 13.00 все, кто присутствовал на параде, в том числе кадеты и корпусные чины, отправились в Царскосельский дворец,

*Торжественный завтрак в честь 175-летнего юбилея Корпуса.
Кадетский корпус в ожидании выхода императора.
Справа — кадеты строевой роты в исторических формах;
крайний справа — штаб-офицер в форме времен
Анны Иоанновны; слева — кадеты младшего возраста.
Екатерининский зал Екатерининского дворца в Царском Селе.
Фото 17 февраля 1907 г.*

где в Екатерининском зале состоялся праздничный фуршет, на котором императорская чета беседовала с кадетами, пили здравницы за процветание Корпуса. Офицеры во главе с Григорьевым были приглашены на высочайший завтрак в Портретный зал.

После всех торжеств в Царском Селе личный состав Корпуса также организованно разместился в вагонах поезда и отправился в столицу, где праздники были продолжены. Кадеты пребывали в радостном возбуждении, только и было разговоров о прошедшем параде, общении с императором и предстоящем выступлении.

18 февраля в Сборном зале на суд зрителей было представлено долгожданное представление, на котором присутствовали многочисленные гости, своим посещением вечер почтили великий князь Константин Константинович с семьей, а также великий князь Сергей Михайлович и принц А.П. Ольденбургский. В музыкальном отделении кадеты исполняли фрагменты из классических произведений, достойный уровень продемонстриро-

вал корпусной хор. Живописно выглядели участники «Урока танцев», одетые в костюмы голубого цвета, белые чулки и черные башмаки, на левой стороне камзолчиков крепились кокарды из лент знака отличия «смотря по поведению и учению». Старательно декламировалась стихотворная «Хроника Корпуса». В антракте раздавались конфеты в коробках в виде кадетского погона. В завершение Корпус получил «юбилейный» 3-дневный отпуск.

Отголоском прошедших торжеств стало подношение императору 20 марта 1907 г. нагрудного офицерского знака Корпуса. Кроме того, ему были представлены образцы юбилейного нагрудного знака, один из которых он выбрал и утвердил 12 июня. Это серебряная копия корпусного офицерского знака в $\frac{1}{6}$ его величины. В центре расположен российский герб, внутри него — вензель Анны Иоанновны, а по сторонам — военная арматура. Герб венчает золотой вензель Николая II, над ним — золотая же императорская корона с ниспадающими концами черной ленты.

Право носить юбилейный знак имели офицеры, представители административно-преподавательского состава и священники Корпуса.

Тогда же был утвержден и похожий кадетский знак, только без вензеля и короны. Его могли носить бывшие кадеты и те, кто состоял в кадетах на время юбилея. Император внес изменения и в

*Юбилейный
нагрудный знак
для служителей Корпуса*

*Юбилейный
нагрудный знак
для кадетов*

кадетское вооружение: строевая рота получила трехлинейные винтовки и штыки.

В свою очередь ему поднесли юбилейный нагрудный знак и сборник «В память празднования 175-й годовщины Первого кадетского корпуса», составленный подполковником А.Н. Антоновым, автором нескольких публикаций по истории Корпуса.

По традиции туда жаловали свои портреты правящие монархи, Николай II не стал исключением. К 17 февраля 1908 г., дню корпусного праздника, портрет императора в мундире Корпуса был доставлен в Царское Село, но по случаю кори годовщину кадеты праздновали у себя дома.

4 марта портрет привезли на Васильевский остров и установили в Сборном зале. Официальная его передача произошла 30 марта, состоялся парад, который принял великий князь Константин Константинович.

Через год, 19 марта 1909 г., кадеты вновь прошли церемониальным шагом, но уже по случаю высочайшего смотра, устроенного им в Царском Селе. Смотр прошел блестяще, и корпусные чины удостоились участия в императорском завтраке.

*Великий князь
Алексей Николаевич
в кадетской форме*

Николай II, как и его отец, благоволил к Корпусу и неоднократно удостоивал его своим посещением. В присутствии высочайшей персоны кадеты ежегодно участвовали в церковных парадах и смотрах. Корпусу был пожалован и портрет наследника Алексея Николаевича. В честь этого события корпусные музыканты исполнили «Народный гимн» перед портретом императора, а перед подаренным полотном — «Августейший кадет». Цесаревичу торжественно было поднесено полное кадетское обмундирование в ящике, сработанном корпусными умельцами из числа учащихся.

Последний высочайший парад состоялся 17 февраля 1914 г. Предшествовавшие ему церемо-

нии прошли в не менее торжественной обстановке, нежели юбилейные торжества семилетней давности.

Между праздниками и высочайшими смотрами жизнь в Корпусе шла своим чередом. Какой-то период казалось, что в его образовательном процессе все определено надолго вперед и в ближайшее время новаций здесь ждать не придется. Однако деятельность Константина Константиновича и его ведомства становилась все более активной, и в учебную программу, во многом повторявшую курс военных гимназий 1879–1880 гг., вносились определенные изменения. В частности, на основании приказа по военному ведомству от 29 октября 1894 г. для кадетов 7-го класса вводилось изучение такого предмета, как «Законоведение», включавшего следующие части: «Нравственность», «Право», «Формы общежития».

В конце 1901 г. военный министр распорядился создать комиссию по усовершенствованию учебной программы 1898 г. для кадетских корпусов. Изучив основательно постановку образовательного процесса, комиссия пришла к выводу, что он нуждается в определенной корректировке. Основной задачей являлось не формальное сокращение тех или иных предметов, а изменение характера обучения, развитие большей самостоятельности у учащихся, что влекло за собой частичный пересмотр содержания ряда курсов и учебного расписания.

В частности, комиссия постановила изъять из программы 7-го класса «Законоведение» и сократить изучение тригонометрии, но утвердила «Статистический обзор России».

Вводились подготовительные циклы по естествознанию, физике, геометрии, курс арифметики в младших классах стал менее отвлеченным. Кадеты, наконец, перестали мучиться над церковно-славянскими текстами и зубрить многочисленные даты и события европейского средневековья — историю последнего стали изучать по сокращенному варианту. Курсы рисования и Закона Божьего также были лишены нескольких разделов.

Были утверждены основные учебники и пособия по различным предметам, большая часть из них использовалась и раньше, но появились и новые.

Для изучения французского языка было рекомендовано пользоваться учебником Гоппе, немецкого — Чекалы, Мея. Естествознание, насыщенный и разнообразный цикл, «распределялось» по работам Герда, Гексли, Мартина, В.Н. и В.В. Половцовых.

Математические дисциплины излагались в классических трудах Киселева, Семашко, а также Шохор-Троцкого. Физику и космографию кадеты постигали по проверенным Краевичу, Малинину и Буренину. Многочисленные разделы географии были представлены в пособиях, картах и атласах, а также учебниках Михайлова, Герстера, Медера, Лемана, Ильина. Преподаватели рисования пользовались пособиями Смирнова, Гальнбека, Попова, Измайлова, Кассана. Чистописание проходили по руководствам Гербача, Евсеева, Торопова. Наконец, неизменными оставались учебники исторического цикла: Иловайский, Острогорский, Торнау, Иванов и Кареев.

Еженедельное количество уроков по классам можно свести в следующую таблицу:

Предметы	Классы						
	1	2	3	4	5	6	7
Закон Божий	2	2	2	2	2	2	2
Русский язык и словесность	2	2	2	2	2	2	2
Немецкий язык	—	5	5	4	3	3	3
Французский язык	5	5	4	4	3	3	3
Математика	4	4	4	5	4	5	5
Естествознание	2	2	—	2	2	2	—
Физика	—	—	1	1	2	3	3
Космография	—	—	—	—	—	—	2
География	—	—	3	2	2	2	2
История	—	—	2	2	3	3	4
Чистописание	3	2	—	—	—	—	—
Рисование	3	2	2	2	2	2	—

На внеклассную подготовку уроков в неделю отводилось в первых трех классах по 9 часов, в 4-м и 5-м классах — по 12 часов, в 6-м и 7-м классах — по 15 часов. Урок должен был продолжаться 50 минут, большая перемена — 1 час, а малая — 10 минут. В один из дней занятия должны были заканчиваться до

завтрака, после которого классы могли отправляться на прогулки, экскурсии, заниматься спортом.

Эти свои соображения комиссия представила в довольно просторном «Проекте общей программы и инструкции для производства опыта преподавания учебных предметов в 1-м Псковском, Донском Имп. Александра III кадетских корпусах с начала 1903—1904 уч. гг.». В этом документе подробно расписывалось содержание предметных курсов, а также имелся полный перечень всех пособий и учебников, задачников и атласов по каждому из них.

Нельзя сказать, что после принятия «Проекта...» учебный процесс в этих заведениях стал существенно отличаться от того, что происходило в других корпусах, но определенная разница все же была. Несколько особняком по традиции стоял Пажеский корпус, где структура курсов издавна имела свою специфику. Со временем многие положения «Проекта...» распространялись на большинство высших военных школ.

Руководство военно-учебных заведений неоднократно старалось усовершенствовать учебный курс. В мае-июне 1911 г. утверждена программа по французскому языку для 1-го класса, она включала знакомство с фонетикой (правильное произношение отдельных звуков, слогов и слов), начальную лексику, в частности знание предметов домашней обстановки, а также перевод отдельных французских выражений.

17 июня того же года были одобрены предлагаемые изменения курса русского языка и словесности, а также природоведения, чистописания, рисования и естествознания; в программу включались химия и черчение. К июлю окончательно скорректированы программы по физике, математике, географии, космографии и химии.

Реорганизация образовательного процесса коснулась и административно-преподавательского состава: с августа 1911 г. инспектором классов мог быть назначен чиновник 5-го класса (а не 6-го, как раньше) по Табели о рангах, а в штатные учителя зачислялись те, кто имел 8-й класс и выше.

30 мая 1912 г. военный министр Сухомлинов утвердил проект программы по иностранным языкам. В нем декларировалось, что «ближайшей целью преподавания французского, немецкого и английского языков ставится приобретение учащимися навыков в отчетливом понимании не слишком трудного

иностранный текст литературного произведения (в пределах списка авторов), а также для достаточно хорошего произношения, правильного беглого чтения и хорошей дикции». Составители проекта решительно отвергли практикуемый ранее «натуральный» метод, или «погружение» в изучаемый язык без использования русского. Кадеты должны произносить иностранные фразы, которые полностью понимают, и соотносить их с русским «значением». Необходимо придерживаться последовательности в освоении различных языковых разделов: фонетики, фразеологии, грамматики. Данным предписаниям следовали далеко не во всех корпусах. Столичные, не говоря про Пажеский, всегда уделяли серьезное внимание изучению иностранных языков, поэтому там чаще использовался именно метод «погружения». Так продолжалось и дальше.

Справедливости ради надо сказать, что руководство военно-учебных заведений больше не предпринимало попыток серьезно обновить «кадетские» курсы; как правило, дело ограничивалось отдельными поправками или рекомендациями преподавателям. К 1914 г. можно было говорить, что предпринятые меры дали определенный результат и успеваемость в корпусах несколько улучшилась. В этом отношении 1-й корпус стабильно занимал высокие места, хотя в «первачах», если не считать отдельных предметов — иностранных языков, словесности, математических дисциплин, — не значился.

Корпус после своего восстановления воспринял общие тенденции, имевшие место в войсках. Еще в XIX в. сначала в гвардейских частях, а затем и в армии стали появляться различные общества взаимопомощи или помощи сослуживцам, оказавшимся по разным причинам в затруднительном финансовом положении, или их семьям. Фонды накопления формировались, как правило, путем отчисления определенной суммы с офицерского жалованья и тратились целевым образом.

В 1899 г. учреждается «Общество взаимопомощи кадет Первого кадетского корпуса». Его устав состоял из нескольких пунктов:

- 1) общество организовано для оказания помощи тем из обучающихся в 1-м Кадетском корпусе и 1-й военной гимназии, кто по преклонности лет, болезни или другим, не зависевшим от них причинам впал в нужду, а также нуждающимся семействам таких лиц;

2) действительным членом «Общества» может считаться тот, кто обучался в названных заведениях и вносит в кассу не менее 3 рублей в год;

3) средства общества составляются из членских взносов, процентов с капиталов из доходов с публичных лекций, концертов, спектаклей, пожертвований;

4) делами общества заведует правление из 9 членов, иницилирующих общие собрания, на которых решаются текущие и наиболее важные задачи, а также ревизионная комиссия. Все выборные лица несут свои обязанности безвозмездно.

Общество действительно в течение первых нескольких лет активно занималось сбором средств, благо нуждавшихся воспитанников Корпуса оказалось немало. Многие бывшие кадеты участвовали в Русско-японской войне и не все возвращались домой в полном здравии, если вообще оставались живы. Касса общества основательно пополнилась в дни празднования 175-летнего юбилея Корпуса, однако затем начала заметно истощаться: желающих поспособствовать своим менее удачливым однокашникам находилось все меньше, а учившиеся в Корпусе кадеты относились к деятельности общества довольно равнодушно, некоторые вообще не знали о существовании этой организации. Правда, на страницах «Кадетского досуга» появлялись сообщения о сборе пожертвований, но откликов они часто не находили. Журнал этот был не особенно популярен, и информация доходила слабо.

Казна пополнялась за счет мероприятий, приуроченных к какой-либо памятной дате. В Корпусе торжества и конференции такого рода проводились довольно регулярно. Их участники, особенно из числа людей «при чинах» и не всегда бывших кадетов, не отказывали устроителям в небольшой сумме.

Знаменательное в этой связи событие произошло в 1910 г., когда отмечался 150-летний юбилей исполнения кадетами в Зимнем дворце трагедии Сумарокова «Хорев». Инициатором выступил великий князь Константин Константинович, который предложил восстановить этот спектакль. Кадеты готовились к постановке под руководством офицера-воспитателя подполковника В.Я. Андреева 1-го. Представление состоялось в Павловском великокняжеском дворце в присутствии венценосной четы и членов императорской фамилии. Николай II удостоил всех участников, выстроившихся в зрительном зале, своей

монаршей благодарности; в память об этом памятном выступлении Константин Константинович вручил им жетоны.

Решено было повторить спектакль в самом Корпусе, куда привезли костюмы из Императорских театров, а декорации предоставил великий князь. Сборы от этой постановки и пошли в кассу общества.

Учитывая, что в Корпусе числились члены правящей династии — наследник цесаревич Алексей Николаевич стал кадетом в 1909 г., — можно было предположить, что фонд не оскудеет. Монаршие и великокняжеские пожертвования действительно поступали, но в весьма ограниченных размерах. Директор Корпуса Григорьев старался выискать любые возможности для пополнения казны общества, но это не всегда удавалось. В частности, по его инициативе в Сборном зале проходили благотворительные вечера, где выступали артисты, певцы и чтецы, часть средств, вырученных от этих концертов, направлялась в распоряжение общества. Нередко Григорьев поддерживал его деятельность собственными деньгами.

Бывали случаи, что непосредственно к нему обращались бывшие кадеты, находившиеся в затруднительном материальном положении. Ситуация складывалась щекотливая и для просителя, и для директора. Он старался деликатно, не унизив первого ни словом, ни взглядом, хоть как-то удовлетворить просьбу, но такое происходило нечасто. Где Григорьев действительно мог оказать и оказывал помощь, так это при зачислении в Корпус детей, чьи отцы или родственники являлись когда-то его воспитанниками. Существовали достаточно жесткие правила приема, но Григорьев находил возможности для первоочередного зачисления этих отроков на условиях казенного содержания.

12 октября 1904 г. при Корпусе открылся пансион — приют имени императрицы Александры Федоровны для малолетних сыновей офицеров, пострадавших в войне с Японией. Первый год он существовал исключительно на средства императрицы, поступающие в качестве пожертвования, а затем часть денег на его содержание стали отчислять из корпусного бюджета. 7 апреля 1905 г. при непосредственном участии великого князя Константина Константиновича в пользу этого пансиона был организован благотворительный концерт, давший неплохой сбор.

Между великим князем и директором Корпуса установились достаточно дружеские отношения, насколько это мог себе по-

зволить член императорской фамилии. По крайней мере в том, что касалось методов воспитания кадетов, устройства быта и организации учебного процесса, их взгляды были весьма схожи.

Предметом их особой заботы оставался корпусной лазарет, организованный согласно всем требованиям того времени. Еще с начала XIX в. под руководством опытных лекарей там проходили практику учащиеся медицинских учебных заведений. Старшими лекарями, а затем врачами лазарета назначались люди опытные и знающие. Вся ответственность за состояние здоровья кадетов лежала на них, директоре и воспитателях. Безусловно, приоритет в принятии решения относительно объявления карантина, необходимости госпитализации того или иного кадета, возможности их участия в занятиях гимнастикой или фехтованием принадлежал именно старшему врачу. Свой вердикт он должен был согласовать с директором, испросив у него письменное разрешение, но это, как правило, было делом формальным. Родители или опекуны кадета, находившегося в отпуске, в случае болезни отпускиника немедленно сообщали об этом офицеру-воспитателю или старшему врачу, особенно если болезнь была инфекционная. Лицо из семьи, в которой диагностировалось инфекционное заболевание, не имело право на свидание с кадетом, а тот в обязательном порядке также должен был сообщить обо всем названным персонам. В некоторых случаях больного кадета могли отпустить на лечение домой, но и тогда требовалось в первую очередь заключение старшего врача.

Григорьев обращал на здоровье своих подопечных самое серьезное внимание. Он регулярно посещал лазарет, следил за его чистотой, интересовался наличием медикаментов. По его инициативе в самых непростых случаях на консилиум приглашались известные специалисты «со стороны».

Лазарет был местом, куда кадеты являлись регулярно, и у корпусных медиков работы хватало: последствия драк, слишком «подвижных» игр, травмы, полученные на занятиях гимнастикой или верховой ездой, требовали разной степени медицинского ухода. Добавьте сюда прививки, лечение зубов, проверку чистоты на кухне, столовой, в дортуарах, уход за стационарными больными и пр. — чем не участь земского доктора? Правда, возможности в столице в смысле материального обеспечения и высочайшего покровительства были значительно выше. Не случайно в кадетском лазарете красовалась картина академика

Макарова «Спаситель, благословляющий детей». На постаменте имелась надпись: «Императору Александру III, до конца дней сохранившему любящую душу и отеческое сердце к кадетам 1-го корпуса, с благоговейной памятью посвящает отец кадета, облагодетельствованный Его Величеством».

Получить освобождение от занятий по состоянию здоровья или провести энное количество дней в стационаре — этого в глубине души хотели многие кадеты, а некоторые пытались добиться любыми путями. Нельзя сказать, что учащиеся откровенно симулировали — это было просто обнаружить, — но и не старались проявить стойкость при ощущении пусть и небольшого недомогания: хотя бы краткий лазаретный «отдых» с дежурными диагнозами (простуда, боли в животе и пр.) никому не мешал.

Последние предвоенные годы для Корпуса оказались не очень примечательными. Учеба шла своим чередом, день 17 февраля отмечался достаточно скромно; некоторое разнообразие вносили экскурсии, ознакомительные поездки, летнее пребывание в Петергофе. Даже то обстоятельство, что среди поступивших в кадеты оказался сын персидского шаха, не воспринималось чем-то особенным и не вызвало повышенного интереса.

Между тем руководство военно-учебных заведений вновь проявило свое внимание к корпусным порядкам, в 1911 г. был издан сборник под названием «Жизнь кадета», адресованный родителям, опекунам и офицерам-воспитателям. В нем освещались основные моменты, связанные с пребыванием кадета в отпуске, его права, но главное — обязанности, те правила поведения, кои он должен неукоснительно соблюдать. Отчасти это было повторением «Правил...» 1897 г., но только отчасти. В данном сборнике обращалось внимание на учебу (например, в случае неуспеваемости кадет мог прибегнуть к услугам репетитора, но не из числа корпусных преподавателей). Если это не приносило результата, то кадет оставался на второй год. Однако если плохие отметки объяснялись ленью, то нерадивому ученику грозило отчисление. На практике, правда, трудно было определить, почему именно кадету не удастся усвоить материал, и до исключения дело доходило крайне редко. В «Жизни кадета» затрагивались многие ее аспекты, начиная от книг, рекомендованных для чтения, и заканчивая правилами посещения храмов представителями неправославных конфессий. Составители этого

сборника в целом справедливо полагали, что все лица, так или иначе связанные с жизнью кадетов, должны представлять ее особенности в полной мере и соотносить свои принципы воспитания с изложенными правилами.

С началом Первой мировой войны в Корпусе мало что изменилось, но такое событие не могло остаться незамеченным. Отдельные поправки были внесены в правила приема в кадетские корпуса. Так, на основании приказа по военному ведомству № 699 от 31 октября 1914 г. на казенное содержание сверх штата могли быть приняты до 325 человек из числа детей офицеров, врачей, священников и чиновников, принимающих участие в войне. Для малолеток предусматривалось еще 200 вакансий в корпусных пансионах-приютах.

А приказ по военному ведомству № 482 от 9 сентября 1915 г. имел непосредственное отношение к 1-му корпусу. В нем говорилось, что «в целях объединения бывших питомцев и членов 1-го Кадетского корпуса и для установления наружной корпоративной связи оканчивавших Корпус со своими предшественниками, начальственными лицами и преподавателями» следует распространить право ношения установленного знака Корпуса на всех бывших воспитанников, окончивших полный курс, а также на тех, кто будет впредь оканчивать курс этого заведения, но не ранее как по производству в офицеры или классные чины.

Кроме того, знак могли носить лица, состоявшие в корпусных офицерах или классных чинах, а также те, кто будет числиться на штатной должности в Корпусе. Несмотря на эти послебюбилейные уточнения, война всецело захватила кадетские умы и держала в напряжении офицерский состав, тем более что обстановка на фронтах не радовала.

Среди «строевых» кадетов многие выказывали желание оказаться на передовой, вести с мест сражений воспринимались со всей серьезностью. Наблюдавшийся на первых порах патриотический подъем охватил и кадетскую среду. Ожидалось, правда, что с «тевтонами» легко разделаются и война долго не продлится, однако на деле все обернулось по-другому. Григорьев внушал корпусным чинам, что известия о событиях в Восточной Пруссии и Польше никоим образом не должны отразиться на успеваемости и дисциплине. Выступая перед кадетами, он неоднократно подчеркивал, что в столь напряженное время их первоочередной задачей является сознательное отношение к учебе

и соблюдение уставных норм. Кое-кто из кадетов строевой роты уже в 1914 г. оказался на фронте, через год они вернулись, многие с медалями, а кадет Болотников получил Георгиевский крест за удачную корректировку артиллерийского огня на передовой. За годы войны в действующей армии побывали несколько кадетов-старшекласников, а некоторых застали на фронте и события в Петрограде в феврале-марте 1917 г.

Начавшаяся после корпусного праздника 17 февраля смута, сопровождавшаяся вооруженными столкновениями и демонстрациями, явилась преддверием окончательного разрушения кадетского уклада.

Расположенный в центре города, Корпус волею судеб оказался в непосредственной близости от революционных коллизий. Григорьев старался не поддаваться упадническим настроениям даже после отречения императора, но воодушевлять после этого кадетов было очень сложно. Образы Николая II и наследника, носившего корпусную форму, в их представлении никак не могли быть связаны с чем-то преступным, небогоугодным. И вдруг в одночасье они свергнуты, арестованы, объявлены чуждыми России. Мальчиков, которых воспитывали и образовывали в военном интернате, дававших присягу на верность престолу, носивших на погонах императорские вензеля, все случившееся ввергло в стресс, тем более что многое из происходившего им было просто не понять.

А тут еще и весть откуда взявшееся Временное правительство, решительно настроенное на продолжение войны. Воевать, но без царя — за кого тогда и как? Было от чего закружиться голове кадетского «строевика», если и многие взрослые, офицеры и воспитатели, выглядели потерянными. Делать вид, что ничего не произошло, уже невозможно, но что будет дальше? Последующие события вскоре дали ответы на многие вопросы. В Актовом зале Корпуса состоялся I съезд Советов, на котором партия большевиков во главе с В.И. Лениным объявила о себе как реальном претенденте на власть.

Корпус второй раз в своей истории превратился в военную гимназию, Временное правительство разместило в Сборном зале самокатный батальон, который должен был противодействовать в случае необходимости большевикам. Однако в октябре 1917 г., когда самокатчикам нужно было выполнить свой долг, они объявили нейтралитет и самоустраились. Часть кадетов

возвратилась к родным, тревожившимся за своих чад, приход большевиков к власти прояснил многое, но не все.

Вскоре в Корпус был назначен комиссар, бывший унтер-офицер гвардейского Волынского полка Ульченко, который не обладал ораторскими способностями и более всего заботился о своем здоровье, проводя много времени на кухне. Между тем рацион кадетов стал заметно хуже, хотя настоящие перебои с продовольствием были еще впереди. Новый начальник военно-учебных заведений капитан Дзевалтовский отличался категоричностью и, выступая перед кадетами, заявил, что они должны стать на сторону большевиков, а кто не подчинится, того заставят искупить грехи перед народом.

Один из корпусных воспитанников, вспоминая те дни, замечает: «Кадеты как бы осознавали, что в наступившем „царстве массы“ и они сами являлись тоже какой-то массой и как таковые могли проявлять, если умеют, какие-то необходимые внешние формы, подходящие к текущему моменту, и тем самым могут хотя бы на время не слишком привлекать к себе внимание». Последнее до поры до времени удавалось: большевики тогда были заняты другим.

Кадеты надеялись, что Советы продержатся недолго, и рассчитывали «потерпеть» до конца года с тем, чтобы бороться с большевиками, если те будут еще у власти. В это время Корпус стал пристанищем для избежавших ареста офицеров и юнкеров, которых необходимо было кормить. Проблемы с питанием встали во весь рост. Кадеты 7-го класса взяли на себя функции распорядителей и воспитателей, стараясь поддерживать в Корпусе дисциплину и подобие порядка.

Каждый день в Корпусе обсуждали сложившуюся в городе ситуацию, среди кадетов распространялись всевозможные слухи. Многих заинтриговали сообщения о создании офицерами боевой организации, призванной бороться с новыми хозяевами России, немало кадетов жаждало вступить в ее ряды. Как выяснилось, цель боевиков состояла в подготовке взрыва поезда при переезде большевистского правительства из Петрограда в Москву в феврале 1918 г. Один из кадетов, «П-й», должен был явиться на конспиративную квартиру со списком добровольцев для заготовки экипировки. Но незадачливого «конспиратора» схватили, и вступившие в организацию кадеты оказались в большой опасности. Руководство Корпуса, прознав об этом, объявило учебный год законченным и распустило всех по домам.

Некоторые отправились в Москву, а оттуда постарались пробраться на юг. 28 февраля в Корпусе был произведен обыск, в результате чего несколько офицеров подверглись аресту. Правда, их скоро выпустили, но стало очевидно, что власти не оставят Корпус в покое. И действительно, уже 6 марта его окончательно расформировали, числившиеся там кадеты получили аттестаты и были отправлены восвояси, а кое-кто остался, опасаясь оказаться в беспризорниках. Одни разделили все трудности подростковой жизни смутного времени, другие стали непосредственными участниками Гражданской войны.

В 1918 г. в помещениях Корпуса разместились 3-и пехотные советские петроградские финские командные курсы, которые возглавил А.А. Инно, в недавнем прошлом штабс-капитан, участник Первой мировой войны. Его заместителем по учебной части назначили бывшего профессора Академии Генерального штаба П.И. Измestьева, являвшегося одновременно и начальником военной секции Центрального петроградского исторического архива; архив и музей Корпуса тоже перешли под его опеку. Позже архивные материалы перевезли в здание бывшего Цензурного комитета на Екатерингофском проспекте, а затем в архив Главного штаба на Дворцовой площади. Впоследствии уцелевшие документы составили отдельный фонд Центрального (в настоящий момент Российского) Государственного военно-исторического архива.

Собрание музея сохранялось во многом благодаря усилиям А.А. Крутецкого, но со временем и оно было «распылено» по разным хранилищам. В частности, манекены, одетые в исторические мундиры, оружие, а также книги и журналы времен Ангальта оказались в Артиллерийском музее, живописные полотна частью остались в здании Корпуса, частью переданы в Эрмитаж.

Ф.А. Григорьев до 1926 г. руководил Военно-топографическом училищем. Однако не все офицеры и корпусные служители приняли новую власть и с ней смирились. Многие из них воевали на стороне белых и после 1920 г. эмигрировали. Некоторые остались в городе и по окончании Гражданской войны подверглись репрессиям в 1930–1931 гг. и после убийства С.М. Кирова в 1934–1935 гг.: карательными органами использовалась информация, опубликованная в издании «Весь Петербург», и офицеров находили без особого труда.

Что касается кадетов, то и их судьба складывалась по-разному: кто продолжил службу или обучение за границей, кто преуспел и в СССР. Например, среди зачисленных в Корпус в предвоенном 1913 г. были будущие известные советские ученые Д.А. Ольдерогге, Л.Л. Кербер (заместитель знаменитого авиаконструктора А.Н. Туполева), А.Е. Максимов. Некоторые, как Лихонин, избрали своим поприщем службу в НКВД или Красной Армии.

В 1920 г. финские курсы превратились в Петроградскую пехотную школу, из финского отделения которой образовали Интернациональную военную школу, и ее курсанты приняли активное участие в подавлении печально известного Кронштадтского мятежа. Впоследствии здания Корпуса, в том числе Меншиковский дворец, занимали учреждения военные и образовательные, а с февраля 1981 г. — сектор Государственного Эрмитажа. Прошло много десятилетий, но, несмотря на все перемены, и не только архитектурные, облик части Университетской набережной и Кадетской линии и сейчас напоминает нам о тех временах, когда здесь располагалась «рыцарская академия», в которой воспитывалась культурная и военная элита России.

Глава VI

Обмундирование и знамена 1-го Кадетского корпуса

Попадая в Корпус, дворянские недоросли должны были менять свои кафтаны, камзолы и поддевки на форменное платье. Происходило это не сразу и не в том объеме, как предполагалось. Масштабные начинания, к коим можно отнести учреждение «рыцарской академии», редко обходятся без сложностей и шероховатостей. Не стало исключением и мундирное обеспечение ее учащихся. На первых порах они довольствовались незамысловатым комплектом одежды, включавшим, вероятно, все тот же «домашний наряд», по крайней мере кафтаны, а также белые штиблеты, шляпы с золотым позументом и бантом предписывалось носить «для равенства», как и косу.

Поскольку численность поступавших была сравнительно невелика и в Корпус новобранцы прибывали постепенно, отдельными, часто небольшими партиями, а то и поодиночке, «мундирную» проблему удалось решить сравнительно быстро, тем более что форменное платье надо было доставлять только на Васильевский остров, а не рассылать подводы по губерниям и уездам, как это происходило в практике армейского снабжения. В материалах Военской комиссии 1732 г. уже говорится о кадетской форме как отдельном ведомственном «уборе», занимавшем определенное место в иерархии военного костюма того времени.

Кадеты получили традиционные для русской армии кафтаны темно-зеленого цвета с красными обшлагами, воротником, лацканами, оторочкой петель и подбоям, лосиные штаны и камзол (кафтан и камзол по гвардейскому образцу обшивались золотым галуном). Они также носили штиблеты («вседневные» из черной кожи и парадные из белого полотна), тупоносые башмаки, белый полотняный галстук, замшевые «перерезные» перчат-

ки. В качестве головного убора фузелерам дали треугольную шляпу с золотым галуном и бантом (или кокардой из белых лент) с вызолоченной пуговицей, гренадерам — зеленую суконную шапку с красным клапаном, обшивкой из золотого галуна и гарусной кистью по цвету темляка. На переднем клапане помещалась медная позолоченная бляха с государственным

*Кадет-гренадер, штаб-офицер, кадет конной роты,
кадет-мушкетер в строевой парадной форме
времен Анны Иоанновны*

двуглавым орлом, на груди которого стоял вензель Анны Иоанновны в щите. Внизу — военная арматура, а также глобус, математические и физические приборы и надпись «MARTE ET ARTE» («Силой и искусством»). На задней части шапки крепилась медная позолоченная гренада. С 1735 г. для изготовления гренадерского головного убора стали использовать красное сукно. Такого же цвета делались и епанчи с синим подбоем.

Для личного состава отряженной для конных занятий рейтарской роты помимо перечисленных предметов обмундирования полагался еще и лосиный супервест с красной суконной обшивкой и с нашитым черного сукна орлом, державшим в лапах корпусные символы — шпагу и кадуцей. Вместо штиблет рейтары носили кирасирские сапоги со штибль-манжетами, раструбными и шпорами, епанчи для них шились из белого сукна.

Летний кадетский гардероб составляли белые холщовые кафтан, камзол и панталоны, при этом гренадерская шапка была из черной вощанки. Своеобразными знаками различия служили застёжки кафтанных воротников: у 1-й роты — красные, у 2-й — желтые и у 3-й — зеленые.

Форменное платье корпусных офицеров отличалось от кадетского более качественным сукном, шириной галунов и шляпным плюмажем из белых страусовых перьев. Их принадлежность к командному составу определялась темляками, шарфами, а также знаками с изображением орла и военных атрибутов в нижней части. Орлы на офицерских супервестах вышивались золотом и черным шелком.

Чепраки для офицерских лошадей и чушки, в отличие от кадетских, обшивались тремя рядами золотого галуна — 2 широкими и 1 узким, тогда как у рейтаров только 1 широким и 1 узким.

Как учащимся военно-учебного заведения кадетам полагались соответствующие вооружение и амуниция: фузелеры имели пехотную шпагу с прямым клинком, носившуюся в кожаных ножнах, но драгунскую фузею, а также портупю и перевязь, обшитые красным сукном и по краям узким золотым галуном, и патронную суму.

Темляки различались поротно: в 1-й — белые, во 2-й — белые с оранжевым, в 3-й — белые с красным.

Гренадеры вооружались пехотной фузеей с латунным прибором и штыком, а также шпагой указанного образца. Гранаты помещались в специальной суме из черной кожи с латунной

бляхой на крышке. Патроны хранились в лядунке, крепившейся на поясе.

Рейтаров вооружили прусским кавалерийским карабином, парой пистолетов и шпагой. Из амуниции им полагались португепя и перевязь из красного сукна с узким золотым позументом по краям и подложенной красной юфтью, такого же цвета суконный чепрак с золотым галуном, ольстры (пистолетные кобуры) и черная кожаная лядунка.

На шпагах капралов и сержантов имелись красно-желтые шелковые темляки, эти чины были вооружены также алебардами с двуглавым орлом и обозначением года открытия Корпуса — «1732».

Корпусные офицеры носили шпаги с темляками пехотного образца, и им полагались также эспонтоны с орлом и все той же датой «1732».

В царствование Елизаветы Петровны в форменном костюме кадетов и корпусных офицеров произошли незначительные изменения. Так, для пошива кафтанов стали использовать и светло-зеленое сукно, что вносило некоторое разнообразие в кадетский строй, так как сохранялись и темные кафтаны. Воротник епанчи (теперь уже синего цвета) перекроили так, чтобы в ненастную погоду он мог служить в качестве капюшона. Перевязи стали уже, равно как и галунная обшивка, на предметах военного обихода — лядунках, сумах, гренадерской шапке — появился вензель императрицы «Е I».

Кратковременное пребывание на престоле Петра III сопровождалось, помимо замены вензеля, введением для офицеров золотых нашивок и шакового аксельбанта. В комплекте вооружения появились прусские ружья.

Эти новации не успели в полной мере внедриться в корпусном быту: очередной переворот в верхах и воцарение Екатерины II предопределили новый этап в развитии «рыцарской академии», а вместе с ним и перемены в гардеробе. Деление кадетов на возраста подчеркивалось цветами их обмундирования, по своему покрою не отличавшегося от принятого в те времена кафтана, и некоторыми его деталями.

Кадетам 1-го возраста предписывалось носить кафтан, камзол и штаны (по подвязку) из коричневого или кофейного сукна с обтяжными пуговицами, рубашку с выпущенным на кафтан воротником, белые чулки и башмаки без пряжек. Мундирный

Кадеты 2-го возраста в форме времен Екатерины II

комплект 2-го возраста включал те же предметы, но голубого цвета, галстук и рубашку с белыми манжетами. Учащиеся 3-го возраста носили такое же платье, но сероватого цвета, и башмаки с пряжками. Всем этим возрастам вместо шляп полагался черный поярковый картуз с плоской тульей, козырьком и широким клапаном, края которого обшивались черной тесьмой. Кадетов младших возрастов чаще называли по цвету платья, соответственно «кофейными», «голубыми» и «серыми», причем эти названия употреблялись официально.

Форменная одежда кадетов старших возрастов имела больше сходства с собственно военным мундиром. Они носили зеленый кафтан с красными воротником, обшлагами и лацканами, камзол и штаны лосиного цвета, рубаху с белыми манжетами, а также манишку с манжетами, белые чулки и круглоносые башмаки с медными или композичными пряжками. Кадеты 5-го возраста имели белые погоны с кистью, которой не было на погонах 4-го возраста. Им полагалась также треугольная шляпа, обшитая галуном, с двумя белыми кистями, бантом и султаном. В гардероб старших возрастов входили парадные кафтан и шляпа, обшитые узким гладким золотым галуном.

Совершенно особую, специально для них придуманную форму носили знаменщики: она сочетала элементы мундира ки-

расир (колет — короткая белая куртка из лосиной кожи с красными отворотами) и гренадер (высокая обитая медвежьим мехом шапка-колпак).

Учащиеся Корпуса носили полотняные черные штиблеты с желтыми пуговицами и штибель-манжетами.

Летний комплект младших возрастов состоял из полотняных белых камзола и штанов, а старших — из суконного лосиного или палевого колета с красными воротником, обшлагами (с клапанами по цвету камзола), лацканами и погоном с голубой суконной выпушкой.

*Кадет 5-го возраста (1767—1782 гг.)
и кадет-егерь (1770—1796 гг.) в форме времен Екатерины II*

В летних лагерях мушкетеры, состоявшие из учащихся старших возрастов, а также гренадеры и с 1770 г. егеря, представленные кадетами 3-го возраста, имели в обмундировании определенные отличия. Форменная верхняя одежда мушкетеров и гренадер была одинаковая, но первым полагалась треугольная шляпа без позумента или с узким позументом, с белыми бантом на левой стороне и небольшим султаном, а гренадеры носили черные меховые шапки без герба с двумя желтыми кистями и такими же султаном и бантом. Одевание егерей было совершенно особым. Светло-зеленая суконная куртка отделялась вокруг желтой шерстяной тесьмой. Борты и клапана обшлагов украшали узорчатые нашивки из шнура с кисточками на конце с тремя пуговицами на каждом рукаве. Мундир дополнялся белыми полотняными или канифасными штанами, короткими сапогами со шнуровкой и черным лакированным картузом с козырьком, белым бантом и зеленым султаном на левой стороне.

Рейтары, носившие такую же форму, как у мушкетеров и гренадер, в конном строю по-прежнему облачались в супервест.

Офицерское обмундирование, как и раньше, отличалось от кадетского только более высоким качеством материала и опущенными полами кафтана. Знаком различия у офицеров служили золотые погоны и эполеты, золотой шарф, одеваемый, как в гвардии, через правое плечо, шейные знаки образца времен Анны Иоанновны и соответствующие темляки на шпагах. Парадный мундир и шляпа обшивались золотым галуном с городками.

В 1783—1786 гг. президентом Военной коллегии князем Г.А. Потемкиным определялись новые версии форменной одежды и экипировки для армии, и это отчасти повлияло на облик обитателей Корпуса. Правда, для кадетов и офицеров не вводились куртки, шаровары, каски и пр., однако кафтаны стали заметно уже, камзолы короче, кадетские шляпы, теперь без галуна, выше, а черные штиблеты носились отныне постоянно. Офицерам полагались кафтаны с завороченными полами, что соблюдалось далеко не всегда, а при парадах — белые штаны вместо лосиных.

В большей степени нововведения коснулись корпусных музыкантов и барабанщиков. Им как раз и вменялось носить «потемкинские» куртки красного цвета с зелеными лацканами, воротником и обшлагами, а также отделкой краев и швов тесьмой

палевого и красного цветов и двумя оранжевыми погонами, на черном поле которых посередине имелся оранжевый же императорский вензель, а по краям — черные полоски. Галстуки были черные с белой обшивкой. Остальное обмундирование музыкантов не отличалось от кадетского старших возрастов.

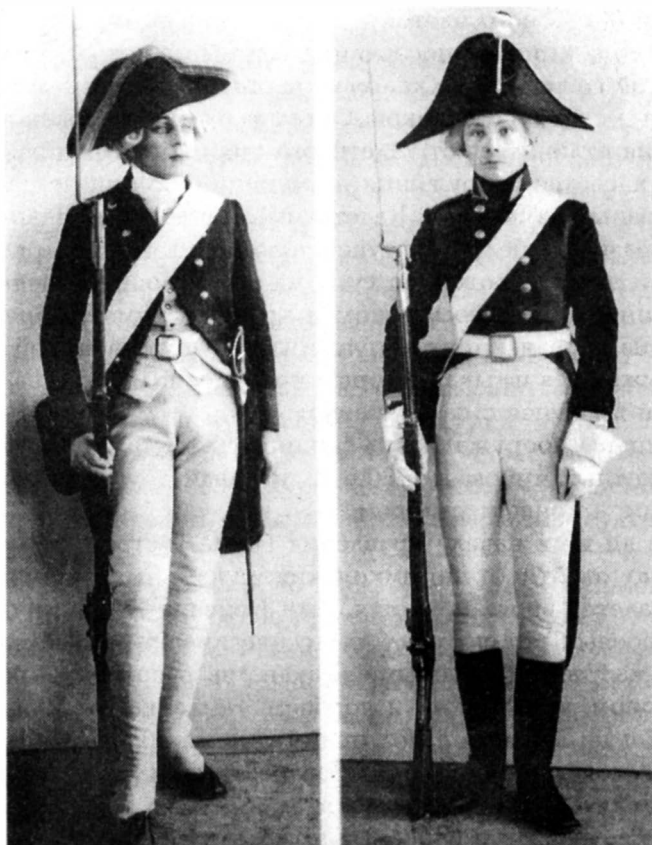
Что касается вооружения и амуниции, то они не претерпели серьезных изменений. Кадеты имели в обиходе шпагу пехотного образца на белой портупее, а во время учений и караулов получали черную кожаную суму на белой лосиной перевязи и облегченное ружье со штыком и красным ремнем. Гренадеры носили на перевязи фитильную трубку. Оружие егерей состояло из ружья без штыка, который крепился в лопасти на черной кожаной портупее с патронташем.

Офицеры вооружались и экипировались по образу и подобию пехотных чинов, в 1780-е гг. им дали другие шпаги — не с прямым, а кривым клинком.

Едва ли не в начале правления Павла I, стремившегося решительно отойти от потемкинских мундирных установлений, облик кадетов вновь меняется. Уже 1 января 1797 г. личный состав строевых рот получил «классические» темно-зеленые суконные кафтаны с красными лацканами, разрезными обшлагами, погоном, воротником и подбоем. На лацканах было по 6 и 7 пуговиц на каждом, а под правым из них 3 пуговицы, равно как на карманных клапанах и разрезах обшлагов, 2 пуговицы служили для застегивания полы и 1 — для погона. Камзолы и штаны — палевые, парадные штиблеты — белые, повседневные — черные, такого же цвета и галстук. Мушкетерам определялись треугольные шляпы: парадные — с узким золотым галуном, без банта, с золотой пуговицей и тремя зелеными с красной сердцевинкой кистями и повседневные — без галуна.

Гренадерам полагались шапки как у армейских grenадер, но только ниже, с красным околышем и палевым задником, бляхой и тремя грендами на околыше из вызолоченной латуни и гарусной кистью с красной сердцевинкой и зеленым обрамлением; шапка обшивалась золотым галуном с черным шелком. Мундирный комплект дополнялся башмаками и перчатками с крагами.

Корпусные музыканты и барабанщик, а также флейтисты (флейщики) и барабанщики grenадерских и мушкетерских рот имели на кафтанах нашивки желтой гарусной тесьмы с красными каемкой и клетками в середине.

*Кадет-гренадер
и кадет-мушкетер в форме времен Павла I*

Унтер-офицерский мундир отличался золотым галуном на воротнике и обшлагах, таким же обшивалась и шляпа, имевшая еще и особые унтер-офицерские кисти.

Офицерский мундир был «построен» по образу и подобию кадетского, но традиционно из более качественного сукна; на лацканах имелось по 9 пуговиц. Офицерские шляпы обшивались широким золотым галуном с городками. Шейный знак образца 1732 г., без различия чинов, носился на черной ленте с оранжевыми каемками.

Учащимся Малолетнего отделения в качестве форменной одежды определялись двубортные камзолчики с пятью обтяж-

ными пуговицами на каждом. Зимние шились из сукна или байки преимущественно черного цвета, реже — голубого или серого разных оттенков, а летние — из белого фламского полотна. В комплект входили и штаны, зимние и летние, по цвету камзольчиков, а также однобортный байковый сюртук по цвету зимнего камзольчика, надевавшийся поверх него при увольнении из Корпуса или во время холодов; в такую пору носились и рукавицы. Кадетам полагались также черные треугольные шляпы со шнуром, носимые только в праздники и при выходе за пределы Корпуса, а в качестве повседневного головного убора служила фуражная шапка по цвету камзольчиков с красным околышем и зелено-белой кистью.

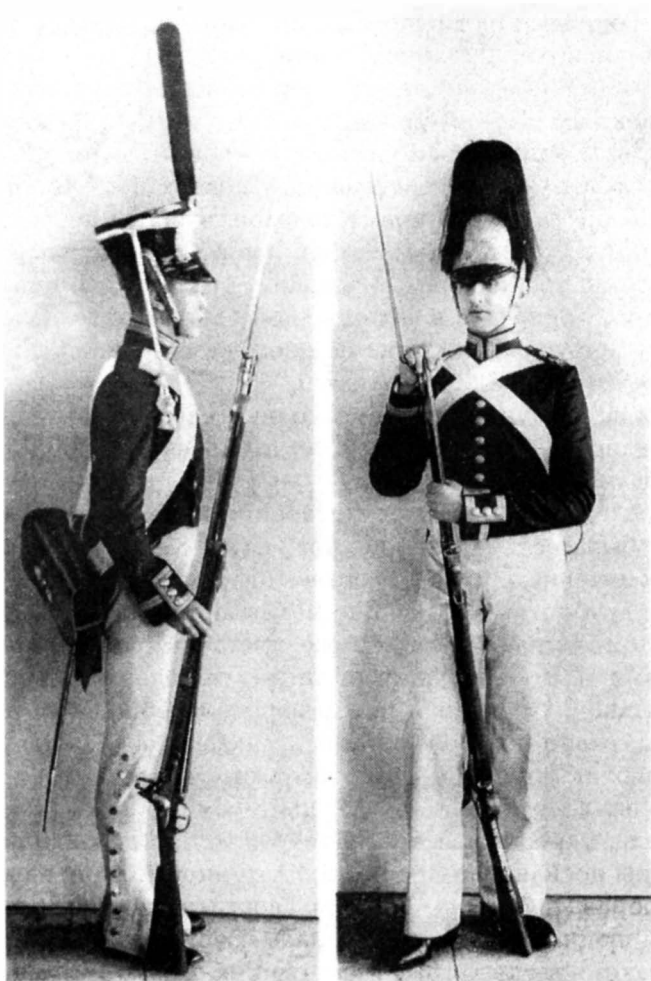
Оружие и амуниция в Корпусе не отличались от тех, что использовались в армейской пехоте, но древки алебард и эспонтонов были кофейного цвета.

Эпоха Александра I с точки зрения изменений форменной одежды была весьма насыщенной, и 1-й Кадетский корпус не стал исключением. В 1802 г. его воспитанники получили темно-зеленый двубортный (с шестью медными плоскими пуговицами на каждом) мундир с такого же цвета выпушкой, красными обшлагами и их клапанами, а также скошенным воротником и подкладкой. Спереди и снизу воротник обшивался золотым галуном, равно как обшлага и их клапана. Кадеты носили 2 красных погона. В состав обмундирования входили также панталоны, сапоги, галстук. Мушкетерам полагалась треугольная шляпа, украшенная красными кистями с белой серединой, гренадеры носили шапки с медной латунной бляхой, на которой был изображен орел со Святым Георгием на груди; с другой стороны шапки — 3 медные гренады. Верх делался из красного сукна, такого же цвета был и околыш, по швам — белая обшивка, кисть, аналогичная той, что и на мушкетерских шляпах.

Кадетам полагались и темно-зеленые фуражные шапки с красными околышем, кистью и выпушкой по швам.

Унтер-офицеры носили один погон на правом плече, а на головных уборах — кисть бело-оранжево-черную, верхние края обшлагов обшивались золотым галуном.

Офицеры стали обладателями мундира, покроем похожего на кадетский, но с более длинными фалдами и с поперечными карманными клапанами с тремя пуговицами. Они носили 2 красных погона с узким золотым галуном по краям; на воротнике,

*Кадеты-гренадеры
в форме времен Александра I и Николая I*

вдоль верхнего и переднего краев, обшлагах и клапанах обшлагов помещалось особое золотое шитье, присвоенное чинам военно-учебных заведений. На офицерских шляпах крепился султан из черных перьев.

Ротным барабанщикам и флейтистам вменялось носить мундиры без погон, но с темно-зелеными наплечниками и красными басонными нашивками с желтыми полосками по краям.

Обмундирование личного состава Малолетнего отделения включало темно-зеленую однобортную куртку без фалд, однобортный сюртук такого же цвета с красным стоячим воротником, зимние суконные и летние полотняные или холстинные панталоны, белые рубаху с воротником навывпуск и чулки, сапоги без пряжек, фуражную темно-зеленую шапку с красными околышем, кистью и выпушкой, а также носившийся в отпуске черный поярковый картуз с круглой тульей, козырьком и двумя лопастями.

Амуниция и вооружение определялись как в армейской пехоте, древки алебард и эспонтонов палевые.

В последующие годы в эти установленные образцы постоянно вносились изменения разного уровня. Так, например, уже в 1803 г. унтер-офицеры стали носить 2 погона.

В 1804 г. кадетам присваивается цилиндрическая черная суконная шапка с двумя лопастями для защиты ушей и щек, лакированным козырьком и подбородным ремнем: верхний край обрамлял золотой галун, кисть и репеек прежние. На шляпах офицеров появилась петлица из узкого золотого галуна, а вместо банта — круглая кокарда черной ленты с оранжевой каймой.

В 1805 г. спереди на шапке гренадер появилась медная гренада об одном огне, султан волосяной черного цвета.

В 1806 г. на шапках унтер-офицеров по верху появляется 2 золотых галуна.

Через год корпусным офицерам присвоили темно-зеленый сюртук с красными воротником, обшлагами, выпушкой и подкладкой.

Тогда же на плечах генералов и офицеров военно-учебных заведений появились эполеты с золотым полем, в 1-м корпусе — с красным подбоем. В конце 1807 г. вводятся зимние белые панталоны с крагами и семью медными пуговицами, а также летние белые фламского полотна с козырьками и обтяжными пуговицами. Обер-офицеры теперь носят зимой сапоги «под колено» без выреза.

В 1808 г. в военно-учебных заведениях вводятся кивера, спереди положена гренада о трех огнях. Генералы и офицеры получили право носить вне службы темно-зеленые панталоны. Унтер-офицерский галун теперь нашивается не по нижнему, а по верхнему краю.

С 1809 г. ротные барабанщики и музыканты носят по 2 погона. В этом же году на шляпах генералов военных школ появляется петлица нового образца из 4 канительных шнуrow по

Штаб-офицер. 1808 г.

прибору, срединные переплетены в виде жгута. На киверах — белые этишкеты. Офицеры также получают кивера (для строя) с серебряным этишкетом с черным и оранжевым шелком, серебряными кистями, серебряным репейком с императорским вензелем. Султан на шляпах становится короче.

В 1810 г. на кадетских киверах вместо гренады положен герб военно-учебных заведений, изображающий «полукруглое сияние, составленное из матовых и полированных, вверху закругленных, лучей, и имеющее в нижней части полукружие с выбитым на нем двуглавым орлом»; на этих киверах крепится подбородная чешуя.

В 1811 г. на гренадерских киверах устанавливается султан нового образца черного цвета; у унтер-офицеров он черный с белым верхом и оранжевой полоской, этишкет у них белый, кисти белого, оранжевого и черного цветов. В это время корпусные чины начинают носить фуражки с темно-зеленой тульей и красными околышем и выпушкой: офицерская фуражка — с черным лакированным козырьком, кадетская — без козырька. В 1812 г. кадеты получают кивер новой формы, ниже и с большим развалом. Воротник мундира также становится ниже. Наоборот, краги достигают колен, на них теперь стали крепить 9 медных пуговиц. В этом же году унтер-офицеры остались без перчаток.

В 1813 г. личный состав Малолетнего отделения получает фуражки кадетского образца.

С 1815 г. тамбур-мажорам вменяется носить вместо погон эполеты, золотые или серебряные нашивки на мундире, такой же этишкет на кивере.

В 1817 г. вводится серебряный этишкет на офицерском кивере, а этишкетные банты и кисти на кадетских киверах приобретают унтер-офицерские цвета: белые с примесью черного и оранжевого.

В 1818 г. для музыкантов учреждаются наплечники красного цвета.

В 1820 г. мундир музыкантов, барабанщиков, флейтистов, горнистов и трубачей вновь меняется: тесьма на нем нашивается плотно, на наплечниках наискось в сторону груди, а на воротнике вдоль всех краев.

В 1822 г. на киверах мушкетеров появился круглый белый помпон, у офицеров этих рот — серебряный.

В 1823 г. на кивере и мундире музыкантов положены унтер-офицерские отличия.

С 1824 г. с кадетских «домашних» серых панталон убираются краги.

В вооружении и амуниции личного состава военных школ также происходили определенные изменения, правда, не столь заметные, как в форменной одежде.

Так, в 1803 г. генералам, штаб-офицерам и адъютантам этого ведомства присваиваются темно-зеленые чепрак и чушки с красными лампасом, выпушкой и с золотым галуном. В 1806 г. отменяется эспонтон, через 2 года — офицерская трость, в 1807 г. вводится тесак.

В 1808 г. на крышке патронной сумы появляется медная гребенка с трех огнях.

В 1809 г. унтер-офицеры стали носить суму вместо подсумка.

В 1811 г. упразднена трость у унтеров.

В 1816 г. вводится единый, черный, цвет для кожаных ножен: лоценовых для нижних чинов и лакированных для офицеров.

В 1819 г. вводится сигнальный рожок желтой меди с белым ремнем, с изнанки выкрашенным в красный цвет.

Вступивший на престол император Николай Павлович был еще более равнодушен к «форменным отличкам», чем его старший брат. Уже в январе 1826 г. личный состав Корпуса, и не только его, получает однобортный мундир темно-зеленого цвета с красными воротником, обшлагами и клапанами, выпушкой и подкладкой. Воротник, обшлага и клапана кадетских мундиров отделаны золотым галуном, выпушка панталон красная.

В том же году контрпогончики и подбой на эполетах соответствующих чинов определены красного цвета, а летом им предписывалось носить белые полотняные панталоны. В корпусной обиход вошел защитный чехол для кивера.

В 1826 г. профессорам военных школ присвоена парадная форма, состоявшая из однобортного мундира гражданского покроя темно-синего цвета с красными выпушкой, воротником и обшлагами (карманные клапана также с красной выпушкой, как и темно-синия подкладка), с золотым шитьем на воротнике и обшлагах и золотым же кантом. Пуговицы вызолоченные гербовые, темно-синие панталоны без выпушки. Профессорам полагалась офицерская шляпа, а также пехотная шпага с серебряным темляком.

Учителя, имевшие чин, носили сходное обмундирование, но без канта; учителя без чина облачались в вицмундир фрачного покроя темно-синего цвета, панталоны, камзол или жилет также темно-синие, круглую шляпу. Такой же вицмундир, но в качестве повседневной формы имели профессора и «классные» учителя. При этом они также носили круглую шляпу. Кроме того, им полагался черный галстук, а в торжественных случаях — белый.

В 1827 г. кадетам присвоена повседневная куртка мундирного покроя и цвета без фалд и галунов, а также серые брюки: зимний вариант из сукна, летний — из крашеного полотна.

В 1828 г. был введен кивер нового типа, на нем также положен герб военно-учебных заведений.

Через год гардероб чинов Корпуса пополнился темно-зеленым с красной выпушкой сюртуком. Пуговицы стали выпуклой формы с государственным гербом.

В 1831 г. на погонах кадетов, фельдфебелей и унтеров появился узкий золотой галун: у фельдфебелей — вокруг и продольно посередине, у старших унтеров — вокруг, у младших — продольно посередине, у ефрейторов — поперек у нижнего края.

В 1833 г. введены летние полотняные панталоны нового образца.

В 1834 г. на гренадерских киверах — черный султан, у мушкетеров — белый помпон. В 1835 г. на погонах учреждена шифровка — «1. К.».

Тогда же на киверах тех, кто предназначался к выпуску в кавалерийские полки или конную артиллерию, и тех, кто прикомандирован к Образцовому кавалерийскому полку либо к Образцовой конно-артиллерийской бригаде на полгода, предписано было носить кавалерийский этишкет и помпон, белый и

красный соответственно. Кроме того, им полагались серые рейтузы с красной выпушкой, покрытые кожей (в 1840 г. эти отличия и прикомандирования были отменены).

Кадетам, происходившим из кавказских горских семей, утверждалась особая форма. Парадная включала черкесский кафтан светло-синего сукна с черного бархата напатронником и такого же цвета патронами с белым костяным верхом, прикрепленными серебряными шнурами к небольшим серебряным бляхам, темно-синие шаровары, бешмет белого демикотона, черную смушковую шапку с белым верхом, красный сафьяновый пояс с серебряной с чернью пряжкой, запряжником, наконецником и бляхами. Кафтан, напатронник, шапка, шаровары и пояс обшивались разной ширины золотым галуном, обрамленным серебряными полосками с черной каймой. Повседневная одежда отличалась по цвету и отделке: кафтан темно-синего цвета с напатронником зеленого сафьяна, обшивка узким галуном с черной каймой, темно-синие шаровары с аналогичной обшивкой, черный бешмет, пояс из черной кожи с серебряным прибором. Вместо шапки — фуражка с темно-синей тульей, красными выпушкой и околышем.

Обмундирование для представителей мусульманских родов также было особым. Парадный комплект выглядел следующим образом: светло-синий кафтан с откидными рукавами и темно-синие шаровары, бешмет желтой шерсти (отделка галунами как у горцев), шелковый желтый кушак, остроконечная черная смушковая шапка с белым верхом и малиновыми полосами, испещренными узорами в виде цветов. Повседневное обмундирование состояло из тех же самых предметов, но кафтан был темно-синим, пояс — из красной кожи со стальным прибором (обшивка по краям узким серебряным галуном с черными каемками), под бешметом — нагрудник из малинового шелка с галунной обшивкой воротника, фуражка как у горцев. Тем и другим полагались сапоги, черный галстук и шинель с погонами.

С 1836 г. остающимся в Корпусе выпускникам в офицерском чине присвоен шеврон из золотого галуна для ношения на левом рукаве.

В том же году мундиры гражданских чиновников учебной части несколько видоизменились: воротник и обшлага (из бархата) делались темно-синими, на панталонах появилась красная выпушка. Инспекторы классов стали носить шитье (слегка

измененный образец 1827 г.) на воротнике и обшлагах с кантом. Их помощники, а также наставники-наблюдатели имели шитье только на воротнике, а обшлага только с кантом и тремя пуговицами. Учителям искусств, репетиторам, библиотекарям и смотрителям музеев, библиотек и кабинетов полагался мундир без шитья на воротнике, но с двойным кантом и обшлагами только с красной выпушкой и двумя пуговицами.

У тех помощников учителей фехтования и гимнастики, которые имели классные чины, на воротнике и обшлагах была только красная выпушка. Пуговицы у всех — с гербом военно-учебных заведений. В форменный комплект входил также темно-синий вицмундир гражданского образца с такого же цвета воротником — бархатный у «классных» чинов, у остальных суконный. У первых были карманы с тремя пуговицами, у вторых — без пуговиц.

В 1840 г. для всех гражданских чиновников учебной части вводятся мундир и панталоны темно-зеленого цвета.

В 1844 г. всем чинам были даны черные лакированные каски с гербом военно-учебных заведений, на генеральские шляпы положен султан из белых, оранжевых и черных перьев.

В вооружении и амуниции изменения были незначительные. В 1830 г. генералам и офицерам предписано носить полусаблю вместо шпаги. В 1831 г. фельдфебелям определили офицерский темляк, а в 1833 г. он отменен у нижних чинов, ефрейторов, кадетов, унтер-офицеров.

В 1834 г. введен способ ношения ранца только на крестообразных ремнях, через год это распространилось и на офицеров; барабанщики носят ранец на ремне через левое плечо.

В 1836 г. офицеры на чепраки получили серебряные андреевские звезды.

С 1847 г. на перевязях стали носить капсюльные сумочки.

Александр II не был столь ярким поборником мундирного дела, как его предки, однако и при нем изменения в этой сфере происходили с завидным постоянством.

Уже в 1855 г. чины Корпуса облачаются в двубортные полукафтаны традиционного темно-зеленого цвета с закругленным воротником, выпушкой и подбоем красного цвета, прямыми обшлагами по цвету кафтана, на них и на воротнике — золотой галун. У кадетов на воротнике и рукавах — золотой галун, у офицеров шитье стало несколько уже, сюртук упразднен и за-

менен вицмундиром (мундир без шитья). На каске справа появляется кокарда.

Генералы и офицеры стали пользоваться плащом с красным воротником и темно-зеленой выпушкой. Личному составу неэкипированных рот оставили только фуражку, куртку, серо-синие брюки и шинель — все это представляло также «отпускной» комплект.

Кадеты из горцев в 1855 г. получили темно-зеленый полукафтан с красными воротником (с галуном) и выпушкой, а также нагрудником, темно-зеленые шаровары с красной выпушкой, кожаный пояс с медным прибором, папаху с красным суконным верхом; вооружены они были шашкой с медным прибором на кожаном ремне.

В том же году всем чиновникам Военного министерства оставлены только мундиры с шитьем, сюртук отменен. Присвоен вицмундир, но без шитья, с темно-зелеными клапанами с красной выпушкой; на воротнике и обшлагах — серебряный галун.

В 1856 г. гражданские чиновники выше действительного статского советника сохраняют мундир с шитьем и шитым генеральским бортом, вицмундир с обшлагами без клапанов, но с красной выпушкой, серебряным галуном на воротнике и обшлагах; сохранены канительные погоны. Кадеты получили вместо галуна галунную петлицу в 1 ряд длиной в $\frac{1}{3}$ воротника, а на обшлагах — петлицы в 2 ряда. На околыше фуражек в роте Его Величества стала помещаться шифровка — «Р. Е. В.».

На воротнике и обшлагах вицмундира корпусных строевых чинов появились галуны: на генеральском — соответствующий генеральский; на штаб-офицерском — галун гусарский, петлицы на воротнике в 1 ряд, на рукавах в 2 ряда; на обер-офицерском — петлицы везде в 2 ряда. У обер-офицеров эполеты отменены, носятся погоны: с вензелем «Н I» серебряной канителью и «К. 1.» — золотой. Музыканты, барабанщики, горнисты, писаря, фельдшера, аптекарские и берейторские ученики имели басонные красные с желтыми полосами по краям петлицы в 1 ряд на воротнике и в 2 ряда на обшлагах (у поступивших из гвардии басон желтый с красным просветом). На эполетах штаб-офицеров — вензель кованый.

Кадеты получили полотняную матросскую рубашу для ношения в летнее время и жгут поясной, пробор которого был красного цвета.

Офицерам на воротник вицмундира, а кадетам — мундира определялись золотые галунные петлицы в 2 ряда, корпусным служителям — петлицы басонные музыкантские в 2 ряда.

В 1857 г. вицмундиры отменены. Тогда же кадеты стали обладателями суконных рукавиц зеленого цвета, а фельдфебелям отменили нарукавные нашивки.

В связи с реорганизацией системы военно-учебных заведений в начале 1860-х гг. и появлением одноименных гимназий их ученикам и сотрудникам были определены свои комплекты обмундирования.

Гимназисты 1-й Петербургской гимназии оделись в двубортный темно-зеленый мундир с такого же цвета закругленным воротником (на нем золотая галунная петлица) и обшлагами, красными выпушкой и клапанами, на мундире носились красные погоны с серебряным вензелем «Н I».

*Воспитанники военных гимназий
(1-й и 2-й Санкт-Петербургских и 3-й Московской). 1876 г.*

В гимназический гардероб входили мундир для занятий, но без петлиц на воротнике и без пуговиц на обшлагах, темно-зеленые брюки и шаровары, брюки и шаровары летние белые фламские, летняя рубаша из небеленого сукна с красным поясом, черный кожаный поясной ремень без лопасти с гладкой бляхой, черная шапка-кепи с красными околышем, выпушкой и кокардой.

Генералам и офицерам в качестве обмундирования утверждались темно-зеленый двубортный мундир с красной выпушкой и соответствующими золотыми петлицами, сюртук, темно-зеленые зимние шаровары с красной выпушкой, летние — из белого полотна, шапка-кепи черная с красным околышем с гербом армейского образца и кокардами, у генералов и штаб-офицеров по верху шапки шел золотой шнур, у обер-офицеров выпушка красная, подбородочный ремешок у генералов — золотого

*Воспитатели военных гимназий
и прогимназий в парадной форме. 1871 г.*

галуна, у остальных — черной лакированной кожи, у генералов на шапке султан белой косицей, у офицеров — черный волосяной. Эполеты золотые с красным подбоем, генеральские погоны с соответствующим золотым галуном, у офицеров — золотым галуном по чинам, шарф носили чины не ниже полковника. Как предмет обмундирования определялся и башлык, у генералов и офицеров — с золотой тесьмой.

В 1862 г. у гражданских чиновников военных школ каски и фуражки заменили на шапки-кепи.

В 1866 г. на мундире гимназистов упраздняются карманные клапана.

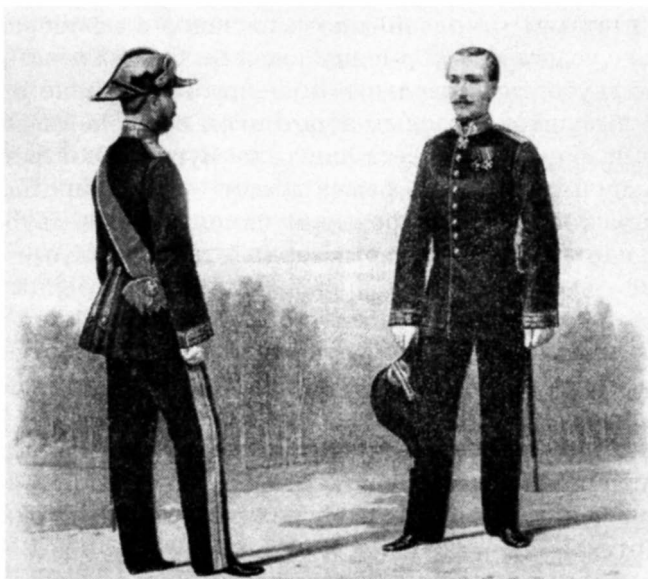
В 1872 г. вводится мундир нового образца, однобортный, с восьмью пуговицами.

В 1873 г. экстернам присваивается «кадетская» форма, но без погон на мундире и шинели, петлиц и клапанов на воротнике; под кокардой на шапке — красная тесьма.

Через год у них появилась гарусная желтая нашивка на рукаве.

*Инспекторы классов военных гимназий
и прогимназий в парадной форме. 1871 г.*

Преподаватели наук в парадных мундирах. 1878 г.

Преподаватели наук в мундирном фраке и плаще. 1878 г.

Воспитателям гимназий, не состоявшим в офицерских чинах, также полагалась форменная одежда. Она включала первоначально двубортный парадный мундир темно-зеленого цвета с красной выпушкой, красным воротником с зеленой выпушкой, обшлагами мундирного цвета (шитье на мундире соответствовало чиновничьему классу), белый жилет — при парадной, черный — при повседневной форме, мундирный фрак, двубортный сюртук, панталоны, шаровары, черный галстук, белые перчатки, темно-зеленые плащ и шинель, гладкие пуговицы; шпага пехотная с темляком, носилась только при парадной форме. В 1878 г. мундир стал однобортным, но покрой сюртука (вицмундира) сохранился. Плащ — черный, с красными клапанами на черном же воротнике, шинель тоже черная.

Кроме того, воспитатели носили шляпу образца гражданских чинов (при парадном платье), шляпу круглую (при мундирном фраке) и темно-зеленую фуражку с красным околышем (при сюртуке).

До реформы системы военных школ личный состав Корпуса имел вооружение и амуницию армейского образца, а также и те, которые были утверждены для него раньше, и изменения здесь наблюдались незначительные. Так, с 1855 г. капсюльная сумочка стала крепиться на патронной суме. В этом же году офицерские вальтрапы начали изготавливаться из черной смушки с темно-зеленой выпушкой, красным лампасом, золотым галуном в 2 ряда и андреевскими звездами в углах. С 1858 г. офицеры «на походе» вместо шейного знака стали носить револьвер и патронташ.

С появлением военных гимназий офицеры сохранили прежнюю экипировку. С 1864 г. они стали носить шашку с пехотным темляком на плечевой портупее золотого галуна.

При Александре III произошли существенные преобразования в обмундировании войск, проводимые военным министром генералом П.В. Ванновским. Он стремился при поддержке императора сделать форму более рациональной и функциональной, отказавшись от многих элементов, являвшихся рудиментами, не отвечавшими духу времени.

Учащиеся восстановленных в 1882 г. кадетских корпусов получили новое форменное платье, отличавшееся от гимназического. В 1-й корпус определялся однобортный темно-зеленый мундир с такого же цвета обшлагами без пуговиц, стоячим ворот-

ником с алыми клапанами, выпушкой и золотой петлицей в 1 ряд. Домашнее платье — как мундир, но без галуна и красного шерстяного кушака. В кадетский гардероб также входили шаровары, гимнастическая рубаша небеленого полотна с погонями и кушаком (в Корпусе носится без погон), летние панталоны, фуражка с тульей цвета мундира, алыми околышем и выпушкой, шинель темно-серого цвета с алыми клапанами воротника.

Генералам и офицерам учебно-воспитательной службы полагался золотой прибор, мундир армейского образца без выпушки, петлицы обшлагов без пуговиц, шаровары длинные темно-зеленые с алой выпушкой, укороченные шаровары при походной форме, кушак алый, фуражка с темно-зеленой тульей с алыми околышем и выпушкой, черная мерлушковая шапка с кокардой и гербом. Гражданские лица учебно-воспитательного и административного состава носили вицмундир (скюртук) при белом жилете, мундирный фрак с белым или черным жилетом, шаровары, плащ (пальто) и шинель. Обмундирование дополняла фуражка с темно-зеленой тульей, алыми околышем и выпушкой, а также кокардой гражданского образца. Нижние чины военных школ носили такое же обмундирование, как у воспитанников.

На погонах была восстановлена шифровка «1. К.», у офицеров учебно-воспитательного состава и директора на воротнике в 1 ряд и обшлагах в 2 ряда определено особое шитье военно-учебных заведений. На погонах и эполетах — шитая золотая шифровка.

На погоны вице-унтер-офицеров полагалась обшивка золотым галуном с трех сторон, у вице-фельдфебелей сверх того шел продольный галун посередине погона.

Тогда же определена форма корпусных барабанщиков и горнистов, у которых шаровары были короче, чем у кадетов, сапоги высокие, сам мундир двубортный.

С 1885 г. гражданские чиновники учебно-воспитательной службы носили скюртук с золотыми галунными клапанами с алым просветом и серебряными звездочками, жилет, шаровары без лампаса и выпушки, пальто, шинель, китель, сапоги; суконные клапана воротника верхней одежды — алые. Полагалась также шпага с темляком.

В 1902 г. на шапках, пуговицах, поясных бляхах личного состава Корпуса утвержден герб военно-учебных заведений.

*Кадет младших классов
в зимней форме.
Начало XX в. (до 1907 г.).*

Через год кадетский шерстяной кушак заменен на лакированную кожи ремень с медной бляхой с гербом. На шинели концы башлыка скрещивались на груди и пропускались под ремень.

В 1904 г. кадетам предписывалось в летнее время носить гимнастерку в местах пребывания императора, городах и столицах, а также на частных городских и загородных гуляньях и в театрах.

В 1906 г., в преддверии 175-летнего юбилея, на погоны корпусных чинов положен золотой вензель Анны Иоанновны, а в 1907 г. строевой роте присвоен, поверх него, серебряный накладной вензель «Н I». Вензели эти были заказаны в Гостином дворе и скуплены подчистую, имелся некоторый запас, предназначенный для

студентов Технологического института, носивших эти знаки на контрпогонах, но и он был отправлен в Корпус.

В 1909 г. на околыш фуражки положена кокарда.

В ходе мундирной реформы 1907 г. уже при Николае II в военном обиходе возрождается кивер, представляющий некий парафраз образца 1812 г. В 1910 г. генералам кадетских корпусов дан кивер с соответствующим гербом спереди и верхней выпушкой и околышем как на фуражке. Директорам при парадной форме присваивался кивер с двумя кутасами, спереди и сзади.

В том же году офицерским чинам хозяйственно-административного состава каждого Кадетского корпуса присвоили свою форму. Классным чинам преподавательского и хозяйственно-административного состава присваивались выпушки, шифровки, просветы и вензеля на погонах по месту службы; прибор у первых — золотой, у вторых — серебряный. Медицинским чинам при сохранении установленной для них формы вводились на погоны и эполеты вензеля и шифровки.

В 1910 г. были введены образцы шитья на воротники и обшлага мундиров генералов и офицеров учебно-воспитательного и хозяйственно-административного составов.

Кадетские фуражки предписывалось носить с белыми чехлами.

Чуть раньше, начиная с 1907 г., вводились, в том числе для генералов и офицеров кадетских корпусов, формы: военного времени, обыкновенная, служебная, повседневная, парадная.

Обмундирование, снаряжение и вооружение военного времени включало походный мундир (летом — китель) защитного цвета с такими же пуговицами и погонами, укороченные шаровары защитного и серо-синего цвета, фуражку также защитного цвета с подбородочным ремнем, пальто и полушубок с погонами, башлык, наушники, коричневые перчатки, сапоги с высоким голенищем, походный боевой ремень, шашку на походной портупее (плечевой или поясной), револьвер в походной кобуре с походным шнуром, походную сумку (с биноклем), офицерскую сумку в строю. При форме военного времени ордена, знаки, ленты, звезды можно было носить на богослужениях (в дни восшествия на престол государя, короновании их величеств, рождения и тезоименитства их величеств и наследника цесаревича), на церковных парадах, на смотрах и парадах, при принесении присяги на верность службы, в заседаниях кавалерских дум, в военных судах (составу

*Кадет строевой роты.
1907—1917 гг.*

присутствия суда).

Парадная форма подразделялась на зимнюю и летнюю. К первой относились мундир с эполетами, укороченные шаровары, сапоги со шпорами, папах (кому присвоена), фуражка, пальто (в строю и вне строя), шинель, шарф, перчатки, шашка. Летний комплект включал китель с погонами, фуражку, шаровары укороченные, сапоги со шпорами, перчатки, шарф, шашку, пальто,

Офицер и кадеты в формах с 1732 по 1907 гг.

плащ-накидку, шинель. При парадной форме носили ордена, знаки, офицерские шейные знаки, звезды, ленты.

Обыкновенная форма также состояла из зимней и летней. Зимняя — это мундир с эполетами, шаровары укороченные и длинные (вне строя), сапоги с длинным голенищем при укороченных шароварах и с укороченным при длинных, фуражку и папаху (кому положена), перчатки (белые вне строя и по представлению), пальто в строю, а вне строя — пальто, шинель или плащ-накидку. Летняя форма включала многое из перечисленного, но главное — это китель с погонами. С обыкновенной формой также носились знаки отличия, шашка, шпага для генералов.

Служебная форма — это китель с погонами, укороченные шаровары для строя и длинные вне строя. В строю носились знаки и походное снаряжение, равно как и пальто, которое одевалось и вне строя, наряду с шинелью и плащ-накидкой. В форменный комплект входили также положенные головные уборы, перчатки, шашка.

Наконец, в качестве повседневной формы носили мундир, сюртук, походный мундир, шаровары (обоих видов), фуражку и папаху, знаки, перчатки, пальто, шинель, плащ-накидку, шашку или шпагу.

В кадетских воспоминаниях времен Александра III и Николая II неоднократно встречаются замечания о мундире черного

цвета, который учащиеся получали в Корпусе. На самом деле сукно было очень темного зеленого оттенка.

Вооружение и снаряжение чинов Корпуса формировалось на фоне соответствующих изменений в войсках.

Для корпусных чинов введен погонный ремень белой кожи. Личный состав строевой роты имел особые ружья, изготовленные специально для кадетских корпусов, и патронную суму на 30 патронов. При нахождении в нарядах и при увольнении в отпуск «строевикам» полагалось носить штык с левой стороны на поясном ремне.

* * *

Шляхетному корпусу, согласно его статусу военно-учебного заведения, еще при Анне Иоанновне были пожалованы знамена. 1, 2 и 3-я фузелерные роты получили 1 белое и 2 желтых знамени соответственно. Композиция их была одинаковая: в центре полотнища — черный двуглавый орел, на груди которого в красном поле — корпусной герб, внизу — ядро, орудийный ствол, труба, знамена, глобус, раскрытая книга, математические инструменты; в углах — красные (малиновые) фламы с золотыми вензелями императрицы, надпись над коронами: «От обоих истинное шляхетство».

Конные кадеты имели серебряный глазетовый штандарт, который отличался от знамен тем, что вензеля изображались в зеленых лавровых венках с ветвями.

В 1760 г. при Елизавете Петровне кадетские роты получили новые знамена: гренадерская рота — белой камки, мушкетерские — желтой. По краям полотнищ шли зеленые лавры, а в углах — вензеля царствующей персоны. В остальном — оформление, утвержденное ранее.

Штандарт рейтаров имел аналогичное пехотным знаменам «строение», но был изготовлен из серебряного с зеленым глазета.

При Петре III приступили к разработке новых корпусных знамен, которые, судя по намерениям императора, должны были заметно поменять свой облик, но известные события июня 1762 г. прервали начавшуюся работу. С начала царствования Екатерины II по традиции на знаменах меняли вензеля. Более чем через 20 лет, в 1785 г., уже по инициативе корпусного руководства были оформлены особые парадные знамена: белое и 3 желтых с золотой бахромой. Композиция в целом выдержана

в прежнем стиле: в середине полотнища — черный двуглавый орел, на груди — красный щиток с золотым корпусным гербом и золотой каймой. Вокруг щитка — подобие цепи ордена Святого Андрея Первозванного с андреевским же крестом на хвостовом оперении орла. Фламы были заменены красными овальными щитами с золотыми вензелями, обрамленными лавровыми венками и наложенными на золотые сияния. Навершие, увенчанное короной, вызолоченное, прорезное, с императорским вензелем; шнуры и кисти золотые.

При Павле I меняется статус знамен, которые из амунических вещей превращаются в войсковые регалии. Их стали освящать, сделали неотъемлемым атрибутом церемонии принятия присяги. Теперь знамена жаловались бессрочно, а не на определенное время.

Был установлен новый тип пехотных знамен и кавалерийских штандартов. Композиция пехотных полотнищ складывалась из креста с кругом в центре. Круг — на всех оранжевый с государевым орлом, тогда как кресты одинаково белые только в первых ротах, в остальных — цветные, равно как и углы штандарта.

Знамена, пожалованные Корпусу 2 ноября 1798 г., были «построены» по образу и подобию армейских. У одного знамени крест белый, углы пунцовые пополам с палевым, у остальных трех — крест пунцовый, углы палевые; в углах же — корпусной герб.

В правление Александра I, несмотря на неоднократные изменения типов знамен, в Корпусе сохранялись полотнища старых, павловских, образцов; 3 февраля 1806 г. высочайше было повелено «первому Корпусу иметь два знамени, а младшие знамена передать во второй Кадетский корпус». В январе 1816 г. (по другим данным, в конце 1814 г.) предписано было в 1-м корпусе оставить только одно знамя, второе передавалось в арсенал Мраморного дворца. В 1832 г. на основании ходатайства великого князя Михаила Павловича знамена были возвращены в Корпус и помещены для хранения в церковь.

17 февраля 1832 г. по случаю 100-летнего юбилея Корпус получил очередное, и на этот раз последнее, знамя: на полотнище — красный (малиновый) крест, в середине которого оранжевый в золотом венке круг с золотым двуглавым орлом, под ним — андреевская лента с надписью «17 февраля 1732 — 17 февраля

1832 г.», белые углы, в левом верхнем и правом нижнем из них — корпусной герб, в остальных двух — вензель Николая I; наверху — золотой гвардейский орел. С 10 октября 1832 г. древно знамени стало желтого цвета. Юбилейные андреевские ленты были пожалованы на знамя 25 июня 1838 г. Когда Корпус расформировали, выпускникам того года разрешили отрезать от полотнища по кусочку.

При реорганизации системы военно-учебных заведений это знамя оказалось, как и многие другие корпусные реликвии, в Павловском военном училище (более ранние знамена одно время находились в Зимнем дворце), а после восстановления Корпуса в 1887 г. вновь было передано ему, как и прочие.

Высочайшим приказом от 13 февраля 1901 г. 10 старейшим корпусам, в том числе и 1-му Кадетскому, повелевалось в особо торжественных случаях или когда в построении участвуют все роты Корпуса, выносить в строй знамена, пожалованные в прежние времена. Порядок выноса и относа знамен определялся положениями устава. Знамена выносились в строй в дни храмового и корпусного праздников, в день празднования Военного ордена, на молебны при прощании кадетов с Корпусом и в других особо торжественных случаях.

В 1907 г. прошли праздничные церемонии в связи со 175-летним юбилеем первой «кадетской обители»; все сохранившиеся там знамена вынесли перед строем, и им была отдана честь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Штат 1-го Кадетского корпуса (по проекту Верховного тайного совета)

<i>Чины и служители</i>	<i>Денежное жалованье в год</i>
Подполковник	422 руб.
4 капитана	по 208 руб. 50 алтын
4 поручика	по 142 руб. 80 алтын
8 сержантов	по 20 руб. 14 алтын 1/2 коп.
2 каптенармуса	по 19 руб. 41 1/2 алтын
Лекарь	197 руб. 10 алтын
8 барабанщиков	по 16 руб. 72 1/2 алтын
200 кадетов	по 12 руб.
Профос	16 руб. 72 1/2 алтын
<i>Учителя</i>	
Артиллерийский поручик	219 руб. 90 алтын
Фортифик. поручик	219 руб. 90 алтын
4 унтер-офицера	по 7 руб. 84 алтын
Берейтор	250 руб.
12 конюших	по 12 руб.
Фехтмейстер	200 руб.
Унтер-фехтмейстер	150 руб.
Учитель геометрии	200 руб.
Учитель арифметики	200 руб.
Учитель рисования	200 руб.
Учитель чужеземных языков	200 руб.
Профессора истории, географии, политики, юридических наук	все по 800 руб.

Приложение 2

1732 год

Мая 12. (Печатан Июля 6)

Штат Ея Императорскаго Величества
Кадетскаго Корпуса, положеннаго в трех ротех,
а в роте по 120 кадетов

(Всего же на 360 кадетов, в том числе прибавочных 160,
к прежнему числу 200 кадетов,
состоявших по высочайше аprobante штату 1731 года, см. № 5881)

Чины	Число людей	Жалованья одному	
		руб.	коп.
1	2	3	4
1. Штат Генерального штаба Генеральная Дирекция над Кадетским Корпусом имеет поручена быть одной особе, которой бы во всех шляхетных, и солдату надлежащих науках довольное знание и искусство имел	—	1800*	
Под оными Подполковник	—	1500*	
Секретарь емуж и должность Аудиторскую отправлять, и надлежит в правах обучену быть	1	400	
Канцелярист	1	120	
Копиистов	1	80	
	2	60	
Инженер-майор, которому Фортификации и Артиллерии обучать, и над Кадетским Корпусом команду иметь	1	750	
Адъютант, котораго определить из ротных Офицеров, и для сей функции сверх настоя- щаго его жалованья прибавить	1	48	

* В сем числе 800 и 500 прибавлены в случае, ежели они другаго жалованья не получают, а ныне сии 800 и 500 руб. в казне останутся.

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Доктор, которому надлежит Физикальные эксперименты, часть Химии, Ботаники и тому подобному наук отчасти знать	1	600	
Комиссар	1	150	
Священник	1	250	
Диакон	1	150	
Церковников	2	36	
Пономарь	1	24	
Священнику и диакону надлежит ученым быть, и безпорочного состояния, дабы как в церковных казаниях обучали, так и в катехизме и в повседневных обыкновенных молитвах с кадетами находились, чего ради оных из монахов взять надлежит, а диакону надлежит сверх того, чтоб по случаю помогал в обучении чистаго писания и Латинскаго языка			
Лютерскаго закона пастор, учитель, и кистер, которые для Эстляндских и Лифляндских, шляхетских, также и Офицерских и Иноземческих обретающихся в Российской службе, оным всем	1	500	
Лекарь	1	300	
Подлекарь	1	120	
Профос	1	36	
Коммиссарский писарь	1	40	
Гобоистов	3	60	
	3	48	
Вышеупомянутой 60 рублевой трактамент получать двум из гобоистов, которые на трубах играть, и один которой на литаврах бить будут, дабы оные когда кадеты во время собрания конницею, играть могли			
Учеников лекарских	2	36	
Цырюльников при госпитале	2	18	
Слесарь которой бы ружейному делу был искусен	1	80	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Гезель слесарной	1	50	
Учеников гобоистских из гарнизонных школ из солдатских семей	4	24	
Сторожей в покоех при каждом классе и школе	6	18	
Вышеописанное число добавится еще двумя	2		
При госпитале	1	18	
<i>Денщиков</i>			
При Полковнике	7	11	2
При Подполковнике	6		
При Майоре	4		
При Аудиторе	1		
При Коммиссаре	1		
При гошпитале	2		
Профосов	2	16	
На книги, инструменту, на бумагу, на краски, и на починку ружья и тому подобное, на год общей суммы	—	1200	
На свечи кадетам	—	600	
На медикаменты в Медицинскую Канцелярскую понеже ординарного вычета может быть неостанет	—	200	
На посуды и прочия принадлежности при госпитале	—	300	
Ко всяким нужным расходам: яко на перевоз, на увязку мундира и аммуниции и инструментов, и других прочих расходов	—	390	
<i>Ротной Штат ротного прима-плана</i>			
При всех трех ротах надлежит быть			
Капитанов	3	374	
Капитан-поручиков	3	300	
Поручиков	3	250	
	3	200	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Инженеров, которые обретаться будут в Кондукторских Прапорщичьих в Подпоруческих и Поруческих чинах, а в Поруческих чинах каждому по 279 руб.	3	279	
Вышепомянутым 12 человекам ротным Офицерам надлежит быть довольно заслуженным иностранных языков, также и касающихся Кадетскому Корпусу наук знающим, чтоб оные наивышше полезныя службы при Кадетском Корпусе оказать могли, за которыя оным и сие довольно пропитание и ранг против Инженерных Офицеров определяется			
Прапорщиков, из кадетов, оным прибавится кроме ординарнаго кадетскаго жалованья	3	30	
Фельдфебелей, которым при роте во всем прилежное смотрение иметь надлежит	3	96	
Сержантов	12	60	
Прапорщиков, которые из кадетов взяты быть могут, каждому кроме ординарнаго кадетскаго жалованья	3	24	
Каптенармусов	3	48	
Фурьеров, которым надлежит мустровые списки и прочее отправлять	3	48	
Всем вышепомянутым унтер-офицерам надлежит быть состояния добраго в совершенных летах и чтоб довольно знали грамоте и арифметики			
Капралов, выбранных из кадетов ко всякой роте по 4, и каждому прибавится кроме его ординарнаго кадетскаго жалованья	12	12	
Гефрейторов, выбранных из кадетов же к каждой роте по 8, и каждому сверх его ординарнаго кадетскаго жалованья прибавится	24	6	
По положению трех рот каждая во 120 человеках определяется			
Кандидатов или кадетов первого класса	90	30	
Кадетов втораго класса	90	25	
Кадетов третьяго класса	90	18	
Кадетов четвертаго класса	90	15	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Но однакож оные жалованье получать будут по наукам, в которых они классах происходят, из онаго жалованья вычитается две трети на мундир, которой потом на весь корпус рассчитается, и дадут им кафтаны на два года, шляпы с позументом, камзолы и штаны на год, прочее же по пропорции, а епанчи только для часовых, как ниже показано, Кадетскому мундиру надлежит быть кафтаном зеленым с красными на груди клапаны или отвороты, обшлагами и подкладкою, камзолы и штаны лосиного цвету, с узким золотым позументом Достальная треть жалованья употребляется на покупку белья, штиблетов, на починку мундира и на прочия мелкия потребности			
Цырюльников	3	18	
Барабанщиков	6		
Гренадерских барабанщиков	2		
Флейщиков	2		
По состоянию трех рот назначается денщиков:			
Трем Капитанам	9	11	2 1/2
Трем Капитанам-Поручикам	6		
Трем Поручикам	3		
Трем Подпоручикам	3		
Цырюльникам, барабанщикам, фейферам и гобоистам управлять при столе, и прочия легкия службы, и нужды			
Итого на ротный штат	—	13 497	52 1/2
Общая суммы			
<i>О аммуниции</i>			
На знамена, литавры, музыкантские инструменты, на барабаны и на прочия принадлежащая к Кадетскому Корпусу	—	180	
Трем Фельдфебелям и 12 сержантам по 62 копейки	—	9	30
Трем Каптернамусам по 62 копейки	—	1	86
Трем цырюльникам по 58 копеек	—	1	74

Продолжение таблицы

1	2	3	4
360 кадетам по 1 руб. 20 копеек	—	432	
8 барабанщиков по 102 копейки	—	8	16
Одному фейферу по 70 копеек	—	—	70
На конский убор кадетов на 90 человек	—	540	
На слесарские, кузнечные, коновальные инструменты и прочие мастерския снасти	—	20	
На епанчи караульным, на палатки, на ружейные пирамиды и к их содержанию прочаго напольнаго экипажа	—	200	
Итого на аммуницию	—	1396	22
Штат Рыцарской Академии при Кадетском Корпусе			
Обер-Профессору, которой взят будет из нижеписанных Профессоров для надзирания во всех учениях над всеми, прибавится по его достоинству по 200	—	200	
Профессор Математических наук	1	500	
Адъюнктов или учителей, которые в Арифметике, Геометрии, Механике, Архитектуре, Фортификации, Географии, часть Физики, Астрономии и прочия математическия части обучать будут	2	500	
Учителей в математических науках	2	240	
Профессор юрис, которой обучать будет воинским и гражданским правам, в политическом состоянии и в порядке разных штатов и в прочих политических искусствах	1	500	
Адъюнкт	1	300	
Профессор гуманнорум	1	500	
Адъюнкт	1	300	
Учителей, которым обучать в штиле и в Риторике, Истории, Политике, Генеалогии, Географии в толковании авизей, в морале, гералдике и в прочих шляхетных науках	2	200	
Профессор Российскаго языка оной будет обучать Обер- и унтер-Офицеров и кадетов и других учителей в Российском языке и штиле правильно и при том помогать в других языках, такжеде и в исторических или в других искусствах	1	600	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
<i>Учителей языков</i>			
Российского	2	225	
Немецкого	3	200	
Французского	2	225	
Латинского	1	225	
Итальянского	1	225	
Английского	1	225	
В каждом языке прибавится еще один подмастерье	—	120	
Понеже добрых языных мастеров трудно доставать, того ради подмастерья зело нужны сугь, дабы оные помалу в добрые язычные учителя происходили и по рассмотрению в переводе книги и в учении других наук прочим вспомошествовать могли			
<i>Разные учителя</i>			
Механик для сочинения всяких оптических и прочих Математических инструментов; оно муж и кадетов к сей науке охоту иметь будуг, в том обучать	1	500	
Подмастерье в механике	1	200	
Учеников в механике	2	60	
<i>Письменных мастеров</i>			
Российских	3	100	
Немецких и Латинских	3	100	
Оным письменным мастерам надлежит при том начало Арифметики обучать На всякие инструменты, яко глобусы, астролябии, квадранты, такожде на карты и книги	—	200	
Да сверх того надлежит еще всякие ко учению надлежащая книги карты и табели, в Академии Наук которья переведены или вновь сочинены, и всякая на разных языках для лучшего употребления кадетам печатать			
Итого на Рыцарской штат	—	8730	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
При экзерцициях			
Фейхтмейстер	1	400	
Первой форфехтер	1	200	
Форфехтеров	3	100	
Танцмейстер	1	300	
Унтер-танцмейстер	1	150	
Танцмейстеров (которые в фортанцеры производуются)	2	100	
Волтижировальной мастер	1	120	
Унтер-Волтижировальной мастер	1	80	
Сие последнее жалование может одному из берейторов, танцмейстеров или форфехтеров дано быть, которой при том волтижирование знает			
Капельмейстер	1	300	
Музыкантов	2	150	
Сим трем музыкантам надлежит в музыке на разных инструментах по нотам учить как кадетов, так и гобоистов			
Рисовальной мастер	1	300	
Первой рисовальной подмастерье	1	200	
Два подмастерья рисовальных	—	200	
Вышеозначенных профессоров, учителей и мастеров можно из Академии Наук, сколь много оных потребно будет, взять, и оным настоящее им жалование из помянутой Академии давать, но по времени же может им из кадетского оклада по их трудам и заслугам по рассмотрению Шефа прибавок дан быть			
Итого для обучения экзерциций жалованья	—	3050	
<i>Штат при лошадином учении</i>			
Шталмейстеру	1	600	
Обер-Берейтору	1	400	
Берейторов	2	225	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
При сей Академии надлежит содержать верховых лошадей 60, в том числе надлежит быть			
4 от 200 руб. и того 800 руб.			
6 от 150 руб. и того 900 руб.			
10 от 100 руб. и того 1000 руб.			
20 по 60 руб. и того 1200 руб.			
20 по 30 руб. и того 600 руб.			
считая, что лошадь в шесть лет служить может, и того будет годовой суммы	—	750	
Работных лошадей 10 по 18 рублей, и того 180 рублей			
Итого годовой службы	—	30	
К тому же позволяется своих лошадей на корму Кадетского Корпуса содержать			
Шталмейстеру 6			
Обер-Берейтору 3			
Каждому Берейтору по 2, и того 4			
На каждую вышепомянутыя 80 лошадей чрез весь год фуражу и соломы на сечку и на постелю по 30 руб. по 56 копеек	—	2536	48
На каждую лошадь на подковку и на содержание седел, муштуков, скреблиц, попон, лекарства и прочих припасов по 6 руб., а на всех	—	600	
Конюшенной писарь	1	100	
Лошадиной кузнец или рейтшмит	1	200	
Гезель кузнечный	1	100	
Учеников кузнечных	2	24	
Шпормахер для делания и починки муштуков, тренсов и прочаго, что в ежедневной школе при лошадях сломается	—	150	
Гезель	1	80	
Учеников у шпор-махера	2	48	
Седельной мастер	1	150	
Гезель седельной	1	100	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Учеников	2	24	
Пикерных конюхов	8	50	
Конюхов	20	25	
Для онаго лошадиного учения надлежит построить двор, или рентбан, и при нем рейтгауз со всею к тому принадлежностью. Кроме же школьной езды надлежит им военным конным экзерцициям совершенно обучаться, и тогда сочиняют рейтарскую роту, состоящую с Обер- и унтер-офицерами в пятидесяти человеках, в ныне в 60 человеках; для чего оным сверх напольнаго дается кавалерийская аммуниция, как о том выше пункт о аммуниции явствует, оные могут вместо кюрассов, которые в числе неположены, супервестьи иметь			
Итого штата при лошадином учении	—	7390	48
<i>Штат экономии</i>			
Гофмейстер, которой всю экономию ведает	1	500	
При нем писарей	1	100	
На канцелярские расходы	—	50	
Ключник, которому иметь смотрение в запасах	1	200	
Надзирательница над портомоями и над чистотою (до 150)	1	150	
При ней 8 работниц от 12 до 24 руб. каждой, а всем Оным же женщинам дается и пища	—	96	
Подключник	1	100	
Прикащик над деревнею	1	100	
При нем писарь	1	40	
Слесарной мастер (от 100 до 150)	1	150	
Гезель (от 60 до 100)	1	100	
Учеников (каждому от 12 до 24 рублей)	2	24	
Столярной мастер (от 100 до 150 рублей)	1	150	
Его гезель (от 60 до 100)	—	100	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Учеников (от 12 до 24 рублей)	2	24	
Оные слесарные и столярные служители определяются для всякой скорости случающейся при кадетском доме ежедневной малой починки, им же надлежит помогать механикусу, также и при сочинении всяких при экспериментах или пробах и моделях потребностей			
Кухмистер	1	150	
Поваров	5	30	
	2	50	
Поваренных учеников, которые и скотину бить должны Оным поваренным служителям дается и пища	6	12	
Каменщиков	3	48	
Печник	1	36	
Плотников (от 24 до 36 рублей) каждому	2	36	
Один трубочист или брантмейстер, которому смотрение иметь над топлением и над пожарными инструментами	1	60	
Подмастерье трубочистой	1	36	
Учеников или работников, каждому от 12 до 18 рублей Они же в кадетском доме и топление печей правят	4	18	
Хлебник	1	60	
Подмастерьев	2	24	
Пивовар	1	60	
Подмастерьев	2	36	

Приложение 3

Сентября 11. Именный, данный Сенату. —
*О напечатании и обнародовании
нового Устава Кадетскому сухопутному Корпусу.*

Данный Нами новый Устав Кадетскому Сухопутному корпусу в оригинале при сем Сенату посылаем, повелевая оный, напечатав, обнародовать во всем нашем Государстве. Мы совершенно уповаем, что каждый Наш верноподданный, видя в сем Уставе твердые Наши правила, по которым назначено от Нас принимать, воспитывать и обучать юношество благородное, не оставить сим столь полезным учреждением воспользоваться для собственного дому своего блага; а в которое время и каким порядком в году прием начнется первого возраста отроков, о том в народе объявлено будет особливими печатными листами впредь.

УСТАВ

Императорского Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса.
Божию Милостию Мы, Екатерина Вторая,
Императрица и Самодержица Всероссийская,
и проч., и проч., и проч.

Произведши самым делом к пользе и благосостоянию Государства Нашего различные донные установления, достигли Мы наконец в непрерывном порядке и к учреждению воспитания в Государстве Нашем благородного юношества, о которого только обучении без первоположенных правил до сего времени и в Кадетском Сухопутном Корпусе попечение прилагаемо было. Чего ради, не повреждая сего препознейшего от Предков наших установления, за нужно мы нашли подкрепить оное новым и незыблущимся основанием, то есть учредить сей Корпус так, чтобы научению в нем военной и гражданской науке по самый выпуск кадета, яко часть никогда неотделяемая в юноше, всегда сопутствовало воспитание пристойное его званию и добродетельное; а сверх того и плоды прочих наших учреждений соответствовали плодам сего, в новый порядок приведенного установления, и через то самое взаимною помощью каждое из них одно другому новую придавало силу. По таковому Нашему о всех частях Государственной твердости стекающихся в одно всеобщее благоматернему попечению сделали Мы Устав Нашего Императорского Шляхетного Сухо-

путного Кадетского Корпуса, а в нем предписываем следующее недвижимое навсегда учреждение:

Для правления над Шляхетным Сухопутным Кадетским Корпусом повелеваем быть

1. Совету, состоять из четырех особ, кои от нас определены будут, и Генерала-Директора Корпуса, одному Секретарю.

2. Подполковнику, Майору, Секунд-Майору, по одному.

Капитанам, Поручикам, Подпоручикам, Прапорщикам, по четыре. Рангами по прежнему основанию против Инженерного корпуса.

3. Против армейских: Полицмейстеру, Подполковника, Главному казначею, Майору.

Классы (гражданские чины по Табели о рангах. — Авт.):

4. Директору наук в 7.

Двум инспекторам 2 и 3 возрастов и одному из Профессоров. В Инспекторской должности над обучением кадетов гражданского звания	в 8
Профессорам в должности воспитателей	в 9
Четырнадцать учителям в той же должности. Эконому	в 10
5. Инспектору над обучением рисованию из Членов Академии Художеств. При Полицмейстере и при Главном Казначее по два помощника, когда надобно будет	в 12
При Экономе 2 помощникам, 1	в 13
а другому	в 14

Гл. I. — О должности Совета Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса

1. Членам сего Совета и Генералу-Директору должно единодушно стараться о пользе и благосостоянии Корпуса; для того всем им обще поручаем и правление над оными.

2. Для Совета в Императорском Нашем Шляхетного Корпуса доме назначить особливую залу, а в другом месте оному происходить не должно.

Членам занимать места во время заседания по старшинству чинов своих.

У дверей залы на часах стоять двум кадетам во время собрания Членов.

3. Обыкновенным собраниям Совета быть непременно в первых числах каждого месяца; для чрезвычайных дни не предписываются, но смотря по обстоятельствам, Генералу-Директору созывать членов онаго, или когда надобно, и самим собираться.

4. Для решения дел, которые Совету предлагаемы будет, Членам объявлять мнения свои словесно, а в случае надобности чинить решение баллотированием, прибавя для онаго Штаб-Офицеров Корпуса, Полицмейстера и Главного Казначая (*разумеется, тех, кои в сии две должности с назначенными чинами определены будут*).

5. Генералу-Директору должно стараться, чтобы всякое происходящее от Совета решением исполняемо было надлежащим порядком без всякого медления.

6. Важность требует, дабы все Корпусу принадлежащие были похвальных качеств. Того ради по довольном рассмотрении достоинств, поведения, нравов и искусства определять их Совету в настоящий чин и должность, но не иначе, как либо на 3 или на 6 лет, считая со дня принятия их о первого или до второго приема и выпуска кадетов. Для всякой должности узаконить непременно число служителей, дабы праздных людей отнюдь не было, и чрез то отвратить от воспитываемого юношества худые примеры.

7. Простирая Высочайшее благоволение Наше ко всем тем, коих нравы, и наипаче примеры похвальной жизни произведут в юношестве желаемые успехи, Всемилостивейше позволяем:

1) Состоящим при корпусе в воинском звании, кои себя отличат трудолюбием, исправностью в должности и добрым поведением, происходить в чины по способности своей и заслугам.

2) Гражданского звания: Директору, Инспекторам, Воспитателям и прочим, только во время пребывания своего при обучении благородных имеет назначенные от Нас классы и преимущества оных, а по выходе из Корпуса пользоваться ими только тем, коим Совета, по рассмотрении принесенной от них юношеству пользы, утвердить в награждении сии преимущества письменным свидетельством.

3) Определять пенсию на пропитание по смерти тем, кои по долговременной и беспорочной при Корпусе службе за старостью или за болезнью не в силах будут продолжать оной.

8. Хотя для наук во всех возрастах воспитываемого в Корпусе благородного юношества особливому положено быть Директору; однако Совет, рассматривая пользу, поручить может сию должность Инспектору, при обучении гражданского звания кадетов находящемся.

9. Всем чинам, кои верх настоящей своей должности и другие при Корпусе отправлять будут, определять жалованье по пропорции.

10. Совет сочинить нарочно для сего Корпуса особливые Воинский и Гражданский Уставы, приглася к сему делу вышеописанных чинов, и представить оныя Нам для утверждения.

11. Дабы каждый знал всю подробность своих должностей, не отговаривался неведением и исполнял оныя точно, Совету, приглася вышеописанных же чинов, сочинить для каждого особливые инструкции, употребя предосторожность, чтоб в оных ничего не пропущено, но все ясно и точно изображено было, что сходствует с намерением сего установления. Для того, в чем надобно, делать прилежные примечания, дабы в последующие годы поправить то, что при самом начале недостаточное или с пользою несходственное найдется, чтобы таким образом желаемого и толь нужного для благосостояния Корпуса совершенства достигнуть.

Сии особливые инструкции должно вносить в протокол Корпуса за подписанием Членов Совета, почитая оныя основанием, и для исполнения, кому надлежит, давать с них копии за подписанием Генерал-Директора.

12. В Совете присутствовать Директору наук по делам, только к своей должности принадлежащим.

13. Жалуемые от Нас на содержание Шляхетного Корпуса доходы Совету иметь под смотрением и печатью своею; всем приходам и расходам делать счет по окончании каждого года; рассматривать оный Совету и хранить за печатью в Архиве, а в другие Правительства не отсылать.

14. Самые лучшие предписания не всегда ожидаемый плод и пользу приносят, если не исполняются с точностью. Того ради Совету Корпуса каждый год собираться единственно для исследования, во всем ли наблюдается сие установление. Если окажется в чем нерадение или злоупотребление, оное немедленно отвращать; что чинить должно и во всех таковых учреждениях.

15. Как нельзя передо довольно употребить предосторожности, то дозволяем обо всем, что принадлежит к пользе сего Корпуса, представлять Нам письменно со мнением.

Секретарь Совета

Долженствует быть человек разумный, честный, похвального поведения и тайну хранить умеющий. Ему вести исправно журнал решениям Совета и всем делам, кои случаются; отправлять оныя в небытность Совета по приказаниям Генерал-Директора; скреплять все письменные дела по своей должности и хранить меньшую печать.

Гл. II. — О Генерал-Директоре Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса

1. Генерал-Директор долженствует быть человек искусный как в воинских делах, так и в правилах, к гражданскому житию принадлежащих.

Понеже все непосредственно от него зависит, то при отправлении обширной своей должности непрестанно стараться ему, дабы все члены сего общества под его предводительством согласно споспешествовали пользе Корпуса.

2. Во всех делах надлежит ему быть рассматрительну, во мнениях беспристрастну, в решении немедительну, но прежде онаго всякое дело разобрать и уважить, а коль скоро даст повеление, должно исполнено быть с точностью.

3. Поведение его и нравы долженствуют служить образцом всему обществу Корпуса, как главное намерение сего учреждения в том состоит, дабы благородному юношеству доставить наилучшее воспитание, должен он первый к тому путь показать кротостью и благопристойностью, наблюдая оную в делах и словах.

4. Ему распределять все при Корпусе должности с согласия Совета, выключая токмо чины женского пола, принадлежащие к первому возрасту воспитываемого юношества, кои выбираются и зависят от одной Управительницы; однако ж как ей, так и Генерал-Директору должно быть между собой быть во всем согласными, где сего требует польза.

5. Есть ли дело коснется до новых каких распоряжений, кои в сем Уставе не изображены, не должно Генерал-Директору вводить оных одному, но с Советом обще.

6. Дабы Генерал-Директору ничто не препятствовало в отправлении многотрудной его должности и оную бы охотно с любовью и ревностью

исполнять мог, то ему ни к каким сторонним делам отлучаемому быть не надлежит, дабы чрез то не истребилось недреманное проворство и строгость порядка, которая безотлучно его днем и ночью в Корпусе пребывания требует.

7. К вышеописанному для Генерал-Директора присовокупляется еще должность главного Цензора, или наблюдателя нравов во всем Шляхетном Корпусе.

О должности Цензора

1. Он внушает добродетель благородному юношеству, смотрит со вниманием, как воспитывают, как обучают питомцев, как себя ведут приставники, учителя и все чины, к сему обществу принадлежащие.

2. Ему всегда иметь сношение и рассуждать с определенными к воспитанию благородных, как бы в нежные их сердца вложить семена истинной добродетели, приучить к благопристойному поведению и учтивости, словом вселить в них такие мысли, кои с праводушием и человеколюбием совершенно сходятся, дабы заблаговременно предохранить их от примеров, к злонравию влекущих.

3. Ему обстоятельно ведать надлежит, колико молодое Дворянство в науках успевают; и для того не надобно ему полагаться в том на свидетельства других, но самому удостоверяться частыми своими не только явными, но и тайными испытаниями; чрез сие будет он в состоянии точное подавать Совету сведение о Корпусе и в полезную и в противную сторону, дабы ленищихся возбудить к трудолюбию, ободрить старательных и преклонить всех к соревнованию.

4. С кротостию, учивством и любовью надлежит ему поступать со всеми, а особливо с питомцами, стараться приводить и прочих к таким же поступкам, дабы все единодушно содействовали самому лучшему воспитанию.

Благоразумие долженствует ему во всем руководствовать, веселый вид средством будет к доброму воспитанию, а лишняя важность вред причинит.

5. За ошибки выговаривать с возможною умеренностью, но если сие желаемого не произведет действия, употребить пристойные средства, дабы чрез то вредительные примеры не распространялись.

6. Для пользы воспитываемых наблюдать, чтобы прилежание к наукам было умеренное, воспитатели и все приставники поступали бы согласно с генеральным Нашим о воспитании учреждением и с физическими примечаниями, сочиненными нарочно в пользу юношеству, в чем вся состоит важность; Генералу-Директору самому примечать, дабы и в первом возрасте исполняемы были, и никто бы не отступал от оных под предлогом неведения или лучшего знания.

7. Ежели за болезнью или по другой законной причине кто-либо из приставленных к воспитанию и обучению юношества отсутствен будет, старается он заменять другими, дабы ни в чем упущения не было.

8. Сия особливо налагаемая на Генерал-Директора должность Цензора назначается Полицмейстеру Корпуса, который в сем важном звании ему помощником быть имеет, дабы в оном ничего пропущено не было.

**Гл. III. — О порядке воспитания и обучения
малолетних Дворян и о первом возрасте оных**

Для порядочного воспитания и обучения разделить их на пять возрастов: первый от 5 и 6 до 9 лет, второй от 9 до 12 лет, третий от 12 до 15, четвертый от 15 до 18, пятый от 18 до 21. По сему в каждом возрасте питомцам быть по три года и обучаться по склонности и понятию наукам, как до воинского, так и гражданского звания принадлежащим.

II. Расписание наук для пяти возрастов воинского и гражданского звания

1. Руководствующия к познанию прочих наук

1. Логика; 2. Начальные основания Математики; Красноречие; 4. Физика общая и особенная; 5. История Священная и светская; 6. География и Хронология; 7. Языки употребительные и для науки потребные; 8. Математика; 9. Механика.

2. Предпочтительно нужные гражданскому званию

1. Нравоучение; 2. Права: Естественное, 3. Всенародное, 4. и Государственное; 5. Экономия Государственная.

3. Полезные

1. Генеральная и Экспериментальная Физика; 2. Астрономия; 3. География вообще; 4. Плавтика, или сведение о морском искусстве; 5. Натуральная история; 6. Воинское искусство; 7. Фортификация и Артиллерия; 8. Химия.

4. Художества

1. Рисование; 2. Живопись; 3. Гравирование; 4. Изваяние; 5. Делание статуй; 6. Архитектура; 7. Музыка; 8. Танцевание; 9. Фехтование.

III. О принятии в Корпус отроков первого возраста

1. Совету принимать в Корпус отроков 100 из природных Российских и 20 из завоеванных Лифляндской, Финляндской и Эстляндской провинций, каждого принимать не старее как по 6 году; ежели по приеме случается убылые места, комплектовать оныя только в первом году, а в следующие по том два года ни единого более не принимать, но оный прием возобновлять по прошествии трех лет.

2. Совет имеет заблаговременно обнаружить в Империи Нашей о новом принятии в Корпус молодых Дворян, как приблизится время, дабы сродники их, живущие в отдалении, могли на срок привести своих детей, коих в Корпус записать пожелают.

3. Принимать их по осмотрам и свидетельствам от Докторов и Лекарей о здоровом их сложении и безвредном состоянии, в противном же тому случае находящихся не принимать.

4. Без достаточного доказательства о Дворянстве представляемого отрока и без достоверного о крещении его свидетельства в Корпус не определять.

В число Дворянских детей принимать и тех, коих отцы по крайней мере в Штаб-Офицерских чинах действительно служили.

Как Наше намерение в том состоит, чтоб и тем наипаче помогствовать, коих родители или убиты, или ранены на службе Отечества ради

и коих судьба не одарила достатком; того для, дабы от заступлений и предстательства не последовало злоупотребление, повелеваем таковым детям при выборе давать перед другими преимущество.

Губернаторам и Воеводам должно беспристрастно и без замедления давать вышеописанным, когда пожелают, надежные свидетельства, дабы никому несправедливости учинено не было.

5. Родителям, кои пожелают детей своих записать в Шляхетный Корпус, должно дать от себя письменное объявление, что они по собственному своему произволению отдают их в Наш Императорский дом Корпуса не меньше как на 15 лет и что до истечения сего времени отнюдь ни под каким видом их обратно, ниже на временные отпуска требовать не будут, такие объявления, приняв, запечатать и, занумеря, полагать для сохранения в Архив Корпуса.

6. Если по приеме в первом году предусмотрены будут в детях признаки неизлечимых болезней или слабый смысл, так что никакой от них пользы надеяться нельзя, повелеваем таковых обратно родителям или тем, кто их представил; по прошествии же того срока их не исключать.

7. По строгом наблюдении всего вышеизображенного благородный отрок вручается Управительнице первого возраста.

IV. О Управительнице и воспитательницах первого возраста

1. К первому возрасту определить одну Управительницу и 10 воспитательниц для смотра, хождения, воспитания и для обучения 120 благородных детей, кои составляют первое в Корпус вступление; и для того разделить число их на 10 частей.

2. Должность Управительницы в том состоит, чтоб с крайним рачением наблюдать поведение, нравы воспитательниц и всех принадлежащих к сему возрасту.

3. Ей должно и выбирать их, и отвечать перед Советом как за них, так и за все, что происходит в сем первом возрасте.

4. Иметь ей потребные к отправлению толь важной должности качества поступать со всеми благоразумно, с кротостью, учтивством и человеколюбием, дабы посеять оныя в сердцах и у прочих.

5. Ей наблюдать, дабы все до воспитания и наставления принадлежащее было с тем согласно, что о сем во многих Наших Уставах обстоятельно изображено.

6. Во всем, что до пользы надобностей и до ее правления касается, должно быть ей всегда согласного мнения с Генерал-Директором Шляхетного Корпуса и сообразовываться предписаниям, которые от Совета даны будут.

О воспитательницах

1. Их должность так важна, что во всякое время определять в оную должно с прилежным рассмотрением их нравов; надлежит непрестанно смотреть им за молодыми Дворянами и не отлучаться от них ни днем, ни ночью.

2. Поступать со своими питомцами, наставлять и обучать их со всякою ласковостью, терпением и любовью; и сие им особливо подтверждается.

3. Стол иметь им с питомцами вместе, быть безотлучно при всех их забавах и гуляньях, и без самых законных причин от них никогда не отлу-

чаться, весьма наблюдать, чтоб они со служителями никакого сообщения никогда не имели.

4. В прочем надлежит им сообразоваться даваемым от Совета особливym предписаниям.

V. Штат первого возраста отроков

Сто двадцать от 6 до 9 лет.

Платье кофейное или коришневое.

1 Управительница.

10 Воспитательниц.

10 Служанок.

Столовая особливо.

Науки:

1. Познание веры, поелику отроки постигать могут; 2. Российский и иностранные языки; 3. рисовать; 4. танцевать; 5. писать и цифирь в последний год сего возраста. 6. Что еще сходствуется с их летами.

**Гл. IV. — О втором
и третьем возрастах**

I. Об инспекторах над оными

Инспекторам в сих двух возрастах иметь смотрение над воспитанием и обучением питомцев, и каждому в своей части наблюдать порядок воспитателями к тому употребляемый, не допускать их обходиться с детьми сурово, наблюдать, чтоб сами собой подавали пример кротости и умеренности и чтоб во время воспитания и учения без пользы не проходило, а что до наук принадлежит, поступали бы по наставлениям определенного к учению юношества Директора. Инспекторы занимают место сих учителей в случае болезни или отсутствия их по законным причинам.

II. О воспитателях

К второму и третьему возрастам определять воспитателей для смотра за благородными отроками, им отправлять в одно время при воспитании и учении их наукам те же должности, какие выше предписаны воспитательницам для первого возраста.

III. Штат второго возраста

От 9 до 12 лет.

Платье голубое.

1 Инспектор.

8 Воспитателей, разделяющих число питомцев на столько же частей.

8 служителей.

Столовая одна с третьим возрастом.

Науки:

1. Продолжение вышеизложенных; а к ним присовокупить в сокращении, 2. Географию; 3. Хронологию; 4. Историю; 5. Митологию; 6. Арифметику; 7. Геометрию; 8. Начало Славянского языка; 9. учтивство и долг благопристойности.

Внушать любовь к благочестию и благонравию, примечать в каждом склонность природную и качество разума, дабы тем, кои понятнее других, споспешествовать и в прочих науках.

IV. Штат третьего возраста

От 12 до 15 лет.

Платье сероватого цвета.

1 Инспектор.

6 Воспитателей, разделяющих число питомцев на столько же частей.

6 Служителей.

Столовая одна с вторым возрастом.

Науки:

1. Стараться о приведении в совершенство начатых в предыдущих возрастах наук, присовокупляя к тому для понятнейших начало полезных и при том художества; 2. совершение Славянского языка; 3. Латинский язык для тех, кои к оному склонны будут; 4. основание воинской и гражданской Архитектуры; 5. Бухгалтерству или знанию, как вести приходные и расходные книги, обучать в последний год сего возраста.

Все способы употребить к совершению в отроках благородного воспитания, вкоренить в них изящные мысли, благоразумные и твердые основания, кои суть неотложным знаком честного человека и воспитанного для пользы Отечеству.

В сем возрасте, как и в двух последующих, привыкают сами собою исправляться без служителей.

V. О питомцах третьего возраста

Во время трех лет сего возраста делать прилежно опыты склонностям питомцев, дабы узнать, кто к какому знанию способнее, к воинскому ли или к гражданскому.

Опытами разумеется то, чтобы в разных родах наук и экзерциций примечать, к чему точно они способны окажутся во время гулянья, забав и при других случаях, наблюдая, чтобы при том не нарушался порядок их учения; для того стараться, дабы все игры и гуляние служили им и в пользу, и в увеселение, и оставлять им благопристойную вольность, выбирать оныя по своим летам так, чтобы самые забавы не казались им должностью. Сим способом спознавать их склонности, дабы тем удобнее употребить оныя в их пользу.

Когда сии примечания с точностью учинены будут, во вступлении питомцев в четвертый возраст, те только в гражданский и воинский штат включены будут, кои в третьем возрасте прямую к тому или к другому показали склонность или охоту.

Гл. V. — О четвертом и пятом возрастах

I. О Подполковнике

1. Подполковнику надо быть одарену отличными достоинствами, нравом кротким, учтивым и приятным, всем его поступкам надо быть подражания достойным.

2. Сей Штаб-Офицер должен быть сведущий в воинских науках и, имевши случаи показывать их на деле, управлять кадетами и Офицерами так, дабы приметно было, что дисциплина и порядок во всем, даже и в служителях, строго соблюдается.

3. Ему должно смотреть за поведением каждого, и особливо наблюдать, чтоб кадеты никогда праздны не были, склонять их с ласковостью и любовью, дабы сами за себя сыскивали полезные упражнения.

4. Хотя и принужден бывает в воинском деле оказывать вид строгости, но прямое его достоинство и дарование в том состоять имеет, чтоб сию строгость соединять с приятностью, и остерегаться, дабы не произвести в юношах вредительных воображений страха, которых трудно истребить, когда единомужды вкореняться.

5. Ежели Генерал-Директор по какой-либо законной причине отлучится, он исправляет все его должности.

II. О Примьере и Секунд-Майорах

Должности сих Офицеров суть те же, какие и на Подполковника налагаются, им по субординации надобно исполнять оныя во всех частях службы, принимать и точно исполнять приказы.

Если место Полицмейстера случится праздно, Секунд-Майор исполняет его должности до самого истечения трехлетнего срока, считая до того времени, когда прием в Корпус благородных отроков последует, дабы все основалось в предписанном порядке, а в том свое время главный Казначей вступает в оное звание, как сие в последующих главах узаконено.

III. О капитанах в должности Инспекторов в каждой роте

Капитаны Шляхетного Корпуса сугубым одолжаются упражнением в рассуждении воспитываемых ими кадетов; первое, обучать кадетов всем частям воинского искусства, присовокупляя к тому знаки благородного воспитания и такие нравы, кои составляют человека благородного и лучше еще воспитанного; второе, сверх воинских экзерциций иметь им Инспекторскую должность каждому в своей роте и исполнять, что предписано прочим Инспекторам над вторым и третьим возрастами, стараться, что до военных экзерциций и воспитания кадетов принадлежит, все приводить в такой порядок, дабы ничего лучшего желать не оставалось.

IV. О поручиках и Подпоручиках в должности воспитателей

Поручики и подпоручики в каждой роте во время экзерциций военных поступают по своим чинам; а сверх того в роте, по разделении оной на две части, исправляют при кадетях ту же должность, которая полагается на воспитателей во втором и третьем возрастах, следовательно не отлучаться им ни на малое время от своих питомцев, жить подле них, довольствоваться с ними за одним столом; словом, ответственность за их поведение, воспитание и нравы, подавать им примеры чести и тех мыслей, кои к истинной ведут добродетели. В случае законной отлучки Капитана старший по чину исполняет его должность, а место его занимает следующий по нем: сего ради преимущество и субординация полагается на них по чинам по всем без изъятия.

V. О Прапорщиках в должности учителей

Как все должно содействовать успехам и пользе такого учреждения, которое заводится для взаимного блага и Самодержцу, и Отечеству, и поданным; то справедливо, чтоб во всех, взаимно соединяющихся между собой частях Шляхетного Корпуса, каждый сочлен онаго старался, сколь от него зависит, споспешествовать благосостоянию и славе онаго. Как прочим офицерам Инспекторские и воспитательские должности назначены, то и Прапорщики сверх воинской должности употреблены будут к обучению кадетов наукам. Им довольствоваться столом вместе с кадетами.

VI. О унтер-офицерах и капралах

1. Кадеты последних двух возрастов выбирают их баллотированием только на один месяц, а по прошествии онаго тем же порядком вступают другие на их места.

2. А чтоб толь драгоценного для успехов времени не проводить в праздности в бытность свою унтер-офицерами и капрала, по исправлении воинских должностей упражняться во всем, что принадлежит кадетам.

VII. Об Инспекторе над обучением кадетов гражданского звания и о Профессорах-воспитателях

К воспитанию и наставлению кадетов, назначенных к гражданскому званию, в последних двух возрастах должен быть Инспектор, которому наблюдать порядок, управление и поведение Профессоров и воспитываемых кадетов, как предписано Инспекторам второго и третьего возрастов.

Профессоров к воспитанию и наставлению кадетов с великим рассмотрением определять надлежит. Они должны сверх назначенных кадетам наук показывать опыты всех прочих знаний, кои потребны к такому воспитанию и обучению, какое они в сих двух возрастах совершить обязуются; в прочем поступать им по тому, что предписано воспитателям предыдущих возрастов.

VIII. Штат четвертого возраста

От 15 до 18 лет.

Сей возраст разделится на воинское и гражданское звание.

В воинском две роты

Капитаны в должности Инспекторов 2. Поручики в должности воспитателей 2. Подпоручики в той же должности 2. Прапорщики в должности Учителей 2.

В гражданском

Один инспектор для сего и последующего возрастов.

Один или два Профессора воспитателей.

8 Служителей.

Платье зеленое с лосиным.

Столовая общая с пятым возрастом.

Науки:

1. Упражнение истинного Христианина и честного человека; 2. окончание прежде показанных наук; науки: 3. Гражданские; 4. и полезные; 5. последующие части Математики; 6. Красноречие и Философия. 7. Все

части воинской должности наставлением и самым делом; 8. ездить верхом, фехтовать, вольтижировать и прочее; 9. Художества.

IX. Штат пятого класса

От 18 до 21 года.

Сей возраст разделяется также на воинское и гражданское звание.

В воинском две роты

Капитаны Инспекторы 2. Поручики-воспитатели 2. Подпоручики в той же должности 2. Прапорщики Учители 2.

В гражданском

1 Инспектор для сего и предыдущего возрастов.

Один или два Профессора-воспитатели.

8 Служителей.

Платье зеленое с лосиным, с некоторою отменой.

Столовая с четвертым возрастом обще.

Науки:

1. Закон Божий, яко первое всему основание. 2. Все части воинского искусства с теоретическими и практическими доказательствами посредством примерных осад, оборон, сражений и прочего; к чему употреблять и четвертого возраста кадетов, когда надобно. 3. Окончание наук четвертого возраста.

4. Все полезные науки.

1. Художества.

2. Совершение воинской Архитектуры практическими доказательствами.

3. Гражданская Архитектура для тех, кои к тому склонность иметь будут.

X. Преписание о четвертом и пятом возрастах воинского и гражданского званий

Оставлять кадетам на волю, чтоб им при переходе из четвертого в пятый переменять звания свои, воинское в гражданское и гражданское в воинское, в какое бы они до того записаны ни были; но сию перемену не иначе чинить, как по справедливым причинам, а именно: для склонности со всем противной принятому званию, для сложения к тому несродного, и по другим причинам, достоверно изведенным и доказанным; напротив того, сих перемен уже не дозволяется делать в пятом возрасте, для каких бы то причин ни было; но кто в какое звание, будучи в сем возрасте, записан, в оном до самого выпуска непременно остаться, и приличные знания приобрести должен.

Всевозможное прилагать старание, дабы воспитание и обучение кадетов воинскому и гражданскому искусству привести на такую степень совершенства, как от пятого возраста ожидать следует.

С отличностью уже должно сему возрасту оказываться в обществе, ибо кроме собрания, кои в доме Шляхетного Корпуса из обоого пола особ происходить будут, кадетам дозволяется по несколько человек приходить от времени до времени ко Двору Нашему в некоторые праздники и церемониальные дни в препровождении Офицеров Корпуса, Директора или Профессоров.

Время пятого возраста служит повторением или подтверждением последних и самых важнейших частей Наук и познаний. В сие время 120 кадетов

первого в Корпусе вступления совершают воспитание свое и те Науки, которым обучились; словом, сей возраст долженствует быть жатвою посеянного в предыдущие четыре. Здесь надлежит хорошим и мужественным воспитанием просветившемуся кадету зрело рассуждать, какое бы для себя избрать состояние в обществе на великом театре света. Здесь он, по благоразумным советам своих воспитателей, уже совершенно видеть должен, что будущая его участь зависит от его Наук, поведения и нравов. В последние три сии года, просвещаясь наиболее собственным своим рассудком, надлежит ему крайне прилагать старание, при выпуске из Корпуса получить всю ту честь и славу, коими он труды свои увенчать должен, заслужить похвалу и одобрение от своих начальников и из Корпуса выйти с такими от Совета свидетельствами, с которыми можно было благонадежно показать себя свету. Все сие необходимо надобно внушать благородному юношеству и в память его твердо впечатлевать во все время пребывания в Императорском Нашем шляхетного Корпуса доме.

XI. О должности всех приставников вообще

1. Все начальники сего Корпуса, офицеры, воспитатели и прочие должны быть руководимы равномерным к достижению общего предмета желанием; офицерам надобно сообразоваться намеренью начальника и соответствовать оному во всех правилах повиновения.

2. Всем офицерам должно разуметь Воинское искусство опытами нескольких кампаний. Хотя воинские экзерциции и требуют в команде строгости, однако не будут препятствовать, чтоб и при сем, так же как и при других случаях кротость, учтивство, человеколюбие с неразрывной от прямого воспитания благопристойностью соединения были.

3. Инспекторам, Воспитателям и Учителям в немалое поставится искусство и похвалу, когда они, как выше узаконено, стараться будут точно узнавать склонности обучающихся, дабы для пользы их можно было употреблять заблаговременно приличные средства; ибо потеряние времени скоропонятному есть вред неоплатный.

4. Как искусство и благоразумие должны им быть правилом во всем без изъятия, то крайне наблюдать надлежит, чтоб воспитываемое юношество не усматривало в них ничего иного, как токмо самое похвальное и к пользе служащее. Всем приставникам должно смотреть за кадетами в двух последних возрастах с отменным прилежанием, памятуя, что они приближаются к выпуску своему из Корпуса; для того в сие весьма важное воспитание время приуготовлять их к произведению истинной пользы и утверждать в них добродетель.

XII. О Директоре наук

1. Важность всех предписанных Инспекторам и Воспитателям должностей требует, чтоб к обучению юношества Наукам определен был Директор. Выбирать его из ученых людей, отличные достоинства имеющих и искусных во всем, что до воспитания, до воинских и гражданских Наук принадлежит.

2. Он должен с Согласием Инспекторов назначивать время, чему в которые часы обучать питомцев, предписывать легчайшие к тому способы,

смотреть, чтоб узаконенный единожды для наук порядок наблюдаем был непрерывно, свидетельствовать знание определяющихся в Учителе, а учащихся по экзаменам переводить из одного класса в другой.

3. Гражданским наукам обучать и из воинского звания таких кадетов, кои пожелают оным учиться; разумеется, не только из четвертого и пятого, но скоро понятных из третьего возраста.

Гл. VI. — О экзаменах и награждениях

1. Производить экзамен в Науках и экзерцициях первому и второму возрастам через четыре месяца, а третьему — через шесть; быть при том Генерал-Директору с прочими начальствующими в Корпусе и по меньшей мере одному из членов Совета. В последних двух происходить экзамену ежегодно в присутствии всех членов Совета и помянутых чинов. Во время сих свидетельств сравнивать настоящие успехи и поведение питомцев с прежним их состоянием, записанным у Цензора по бывшим до того экзаменам, дабы испытать склонности учащихся, узнать, к чему природа их приглашает, и возбудить в них ревнование к успехам справедливыми преимуществами, назначивая оныя во время публичных сравнений прилежания одних с нерадением других.

2. Чтоб сие к пользе соревнование в юношестве сделать общим, давать в награждение кадетам воинского и гражданского звания в пятом возрасте шесть золотых медалей, из которых две большой величины первым, две средней вторым и две меньшие третьим; в четвертом же возрасте шесть серебряных, с таким же различием их величины.

Получившим медали носить их в бытность в Корпусе на кафтанах разной величины знаки с изображением номеров в лавровых венцах, золотые — кадетам пятого возраста, а серебряные — четвертого.

Кадетам, удостоившимся первых награждений, если заслужат оных в 2-й и 3-й год, делать отличие только в нашивных знаках, а медали с прежними знаками давать тем, кто по них первые, и так обо всех остальных далее.

Что принадлежит до награждения в первых трех возрастах, Совет определит оныя по своему рассмотрению.

3. Раздачу сих награждений по окончании экзаменов производить с приличной важностью, при собрании особ первенствующих чинов обоого пола. Раздавать оныя именем Нашим присутствующему тут старшему Члену Совета.

4. Все сие происхождение записывать ежегодно в особливой книге; награжденным кадетам при выпуске давать из сего копию, от Совета подписанную, Секретарем скрепленную и большою печатью Шляхетного Корпуса утвержденную, дабы сие наконец им служило свидетельством о их поведении, нравах и успехе в Науках и экзерцициях.

Всем кадетам, кои заслужат похвальные от Совета свидетельства, при выпуске своим получать преимущества и почтение Поруческого чина.

5. Совету не определять их в службу, но после выпуска, когда сами пожелают, и в воинскую, и в гражданскую, принимать их не ниже сего чина; впрочем не по покровительствам, но по собственному дарованию способности, а паче нравами и по свидетельству о своем поведении должно им

искать дороги к достижению желаемых мест с преимуществом пред при первой вакансии.

6. Если кадеты, будучи выпущены из Корпуса, окажут охоту путешествовать в чужих краях с согласия ближайших своих сродников, хотя скоро после выпуска или несколько лет спустя, получившим в последнем возрасте награждения как в воинских, так и в гражданских Науках волеям по 3 года путешествовать на иждивении казны Корпуса, а Совет определить единожды навсегда потребную для таковых сумму.

Рекомендовать их пребывающим там Нашим Министрам, что разумеется и о прочих, кои на своем коште туда поедут, хотя бы в Корпусе будучи и награждений не получили.

7. Хотя по выпуске не состоят они под властью Совета, но, будучи обязаны благодарностью за предложенное об них попечение и оказанные благодеяния, должны подавать Совету Корпуса известия как об успехах своего путешествия, так и чинимых ими по различным местам примечаниях и изобретениях.

Гл. VII. — О Полицмейстере и о главном Казначее Шляхетного Сухопутного Кадетского Корпуса

1. К вступлению в сии должности право имеют токмо те, которые воспитаны в Шляхетном Корпусе, считая от первого нынешнего приема; но для сего надобно, чтоб они по выпуске из Корпуса года три или шесть лет послужили в военной или гражданской службе и имели о своем поведении и нравах похвальные свидетельства.

2. Как большей от сих чинов пользы ожидать следует, то в бытность свою чрез шесть лет при сих должностях стараться им примечаниями, розыскиваниями, ревностью и прилежанием приобрести всевозможные сведения и принести всю ту пользу, какой только от их рачения и благоразумия ожидать можно, дабы учинить себя достойными по выпуске из Корпуса быть определенными к важнейшим Государственным делам.

3. Пока первое в Корпусе вступление доставит способных людей к исправлению сих должностей, поручить оныя таковым, коих бы известное поведение, благонравие и искусство соответствовали желаемым успехам, наипаче при первых ныне в Корпусе распоряжениях, дабы все приведено было в надлежащий порядок.

Гл. VIII. — О Полицмейстере

Должности Полицмейстера

1. В рассуждении дома суть те же, кои принадлежат Полицмейстера в городе. Совет, зная важность сего чина, снабдит его инструкцией, дабы исправлял должность свою с точностью.

2. Ему поручить все распоряжения, кои до порядочного состояния всего Корпуса вообще как в воинском, так и в гражданском звании принадлежат.

3. Он посещать должен всех, живущих в Корпусе, и стараться о порядке, тишине, благопристойности и чистоте, которая чрез сие особливо под-

тверждается. Ему самому наблюдать все потребности не только своей, но и другим порученных должностей и не препятствует ли что в порядочном отправлении оных.

4. Крайнее прилагать старание в содержании в добром порядке всего, что принадлежит до строения в Корпусе. Для предохранения от пожара иметь предосторожности; отвращать неумеренную роскошь и излишества в иждивенцах; смотреть, чтоб во всем добрый порядок владычествовал; пресекать все, что хорошему воздуху препятствовать может; следовательно, должен он способствовать сохранению здоровья жителей всего корпуса; особливо смотреть, чтоб употребляема была только та вода, которой доброта основательна изведена.

5. Усмотря малейшую расстройку, тотчас уведомлять должен, тайно или явно, Генерал-Директора, а от него потребные получать наставления.

6. Телесных наказаний в сем Корпусе отнюдь ни в каком случае не чинить; напротив того, всегда употреблять способы, дабы преклонить каждого к своей должности; но при всяком случае остерегаться, чтоб примеры строгости не видны были воспитываемому дворянству.

7. Крепостных своих служителей ни под каким видом никому в Корпусе для услужения не иметь, что и во всех таковых для воспитания учрежденных местах накрепко запрещается.

8. Совет определяет ему потребное число подчиненных и других служителей для Полицмейстерских дел.

9. В должности Цензора, или наблюдателя нравов, надлежит ему исполнять все, что особливо и вообще предписано выше Генералу-Директору.

10. При выпуске из Шляхетного Корпуса Полицмейстер награждается чином за трехлетнюю свою службу, если Совет доволен будет его управлением и добрыми поступками, а на его место вступает Главный Казначей Корпуса.

Гл. IX. — О Главном Казначее

1. Ему принимать на содержание Корпуса все доходы, какого бы звания они не были; вести приходные и расходные книги; входить во все сведения, до порядка экономии принадлежащие, ибо она состоит непосредственно в его правлении; стараться усердно о пользе Корпуса и должность свою отправлять, как благородному человеку прилично; по окончании года подавать имеет Совету подробный отчет всем учиненным издержкам и доказательства, по каким причинам оныя происходили, но не позже как на другой или на третий день первого месяца ново наступившего года.

2. Всем для экономии Корпуса определяемым от Совета чином состоять в точном его ведении.

3. Ему в смотрение поручить библиотеку, механические камеры, Натуральный кабинет, галереи с живописными картинами, Арсенал и прочее, — словом, все, что требует присмотра, расхода и порядочного содержания.

4. Во всем, чего должность Главного Казначая требует, Совет снабдит его особливими наставлениями.

5. По истечении трех лет бытности в сей должности вступить ему, как выше показано, в Полицмейстерскую; для чего надобно ему заблаговременно

примечать и вызнать все, чего она требует, дабы искусно управлять оною и все доводить от часу ближе к совершенству.

6. Если до вступления его в Казначейскую должность до году случится месту его быть праздно, то можно еще принять на оное другого из таких, как выше узаконено; но по прошествии сего срока никто заступит его места не может, кроме одного из Капитанов Корпуса, кого из них Совет выберет. В сем звании должно ему остаться до нового вступления настоящего Казначая. В таком же точно случае Секунд-Майор исполняет должность Полицмейстера еще через три года за небытностью настоящего Казначая.

Глава X

1. В Корпусе для воинских и гражданских дел учредить судебное место, и в оном присутствовать Генерал-Директору, Штаб-Офицерам, Полицмейстеру и Главному Казначая, судить и решить все воинские и гражданские дела, касающихся до подчиненных Корпусу чинов, следуя порядку, какой особливо предписан быть должен, а о важнейших делах с мнением представлять в Совет для утверждения.

2. Как в сем месте должно быть аудитору, то для лучшего спознания дел в практике надлежит онаго выбирать по очереди из кадетов пятого возраста гражданского звания, таких, кои в Правах искуснее; а ежели заблагорассудится, из кадетов воинского звания, к сему делу способнейших; но к тому употреблять их не долее, как во время произвождения суда, дабы не отлучить их от Наук. В отправлении сего звания должен ему помогать Профессор Юриспруденции. Во оное же место к слушанию дел допускать и других кадетов, когда время позволит и собственную склонность к тому покажут.

3. Сверх сего, дабы молодые дворяне, по выпуске из Корпуса как определившиеся, так и не вступившие еще в гражданскую или в воинскую службу, всеми случаями могли пользоваться и получать потребные знания, позволяем допускать их с рассмотрением в Наши судебные места за Президентами или Членами оных только для слушания, какие советы, дела и решения происходят, дабы сим образом могли приобрести нужные сведения и способность к скорейшему хождению в чины.

4. Повелеваем также учредить в Корпусе, как до сего было, две церкви. В священнослужители определять людей ученых как для отправления службы Божьей, так и отправления кадетов исповеданию веры, а в помощь им придать потребных служителей.

5. При Шляхетном Корпусе учредить больницу и аптеку. Доктора, Лекаря, двух подлекарей и Аптекаря.

6. Быть при Корпусе трем привратникам в Нашей ливрее. Совету сочинить для них инструкцию со всякой точностью, дабы важность своей должности разумели и онаю надлежащим образом исправляли.

Наконец объявляем чрез сие всем и каждому, что Мы как сие учреждение и все, что в сем Уставе предписано, так и рассуждения, руководствующие к новому установлению Корпуса, утверждаем и определяем быть неподвижным законом Нашему Императорскому Шляхетному Сухопутному

Кадетскому Корпусу. И вследствие того повелеваем, чтоб все сии узаконения точно непременно исполняемы и во всей пространной Нашей Империи известными учинены были.

**Рассуждения, служащие руководством
к новому установлению Шляхетного Кадетского корпуса,
сколько принадлежит до воинской части онаго***

Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня! Императрица и Самодержица Всероссийская.

Государыня Всемиловитвейшая!

Рассуждения, имеющие руководством к приведению в новое состояние Шляхетного Кадетского Корпуса, которые изображены во всенижайше подносимом особливом сочинении, суть дела смотра Вашего Императорского Величества о прочном благосостоянии и сущей пользе Богом врученной Вам Империи.

Хотя происходящая Государству от Кадетского Корпуса польза совершенно соответствует тому намеренью, с каковым основан оный сначала, но Ваше Императорское Величество прозорливо усмотрели, что сия польза может быть несравненно большею и важнейшею. Тогдашнее намерение состояло только в том, чтоб из сего Корпуса получать для армии исправных Офицеров. Ваше Императорское Величество желаете теперь, чтоб училище искусных Офицеров было училищем и знатных граждан и Отечеству сугубую пользу приносило.

Должно справедливость отдать, что из Офицерского токмо училища и воспитания произошло много заметных мужей; но признаться надобно, что за то счастливой их паче природе, склонностям и собственному рачению, нежели воспитанию сего училище благодарить надлежит. Происходили бы и впредь из онаго достойные к отправлению важных Государственных должностей люди, но Ваше Императорское Величество не соизволяете, чтобы толикое добро зависело от одной удачи: хотите, чтоб оно было плодом предусмотрительного Государственного попечения, когда при учрежденных Вами для прочих Ваших подданных училищах главное намерение к тому клонится, дабы не Науки токмо и Художества умножить в народе к понятию оных весьма способном, но и вкоренить в нежные сердца добронравие и любовь к трудам, словом, новым воспитанием новое бытие нам даровать и новый род подданных произвести. Достоинно, Всемиловитвейшая Государыня! Величества Вашего, чтоб в то же время предпочтительное рачение приложить, дабы и благородное Российское юношество такое получило воспитание, которое бы еще более согласовывало и с их природой и с теми великими Государственными должностями, к отправлению которых оно назначается.

Крайне бы счастливым я себя почел, если бы соответствовали моему желанию и усердию сии слабо начертанные мнения. Представил бы я их без сомнения в пространнейшем виде, когда бы мне доставало понятия

* Печатаны при Сенате 1766 Сентября 30.

исполнить все данные от Вашего Императорского Величества мне повеления и наставления. Важность сего дела требует глубочайших размышлений, в чем и признаю свой недостаток: представляю оныя без прикрас и без предубеждения, каковы только воображались моему понятию. Ведаю, Всемилостивейшая Государыня! что разве усердное мое повиновение несколько послужит к одобрению сего сочинения, да и то по известному всем великодушию Вашему.

Часть I. — О воспитании и обучении благородных вообще

Крепкая Государству подпора и тишины его ограждение суть *солдаты*. Но армия без дисциплины есть тело без души. А дабы жизненный дух всегда действовал в воинстве, необходимо надобно учредить училище для научения повиноваться, т. е. не прекословить и не пересуждать никогда повелений или намерения своих начальников.

Издавна принятое правило останется навсегда неоспоримым: *Кто умеет повиноваться, тот умеет повелевать*. Цесарь, по свидетельству Светониеву, весьма милосерд был к своим воинам, но неумолим для ослушников, мятежников и беглецов, потому что сии преступники опасные не токмо для выведенного в поле, но и для находящегося в крепости войска.

Чтоб иметь понятие о сем воинском училище, должно представить себе *армию в малом виде*, или часть войска, охраняющую крепость, в которой воинская дисциплина или повиновение долженствует быть душою и основанием, подобно, как во время нашествия неприятельского, и где за малейшее должности упущение или небрежение строго наказывать должно*. Из истории древних и наших веков видно, что преславные полководцы неустрашимое свое мужество украшали такими Науками, какие нужны и *законодателю и победителю*. Александр Великий, Цесарь и множество других в наши дни видимых примеров свидетельствуют, что к произведению войны со славою надлежит быть весьма искусну и в прочих знаниях.

На какие классы живущих в сем училище кадетов по их возрастам разделить и чему в котором классе обучать должно, сие в самом учреждении подробно изображено будет; но вообще тому обучать их надобно, что Офицеру и Генералу знать подлежит: как войну вести, как предводительствовать армией; при том наблюдать должно, чтобы воинская дисциплина и повиновение были *первым*, а прочие наставления *вторым* основанием.

Всякому понятно, сколь нужно и полезно сие училище здешней Империи: для приведения онаго в надлежащее совершенство ничего пренебрегать не должно. Все зависит от избрания *главного* и под ним *начальствующих*, также *Офицеров* и *Учителей*, ибо известно, что от самой юности нашей имеем мы врожденное в нас свойство *подражания*** . Если бы оныя воспитатели наши с рассуждением наблюдали, то жизнь наша была бы благодолучнее провозжаемой нами обыкновенно.

* В своем месте изъяснено будет, в чем состоит сия строгость.

** Дитя есть самый искусный копист всех наших, а паче худых поступков. Без науки, без прилежания и рассудка перенимает и точно повторяет все, что видит и слышит, наипаче от тех, кого любит и почитает и кого чаще видит.

Если начальники, Офицеры и Учители с благорассуждением поступать и питомцев своих наставлять будут с любовью и ласкою; если учить их станут больше *разговорами и рассуждениями*, нежели заставляя беспрерывно сидеть над уроком в принужденном и здоровью их вредительном наклонении, то юношество великие окажет во всем те успехи, чего только от их возраста требовать можно. Отвергнем на час грозный и повелительный взгляд и голос Учителей и дядек, увидим удовольствие, как дитя подражает нам поступком, разговорами и самим произношением. Паки подтверждаю: все зависит от удачного выбора начальствующих и Учителей, одаренных здоровым разумом и благонравием, а не заразившихся надутым видом и угрюмостью*.

Не трудно распорядись, чему кадетов обучать должно: правилами на то целые книги наполнены. Памятовать должен я здесь ответ Кардинала Ришелье, сказанный некоторому челобитчику, который просил дозволения основать училище Словесных Наук. *О если бы так легко было, говорил он, находить хороших Учителей, как деньги на строение, то сопоставил бы я такие училища завести и в каждой деревне.* По сему видно, что от недостатка в способных людях все происходит**. И подобные сему училища обыкновенно от того только приходят в упадок, что недостает искусных управителей и Учителей. Все учение тогда токмо никакой не производит пользы, но паче ко вреду бывает.

Главное намерение, с которым упоминаемое здесь училище заводит должно, состоит в том, чтоб воспитание дворянства основанием было прочим достоинствам, чтоб оное привыкло повиноваться и повелевать, а при том обучалось правилам Воинского Искусства и гражданского правления больше от употребления, нежели от непрерывного упражнения, подобного школьному учению.

Монтань пишет, что истинному для юношества наставлению должно входить ушами, подобно как бы в него вливалось; но потерины будут и труды, и время, если непрестанно читать и наизусть учить станут***.

Академия Наук и Московский Университет весьма разнствуют в своих основаниях от того намерения, с каким шляхетное сие училище учреждается. Там ученикам того должно достигать, чтоб они других обучать могли; но кадетам, напротиву того, довольно знать, каким образом теми Науками пользоваться, кои наставляют и в воинских делах, и в гражданских должностях.

* Педанство есть сущая пагуба воспитанию юношества вообще, а благородного особливо. Если должно выбирать из двух зол меньшее, то лучше взять учителя некоторым недостаткам подверженного, нежели педанта, учением своим надутого и во всем поведении столько же нестерпимого, сколь смеху достойного.

** Совершенное воспитание требует толь драгоценных качеств, что обрести оных в одном человеке скоро не можно; но из числа таковых людей выбрать надобно имеющих меньше недостатка.

*** Мнение славного сего писателя есть весьма основательное. Многократно подмечено, что без всякой пользы препровождено года 3, 4, 5 и 6 в чтении и тверждении наизусть. Все сие либо от неразумия или от лености учителей происходило.

Воспитание у древних Персов сначала состояло в том, чтоб *повиноваться стрелять из луков* и никогда не лгать. С сим воспитанием полезны уже были своему Отечеству.

Когда кадеты выйдут из Корпуса, навькнут повиноваться, зная все подробности и все пространство воинского звания, зная, как повелевать и сохранять вверяемую им как конную, так и пехотную команду, зная, как написать письмо, реляцию и прошение на своем собственном и на иностранном языке, зная не токмо общие должности согражданина, но и законы своего отечества, зная, как себя вести по пристойности с своими начальниками и с другими людьми, зная твердо Географию, Политику, Мораль, Арифметику, Геометрию и другие математические Науки; когда получать сведение об Истории и охоту к чтению книг о делах славных военных людей, как вести приход и расход для вверяемого полку или корпуса; когда узнают механическое движение часов или мельницы, как построить крепость или редуг, сделать мост на барках или на плотах, сделать шлюз, назначить компанент и прочее; когда основание всех сих сведений утвердится в памяти и в нежных сердцах юности больше от примеров и нарочно сделанных моделей, нежели от чтения книг, можно уже такое воспитание почесть достаточным, не требуя совершенства в их знаниях. Сим образом показан будет каждому свободный путь распространять Науки, углубляться в оныя и исполнять полезные о нас намерения Ее Императорского Величества.

Дабы такое дать юношеству воспитание, надобно, чтоб дядьки и Учители не токмо в науках были искусны, но и юношеству бы во всем *примером* служить могли. Подобные качества редко в одном человеке случаются, выключая некоторых достигших до совершенных лет. Римляне хотя не имели ни школ, ни Университетов для Воинского Искусства, превосходили, однако ж, прочих народов в сем важном знании. Частое обхождение со знаменитыми полководцами наполняло сей недостаток. Домы их были отверстым источником, из которого молодое поколение почерпало наставления о законах отечества, о воинских делах, о красноречии и о прочем. *Сципионы, Метелы и Цесари* других Учителей не имели.

Если при сем Корпусе или воинском училище найдутся подобные Учители, то об успехе и о благосостоянии онаго сомневаться не можно; буде же *по несчастию* таких людей недостаток, *тщетны будут все предписания и все старания о произведении благонравия и успехов*: без таковых Учителей совершенных офицеров никогда произвести не можно. Во многих городах европейских заведены такие воинския училища, но либо от нерадения в сыскивании таких людей, какие к тому потребны, либо от несыскания оных сделались обыкновенными школами.

Как обучение воинскому делу есть главное намерение сего учреждения, то все распоряжения делать должно подобно, как бы Кадетский Корпус был непрременным караулом, сменяясь ежедневно некоторою по числу всего Корпуса разделяемого частью. Главная из того польза та, что кадеты будут всегда в движении; ибо, ежели они (в последние годы пребывания своего в Корпусе) не употребятся к сему делу и днем и ночью, то нельзя им достигнуть до того совершенства, какое в воинском звании требуется.

Скажут, конечно: как можно отрока ставить на часы в наши жестокие морозы? что сим образом можно многим из них вред приключить. Конеч-

но, при первом взгляде покажется сие примечание сходным с правдою; но да будет позволено мне ответствовать, что я сие пишу не с воображения, но испытав самым делом, на 12 году своего возраста, будучи кадетом, исполнял как я, так и товарищи мои охотно все сии должности в самое время жесточайшей зимы в Копенгагене. Сверх того многое делаем мы с удовольствием в молодости, что становится тягостным в совершенном возрасте*. Известно, что молодые люди, хотя и чувствуют стужу так же, как и другие в средственных летах, но оную легче сносят. При том не надобно запоминать и сей разности; *что происходит от собственного соревнования, бодрости и охоты, весьма разнится от того, что по неволе и по повелению делается.*

Если кадеты к сему труду и должности неохотно привыкать станут, конечно, Офицеры тому причиною будут, ибо им надлежит своим примером приводить благородное юношество к отправлению воинских должностей. Чего можно впредь надеяться от людей, в неге и слабости воспитанных? Им надлежит себя и к тому приучить, чтоб в свое время подавать другим примеры мужества и терпения, как сносить стужу, труд, голод и жажду во время походов. Дабы человеку воинского звания не скучны были его должности, надобно ему в трудах возрастать и укрепляться.

Мы нечувствительно привыкаем и терпеть, и бодрствовать, ожесточая свое тело; но если кому в том слабость здоровья и немощное сложение воспрепятствует, таковой может быть назначен к познанию гражданских должностей.

II. О Генерал-Директоре, о Штаб- и Обер-Офицерах Шляхетного Кадетского Корпуса

Генералом-Директором должно быть человеку, в воинских трудах состарившемуся, радетельну и трудолюбиву, а притом (чем не всегда один человек от природы одарен бывает) человеколюбиву, кротку, ласкову и обходительну, но в важных воинских упражнениях вид строгости имеющему. Ему надлежит в тонкости знать, о чем пещись, дабы по предписанию все проходило в своем порядке. Сие одно сведение есть важнее всех других должностей, коих чин и звание его требует.

Штаб-Офицерами быть людям, имеющим великия достоинства в рассуждении наук и нравственных качеств. Должно им быть, по крайней мере, в воинских науках искусными и в оных довольно испытанными. С помощью подчиненных Офицеров приводить им кадетов к тому, дабы ощутительно примечать можно было, что воинское повиновение, почтение и порядок во всем начальствуют, даже и над самими служителями. Им за всем смотреть должно, а наипаче отвращать кадетов от праздности; ласковым увещеванием склонять их к тому, чтоб они сами для себя полезные сыскивали упражнения. Известно, что юность сама к упражнениям приобретает привычку, когда не приводится к тому принуждением.

Всем офицерам Кадетского Корпуса надобно сему же следовать правилу, исполнять повеления и наблюдать намерения начальствующих,

* Хотя особенный пример не может быть законом для всех обще, но в показанном здесь случае силу имеет.

соответствовать оным во всем, что до послушания, до отправления должностей и до службы касается. Им надлежит знать воинское дело опытами нескольких кампаний, при том быть учтивым, ласковым и благо нравным.

III. О Полиции внутри Корпуса

1. Ни одному кадету не позволять иметь собственного своего слуги под каким бы то видом ни было. Надобно употребить старание набрать достойных служителей и дать им несколько человек из молодых ребят, чтоб с малолетства обучились от них, как служить с благопристойностью.

2. Многим детям вредительны бывают большие волосы, а наипаче во время младенчества. Доказано, что главнейшая часть воспитания, до сохранения здоровья принадлежащая, состоит в чистоте и опрятности. Чистота есть самое лучшее лекарство к предохранению от многих болезней. *Господин Саншес*, от которого я не мало во всем рассуждении заимствую, неоднократно сказывал мне: *Многие кадеты или и все один за другим, говорил он, отправлялися ко мне в госпиталь только от нечистоты голов, для того, что обрitys не были.*

3. Припомнать надлежит и то, что дети во зло употребляют время толь драгоценное для воспитания. Их допускают иногда несколько раз на день завиваться и большую часть онаго препровождать в уборах. Можно ли дать больше детям к праздности повода? Не очевидно ли чрез то вселяются в них пороки, которые наконец купно с летами их возрастают? Должно возненавидеть сие толь тщетное препровождение, которое нравам и воспитанию только вреда приносит, и из сего нового воспитательного общества истребить неумеренное употребление пудры и помады, великие кудри и длинные волосы, — словом, все вредные излишества; но со вниманием обратиться к тому, что споспешествовать может сохранению здоровья юношества, воспитываемого для пользы Отечеству, и отвергнуть то, что у других народов есть легкомысленного.

4. Надобно, чтоб каждый кадет сам бриться умел. К доброму воспитанию и сие принадлежит.

5. Медной посуды и ничего, что медью называться может, не иметь в сем Корпусе, согласно с Высочайшим соизволением Ея Императорского Величества, изображенным в генеральном о воспитании юношества учреждении. Долженствую здесь припомнать сказанное мне с особливою доверенности от его же Г. Саншеса в бытность мою в Пломбиере. Три кадета, говорил он, занемогли в разные времена и скоро умерли. Не зная сему точной причины, открыл я тела их и ощутительно нашел ярь или яд; но я принужден был молчать о сем несчастьи, опасаясь, чтоб причиною онаго совсем не испроверглося сие общество*.

Из сего ужасного приключения можно узаконить: 1. Не должно ни одному кадету позволять есть вне Корпуса. 2. Еще меньше позволять не быть за столом, для них особливо назначенным.

* Случающийся от медной посуды вред всем известен; но одного сего происшествия довольно для доказательства, сколь опасно употребление онай посуды, хотя, впрочем, и множество других примеров сего же несчастья изобразить можно.

IV. О платье

Лишнего золота и серебра на мундирах иметь, рассуждается, не для чего, а стараться, чтоб все потребное для Корпуса на платье и на уборы здесь в Государстве деланное было. Не в богатых уборах и не в драгоценных металлах, коих употребление возбуждает в нас *гордость*, но в истинной добродетели состоит отличие и преимущество наше.

Надобно вселять в питомцев любовь к Отечеству, а не к лишним нарядам, твердое и неперменное желание всего, что Отечеству полезно быть может. Назначиваемым к воинскому званию людям и кроме того не должно быть роскошно воспитанным. Учить их надобно малым довольствоваться*. Если Генерал-Директор и Офицеры, руководимые сими же патриотическими правилами, собою подавать пример благопристойной и почтительной простоты** и сие кадетам в разговорах приличным способом изъяснять будут, нет сомнения, чтоб сей образ жизни не произвел действия в их поведении.

V. О профессорах-воспитателях в воинском училище

Трудно сыскать хороших воспитателей***. Где бы кто ни сыскал оных, а еще труднее найденных сохранить, чтоб в должности не ослабевали и чрез несколько времени не сделались бесполезными. Профессоры, в Университетах обучающие *Богословию, Правам, Математике* и прочему, увидя чрез четыре или пять лет, что своими трудами произвели на свет искусного Богослова, знатного Судью и славного Математика, побуждаемы чрез то бывають препровождать всю жизнь в многотрудном своем звании; напротив того, воспитатели, обучающие в сем Корпусе высшей Математике, нравоучительно Философии или народному Праву, видя, что пользующиеся их трудами пребывают наконец в воинском звании, приходят в уныние и в должности ослабевают; обучающие же воинским наукам к наставлению учащихся поощряемы бывають, имея удовольствие взирать на учеников своих, происшедших то в *Инженерные*, то в *Артиллерийские* Офицеры. О сем упоминаю я только для припамятования, чтоб употреблены были способы для ободрения таковых учителей от времени до времени, смотря по их усердию и происходящей от их обучения пользе. Здесь не место вступать в подробное описание их должности и способов обучения. Все сие, где надобно, предписано будет.

VI. О науках и наставлениях

Наставления, также как и воспитание, на такой конец приводить, чтоб:
1. Сделать человека *здоровым* и способным сносить воинские труды, суровость и перемену времени, стужу и прочее без *возчувствования*. 2. Украсить

* Человек, желающий быть истинным воином, должен заблаговременно привыкнуть, ничего себе не почитать необходимо нужным. Честь, слава и добродетель достойны его внимания; все прочее ему ни во что вменять должно.

** Чтoб одеться просто, но благопристойно, столько же надо искусства и разума, как и для великолепного одояния. Самые великие люди и славнейшие завоеватели пышным одоянием от прочих воинов себя не отличали.

*** Воспитатель полагается здесь в двух должностях: обучать ему питомцев науке и быть при них дядькою.

сердце и разум делами и науками, потребному гражданскому *судье* и *вою* ну как в мирное, так и военное время. Что до первого пункта принадлежит, внесу здесь только предписанные *Вегецием* наставления (французское издание 1759 года, книга 1).

Наставления Вегециевы

Новому воину прежде всего должно обучиться ступать. Частым только повторением можно навыкнуть ходить в строю и легко и скоро. Нет ничего важнее сего как для походу, так и для действия... Сего ради надлежит новых солдат до того довести, чтоб летним днем во время пяти часов могли по двадцати миль* ходить обыкновенным шагом, а по 24 мили тогда, как скорее идти приказано будет. Не надлежит и того пренебрегать, чтоб солдаты скакать умели; чрез то в состоянии будут легко перепрыгивать чрез рвы, загороды или другие препятствия. Салюстий, говоря об управлениях Великого Помпея, объявляет, что он в скакании и бегании споривал с самыми легчайшими, в силе — с сильнейшими; да как мог бы он противиться Серторию, если бы не приуготовил себя и своих воинов к сражениям частыми в том упражнениями... Всем новым солдатам без изъятия должно учиться плавать; не всегда есть мосты... Не пехотному токмо, но и конным воинам, самим служителям, да и для лошадей плавание может быть полезно... Во время обучения давали им щиты и оружие, имеющие двойную тяжесть пред теми, с какими они на войну ходили, нарочно для того, дабы в сражениях, имея легчайшия, тем удобнее действовали и вернее ударяли. Надлежит новых солдат обучать, как разными орудиями действовать. Солдаты, знающие, как действовать оными, всегда надежно будут Отечеству своему обороною. Роскошь наша и богатство не устрашают неприятелей; не иным чем, как добродетелию и страхом оружия можем предписывать им законы, приобретать почтение и заставлять их искать у нас дружбы.

Сверх того надлежит новых солдат обучать в цель стрелять из лука; но для сего надобно искусных иметь мастеров, которые бы показывали, как луком действовать, как сильнее натягивать, левую руку прямо протянуть, а правую целно бить как с лошади, так и с земли.

Римляне всегда заставляли вновь набранных для конницы на лошадях скакать; да от сего упражнения и старые солдаты свободяемы не были... Зимую под кровлею, а летом на Марсовом поле поставлялись деревянные лошади, на которых новым солдатам для обучения и привычки скакать надлежало. Сперва скакивали они без оружия, а потом совсем вооружась, и сколько к тому прилежания оказывали, что наконец могли садиться и сходить с правой и с левой стороны, держа в руках и палаш, и ланец. Но между всеми привычками есть не последняя: большую или тяжелую ношу носить. На новых солдат должно налагать по 60 фунтов. Привычка сделает все легким...

Монтань, говоря о воспитании благородного человека, уверяет, что самая забава и телесные движения составляют знатную часть воспитания. Бегание, борьба, музыка, танцование, фехтовать или биться на шпагах и верхом ездить принадлежат к воспитанию. Желал бы я, говорит он, чтоб в то же время, как душевныя дарования умножаются, наружная благопри-

* Римская миля состоит в тысяче шагов, что сделает около тринадцати верст.

стойность и стройность к человеку прибавлялись. Приучай его к поту, к стуже, ветру, к солнечному зною и ко всем приключениям, которых ему опасаться не надобно. Лиши его всей неги и слабости, достатка в одежде и в питье (Книга 1, глава 25)*.

Можно взять у *Венеция* для самых приставников хорошие наставления. У него же можно учиться и воинскому делу, и Французскому языку посредством изрядного перевода вышеизображенного издания. Можно пользоваться и *Монтанцевыми* опытами в тех главах, в кои он о воспитании благородных пишет.

У *Азигеля* спрашивано было, чему думал бы он детей обучать? Тому, отвечивал он, *что, будучи в совершенных летах, они делать должны.*

Не могу обойтись, чтобы не повторить того, что всему есть предпочтительно: надобно младенца возрастить *здорового, гибкого и крепкого*, чтоб мог выдерживать голод и жажду, жар и стужу, вкоренить в душу его спокойствие, твердость и неустрашимость против опасностей, кои ему преодолевать следует.

Нельзя инако достигнуть сего толь важного намерения, как старанием исправить или, так сказать, соорудить по правилам *натуры и физики* сложение наше, начиная от самой нежной юности, привычками к трудам, прибавляя оные по мере нашего возраста, различием в пище и питье, отвращением от болезней, вдохновением ненависти ко всему, что честь и добродетель нарушает, приласкиванием, похвалами, отличием и что действительно всего, *примерами*, достойными подражания. Командирам должно оказывать оныя** и стараться приобрести себе любовь и почтение и учинить себя достойными подражания благородного юношества, воспитываемого для пользы и для славы Отечества.

Сказано уже выше, что по намерению, которое полагается здесь в воспитании благородных, не так их обучать надобно, как обыкновенно в Университетах и в других училищах бывает. Кадетам должно только в исполнение приводить то, что выучат, а не других обучать. Все учение надобно им приобретать *наибольше зрением и слухом*. Для того истребить навсегда из сего воинского училища все излишества, от других в *важность* поставляемая, все *Метафизическая* материи, все к употреблению не принадлежащие толкования, выучивание наизусть, словом, все *школьническия*

* Привожу сюда обоих сих писателей для подкрепления своих мнений. Надеюсь тем избежать нарекания, учиненного Ганнибалом Греческому Философу Формиону, как сей дерзнул в присутствии Великого онаго Генерала давать публично учения в воинском деле. В разсуждении сего и я в равном нахожусь с Горацием случае, который, извиняясь пред своими благодетелями, сказал, *что он подобен точилу, которое острит орудия, но само не режет.*

** Пример есть действительнее всех наставлений. Один хороший пример иногда больше стоит, нежели многократные нравоучения. Нетокорой учитель или дядька не переставал внушать своему питомцу пользы от умеренности, трезвости и воздержания. Государь мой, отвечивал ему питомец, конечно, вы за велико не ставите преподаваемых мне наставлений, ибо вы ожесточаетесь до крайности и за столом с приятелем спорите, кто выпьет более. Бедственным страстям сего учителя наконец и ученик подражать начал.

излишества, кои вовсе бесполезны воспитанию благородных. Здесь самым делом, слушанием и видением юноше узнать надобно, что есть человек в обществе, что требует чин, место или то состояние, в каком находится будет; как жить с родителями, наставниками и властителями, как воздавать за благодеяния сродникам, приятелям и начальникам, что есть его собственное и что ему не принадлежит, дабы он поставлял себе за главную должность усердно исполнять все, чего звание его требует, когда он Воин, Эконом, Судья, Начальник, или кому подчинен будет, и знал бы все должности, чину своему принадлежащие, чтобы сохранить оной с честью и с общим удовольствием.

VII. О награждениях

В сем Корпусе воспитателям старание и о том прилагать должно, как питомцев своих поощрять к доброму. Похвала, отличие, отменное уважение или предпочтение могут всегда побуждать юношество к хорошему поведению и к снисканию себе преимуществ; только бы сии похвалы так производимы были, чтоб не возбуждали междоусобной ненависти и чтоб, наконец, мщение не было плодом сих отличностей.

VIII. О наказаниях

В Кадетском Корпусе должно сочинить особый Устав о наказаниях согласно с мнениями Господина Монтескью (о прямом разуме законов в 6 книге в 12 главе изображенными). Не надобно, говорит он, для управления людьми употреблять жестоких средств; не должно те способы прилагать к их руководству, кои природа нам доставила. Когда кто прилежно изследует причины всех небрежений в должности, то найдет, что оныя происходят не от умеренности в наказании, но от того, что нет наказания. Послушаемся только законов природы; она дала человеку стыд для терзания его. Последуем ей и сделаем, чтоб безчестное стыду подвержение было главным наказанием.

Страшным наказанием произвесть добродетели невозможно. Она *дщерь кротости, любви и почитания к родителям, наставникам и к знаемым*. Китайские писатели заметили, что когда наказания становились частыми и чрезвычайными, худые поступки умножались. Из сего без сомнения заключить можно, что, если нравы повреждены, наказания никогда не будут полезны и действительным к тому не послужат лекарством.

Юлий Цесарь и Август смертью казнили за возмущение и побег во время сражения с неприятелем; но за малья погрешности наказывали только стыдом и посрамлением; и сии наказания состояли в том, чтоб виноватому целый день простоять без воинского одеяния, имея иногда на ногах оковы, есть невыволотой хлеб, стоять, когда сидят другие, копать землю и тому подобное.

Что до воинской строгости надлежит, на каждую погрешность наказание определить должно, дабы всяк наперед знал, чему подвержен будет, и сведением воздерживался от преступления; а от погрешностей другого рода, как от *злонравия, лености, упрямства*, а паче злобы, каждого воздерживать должно Офицерам, Инспекторам и воспитателям по содержанию Устава, который нарочно для того сочинить надобно.

Не должно никогда кадета бить шпагою или фуктелем. Сие только вредительное злоупотребление происходило прежде*. Кто не видит, что жестоко сие наказание отнюдь не прилично нежному их возрасту? Должно навсегда истребить оное из сего толь знаменитаго училища. Болезненное сие наказание, производя ужас, заражает чувства. Благородную душу должно воздерживать опасением пренебрежения или безчестия, а не страхом телеснаго и вредительнаго наказания, например: не носить несколько дней мундира, быгть отлучену от своих товарищей во время пищи, есть перед глазами их только хлеб и воду или совсем не обедать, пробить несколько времени под караулом, в классах, стоя на коленях, учиться. Сии и подобные средства, конечно, достаточны будут к усмирению юности. Римские воинские законы и все писатели, кои разсуждали, какое действие в людях наказания производят и чем поражаются разумы, согласны с сим разсуждением.

Примечание 1. Хотя редко примечено, однако весьма вероятно, что у детей во всяком возрасте особливья бывают *свойства, мысли и разговоры*. Если кто наказывает их за всякие погрешности, шутки и неосторожности, как обыкновенно делают угрюмые педанты, тот либо не имеет о сей вещи понятия, либо хочет их погубить или сделать им жизнь несносною. Если дитя воспитываемо в непрестанной неволе и всегда понуждаемо будет наблюдать *маловажныя правила*, вселится в нем ненависть к повиновению, которое в сем учреждении для всех учений и наставлений весьма нужным почитается. Словом, надлежит истребить все *мелочныя* или пустыя наставления, которые в простых школах места иметь не должныствовали б, а того меньше в воинском сем училище, где Офицерам, Профессорам и Мастерам весьма остерегаться от таковых поступок и памятовать должно намерение, которое полагается при сем заведении, *чтоб легко руководствуемых разумов не довести до крайности*.

Более того, для сохранения их здоровья, что всего драгоценнее, надобно стараться, чтоб жизнь им была *приятною*, и для того точно следовать Физическим примечаниям. Малых ошибок, кои происходят в молодости, важными никогда не признавать, ниже выговаривать за оныя. Худую имел бы я о десяти- или двенадцатилетнем дитяти надежду, если бы оно столько же постоянно, тихо и осторожно было, как человек тридцати лет.

Примечание 2. Прежде вступления в подробное изъяснение средств, кои к достижению всего, что выше показано, служат, не за излишнее почитаю упомянуть здесь, как и по каким степеням Римляне доходили в республике до первых чинов. Из сего увидим, какие они сведения имели, отправляя свои должности.

ЧАСТЬ II. — Разсуждение о благоразумии и разсмотрении Римлян в раздаче чинов и должностей и какая из сего польза впречь для благороднаго юношества произойти может

Все желающие употреблены быть в службу Римския республики, *Гражданскую, Священническую* и в *Воинскую*, должныствовали начинать оную с *Военной* и быть в оной 10 лет. Если они в сие время оказали опыты

* Известно, что от сего болезненного наказания до сего времени много кадеты претерпели, не считая тех, кои по выпуске из Корпуса хворую жизнь препровождали.

достоинства своего и достигли до 26 или 27 лет от роду, требовали от народных собраний произведения в *Квесторы* или *Казначей*. По два Казначей определялись в *Риме* и по два в *армии*.

Должность воинских Казначеев была почти та же, какую ныне имеют Генерал-Кригс-Коммисар и Генерал-Провиантмейстер. Они следовали в походах за *Консулом* или *Претором*, собирали с завоеванных провинций и городов доходы хлебом или чем определено было, давали отчет в Государственной казне, раздавали жалованье Офицерам и солдатам и вели счет всем приходам и расходам. Если же радетельно исполняли должность по своему чину, свободно было им требовать, чтоб допущены были к присутствию и в Сенате, и при собраниях.

В нынешнее время, конечно бы, произошло нареkanie, если бы пропитание всей армии, содержание и собирание всех доходов поверено было какому молодому Офицеру; но сие нареkanie тщетно будет, если кто помыслит, что строгость Римских законов и воинская дисциплина и обыкновенного качества людей достойными сея поверенности делала.

Тут входили они в подробное сведение о пропитании армии, о качестве и плодородии провинций, о доходах республики и откуда оные получаемы быть могут, словом, о всем политическом домостроительстве или экономике своего Отечества. Ежели они благоразумно и радетельно должность свою отправляли, Сенат и народ производили их в *Эдилы*.

Должность *Эдилей* подобна чину Генерал-Полицмейстера. Они старались о достаточном в городе заготовлении всех съестных припасов, чтоб мера и вес на всех торгах и во всех местах верны и исправно наблюдаемы были; имели смотрение над всеми строениями, храмами, градскими стенами, банями и водяными трубами. Старались о чистоте улиц и о прочем, срывали и поправляли обвалившиеся строения, строго преследовали роскошь и лишние расходы на свадьбах и на погребениях, не допускали народа сходиться толпами, присматривали наипаче там, где непорядки чаще происходили, в питейных домах и в прочих местах; предохраняли от пожаров и наводнений, словом, берегли людей от всех вредных приключений, от злодеев и хищных зверей. Сей чин легко доставлял молодым людям случай получить сведение о всем, что для жизни человеческой потребно*. Тут имел способ распознавать различные качества людей всякого звания. Политическое состояние Государства им уже известно было, и в 30 лет своей жизни знаниями просвещались так, что трудно было сыскать подобных им в равных летах.

Из *Эдилей* происходили в прочие гражданские чины, подобные нынешним Президентским, больше и меньше оных. Им, а особливо *Претору*, надлежало делать расправу во всех судебных и криминальных делах. По службе в сих чинах, происходили по выбору в *Консулы*.

Теперь известно нам, что 1. Римляне, кои желали чинов, препровождали 10 лет своего юношества в воинской службе. 2. Каким образом обучались они воинской дисциплине. 3. Между 27 и 30 годами возраста своего,

* При подробном разсуждении о различных должностях при Корпусе, уповательно, найдется показанная здесь должность весьма нужного не только для Корпуса, но и впрямь для пользы столичных и прочих городов.

имея свидетельство о своей службе, вступали они в должности главных Казначеев как в Риме, так и при армии; следовательно, нет сомнения, что они не только знали арифметику, но и *счетные книги* исправно вести умели. Им надлежало ведать, сколько на день солдату, для целой роты и полку хлеба, а лошадям корму надобно, сколько какого оружия и упряжки, сколько служителей потребно, коликое число доходов и из каких провинций собирать надобно для содержания войска в поле и прочее. Сим образом о силах и могуществе своей республики получали сведение толь нужное и для тогдашних их чинов, и для всегдашнего их состояния.

Все сие доказывает, что в Кадетском Корпусе обучать надобно, как вести *приходные и расходные книги*. *Советник, Президент, Генерал и Сенатор* ежедневно имеют в том надобность и для Государственной, и собственной экономии.

В Корпусе сие наставление преподаваемо не было; но как оное необходимо нужно, то благоразумие и Государственная польза требует, что кадеты, достигнув тех лет, которые им для выпуска из Корпуса назначены будут, окончив с успехом свои науки и послужа вне Корпуса с похвалою и честью по меньшей мере три года, возвращались в оный и отправляли бы должность Казначея, собирая все доходы Корпуса, употребляя оныя на все надобности по повелениям Совета и Генерал-Директора. Послужа три года Казначеем и показав опыты благоразумного управления, вступать им паки на три года в должность *Полицмейстера и Ценсора* Кадетского Корпуса или *наблюдателя нравов*. Главная должность *Ценсора* в том состоит, чтоб прилежно наблюдать благонравие и поведение каждого, все предупредить, что спокойствие и согласие поколебать может и что противно благопристойности; смотреть за учителями и кадетами; знать, что при обучении происходит; примечать все небрежения и проишки и примеченное записывать. Впрочем, различныя к сему чину должности и потому немалого требует знания. Для порядочного оных исполнения должно знающе быть и в *гражданской Архитектуре*, в *нравоучении*, и во всех *правилах*, касающихся до *общества*, дабы находящийся в сем звании мог всегда, о чем надобно, разсуждать основательно и кстати и наблюдал бы приличную осторожность. Проникая *несовершенства и слабости* человеческия, склоняемся к *добронравию* и к *прощению* по разсудку и по разсмотрению. Для того *Ценсор* стараться должен сыскивать способы, предупреждать и заблаговременно отвращать *ошибки и преступления*; в прочем иной власти иметь не будет, как токмо представлять главному командиру о том, что приметит и что, по его мнению, исправить надобно.

От заведения в Шляхетном Кадетском Корпусе Казначейской и Полицмейстерской должности неоцененная произойдет для переду польза. Когда Римская Республика, определяя молодых в Казначеи, испытывала их *верность, разсудок и в деле проворство* и исполняющих звание свое радельно и с пользою обществу признавала достойными важнейших чинов; такия люди, кои в Корпусе были воспитаны, послужили несколько лет вне оного и порядочно отправили *Казначейскую и Полицмейстерскую* должности, без сомнения достойны будут высших воинских и гражданских чинов. Здесь окажутся знающие, как повиноваться и начальствовать, как остерегаться подысков своих подчиненных, как избегать опасности от

злоупотреблений происходящих и прочаго. Пространнее изъяснять сея пользы почитаю за излишнее: она сама собою *видна и ошутительна*.

В Корпусе небесполезно производить расправу в военных и гражданских делах и для того учредить судебное место. Ему иметь только ту власть, какая предпишется в уставе, который нарочно для того сочинить должно согласно воинским и гражданским законам. Отправляющие Полицеймейстерскую и Казначейскую должности могут заседать в сем судебном месте. Тут научатся всему производству, какое в прочих Правительствах бывает.

В *Данши* молодые Дворяне, обучившиеся *Правам*, определяются в судебные места только для слушания дел. Дабы побудить их ко вниманию, Президент требует, чтоб мнение от себя давали письменно о том деле, о котором разсуждение было. Сим образом приобретают они сведения и о законах своего Отечества и каким образом различные суды производятся.

Из истории о древних *Персах* и *Римлянах* известно, что дети их, кои назначены были служить в войске и в гражданстве, во время воспитания своего упражнялись в делах, производившихся в воинских и гражданских судах.

Известно и то, что дети Римских Сенаторов хаживали за отцами своими в Сенат слушать, какая дела и какая об оных разсуждения происходили. Сим образом познавали основание правосудия, видя множество обстоятельств, кои наконец в мысли их впечатлевались. В их присутствии происходили суды, воздаяния и наказания; им известны становились различные перемены, происходящая в жизни человеческой.

Сугубая была польза от сего *практическаго*, а не в *словесных* только наставлениях происходившаго обучения. Молодые люди строгими становились испытателями всего, что *видят* и что *слышат*, а старые тем более в разсуждениях своих употребляли осторожность. Присовокупим к тому и ласкательное для них удовольствие быть от молодых *выслушиваемыми*. Природа отличные сии возрасты соединила непрерывным некоторым согласием.

Впрочем, такое в разных судебных местах присутствие произведет в них всегдашнее воспоминание бывших дел, правил и нравов, кои *господствовали* и которым *доследовано*, тем нечувствительнее сие *предание* утвердить непорочность во нравах и предупредить великую часть погрешностей и пороков, последующих *порождений*.

Наконец, такие питомцы, будучи определены действительно в чины и должности и получа уже потребныя знания вышеизображенным способом, и в особенных делах ничего такого не предпримут и не сделают в одном месте, что предосудительно другому, следовательно, не нарушат ни Государственных законов, ни всеобщей пользы, ибо к порядочному своего департамента управлению нужно совершенно знать и все те части, кои хотя кажутся отдаленными, но тем не меньше с другими связанными.

Основательное о законах и об установлениях Отечества своего сведение нужно необходимо потому, что надежнее можно давать преимущество природным пред иностранными, хотя и отличныя достоинства имеющими.

Таким образом, по свидетельству *Ксенофонтову*, древние *Персы* воспитывали тех людей, коим в свое время первенствующия Государственные должности в воинских, гражданских и политических делах исправлять надлежало, и действительно таким образом *молодой человек* больше будет сведущ и искусен, нежели *другой*, находясь в совершенных летах.

Не могут, правда, по сему установлению все те кадеты по примеру Римлян быть при вышеизображенных должностях в Корпусе, кои окажут к оным склонность и способность, но довольно, когда способнейшими справедливое наблюдаемо будет равенство.

II. Повторение о Науках

Кадетам, как выше уже показано, в Корпусе обучаться воинскому искусству и дисциплине наставлениями и самым делом, поелику в сей сокращенной армии учиниться может, и всему тому, что выше в первой части *Вегецием* предписано; притом:

1. Славянскому языку, дабы Российским писать *правильно и красноречиво* и тем удобнее разуместь церковные наши книги.

2. Чужестранным языкам всегдашним паче *употреблением*, нежели твержением Грамматики.

3. Арифметике, Геометрии, *коническим сечениям* опытам паче на *твердых телах*, нежели чертежам; Тригонометрии, Артиллерии, Фортификации, Механике и другим Наукам.

4. Нравоучительной Философии и основаниям всенародного права, изображенным в книге Г-на *Луффендорфа* «О Должности человека и гражданина», переведенной *Барбейраком* (буде нет другой, которая бы сей предпочтена быть могла).

5. Обучиться Географии и Истории, справедливое получить понятие о нашем земном шаре весьма нужно воинскому и гражданского звания человеку. Географии обучать должно на *большом глобусе*, а не по картам; в то же время учить и Истории до наших времен по Географическому о четырех частях Света описаниям, но сократительно.

6. Что небесного или *планетного* течения принадлежит, довольно дать о том понятие посредством такой *сферы*, какую я в *Лейдене* видел у Г-на *Мушенброка*, последнего его изобретения, где ясно видно от приделанного поворота семи планет вокруг солнца обращение. Как получают о небесных телах понятие, тогда полезно начинать обучение Географии.

7. Сведения о свойствах каждой из четырех стихий нужно воинскому человеку. Кадеты, кои наибольшие окажут к Наукам склонности, могут слушать курс *Экспериментальной Физики* и других до сей науки принадлежащих доказательств, *Натуральной Истории* и *Химии*, не ущербляя, однако ж, тем ничего из прочих нужнейших своих упражнений.

8. Как чин Генерал-Кригс-Комиссара великое доставляет сведение о *Политической Государства Экономии*, то служивший в оном, конечно, лучше может управлять поручаемым ему войском, нежели обучившийся только воинскому искусству; того для необходимости надобно, чтоб кадеты учились вести приходные и расходные книги, как выше показано. Г. *Локк* сильно то присоветывает в книге *О воспитании благородного человека*, дабы оный мог управлять своим домом и жить порядком. *Где не будет экономии, не будет, говорит он, там и правосудия; расточение и на удачу пущенная жизнь причиняют хищения и нестроения знатнейших домов.*

9. Лишним кажется для Кадетского Корпуса делом обучаться *Латинскому языку, Логике, Метафизике* и прочему. Г. *Гюм* в политических своих разсуждениях говорит так: «*Наибольший порок нынешняго воспитания*

состоит в том, что много употребляется времени на сии науки, для которых учителя заставляют нас тратить лучшую часть жизни и препятствуют учиться нужнейшим и обыкновенным познаниям».

10. Ко всему вышеизображенному присовокупить остается, что кадет, дабы служить впредь с пользою, долженствует знать воинские обряды посредством всегдашнего в оных обращения, прямо разумеет все образы нападения, обороны, строение мостов, число и качество упряжки, потребной под съестные и воинские припасы и под гошпиталь, чем пропитать армию; словом, сколько каких аммуниционных вещей в год потребно, и прочее сему подобное.

11. Обучая кадетов верховой езде, надобно показывать им, как лошадей содержать, как лучше их подковать, какую тяжесть без нужды понести могут, чем различныя их болезни лечить, какия седлы, приборы и мундштуки лучше, что чего стоит, дабы потом и солдатов могли обучать, как ездить и на лошадей скакать, реки вплавь переезжать и тому подобное. К их знанию принадлежит много других обстоятельств, но о которых редко помышляемо бывает.

12. От практического воспитания научатся они об людях *разсуждать*, распознавать их и предупреждать болезни в войске; стараться будут, чтоб пища, вода, воздух, бани и дома были здоровы и чтоб не вкрадывались роскошь и злонравие.

13. Где бы начальник ни повелевал армию, в поле, в квартирах, в полку или в городе, все равно обязан отвращать *общия злоключения*. Колико Генералов единственно тем привели в худое состояние свои армии, что в сих знаниях не были искусны; может быть, от воспитания к тому и способности не имели.

14. Хотя при всякой армии есть Генерал-Аудитор, но когда приходит судить о животе и смерти, то нельзя не признаться, что всякому таковому *судье* надобно знать *Юстиниановы Гражданские законы*. Буде Офицеры ни к чему более не воспитаны, как токмо солдат ружьем обучать, то, конечно, ни один из них не будет способен к сей должности: но если, напротиву того, согласно предписанию Г-на *Пуффенгорфа*, обучаться по правилам и самим употреблением воинским уставам и прочим Российским узаконениям, то в Кадетском Корпусе или в других судебных местах, где воинские суды производятся, будут в состоянии поправлять и исполнять должность Генерал-Аудитора.

Выше уже сказано, что Римляне, будучи судьями в Риме и в провинциях, выбирались в *Консулы* и главные полководцы. Какия надлежало такому *Консулу* иметь практические сведения? Воинскому искусству принадлежал он от самой юности и в награждение за свои достоинства и за то, что обучился повиноваться и повелевать, производим был по степеням в Казначей или в Генерал-Кригс-Комиссары, в Генерал-Полицмейстеры или хранители здравия и благонравия, наконец, в судьи.

Господин *Сент-Эвремон* почувствовал изящность сего воспитания, как видно, из опытов его о Римской Республике. От сего воспитания, по мнению его, произошли великие мужи, превосходящие тех, коих мы им подобными почитаем. Но сей писатель не объявляет нам, каким бы образом сие воспитание согласить с нынешним в Европе воинских людей происхожде-

нием. Теперь всякий офицер, кажется, к тому только назначен, чтоб сражаться в день баталии. Он в *безчестие* себе вменяет ведать то, что знают *поставщики и комиссары*, и потому неволею принужден во всем на тех полагаться, кои видима корысть побуждает уловлять его доверенность. Он не знает ни сил, ни могущества, ни доходов Государства, для которого сражается; в том всю полагает свою славу, чтоб *устребить* неприятеля, не сохраняя и не щадя иногда и собственного своего войска, и обыкновенно теми руководим бывает, кои приобрели его доверенность.

Когда прилежно разсуждаю я о таких состоянии, не могу не увериться, что каждому военачальнику надобно быть способным служить в мирное время в *гражданских* делах, а во время войны в *поле*.

Примечать надежит, как не всякому дано разсуждать с основанием и последовать разсудку, то из сего происходит, что многие руководствуются *погражанием*, и таковыя способны паче исполнять *повеления*, нежели *давать* оныя. Кто больше к отличностям склонен, в трудах неутомлен, ревностен и горяч в исполнении своих предприятий или того, что ему ласкательно, таковой способнее других своими делами *управлять и повелевать*; словом сказать, такой человек способен к отправлению всех тех чинов и должностей, кои требуют твердаго и неустрашимого *духа* и непременного *одоления*.

Римская держава всегда процветала в славе и величестве, пока управляема была такими людьми, какие выше описаны; но сколь скоро *Константин, Гонорий, Аркадий*, а паче *Юстиниан* пренебрегли воинское в гражданских чинах воспитание, то порабощена оная *варварами*.

III. Особливья примечания

Тщетно бы ласкали мы себя желанием вскоре завести *третий* или *средний* чин народа: существенное Государства состояние, великая онаго обширность, малое в разсуждении оной число людей и прочее являют несколько будто бы непреодолимыя в том препятствия. Но дабы теперь к достижению сего намерения сделать некоторое начало или приуготовление, то надежнейшего средства нет, как токмо стараться отменное учредить воспитание.

Должно наипаче из сего Корпуса произвести и воинов, и граждан, искусных в Политической Экономии и в законах своего Отечества так, чтоб Генерал, одержав победу, мог решить судное дело в Сенате, распоряжать течение доходов, поправлять земледелие, исполнять должность Генерал-Полицмейстера, чтоб из Сената, из Военной, Комерц-, Камер-Коллегий и из других правительств паки мог ехать в поле предводительствовать армиею, и при назначении в сии должности не было бы нужды разбирать время и особы.

Излишне здесь толковать, что кадетам никогда не должно быть Офицерами в том же Корпусе. Для истинной пользы и благосостояния Государства надобно прежде всего, чтоб всякий, воинского и гражданского звания, человек знал свое Отечество. Из Географических карт получаемого сведения к тому недовольно, а всемерно нужно, чтоб кадет, выпущен будучи из Корпуса, самою службою спознал, в чем состоит *плодоносие и изобилие* провинций, *возможность земледельца* и прочее; чтоб все нужное

примечал, имея к тому самый удобный случай во время пребывания в армейских полках, расположенных по уездам. Употребляемые им к сему *труды* послужат, между прочим, и к укреплению его здоровья.

Вся трудность только в том состоит, чтоб *вкоренить и утвердить воспитание*. Пускай научится кадет в Корпусе и воспитан будет во всем по желанию; но сколь скоро определится к месту, то, конечно, многие примут нравы живущих в оном, следовательно, убавятся почти все те навыки и склонности, в коих воспитан. Сие несходство неотвратимо и неизбежно быть кажется, ибо почти невозможно, чтоб воспитание *некоторога числа людей* превозмогло *всеобщим примером* наипаче при первом из Корпуса происхождении. Выше уже сказано, что мы врожденную в себе имеем склонность *тем подражать, с кем живем, а паче кого почитаем*; внезапныя токмо молодому человеку случающияся в жизни приключения надежду подают, что рано или поздно возвратят его на прежний путь воспитания. Все сие то уже время и таких-то людей, кои уже в летах, можно будет определять *Офицерами* в Корпус с великим рассмотрением, отлагая все представительства, какия бывают при таковых случаях, дабы инако не дошло сие шляхетное училище паки до нынешняго состояния.

Управляющие Шляхетным Корпусом должны быть признаваемы быть как семена, кои так *перераживаются*, что на себя не походят, если не обновляются взятыми из других климатов. Сего ради и надлежит, по меньшей мере хотя чрез три года, во время каждого выпуска* строго изыскивать, все ли предписанным порядком идет, подобно тому, как строение всегда починивать надлежит, чтоб не развалилось. Таков жребий всех человеческих дел; все, что не подкрепляется силою, приходит в упадок, подобно, как судно на реке без гребли быстрина носит**.

Весьма важное примечание присовокупить остается, а именно: что если кадеты Географии, Истории и другим наукам не на своем природном языке обучаться станут, то из того польза будет не велика. Доказательство то коротко, но неоспоримо. Пускай дитя от пяти или шести лет своего возраста учится по-Немецки и по-Французски, но по прошествии 14 и 15 лет не будет он еще иметь об Истории и Географии прямого понятия. Если он тому обучился на чужом языке, то ему покажутся сии науки *совсем новыми* и *неслыханными* на своем природном. Равным сему образом никогда кадеты не выучатся чисто говорить другим языком, если в Корпусе только Российским говорить станут.

Что в том есть великая разность, на каком языке Науки преподаются, ясные видим мы опыты из того, что ныне в Корпусе кадеты, *Лифляндцы* и другие иноземцы, скорее и больше изучаются, нежели *Российские*, потому что те всему учатся на *своем* языке.

* А еще лучше при окончании каждого года употреблять особенное время на то одно и крайне о том стараться, чтоб сии экзамены или смотры отправлялись со строгостию; ибо чрез то не токмо ученики, но и Офицеры, и учителя памятнее станут наблюдать свои должности.

** Непрерывным токмо наблюдением *единожды* устанавливаемого порядка и принимаемых правил польза сего Корпуса и благосостояние онаго храниться могут; инако же и самое малейшее послабление приведет все в расстройку.

Невозможно, подлинно, теперь вскоре довольно учителей найти, кои бы Науки на Российском языке преподавать могли, ибо ученые иностранцы не разумеют онаго; но сия трудность или невозможность чрез пять или шесть лет легко отвращена и преодолена быть может. Когда жалованье и другие способы послужат поощрением, то найдутся такие и между иностранными, кои на Российском языке обучать могут тем Наукам, о коих выше изъяснено. Г. *Профессор Эйлер*, как сказывают, будучи в Берлине, обучал на Российском языке Геометрии некотораго из наших знатных; следовательно, трудность в том не столь велика.

Не могу оставить, чтоб не подтвердить важности и необходимости для воспитания, дабы все кадеты без изъятия обучались *Грамматически Славянскому языку* и чтоб сочинен был *Лексикон* или *Словарь* славянский с Российским и Российский паки с Славянским.

Если бы кто сказал, что нет для сего потребных книг, ни Лексиконов, ни Словарей, ни Грамматики, и что оныя сочинять трудно, то ответствовал бы я, что есть, однако ж, способы сочинить оныя отныне годы в четыре или лет в пять*.

Здесь не место давать наставления для сего сочинения; но если ежегодно употреблять тысяч до семи в награждение человекам пяти или шести, искусным в том и некоторых других ученых языках, одному над ними *насмотрщику* и одному *начальнику*, то сии книги в вышеназначенное время легко поспеть могут.

IV. О нравах

Нет ничего труднее, как удобрить нравы и склонности целого народа. Законы особенные, воспитания и затверделая предубеждения сильно над ними *владеют*, как *невольником*: не знает он и не чувствует своего *порабощения*, но паче *любит оное*. Нет равномерно и ничего подлиннее, как то, что скорее и удобнее можно достигнуть сего исправления нравов способами кротости, нежели строгостью и силою.

Не распространяюся я теперь о сей материи как не принадлежащей до установления Кадетскаго Корпуса, хотя по прилежном разсмотрении и нахожу, что если предписываемое для Корпуса воспитание и в прочих местах распространится, тем нечувствительнее и *поправление нравов* произойдет, и прочность самага Корпуса утвердится.

В письмах, напечатанных в Женеве (в двух книгах в осьмушку) о *Законах и Домостроительстве Датскаго Королевства*, сыщется больше объяснений моим размышлениям; да много найдется тамо еще и подражания достойнаго.

* Знание Истории, Географии и прочих Наук возбуждает в учащих склонность к чтению книг. Для того надобно им начинать оное посредством сокращенных сочинений, принадлежащих до того, чему кто учится, дабы они тем удобнее пользовались пространными книгами. Неимеющим сего удобства чтение кажется трудным, потому что не ведают содержания сочинений, ни того предела, к которому оныя привести могут. Большая трудность оказаться может в сыскании таких сокращений, кои сходствуют с учреждением Кадетскаго Корпуса. Нужда будет и в том, чтоб оныя сделаны были знающими людьми.

V. О некоторых учреждениях для Корпуса

В окончании потребно нахожу объяснить пользу некоторых новых заведений, кои навсегда в Корпусе сохранить должно.

1. В Кадетском Корпусе необходимо нужно иметь благоразумно собранную Библиотеку, не токмо для употребления кадетам, но и самим Офицерам, учителям и к воспитателям благородного юношества определяемым людям.

2. Кабинет *Натуральных* и любопытства достойных вещей также нужен, дабы временными и как бы для одного увеселения кадетам производимыми доказательствами и изъяснениями показать им *действие* *Натуры*. Сими непринужденными наставлениями могут они, однако ж, приобрести склонность к прилежнейшему впредь *Натуральных* вещей изследованию.

3. Чтоб благородный человек мог в обществе показать себя отлично, надобно ему буде несовершенно, то, однако ж, некоторое понятие иметь о всех художествах и мастерствах, которые нужны воспитанию; потому и *галерее* при Корпусе быть должно, и в ней лучшим моделям *механическим*, *архитектурным*, *гидравлическим* и прочим, дабы из оных кадеты о правилах движения легчайшим образом понятие себе составлять могли.

4. Приличествует также иметь в сем Корпусе особливую *галерею*, убранную различными и примечания достойными штукаами *живописными*, *скульптурными* и *резными*, в которой бы такожде можно было выставлять и показывать кадетские *труды* в гражданской *Архитектуре* и прочее.

5. *Простое* и *теорическое* сведение, каким образом *оружия* делаются, всемерно надобно им заблаговременно приобретать. Сего ради при Корпусе содержать должно порядочно учрежденный *Арсенал*, в котором кадеты сами видеть могли, как всякое оружие сделано, в чем состоит разность, доброта онаго, исправность, порок и недостаток. Словом, ничего пренебрегать не должно, что служит к подробному о сем пункте сведению.

6. Все служит и все полезно быть может совершенному воспитанию; *Ботанический* и другие сады нужны существенно. Благородное юношество может, прогуливаясь, в опытах узнать различныя произращения, их свойство и действие в разсуждении человеческого здоровья и как насажденные деревья воспитываются. Сие знание для переду весьма полезно быть может для собственного их домостроительства.

7. Сколь ни почитал я *Российския бани* нужными, Г. Саншес утвердил меня еще более в сем мнении. Он в письме своем ко мне о воспитательном доме изъясняется следующим образом: «Я обойтись не могу, чтоб вам не представить: крайне надобно ввести бани в употребление как надежнейшее предохранение от многих болезней и средство к укреплению человеческого тела. Хотя от суеверия ныне в Европе бани уничтожены, да тем в то же время и сила, и множество живущих на полдень Европейцев исчезли; но сие доказывает токмо, что безрассудные ревнители охотнее смотрели на изнеможение и расслабление своего народа, нежели на здоровье и укрепление онаго». Российские солдаты лучше знают великую и существенную от бани пользу, и можно ручаться, что здешния бани, употребляемые таким образом, как господин Саншес предписывает*, суть наилучшим

* Предписание оное находится в физических примечаниях.

и несравненным средством к сохранению здоровья, силы и крепости, то-лико нужных к умножению людей в Государстве.

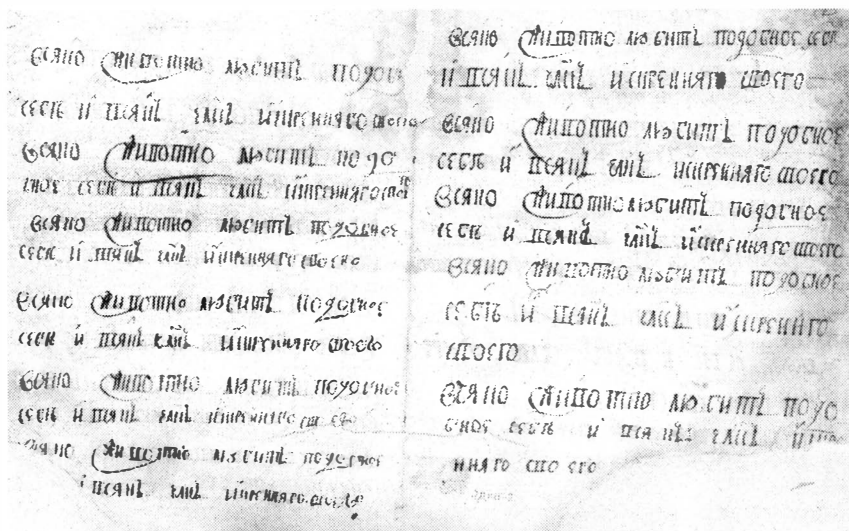
Все известные нам народы неоспоримо в том согласны. Единое суеверие истребило бани в Европе; за сие истребление заплачено опасною болезнью, которая началась в Италии, а потом во Франции около 1480 года. Большая часть ученых сие утверждают, а другие сказывают, якобы сия болезнь привезена из Америки.

Заключение

Довольно, кажется, изъяснено и доказано, что воспитанию в Шляхетном Корпусе должно быть *практическому*, паче нежели *теорическому*; учиться юношеству больше от *смотрения и слышания*, нежели от *тверждения уроков*; что порядкам Шляхетнаго сего училища надобно быть вовсе отличными от наблюдаемаго в школах, Академиях и Университетах *обыкновеня*; что елико можно, избегать всех излишних праздностей, нарядов и всего того, что жизнь изнежить и в ослабление привести может, и не следовать в том примеру большей части молодых людей других государств. Сего ради несколько строго в том настою, что *завивание, пудры, помады* и все некстати *уборы* излишни; что пища долженствует быть *простая*, но *здоровая и достаточная*; что надлежит больше тело приучать к *трудам*, нежели принуждать разум к *размышлениям и соображениям*; чтоб *блестящая поверхность* не была предпочитаема простым и правдолюбивым нравам; но преимущество бы давано было *трудам, постоянству* и *доброй вере*. Тем в ненависть приведены будут *праздность, лицемерие и ласкательство*, приятный токмо *вид* имеющая и часто ныне прямому *достоинству* предпочитаемая. Происходящее от сих *наружностей* зло есть тем большее, что не токмо многия *ненужные и необходимые* вещи делаются чрез то *нужными и необходимыми*, но украшающиеся сими *притворствами* люди, довольствуясь быть *учтивы и ласковы*, не имеют уже в прочем *ни истинно-го усердия к Отечеству, ни способности* к полезным делам, а только *самих себя любят*.

Приложение 4

Образец работы по чистописанию
(курс русского языка).
Первая четверть XIX в.

Приложение 6

Отпускной билет кагета 1-го Кадетского корпуса. Начало XX в.

ПРАВИЛА ДЛЯ КАДЕТ, НАХОДЯЩИХСЯ В ОТПУСКУ

1. Кадет, по выходе из Корпуса, должен прямо отправляться к лицу, получившему годовой билет, и отлучаться из дому не иначе, как с его разрешения.

2. Если кадету встречается необходимость идти в отпуск прямо из корпуса не к тому лицу, которому выдан годовой билет, то необходимо от этого последнего письменное извещение отделенному офицеру-воспитателю.

3. Кадеты должны помнить, что честь и добрая слава Корпуса есть общее достояние всего заведения, а потому все кадеты своим поведением обязаны охранять эту честь и добрую славу Корпуса. Повсюду, где бы ни находился кадет, он должен отличаться благонравием, скромностью, вежливостью, свойственной воспитанному юноше; также соблюдать форму и чистоту в одежде.

4. Проходя по городу, кадеты должны быть внимательны к тому, чтобы не пропустить лица, которому следует отдать честь; но, отдавая честь одному лицу, должно быть возможно вежливым и относительно других лиц, проходящих по улице. Поэтому, при отдавании чести, давая дорогу лицу, которому отдается честь, надо в то же время остерегаться загроживать дорогу другим лицам, для чего, смотря по обстоятельствам, надо уменьшить или увеличить шаг, или даже сойти с тротуара.

5. Кадеты обязаны отдавать честь: 1) Становясь во фронт: Государю Императору, Государыне Императрице, Великим Князьям, Великим Княгиням, Великим Княжнам и Князьям Императорской крови, иностранным Государям, имеющим титул Величества, и их Наследным Принцам; Знаменам и Штандартам; всем состоящим на службе и числящимся в запасе и отставке Генералам и Адмиралам; Начальникам гарнизона, своему отделенному офицеру-воспитателю и всем штаб-офицерам своего корпуса. 2) Не становясь во фронт: всем штаб- и обер-офицерам гвардии, армии и флота; всем военным врачам, в каких бы чинах они ни состояли; запасным и отставным штаб- и обер-офицерам в военной форме; всем служащим в корпусе военным чиновникам и преподавателям, а также корабельным гарде-

маринам и всем нижним чинам, имеющим Георгиевский крест. Кроме того, кадеты должны приветствовать отдаaniem чести всех воспитанников военно-учебных заведений, юнкеров и кадет Морского Корпуса.

6. Иностранным генералам, штаб- и обер-офицерам, когда они в военной форме, отдается честь по общим правилам (§ 5).

7. Кадеты едущие в экипажах и на самокатах, отдают честь, прикладывая руку к головному убору.

8. Если лицо, которому следует отдать честь, находится на месте, а кадет проходит мимо, то последний отдает честь, не останавливаясь, а только прикладывая руку к головному убору.

9. Если кадет видит, что лицо, которому следует отдать честь, обгоняет его, то он отдает честь по тем же (§ 5) правилам, становясь кому следует во фронт.

10. Честь отдается, кому положено, и в присутствии старшего начальника.

11. Если старший, которому при отдании чести кадет стал во фронт, дает знак или скажет, чтобы продолжал идти, то последний поворачивается и идет, не опуская руки, пока не минует старшего.

12. Проходя по улицам, кадеты не должны вмешиваться в ссоры, не должны участвовать в сборищах по поводу драк, буйств или какого-либо другого беспорядка.

13. При входе генерала, адмирала, штаб- или обер-офицера, в каком бы месте ни было, кадет должен встать, отдать честь и без разрешения не садиться. В жилых помещениях кадеты должны отдавать честь всем офицерам без исключений, становясь во фронт.

14. Не дозволяется ездить верхом по улицам города и кататься на лодках без сопровождения взрослых родственников.

15. Запрещается на улицах иметь руки в карманах и ходить с кем-либо под руку.

16. Кадетам разрешается посещать: оперные, драматические и балетные спектакли в театрах ИМПЕРАТОРСКИХ — Мариинском, Александринском и Михайловском (в последнем лишь оперные и драматические русские), в залах СПб Консерватории и в Малом театре; оперные спектакли в частных театрах, спектакли в Народном доме (исключительно днем), причем не разрешается выходить из зрительного зала. Симфонические собрания и концерты; представления в обоих цирках (кроме Великого поста и вечерних представлений накануне воскресных и праздничных дней). В будние дни разрешается посещать театры по особому письменному разрешению Директора Корпуса.

Французские и немецкие драматические спектакли в Михайловском театре, драматические спектакли в частных театрах, не названных выше, могут посещать не иначе, как с особого каждый раз письменного разрешения начальства, а театры кинематографы исключительно днем до 6 часов.

На частных концертах и вечерах, вход на которые платный, разрешается присутствовать только с разрешения своего прямого начальства, имея при себе письменное удостоверение об этом.

Вне Петрограда посещение кадетами различных общественных увеселений и публичных мест представляется усмотрению лиц, на ответственности

которых находится кадет, причем лица эти должны сообразоваться с правилами, принятыми в заведении и с распоряжениями местного военного начальства.

При посещении театров и цирков кадетам разрешается занимать все места, за исключением первых шести рядов партера и барьерных лож и кресел в цирках; во время антрактов кадеты должны стоять.

Кадетам Корпуса воспрещается присутствовать в разного рода собраниях, обсуждающих политические вопросы; принимать непосредственное участие или присутствие в скопищах, сходках или манифестациях, какого бы они рода ни были; бывать в публичных маскарадах, в комнатах для курения, в номерных банях и в буфетах, за исключением вагонов-ресторанов и станционных и пароходных буфетов 1-го и 2-го классов во время пути; посещать спектакли оперетки, фарса, все спектакли в театре Пассажа, а также принимать участие в каких бы то ни было играх на деньги.

17. В номера гостиниц и меблированных комнат кадеты допускаются только в том случае, если там проживают их родители или близкие родственники и не иначе, как с письменного разрешения на это своего родного командира.

18. Кадетам всех классов курение табаку воспрещается где бы то ни было.

19. В форме одежды, в таких случаях, когда нет особого распоряжения по Корпусу, кадеты обязаны руководствоваться следующими указаниями:

а) В период времени с 15 сентября по 1 мая, если не последует особого распоряжения, кадеты должны одевать шинель в рукава. Башлыки одеваются по особому распоряжению и при морозе в 10° и более — на уши.

б) При 5° холода и ниже кадеты обязаны надевать наушники; шерстяные перчатки могут надевать при температуре ниже 0°, а если не наде- ты, должны быть в карманах.

в) Перчатки могут быть носимы во всякое время года, но только ус- тановленного образца.

г) Присутствуя на парадах, смотрах, торжественных встречах и це- ремониях, следует в форме одежды сообразоваться с войсками.

д) В летнее время, с 1 мая по 15 сентября, надеваются полотняные рубахи вместо мундиров.

20. Кадет, не явившийся в указанное время в заведение, обязан не поз- же следующего дня представить письменное о том удостоверение от роди- телей или тех лиц, к которым был уволен. Заведение признает уважитель- ную причину неявки, кроме неожиданных несчастных случаев, только болезнь, о чем должно быть представлено медицинское свидетельство.

21. Если у кадета будет отобран кем-либо из офицеров отпускной би- лет, то кадет должен немедленно явиться в корпус и доложить о том де- журному офицеру-воспитателю. Также кадет должен доложить о всяком полученном замечании или разговоре с начальствующими лицами.

Использованные источники и литература

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив.

Ф. 23. оп. 1/121. единица хранения: 902.

Ф. 24. оп. 1/119. единицы хранения: 214, 225, 228, 231, 232, 234.

Ф. 25. оп. 1/160. единицы хранения: 408–410, 463–465.

Ф. 314. оп. 1. единицы хранения: 1, 33, 335, 1637, 1639, 1643, 1650, 1659, 1672, 1694, 1696, 1710, 1711, 1723, 1725, 1734, 1741, 1743, 1756, 1761, 1768, 1774, 1789, 1798, 1807, 1810, 1843, 1868, 1925, 1982, 1896, 2048, 2070, 2073, 2074, 2083, 2120, 2263, 2265, 2303, 2542, 2873, 2950, 3120, 3156, 3235, 3227, 3247, 3324, 3304, 3325, 3341, 3351, 3441, 3522, 3842, 3885, 3898, 8416–8418.

Российский государственный архив древних актов

Ф. 16. оп. 1. единица хранения: 76.

Ф. 20. оп. 1. единицы хранения: 74, 198.

Ф. 178. оп. 2. единица хранения: 28.

Ф. 248. кн. 391. единицы хранения: 21; кн. 396. ед. хр. 2, 5, 6, 11; кн. 453. ед. хр. 19.

Российская национальная библиотека

Отдел рукописей. Ф. 1057. т. I–V.

Опубликованные источники

Ф.Г. Волков и русский театр его времени. Сб. документов. М., 1953.

«Жизнь кадета». Сб. сведений для родителей, опекунов, офицеров-воспитателей. СПб., 1911.

Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений, т. 1–162. СПб., 1836–1863.

Записка о преобразовании военно-учебных заведений. СПб., 1862.

«Кадетский досуг» 1905–1913 гг.

Марголин Д.С. Программа и правила для поступления в кадетские корпуса. Киев, 1916.

Милютин Д.М. Мнение о преобразовании военно-учебных заведений. СПб., 1863.

Описание иллюминации в Императорском Шляхетном Кадетском корпусе 2 сентября 1793. СПб., 1793.

- Правила 1 Кадетского корпуса. СПб., 1897.
Полное собрание законов Российской Империи. Т. 17–28, СПб., 1830.
Полное собрание законов Российской Империи. Книга штатов. Штаты военно-сухопутные. Т. 43, ч. 1–2. СПб., 1830.
Пособие для лагерных занятий кадет 1 роты. СПб., 1896.
«Праздное время, в пользу употребленное». СПб., 1759–1760.
Приказы по военному ведомству. СПб–Петроград, 1864–1917 гг.
Проект общей программы и инструкции для производства опыта преподавания учебных предметов в 1, Псковском и Донском Императора Александра III кадетских корпусах с начала 1903–1904 учебного года. СПб., 1903.
Роспись российским книгам, которые продаются при Императорском Сухопутном Шляхетном корпусе. СПб., 1784.
Свод военных постановлений, изд. 4, ч. 4., кн. 15. СПб., 1869.

Воспоминания

- Алексеев А.А.* Забвение. Воспоминания Санкт-Петербургского кадета (отрывки) // Безвестный русский — знаменитый француз. СПб., 1999.
Бензема Г. Высочайший парад 17 февраля 1914 г. // Военная быль. № 66. 1964.
Бооль, фон В.Г. Воспоминания педагога // Русская старина. 1904, т. 118. Май.
Борцов К.А. Воспоминания о Первом кадетском корпусе // Военная быль. № 96–97. 1969.
Булгарин Ф.В. Воспоминания Фаддея Булгарина. Библиотека для чтения. 1854–1846. Т. 73–74.
Ветлиц А. Первый кадетский корпус // Военная быль. № 54. 1962.
Глинка С.Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895.
Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов. Отрывочные воспоминания. СПб., 1911.
Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. 1830–1850 гг. // Вестник Европы. 1900. Т. 6. № 11.
Крылов Н.А. Кадеты 40-х годов // Исторический вестник. 1901, т. 85. Сентябрь.
Ольшевский М.Я. Первый кадетский корпус в 1823–1826 гг. Воспоминания ген. от инфант. М.Я. Ольшевского // Русская старина. 1886. Т. 49. Январь.
Полетика П.И. Мои воспоминания // Русский архив. 1885. Кн. 3, вып. 11.

Литература

- Аллатов Н.И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа (из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958.
Андреева О.С. А.А. Крутецкий — последний директор музеев Первого кадетского корпуса // Петербургские чтения-95: Материалы научной конференции. СПб., 1995. С. 156–159.
Андреева О.С. Документы о музеях Первого кадетского корпуса в архиве А.А. Крутецкого // Музеи в современной культуре: Тезисы докладов на научной конференции. СПб., 1995. С. 5–6.
Андреева О.С. Малолетние воспитанники в Первом кадетском корпусе: По их воспоминаниям // Петербургские чтения-96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб. С. 367–370.

- Андреева О.С.* Шведская рукопись о Первом кадетском корпусе при Анне Иоанновне // Там же. С. 44 – 46 (совместно с Ю.Н. Беспятыми).
- Антонов А.Н.* Музей Первого Кадетского корпуса. СПб., 1909.
- Антонов А.Н.* Первый Кадетский корпус. СПб., 1906.
- Антонов А.Н.* Петербургский кадетский корпус: в память празднования 175-й годовщины. 1732 – 1907. СПб., 1907.
- Аурова Н.И.* Идеи просвещения в Первом Кадетском корпусе (конец XVIII — первая половина XIX в.). // Вестник МГУ. Серия 8. № 1. 1996.
- Аурова Н.И.* Система военного образования в России во второй половине XVIII — первой половине XIX века. М., 2003.
- Берков П.Н.* А. П. Сумароков. Л-М., 1949.
- Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII в. М-Л., 1952.
- Бескровный Л.Г.* Военное образование в России в XIX в. М., 1970.
- Бецкой И.И.* Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. СПб., 1789.
- Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. ч. 1 – 15. СПб., 1899 – 1901.
- Висковатов А.В.* Краткая история Первого Кадетского корпуса. СПб., 1832.
- Герман И.Е.* История русского межевания. М., 1910.
- Греков Ф.В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений: 1700–1910. М., 1910.
- Данилов С.С.* История русского драматического театра. Молотов, 1944.
- Данченко В.Г.* Новые материалы по истории 1 Кадетского корпуса // Кадетская перекличка. № 51. 1992.
- Данченко В.Г.* Российская Рыцарская Академия // Орел. № 1. 1992.
- Данченко В.Г.* Совершенствование системы военного образования и воспитания в России во второй половине XVIII в. // Кадетская перекличка. № 54. 1994.
- Иванов П.* Опыт истории исследования о межевании земель в России. М., 1846.
- Карабанов А.* Основание — 1750 г. — русского театра 1 кадетского корпуса. К столетнему юбилею. СПб., 1849.
- Крылов В.М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.
- Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению: от основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича, 1700 – 1880. СПб., 1880.
- Луганский М.* История русского театра М., 1914.
- Лузанов П.Ф.* Августейшие кадеты и их участие в лагерных сборах военно-учебных заведений. СПб., 1902.
- Лузанов П.Ф.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус) при графе Минихе (с 1732 по 1741); Исторический очерк. СПб., 1907.
- Луппов С.П.* Типография Сухопутного Шляхного кадетского корпуса в 1757 – 1763 гг. // Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX в. Л., 1982.
- Медем Н.* Очерк военно-учебных заведений во Франции. СПб., 1869.
- Мельницкий Н.Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства). СПб., 1857 – 1860. Т. I – IV.

- Осницкая И.А.* Последние кадеты Петербурга // Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга. СПб., 1993.
- Рекреационный зал Императорского Сухопутного кадетского корпуса в исходе прошедшего столетия // Педагогический сборник. № 4, 7. 1883.
- Смирнов В.П.* Описание русских медалей. СПб., 1908 г.
- Сokolовский М.* Кадетский журнал полвека назад, 1836 – 1863. СПб., 1905.
- Сотвадцатипятилетний юбилей Первого кадетского корпуса, 1732 – 1857. СПб., 1857.
- Столпянский П.* Из прошлого Рыцарской Академии // Педагогический сборник, январь. 1915.
- Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2004.
- Фафурин Г.А.* Иностраннные книги по истории из библиотеки Шляхетного корпуса // Там же.
- Фафурин Г.А.* Книгопродавец Иоганн Якоб Вейтбрехт и библиотека Сухопутного шляхетного кадетского корпуса // Мир библиографии. № 6, 1998.
- Фафурин Г.А.* Труды зарубежных историков в библиотеке Сухопутного шляхетного корпуса // Философский век. Альманах. Вып. 5: Идея истории в российском Просвещении. СПб., 1998.
- Федоров И.К.* Памятка о Георгиевских кавалерах, бывших кадетах 1 Кадетского корпуса. СПб., 1913 г.
- Фисенков С.Я.* Из быта кадетских корпусов // Педагогический сборник. № 1. 1914.
- Химшиев Н.В.* Дом Романовых в истории Первого кадетского корпуса. СПб., 1913.
- Хотеев П.И.* Библиотека Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса в середине XVIII в. (количественные данные) // Книга в России XVI — середина XIX в. Л., 1990.
- Хотеев П.И.* К истории поставок книг из-за рубежа в Сухопутный Шляхетный кадетский корпус в середине XVIII в. // Книга в России: проблемы источниковедения и историографии: Сб. научных трудов. СПб., 1991.
- Червяков А.Н.* Поэтическое творчество кадетов первого Санкт-Петербургского кадетского корпуса // Русская литература XI – XX веков. Проблемы изучения: тезисы докладов научной конференции молодых ученых и специалистов 29 – 30 апреля 1992 года. СПб., 1992.
- Шамрай Д.Д.* К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. Сб. статей. М.-Л., 1958.
- Шамрай Д.Д.* Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетского корпуса // XVIII век. Сб. 2. М.-Л., 1940.
- Шамрай Д.Д.* Об издателях первого частного русского журнала // XVIII век. Сб. статей. М.-Л., 1935.
- Crousaz V.* Geschichte des Preussischen Kaddetten-Korps. Berlin, 1857.
- Friedlander G.* Die Konigliche Allgemeine Krigsschulle und das honore Militarbildungswesen. Berlin, 1854.

Оглавление

Введение	5
<i>Глава I</i>	
«...того ради указали Мы: учредить Корпус Кадетов»	11
<i>Глава II</i>	
«Рассадник великих людей»	85
<i>Глава III</i>	
«Подтянуть!..»	196
<i>Глава IV</i>	
Годы перемен и забвенья	307
<i>Глава V</i>	
И вновь кадеты	323
<i>Глава VI</i>	
Обмундирование и знамена 1-го Кадетского корпуса	374
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение 1	404
Приложение 2	405
Приложение 3	416
Приложение 4	454
Приложение 5	455
Приложение 6	456
Использованные источники и литература	459

Кадеты. Гренадер и фузлер. 1732—1742 гг.

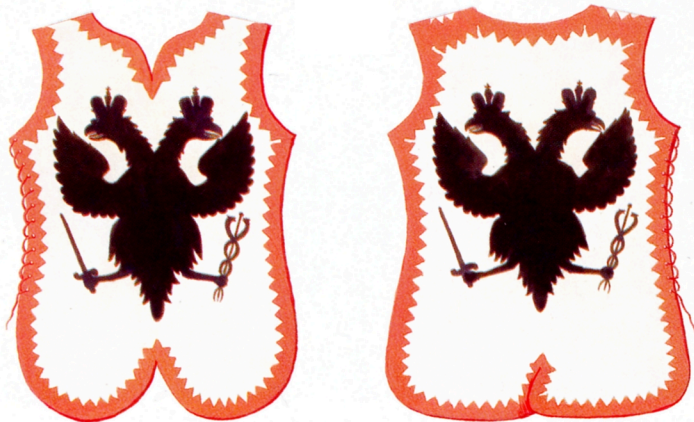
Кадет в конном уборе. 1732—1742 гг.

Фузелерный офицер. 1732–1742 гг.

Гренадерская шапка.
1735—1762 гг.

Кадетский супервест. 1732—1762 гг.

Кадет 1-го возраста. 1767—1796 гг.

Кадеты 2-го и 3-го возрастов. 1767—1786 гг.

Кадеты 4-го возраста в повседневной и 5-го возраста в парадной форме.
1767–1786 гг.

Кадеты 4-го возраста в строевой парадной и 5-го возраста в строевой повседневной форме. 1767–1786 гг.

Офицеры в парадной и повседневной форме. 1767–1786 гг.

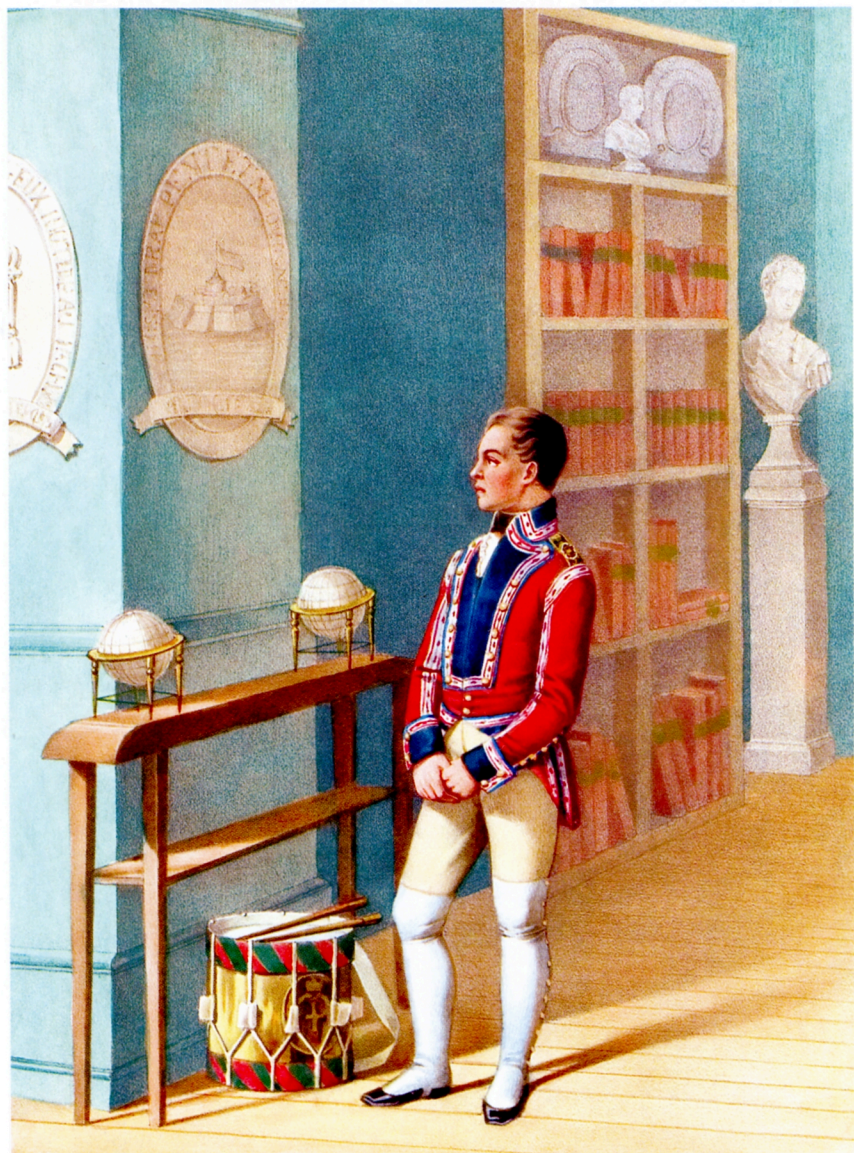
Кадет 4-го и 5-го возрастов в летней форме. 1767–1786 гг.

Кадеты 3-го возраста в егерской форме (1770—1796 гг.)
и в гренадерской форме (1767—1786 гг.)

Офицер и кадет 5-го возраста в парадной форме. 1786–1796 гг.

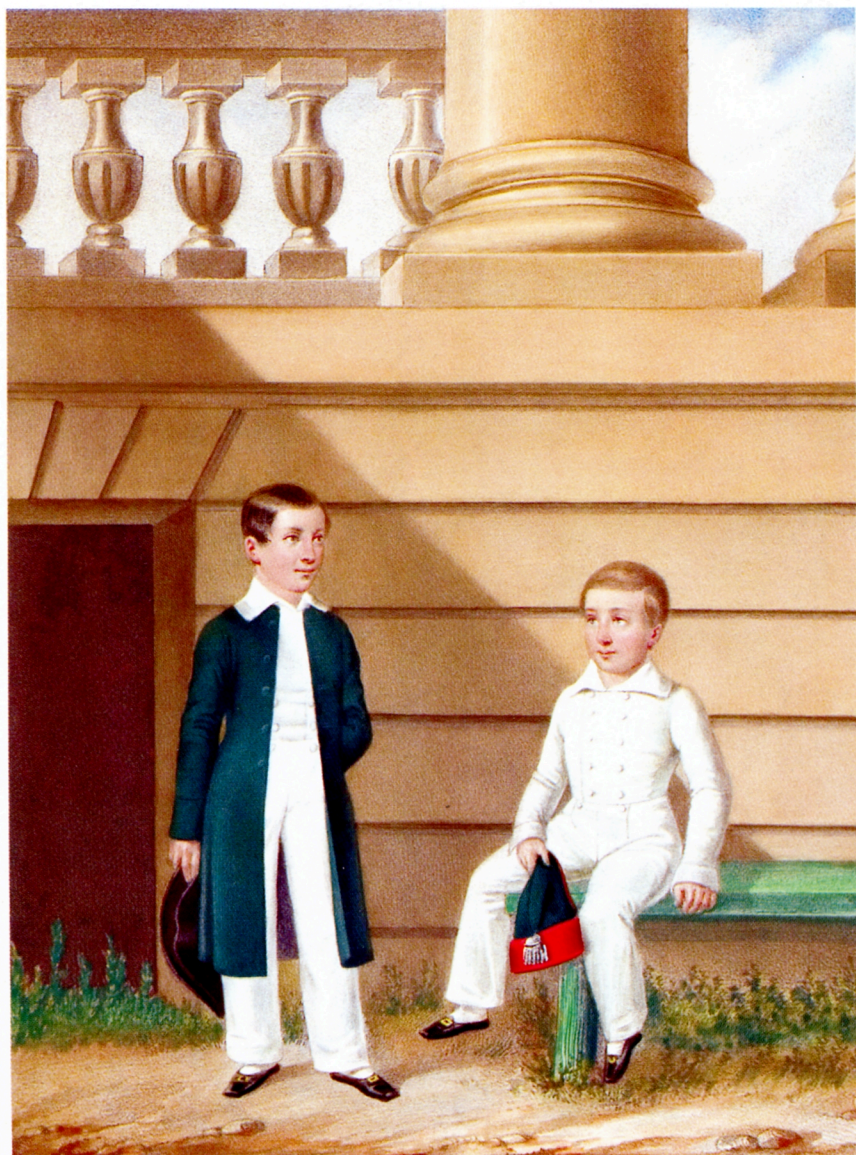
Барабанщик. 1786—1796 гг.

Мушкетер и гренадер. 1797—1799 гг.

Обер-офицер. 1797—1799 гг.

Кадеты малолетнего отделения в летней форме. 1797—1801 гг.

Кадеты малолетнего отделения в зимней форме. 1797—1801 гг.

Мушкетер и гренадер. 1802—1804 гг.

Мушкетерский унтер-офицер. 1802—1804 гг.

Обер-офицеры 1-го и 2-го кадетских корпусов. 1802—1804 гг.

Барabanщик 1-го и флейтщик 2-го кадетских корпусов. 1802—1804 гг.

Кадеты малолетнего отделения. 1802—1813 гг.

Мушкетеры 1-го и 2-го кадетских корпусов. 1802—1804 гг.

Штаб-офицер 1-го и обер-офицер 2-го кадетских корпусов. 1807—1810 гг.

Мушкетер 1-го и гренадер 2-го кадетских корпусов. 1807—1809 гг.

Гренадер. 1808—1810 гг.

Гренадер 1-го и обер-офицер 2-го кадетских корпусов. 1810 г.

Гренадерский унтер-офицер, мушкетер и стрелок. 1811 г.

Гренадеры 1-го кадетского корпуса и Дворянского полка. 1812—1817 гг.

Барabanщик. 1820—1824 гг.

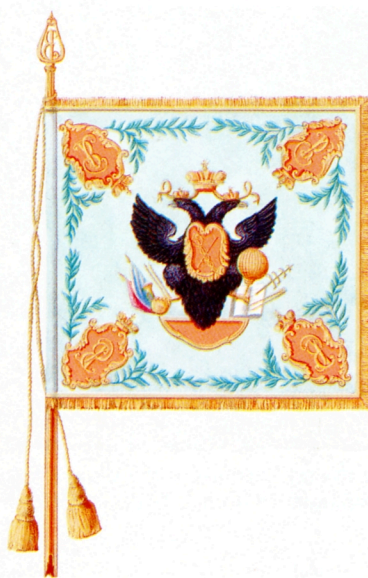
Мушкетер 1-го кадетского корпуса и мушкетерский обер-офицер
Дворянского полка. 1822–1824 гг.

Знамя фузелерных рот.
1732 г.

Штандарт Конной роты. 1732 г.

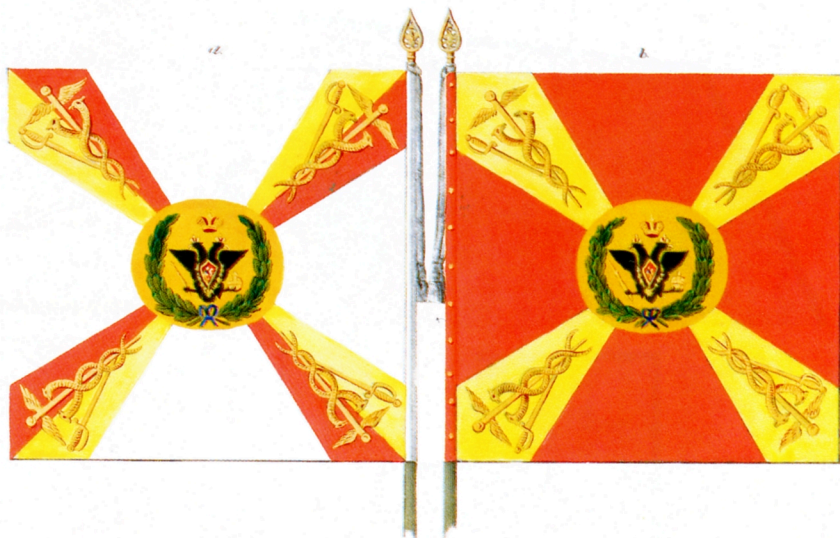
Штандарт. 1760 г.

Знамя. 1760 г.

Знамя, пожалованное в 1785 г.

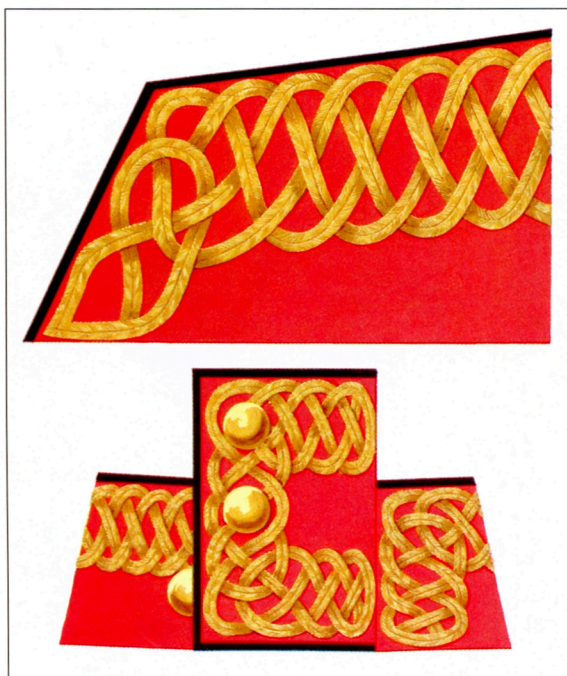

Знамена, пожалованные 2 ноября 1798 г.

Медальные знаки для кадет
5-го возраста (1767—1796 гг.)

Наградные знаки для кадет 3, 2, 1-го
возрастов (1767—1796 гг.)

Офицерское мундирное
шитье 1-го и 2-го
кадетских корпусов,
установленное в 1802 г.

Кадеты: мушкетер
(слева) и гренадер
(справа).
1730-е гг.

Обер-офицер. 1730-е гг.

Кадет-мушкетер в
«конной форме»
(костюм для занятий
верховой ездой и
выездов в конном
строю). 1730-е гг.

Кадет-мушкетер.
1741—1761 гг.

Обер-офицер.
1741—1761 гг.

Обер-офицер.
1761—1762 гг.

Кадет 4-го
или 5-го возраста.
1766—1796 гг.

Кадеты 3-го (слева),
1-го (в центре) и 2-го
(справа) возрастов.
1766—1796 гг.

Кадет-егерь 4, 5 или
6-го возраста (форма на
время лагерного сбора).
1766—1796 гг.

Офицер. 1796 г.
(эпоха Павла
Петровича)

Кадет-знаменщик 6-го
возраста со знаменем
Корпуса. 1766—1796 гг.

Кадет-мушкетер со
знаменем Корпуса.
1796 г. (эпоха Павла
Петровича)

Кадет-мушкетер. 1802 г.

Обер-офицер. 1804 г.

Кадет-мушкетер в
форме для строя. 1804 г.

Кадет-гренадер в форме
для строя. 1813 г.

Кадет-мушкетер
младших рот в форме
для строя. 1817 г.

Кадет-мушкетер в
полной походной
форме для строя. 1828 г.

Кадет-гренадер в парадной форме для строя. 1832 г.

Кадет в повседневной форме. 1832 г.

Обер-офицер
гренадерской роты в
походной форме для
строя. 1832 г.

Обер-офицер
мушкетерских рот
в парадной походной
форме для строя. 1833 г.

Портупей-прапорщик (кадет) мушкетерской роты в походной форме для строя со знаменем Корпуса и кадет-мушкетер в парадной форме для строя. 1833 г.

Штаб-офицер в повседневной форме (слева) и обер-офицер в парадной форме (справа). 1833 г.

Эполет. С 1907 г.

Погон. С 1907 г.

Пуговицы. Начало XX в.

**Данченко Владимир Георгиевич
Калашников Глеб Вадимович**

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Школа русской военной элиты

Ответственный за выпуск *Л.И. Янцева*
Художественный редактор *И.А. Озеров*

Редактор *Е.П. Чебучева*

Верстка *Г.Э. Алексеевой*

Корректоры *Н.В. Пивоварова, М.В. Чебыкина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.08.2007.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0.

Уч.-изд. л. 27,28 + 3 альбома = 30,45.

Тираж 3 000 экз. Заказ №5813

Изд. лиц. ИД № 02456 от 27.07.2000 г.

ООО «Мим-Дельта»

Для писем: Санкт-Петербург,

ул. Фурштатская, д. 19, пом. 35Н

E-MAIL: MIMDEL@MAIL.WPLUS.NET

ЗАО «Центрполиграф»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВЛАДИМИР ДАНЧЕНКО
ГЛЕБ КАЛАШНИКОВ

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

ШКОЛА РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ

Книга посвящена истории учебного заведения, повлиявшего на формирование всей российской военной школы. Патриотизм воспитанников и офицеров-преподавателей, атмосфера 1-го Кадетского корпуса и его геральдика сыграли заметную роль в становлении Санкт-Петербурга как военной столицы.

В отличие от учеников подобных европейских учреждений кадеты получали глубокое, всестороннее образование и по праву стали культурной и военной элитой России.

С этим заведением связаны имена выдающихся личностей: М.И. Голенищев-Кутузов, П.А. Румянцев, А.П. Сумароков, Ф.Г. Волков, Ф.Н. Глинка, М.М. Херасков, В.А. Озеров, К.Ф. Рылеев...

Представленные в книге уникальные иллюстрации, редкие архивные данные, личные свидетельства, интересные факты из быта кадетов и фотографии той эпохи расскажут целостную историю первой в России «рыцарской академии».

ISBN 978-5-9524-3213-0

ЦЕНТРОЛИГРАФ®